

63.3/2Рек-6Лан-2Нич
В 27

Сергей
Великопольский

ЧУДО XX ВЕКА

Листок срока возврата книг

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**
указанного здесь срока

1079

63.3 (2Рос - БХАН - 2Нит)
В-27

Сергей
Великопольский

ЧУДО XX ВЕКА

МУ "Централизованная
библиотечная система"

Инв. № 60137/1-1

Книга воспоминаний

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ю. МАЦДРИКИ

Тюмень, 2001

ББК 63.3
В 27

с-в хем

В 27

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ Сергей Дмитриевич

Чудо XX века: Книга воспоминаний. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2001. — 336 с.: илл. + 24 с.

- © Великопольский С. Д., 2001.
- © Переплеткин Ю. И. (составление), 2001.
- © Муниципальное образование г. Нижневартовск (издание), 2001.
- © Дыба В. В. (дизайн), 2001.
- © Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2001.

ISBN 5-93020-102-1

Из жизни ничего нельзя вычеркнуть...

Дорогие друзья!

Книга, которую вам сейчас предстоит читать, — это не просто рассказ о Нижневартовске и людях, его строивших. Это своеобразный документ, подводящий черту под историей столицы Самотлора в двадцатом столетии.

Каким будет Нижневартовск в двадцать первом веке? Не стоит, пожалуй, загадывать. Но хочется надеяться, что у наших детей и внуков останется светлая память о героях этой книги: Романе Кузоваткине, Георгии Пикмане, Василии Бахилове и многих других. На их долю выпал самый тяжелый период в освоении нефтяных месторождений, укреплении экономики, строительстве города.

Как известно, первая нефть Самотлора пошла в 1965 году, тогда в наши места ехали не только нефтяники, но и строители, транспортники, врачи, учителя. Небольшой поселок кишел, как муравейник. Дороги были разбиты, остро не хватало жилья, не было магазинов, бань. Кто из молодых сейчас вспомнит, что на месте Комсомольского бульвара было топкое болото, а нижневартовские модницы шеголяли в резиновых сапогах?

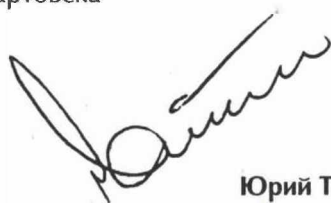
Сегодня Нижневартовск — достаточно благополучный город, особенно в сравнении с некоторыми другими территориями как округа, так и России. Добрые перемены людьми воспринимаются как должное. Человек быстро привыкает к хорошему. И это правильно.

Но чтобы не быть Иванами, не помнящими родства, неплохо бы почаще обращаться к истории родных мест.

Книга Сергея Великопольского — история Самотлора в лицах, в портретах. Это лица не абстрактных героев, а наших земляков, подаривших поколению, живущему в XXI веке, современный город на Оби. Были среди них опытные специалисты и дерзкие романтики. Объединяли их стиль жизни, ритм времени. Они много отдали стране и потомкам, мало взяли себе.

Искренне надеюсь, что каждый, кто прочитает эту книгу, посвященную 30-летию Нижневартовска, откроет для себя имена настоящих патриотов нашего края, полюбит мужественных людей, оценит масштаб свершенного ими.

Глава города Нижневартовска

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Юрий Тимошков', written in a cursive style.

Юрий Тимошков

**30-летию г. Нижневартовска
посвящаю
*Автор***

В сказочном краю

70 лет исполнилось Нижневартовскому району. 70 лет! Много это или мало? Думаю, что мало, ибо это время одного поколения. И в то же время много, если рассматривать с позиции совершенного.

По переписи 1927 года в районе, расположенном в бассейне реки Вах и его притоков, было 40 поселений, свыше 300 мелких хозяйств, проживало около полутора тысяч человек, более половины — ханты и манси.

Малые народы Севера вели размеренный образ жизни, подчиняясь неписаным законам природы. И хотя реформы советской власти коснулись и национальных окраин, большая часть населения осталась верной традициям своих предков.

Район был сплошь безграмотным, с убогим бытом, без дорог, постоянной связи, электричества. Теперь жизнь этого края достойна стихов и песен. И в основе всех преобразований — человек. Думаю, что многие ветераны своими воспоминаниями смогли бы значительно шире раскрыть историю этого края, сделать ее более яркой, зримой и осязаемой.

Не могу не поделиться своими воспоминаниями. Мне очень повезло, так как я был, по сути, у истоков того удивительного и неповторимого времени, которое называлось освоением Севера. Всего за двадцать с небольшим лет один из крупнейших по территории районов превратился в высокоразвитый промышленный регион с надежной сетью дорог, авиационным, железнодорожным, речным и автомобильным транспортом, телефонной связью, телевидением, электричеством. Но главным считаю — возрождение национальных поселков, строительство в них благоустроенного жилья, школ, детских садов, больниц, поликлиник, магазинов. Обустроены родовые угодья и переданы в наследственное владение семьям аборигенов. Благодаря этому изменился образ жизни более двух тысяч представителей коренной национальности. Такие разительные перемены дают основание называть период освоения подвигом XX века.

Мы были влюблены в этот край, верили в наше дело, чувствовали личную причастность к происходящим переменам, росли и мужали вместе со становлением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Вот почему северянином становятся однажды и на всю оставшуюся жизнь. Вот почему из всех имеющихся наград я особенно горжусь медалью «За освоение и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Летят годы, меняется жизнь, но память остается. Разве можно забыть, когда, возвращаясь с Самоглора в Нижневартовск, председатель Госплана, известный нефтяник, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Н.К. Байбаков, подъезжая к переезду железной дороги Тюмень—Сургут—Нижневартовск, попросил меня остановить автобус, в котором находилось более десятка руководителей округа, области и страны.

Мы остановились. Я вышел вместе с Байбаковым, остальные остались в автобусе. Подойдя к железнодорожному полотну, Николай Константинович снял каракулевую папаху и низко поклонился, постоял молча, потом сказал мне: «Эта дорога к большой нефти — память о судьбах десятков и сотен тысяч людей. О тех, кто создавал в рекордно короткие сроки главную энергетическую базу страны, основу экономики России. Это память о тех, кто ушел в вечность, оставив потомкам города, дороги, нефтепромыслы». Вот так, несколько необычно Н.К. Байбаков отдал дань нашему поколению, с которым жил и работал.

К сожалению, события тех лет многие до сих пор не смогли осмыслить, понять их масштабность и значение для современного и будущих поколений. Видимо, должны пройти еще годы и годы, пока удастся до конца определить их истинную ценность.

Но перевернем страницу времени и вернемся на тридцать лет назад, в период выбора моего жизненного пути. Итак... в кабинете первого секретаря обкома партии Б.Е. Шербины я узнал о предстоящей работе в Нижневартовском районе. Он сказал: «...Район необычный, от него будет зависеть судьба страны на долгие годы, там — основная добыча нефти. Район будут осваивать молодые, там твое место, а начнешь работу с должности секретаря райкома партии по идеологии... — Сделав паузу, Борис Евдокимович добавил: — Слышал о Самоглоре? Это и есть место твоей работы!».

Позже я часто буду вспоминать эти слова доброго напутствия. Как я буду гордиться тем, что стал участником небывалого по размаху и масштабам сражения за перемены в этом удивительном, богатом природными ресурсами крае!

* * *

Стоял холодный декабрь 1969 года. Я прилетел в Нижневартовск. Руководители района — первый секретарь райкома М.П. Страхов, председатель райисполкома Н. Я. Устьянцев — встретили радушно, но настороженно, так как, зная мою биографию и небольшой послужной список, наверняка подумывали: «Парень городской, не приживется, сбежит...».

Откровенно говоря, я сам постоянно задавал себе вопрос: смогу ли? Людей не знаю, специфика предстоящей работы резко отличается от прежней. Волновали отдаленность, неустроенность быта, а главное — новое, «нефтяное» дело.

Я был рад, когда, знакомясь с работниками аппарата райкома, в списках увидел фамилию В.Д. Салмина, которого хорошо знал по комсомолу: он когда-то возглавлял ханты-мансийскую окружную комсомолию, а здесь работал заведующим отделом пропаганды и агитации. Салмина на месте не оказалось, был на зимней сессии, так как учился заочно в Омском пединституте. Со временем в Нижневартовске я обрел настоящих и надежных друзей, единомышленников, родных по духу, с которыми дружил и буду дружить долгие годы.

Тюмень 30 лет назад была городом компактным, удобным для работы. В нем я вырос, жил и работал. А теперь передо мной лежала карта района, простирающегося на сотни километров, имеющего свою специфику, проблемы, трудности. Волновало, что теперь я в ответе перед населением за производство и торговлю, образование и медицину, культуру и быт...

Начал с поиска людей, которые хорошо знают район и давно работают, рассчитывая на их знания, опыт, поддержку. Первым моим наставником стал бывший председатель райисполкома В.Ф. Артюхин, с которым до последних лет его жизни поддерживал деловые и товарищеские связи. Это был удивительно добрый, порядочный человек, фронтовик, хорошо знающий людей. Он видел мою растерянность и охотно согласился помочь.

Запомнил его слова: «Сергей, добыть нефть и построить город Нижневартовск смогут и без тебя, а вот наладить нормальную жизнь людей, особенно местных ханты и манси, помочь им в улучшении быта, снабжении всем необходимым для рыболовства, охоты, учебы их детей, медицинского обслуживания и культуры без твоего активного участия никто другой не сможет». Артюхин часто заходил ко мне на работу и в гостиницу, где я остановился, интересовался, что получается, а что не удается сделать, стараясь вместе со мной выяснить причины этого и определить, что необходимо предпринять в каждом конкретном случае. Я ему очень благодарен.

Изучил бюджет района. Он, конечно, был ничтожно мал по сравнению со средствами, которые выделялись нефтяникам. Я понимал, что для улучшения дел на селе экономическая база есть, так как нефтяники располагают большими материальными и финансовыми ресурсами. Но как найти к ним подход, чтобы привлечь к нуждам района? Мучило меня и то, что нефтяники под благовидным предлогом могли списать и оставить в болотах разукomплектованную строительную технику, автомашины, неиспользованные трубы и оборудование. А ведь это могло бы пригодиться на селе! Но не смей взять — не твое... Значит, следовало искать руководителей, которые бы понимали не только свои прямые обязанности, но и задачи района.

Одновременно налаживал контакты с работниками райисполкома: председателем Н.Я. Устьянцевым и его заместителем С.Н. Кожевниковым; руководителями отделов Чекмаревым, Лотаревым, Лопатиным, Кауртаевым, Пузатовым и другими. Обратил внимание на такую деталь: каждый работал по своему конкретному направлению, не было связки между ними, не просматривался комплексный подход к решению проблем района. Винить их в этом тоже было нельзя: райисполком был один и он должен был оперативно решать задачи геологов, нефтяников, строителей, связанных с разведкой и освоением нефтяных месторождений района, строительством производственной и социальной инфраструктуры городов Нижневартовска и Мегиона, рабочих и вахтовых поселков. Дела района как бы отодвигались на второй план, тем более что за нефтяные дела спрос был особый и каждодневный.

Постепенно контуры проблем становились все более отчетливыми. Оставался вопрос: с чего начать? Решено было хотя бы на бумаге сформулировать, обобщить в одно целое проблемы района на год и на перспективу. Потребовалось значительное время, чтобы сделать такую программу.

Она состояла из четырех крупных блоков: хозяйственно-экономического, строительства и благоустройства, здравоохранения и образования, культуры и быта. Каждый блок разбивался на конкретные мероприятия, предусматривались источники финансирования, сроки, ответственные за выполнение. «Труд» получился солидный, но беда в том, что подкрепить программу надежным финансированием и материальным обеспечением у нас не получалось. Тогда решили привлечь трудовые коллективы Нижневартовска и Мегиона. За каждым населенным пунктом закрепили шефов. Совместным решением райкома партии, райисполкома и райкома профсоюза утвердили эту программу. Рекомендовали руководителям закрепить одного из своих заместителей ответственным за ее выполнение. Шефская работа входила составной частью в коллективные договоры, а итоги подводились ежегодно на празднике рыбаков и охотников. Причем их проведение чередовали в разных национальных поселках. До этого шефская работа проводилась старейшими коллективами — Мегионской нефтеразведочной экспедицией, трестом «Мегионгазстрой», строительным управлением № 909, нефтедобывающим управлением «Мегионнефть», управлением буровых работ № 1, но ей не доставало системности.

Поначалу не все руководители отнеслись к идее однозначно. Многие считали, что они призваны лишь добывать нефть, бурить скважины, строить и обслуживать нефтяников. Их можно было понять, ведь над каждым имелись вышестоящие начальники: главков, объединений, трестов, министерств, которые жестко контролировали выполнение прямых задач. Потребовались время, воля, настойчивость, решительность, чтобы поломать эту психологию, выдержка для разъяснений и убеждений, кое-кого приходилось и принуждать. Почти два года понадобилось для того, чтобы «сдвинуть» программу, и она «заработала».

Район должен помнить руководителей: В.А. Абазарова, Г.И. Пикмана, Ю.Г. Шереметьева, Р.И. Кузоваткина, П.И. Дорохова,

Я.М. Малинского, Е.А. Луценко, И.Г. Волкова, Е.И. Куропаткина, Р.И. Марченко, Б.А. Зарицкого, А.И. Воривошкина, Ю.С. Ерошенко, В.И. Хлюпина, А.К. Бабларьяна, М.К. Михайлова, В.В. Зайченко, благодаря которым удалось многое сделать в развитии национальных поселков, улучшить жизнь и быт ханты и манси. Нельзя забывать и замечательных председателей гор- и райисполкома: Н.И. Михальченко, В.Ф. Артюхина, Н.Я. Устьянцева, Н.В. Фоменко, Н.А. Салихова, Н.А. Москаленко, В.Д. Салмина, А.И. Пустовалова, В.С. Сондыкова и глав администраций района и города Б.С. Хохрякова и Ю.И. Тимошкова, которые честно выполняли и выполняют свой долг как избранные народом.

Решать проблемы района было бы сложнее без помощи и поддержки обкома. Я признателен Г.П. Богомякову, более 18 лет возглавлявшему областную парторганизацию. У Геннадия Павловича было правило: после очередного пленума, актива или совещания приглашать первых секретарей райкомов, горкомов на откровенный разговор. Я был самый молодой, и на этих встречах у меня больше всех возникало вопросов к «первому». В итоге мне больше всех и доставалось.

Надо признать, что для меня и многих других партийных работников Г.П. Богомяков был подлинным авторитетом. Горжусь тем, что имел возможность работать под его руководством, сохраняю добрые отношения с ним по сей день.

Вспоминаю весну 1970 года. Раздался телефонный звонок из окружкома партии: звонил мой шеф по идеологии Л.Г. Тайлашев. Разговор он начал круто: почему я, проработав четыре месяца, ни разу не позвонил и не приехал в окружком. Я ему ответил в том же тоне, резко. Он отреагировал незамедлительно: «Жду завтра вас в Ханты-Мансийске», — и положил трубку.

Я зашел к М.П. Страхову, рассказал о состоявшемся разговоре. Он посоветовал выехать и сказал: «Жди трудного разговора. Тайлашев — человек настроения, с ним надо быть аккуратным. Будь готов ко всему...».

Речной «Ракетой» до Ханты-Мансийска — одиннадцать часов. Очень хотелось посмотреть приобские просторы, пристани Мегиона, Сургута, Нефтеюганска. Река в то время была основной рабочей артерией, по которой шли караваны судов: теплоходы, танкеры, баржи, сухогрузы, а на них — стройматериалы, оборудование, техника, продовольствие...

Красоту берегов Оби невозможно описать. Радовался, что я один из тысяч и тысяч людей разных национальностей и народностей, причастных к освоению этого удивительного края.

Вот и причал Ханты-Мансийска. Меня ждала машина, и я сразу отправился на встречу. Рабочий день закончился. Окружном партии находился в трехэтажном деревянном доме. Зашел к Тайлашеву. Это была наша первая встреча. Беседа затянулась до полуночи. Рассказал ему о себе, он в свою очередь о себе. Из этой встречи я понял, что Л.Г. Тайлашев любит свой край, хорошо осведомлен о делах в нашем районе, в том числе о работе с коренным населением. Оказалось, что ему часто пишут письма непосредственно с мест. Я узнал о том, что он родился в Старом Охтеурье, учился в Ларьяке, а родители живут в Нижневартовске. Он старался обратить мое внимание на сложные проблемы района, требовал повседневной работы с коренным населением — ханты и манси. Расстались мы друзьями. Проводил до гостиницы. Утром мне предстоял обратный путь в Нижневартовск.

Разработанный нами комплексный план развития района Тайлашев контролировал лично. Он умел спросить по-настоящему, помочь и поддержать в нужный момент. Меня подкупали его преданность и любовь к родному краю, где он вырос, а ханты и манси, зная об этом, очень уважали его.

* * *

По совету Леонида Георгиевича отправился в обстоятельную поездку по национальным поселкам, чтобы на месте познакомиться с жизнью и бытом коренных жителей. Начал с Ларьяка — бывшего райцентра. До этого много был слышан о К.Д. Будаковой, директоре Ларьякского торгового предприятия. О ней складывались легенды. Все знали, что именно она руководит делами в поселке несмотря на то, что ее муж Кузьма Иванович был директором Нижневартовского коопзверопромхоза.

Встретились в Ларьяке. Я увидел, что Клавдия Дмитриевна действительно лидер, пользуется у жителей Ларьяка большим авторитетом, ханты и манси ее очень уважали, ибо она знала, как живет каждая семья, в чем нуждается. Женщины благодарны были за то, что она вела непримиримую борьбу с пьянством

в тех семьях, где мужья увлекались водкой. Она сама и ее подчиненные — продавцы — заставляли мужиков вместо водки покупать что-то из одежды для детей, снаряжение для рыбалки и охоты. На складах у Будаковой было все необходимое для жизни промысловиков.

Знакомясь с работой ее предприятий в Ларьяке, национальных поселках Совновый Бор, Чехломей, Пуг-Юг, Корлики, я убедился, что они находятся в хорошем состоянии, укомплектованы кадрами, отвечают санитарным нормам. Имелись добротные помещения для хранения продуктов, картофеля и овощей. Магазины, столовые, пекарни содержались в порядке. На местных отходах по ее инициативе был организован свинооткорм, что полностью обеспечивало потребность в мясе. В магазинах К.Д. Будаковой всегда имелись в продаже рыба, брусника, клюква, орехи, приготовленные в местных условиях варенье из черники, соленые грибы. А какие у Будаковой были книжные магазины!

В то же время Клавдия Дмитриевна была красивой женщиной, нежной женой, матерью и бабушкой. Умела встретить и угостить друзей. Думаю, что в современных рыночных условиях она была бы отличным коммерсантом и предпринимателем.

Муж ее, Кузьма Иванович, как уже говорилось, занимал должность директора коопзверопромхоза. Для жизни коренного населения его предприятие имело особую значимость. От него зависела производственная жизнь. Он, пожалуй, единственный обеспечивал население рабочими местами, необходимым оборудованием, снаряжением для охоты и рыбалки, способствовал развитию оленеводства и звероводства. Надо бы сначала с ним познаться, а вышло наоборот. Но вот и встреча с Кузьмой Ивановичем в Совете. Входит высокий, худошавый с бледным лицом мужик, одет просто, но его амуниция: большая шуба, тяжелые теплые сапоги, шапка — все говорит о волевом, мужественном человеке.

Он постоянно пропадал в глубинке, на промыслах. Прекрасно зная дело, он не всегда был требовательным к подчиненным, иногда бывал непоследовательным. Это, пожалуй, их разнило с женой в подходах к делу. В районе не раз возникал вопрос о его замене, но заменить было некем, и эти обстоятельства заставляли нас искать контакты с нефтяниками в решении вопросов коллектива коопзверопромхоза. Я думаю, нам удалось при-

влекч Кузьму Ивановича к более активной работе: он до ухода на пенсию возглавлял свой коллектив.

В Ларьяке я встретил старожила: умного, авторитетного Э.Н. Звезду. Я слышал о «Звездах Ларьяка» — большое семейство: три брата под этой фамилией, и каждый из них — индивидуальность. А в целом они составляли ядро сельской интеллигенции.

Эрнест Николаевич отличался от братьев эрудицией, неординарным мышлением, особой любовью к своему краю. Сельский учитель, директор национальной средней школы-интерната. При встрече со мной подчеркивал, что необходимо изменить жизнь национальных поселков, интенсивнее развивать сельское и лесное хозяйство, транспорт, традиционные промыслы, охотничьи хозяйства, сферу обслуживания. Звезда утверждал, что район, располагая огромными пространствами с многочисленными лугами, реками и озерами, буквально изобилует рыбой, ягодой, грибами, орехами, птицей, а сочные заливные луга дают возможность развивать животноводство.

Наша встреча была продолжительной, так как мне хотелось поглубже вникнуть в суть поднимаемых проблем, а он доказывал, что пойма реки Вах с ее притоками, покрытая густыми травами, могла дать не одну тысячу тонн сена. В поселке Чехломей есть смысл организовать совхоз мясо-молочного направления. Река Пасол изобилует рыбой: щука, язь, карась, окунь, ерш, чебак. При наличии в Чехломее и Большом Ларьяке примитивного ледника можно бесперебойно снабжать нефтяников свежей рыбой, организовать ее переработку и тем самым решить проблему занятости местного населения.

После Ларьяка, проезжая по деревням, расположенным вдоль Ваха, я поразился, в каком запущенном состоянии они находятся, особенно Пуг-Юг, Лапчинск, Усть-Колек-Еган. Бывшие селения Былино, Комсомolec, Сабун, Охтеурье полностью или частично обезлюдели. Брошенные дома печально смотрели черными оконными проемами, жители разъехались. Видя эту убогую картину наряду с прекрасной природой, невольно вспомнил рассказ Э.Н. Звезды: «Были времена, когда коренные жители плотно заселяли долину реки Вах и под радостные крики детворы улицы сел, особенно Ларьяка, наводнялись оленьими упряжками. Ханты в деревнях занимались огородничеством, некоторые имели коров».

Мне, не знавшему местных обычаев, трудно было представить, что с весны до глубокой осени люди покидают свои дома, выезжая на места лова рыбы и охоты. Ставят чумы и промышляют. Места закреплены за хантыйскими семьями, передаются по наследству, от старейшего к младшему. Поэтому следовало создавать своеобразные фактории, чтобы на месте принимать пушнину, рыбу, дичь, ягоды, грибы, орехи, так как из-за отсутствия приемных пунктов большая часть этих деликатесов пропадает.

Старожил района ханты А. И. Исыпов советовал мне, чтобы я обязательно побывал в небольшом поселке Сосновый Бор и встретился с семьей Гришаевых. Что я и сделал. По пути к поселку Будаков хорошо отзывался о руководителе производственного участка коопзверопромхоза Владимире Елпитефоровиче Гришаеве и его жене Елене Васильевне, продавце и председателе женсовета.

Гришаевы приехали сюда в 50-е годы, когда поселка еще не было, а население было разбросано по речке Сабун. Ханты жили в юртах и чумах. Гришаевым первым пришлось принять активное участие в социальных преобразованиях среди малых народов Севера, в переводе на оседлость коренных жителей, строительстве для них домов, в организации землеустройства и борьбе со старыми привычками.

По заготовке пушнины и дикоросов Сосновому Бору не было равных. Благодаря заботе Гришаевых охотники имели все: продукты, снаряжение.

В беседе с Гришаевыми я много узнал о том, о чем не прочитаешь в книгах. Они — живая история своеобразного покорения Сибири, они для ханты и манси — близкие, родные. Чем только не занимался Гришаев! Заготавливал пушнину, зимой на оленях мотался по тайге, объезжая юрты, принимая шкурки и рыбу. Был и снабженцем: привозил промысловикам продукты, товары, снаряжение, создал и возглавил производственный участок.

Жена в отсутствие учителей и медиков в поселке учила и лечила детей, организовала торговлю, старалась обеспечить каждую семью одеждой, помогала наладить здоровый быт и культуру. Здесь родилось у них четыре сына.

С приходом нефтяников, по словам Гришаева, началась вторая жизнь. Управление буровых работ № 1, взявшее шефство над Сосновым Бором, сделало поселок одним из лучших в районе и округе. Хорошую память о себе оставили здесь начальник

УБР-1 Валентин Иванович Хлюпин и три его бессменных по-мошника: Михаил Трофимович Парфенюк, секретарь партко-ма, Михаил Герасимович Атаян, председатель профкома, и Иван Яковлевич Абраменко, организатор шефской работы, инженер-строитель.

Увиденное и услышанное взволновало. Я острее стал пони-мать, что проблемы района не менее значимы, чем проблемы Нижневартовска и Мегиона, и решать их надо комплексно.

* * *

Вернувшись в Нижневартовск, я еще долго размышлял над созданием механизма активного участия предприятий в конк-ретных шефских делах по возрождению национальных поселе-ков. Тем более приближалась важная дата — 40-летняя годов-шина Ханты-Мансийского национального округа. Решили возоб-новить забытые мероприятия: агитрейсы, слеты охотников и ры-баков, медицинские и культурные декады. Совместным реше-нием райкома партии и райисполкома определили шефов, кон-кретно по годам расписали объекты строительства и ремонта школ-интернатов, клубов, библиотек, магазинов, пекарен, со-оружение ЛЭП, вертолетных площадок и площадок для самолетов Ан-2. Продумали систему обеспечения рыбаков и охотников не-обходимым оборудованием, снастями, лодками, моторами, спец-одеждой. Хозяйственникам приходилось это делать, скрывая расходы от «больших начальников» и рискуя порой должност-ью. Прикрытием их был лишь райком партии.

Усложнились трудности в работе на районном уровне. Дело в том, что с принятием постановления о статусе города Нижне-вартовска вместо райисполкома стал горисполком, тем самым районное звено упразднилось. Данное решение принималось без учета нашего мнения, а окружное и областное руководство не смогло доказать Москве его необоснованность. Горкому партии пришлось взять функции районной исполнительной вла-сти на себя. Это продолжалось три года, пока не была ликви-дирована допущенная ошибка.

12 апреля 1975 года на первой организационной сессии вновь образованного Нижневартовского райисполкома была сфор-мирована команда В.Д. Салмина, ставшего председателем. Заме-

стителем утвердили А.П. Кауртаева, секретарем исполкома С.Ф. Шехирева, председателем райплана А. Ф. Пальянова, начальником финотдела Е. Д. Куликову, зав. районо В.К. Пашкова и зав. отделом культуры А.М. Марласова.

Владимир Дмитриевич и его соратники приступили к реализации намеченной программы и многое сделали для ее практического воплощения в жизнь.

Быстрый рост экономики и приток населения требовали от нас значительных усилий в расширении сети школьного образования, медицинского обслуживания, комплектования их кадрами. Если в Нижневартовске и Мегионе велось плановое строительство современных школ, больниц, детских молочных кухонь, то в районе эта проблема с каждым годом обострялась.

Райисполком принял решение о чрезвычайных мерах по наведению порядка, организации санитарной очистки поселков, ремонту объектов здравоохранения. Для этого были привлечены строительные силы управления буровых работ для бурения водяных скважин и их обустройства. Управление рабочего снабжения организовало доставку продовольствия и оборудования. Этот период был очень тяжелым как для горожан, так и для селян.

С теплотой вспоминаю людей в белых халатах, которые многое сделали для охраны здоровья населения района. Это главные врачи и специалисты: П.Д. Маханюк, В.Т. Пузатов, П.Т. Московкин, Е.Д. Книсс, Н.Я. Цыбизова, А.Ф. Ярков, В.И. Овсянкина, С.Д. Орлова, А.А. Кравченко, В.К. Макарова, М.В. Якшин, М.Д. Сергеев. Не забыть беседы с Н.П. Гореловой, заведующей Охтеурским фельдшерско-акушерским пунктом, М.Н. Кочкиным, заведующим Вампугольским фельдшерско-акушерским пунктом, А.Г. Русаковой, заведующей Корликовской больницей, Н.Н. Сотниковым, главврачом Ларьякской больницы. Они все сделали для развития здравоохранения района. И это не должно быть забыто.

Особый слой сельской интеллигенции — учительство. Знакомясь с работой школ и школ-интернатов, видел недостатки и упущения. Но радовало прежде всего то, что при нехватке пособий и учебников, при отсутствии необходимых условий для учебного процесса сельские учителя преданно относились к своему долгу, заботились о детях ханты и манси. Многие русские учителя, приехавшие в район, несмотря на то, что плохо знали

Север, национальные особенности и быт коренного населения, стали долгожителями в этих поселках, некоторые остались здесь навсегда. Я видел нелегкий труд учителя в школе-интернате. Кроме учебной работы они обязаны были заниматься множеством других вопросов: здоровьем ребят, обеспечением одеждой, обувью, созданием условий для отдыха и развлечения детей, организацией питания.

Не могу забыть прекрасных учителей, которые творчески подходили к своим обязанностям, умели учить и воспитывать детей. Это В.М. Винокурова, А.Д. Петров, А.П. Сушая, Б.Н. Смолен, Н.С. Бнятова, Л.П. Самарина, Т. И. Смирнова, Т.С. Токарева и другие. Низкий им поклон за щедрость души.

По инициативе старожилов Ларьяка решили возродить традицию 30—40-х годов, когда каждую навигацию из Ларьяка по Вашу шла «красная культлодка», привозившая лекторов и участников художественной самодеятельности. Они выступали перед рыбаками и населением северных поселков с лекциями и концертами.

Совместным решением райкома и райисполкома организовали агиткультпоход по национальным поселкам. Инициаторами были В.Д. Салмин, А.И. Исыпов, В.Т. Пузатов, А.П. Кауртаев, В.С. Корчемкин, В.И. Симонова, В.К. Тимофеев. Экспедицию называли «Красный агитрейс». Он проходил на теплоходе через Больше-Тархово, Усть-Колек-Еган, Лапчинское, Ваховск, Охтеуртье, Пуг-Юг и Ларьяк, а затем продолжался на вертолете по поселкам Чехломей, Большой Ларьяк, Корлики и Сосновый Бор.

На теплоходе жителей обслуживали врачи, закройщик мужской и женской одежды, парикмахер и фотограф. Здесь же проводили консультации. В клубах поселков агитбригада стройуправления № 909 устраивала концерты, показывали кинофильмы «Разбуженный Самотлор» и «Сокровища Самотлора», читали лекции, продавали книги, проводили выставки.

По мере продвижения экспедиции на страницах газеты «Красное знамя» публиковали материалы, шли передачи по местному телевидению. По острым сигналам принимались оперативные меры. Такие агитрейсы стали ежегодными — весной на теплоходе, а зимой на Ан-2.

Нам удалось оживить работу женсоветов, обратив их внимание на решение конкретных проблем семьи, детей, пенсио-

неров. Более разнообразной и целенаправленной стала работа женсоветов в просветительной и культурной жизни среди местного населения. Они активно боролись с пьянством, хулиганством, заботились о досуге и создавали уют для детей, проживающих в школах-интернатах.

Для местного населения стали организовывать встречи с руководителями района, с шефами, коллективами художественной самодеятельности, артистами, писателями, поэтами, которых приглашали в Нижневартовск на декады «Литература и искусство», на фестиваль «Самотлорские ночи».

Особенно ждали жители национальных поселков ежегодный праздник рыбаков и охотников. Я не пропускал ни одного и хотел бы кратко воспроизвести такой праздник в Корликах.

Итак, завтра праздник... Беседуем в сельсовете с председателем В.П. Хохлянкиным. Он небольшого роста, крепкого телосложения, вырос в этих краях, здесь ему знаком каждый лог, каждая извилина речки. Он соблюдает свойственную ханты неторопливость и медлительность в разговоре. Мы с В.Д. Салминым определяем порядок предстоящего праздника.

Все охотники с семьями уже здесь, они приехали из дальних поселков и стойбищ. Хозяин предлагает, как лучше провести праздник. Говорит о достижениях односельчан, о том, что сезон был удачный — много сдали государству пушнины, в промысле участвовали 180 охотников, называет известные фамилии промысловиков: Каминых, Сигильетовых, Прасиных, Цыгановых.

Входят И.А. Абзалов, заместитель начальника НГДУ «Мегионнефть», и Э.Д. Бушмакин, секретарь парткома. Они — основные шефы Корликов. Хохлянкин с улыбкой по очереди обнимает вошедших. Он доволен: НГДУ выполнило намеченную программу строительства в поселке красного чума, школы-интерната, дома для медиков и учителей, электростанции, здания Совета и связи.

В поселке давно не было столько оленьих упряжек. Слышны звон колокольчиков, крики участников гонок. Приехали гости из всех национальных поселков.

Построенный шефами деревянный клуб по просьбе сельчан назван красным чумом. К нему и спешили охотники, рыбаки, звероводы в одиночку и с семьями, шли гости, селяне, шефы. Просторное помещение переполнено. Открыл праздник В.П.

Хохлянкин, с отчетом выступил В.Д. Салмин. О делах, о своих достижениях рассказали главный охотовед А.А. Колосков, охотники Н.Д. Каткалев, З.Е. Камин, А.Р. Цыганов, звероводы Мария и Галина Прасины, шефы и гости. Особо отличившимся вручили почетные грамоты и от имени шефов ценные подарки: ружья, лодки, моторы, снасти, спальные мешки, теплую одежду, ковры, часы, радиоприемники... В заключение объявили, что следующий праздник пройдет в Охтеурье.

Затем начались спортивные состязания на взлетно-посадочном поле местного аэропорта.

Быстро летят на дистанции олени упряжки. Спортсмены ловко бросают сплетенный из тонких оленьих жил аркан (тынзян), крепко обвивая олени рога. У стендов собрались любители спортивной стрельбы, другие ведут спор среди бегунов в мешках, на перетягивании каната, в прыжках через десяток нарт. Сменяя друг друга, желающие пытаются взобраться на 30-метровый столб, увенчанный подарком.

Смех, шутки, игры, танцы, песни не смолкали до заката. Вот таким был праздник в Корликах. Как не вспомнить подобное событие!

* * *

...На этой прекрасной земле, на территории Нижневартовского района и отыскали геологи сказочно богатый Самотлор, а также россыпь других месторождений, освоение которых стало событием века, школой мужества и местом подвига многих и многих людей.

О некоторых из них я и хочу рассказать.

Личность!

Соглашусь с теми, кто считает, что эпоха исторических переломов рождает людей, которые как бы воплощают в себе душу переживаемого момента. Таким человеком, такой незаурядной личностью был и остается в нашей памяти Борис Евдокимович Щербина.

Да, он личность первой величины, принадлежавший своему времени, своей эпохе, которая вывела этого паренька из простой рабочей семьи железнодорожника на широкую дорогу жизни, поставила в центр событий, которые бурно развивались в 60-х, 70-х, 80-х годах на тюменской земле.

Мне приходилось много раз встречаться с Борисом Евдокимовичем, находясь на комсомольской, партийной и хозяйственной работе. Именно он дал мне путевку в жизнь, жизнь трудную, но интересную. Я горжусь своим учителем и наставником.

Впервые увидел Бориса Евдокимовича на объединенной областной комсомольской конференции. Почти два года неудавшегося «эксперимента» Н.С. Хрущева, поделившего местные партийные органы на промышленные и сельские организации, были позади. Теперь они вновь объединились.

Я был делегатом от Тюменской городской комсомольской организации, одной из самых крупных. Отслужив положенный срок в Советской Армии, в 1962 году вернулся в родной город и начал работать на судостроительном заводе, а через год меня избрали секретарем комитета комсомола.

Это был период изысканий, когда геологоразведчики, нефтегазодобытчики, строители твердо заявили: есть подземный и газовый океан в Западной Сибири! Полным ходом шло освоение нефтяных и газовых месторождений Тюменского Севера.

Судостроители приступили к выполнению важного правительственного задания — на базе освоенных барж по перевозке леса нужно было в сжатые сроки изготовить 50 барж для перевозки нефти Шаимского и Мегионского месторождений для пос-

ледующей переработки на Омском нефтеперерабатывающем заводе.

Среди членов партийного актива, хозяйственников, общественников было много разговоров и слухов о молодом первом секретаре обкома партии Б.Е. Шербине. Рассказывали, что с первых же дней его появления в обкоме посыпались письма, тюменцы стремились попасть к нему на личную встречу, приглашали в свои коллективы. Люди обращались со своими просьбами, жалобами и, конечно, с предложениями об улучшении работы обкома, местных партийных и советских органов. И Борис Евдокимович, узнавая эти проблемы, был готов к их решению.

Этот разговор с народом был не случайным, так как его предшественник В.Ф. Косов за комчванство, леность и неумение руководить организацией был снят с должности на заседании Политбюро ЦК. С целью укрепления областной партийной организации опытными кадрами Центральный Комитет направляет первым секретарем обкома Б.Е. Шербину, вторым — А.К. Протозанова. Первого с должности второго секретаря Иркутского обкома партии, второго — из аппарата ЦК КПСС.

Горячие разговоры шли среди комсомольских работников и в перерывах этой конференции, когда увидели Бориса Евдокимовича среди молодежи, ибо тот же Косов таким вниманием не баловал резерв партии.

* * *

Борис Евдокимович выглядел молодым и крепким мужчиной с красивым мужественным лицом, открытым высоким лбом, черными глазами. Был стройным, подтянутым, с твердой походкой, спокойным в суждениях, уверенным, очень обаятельным. Особенно поражала его улыбка, подчас неявная, скрытая, но именно она располагала к нему.

В 32 года он был избран секретарем Иркутского обкома партии. Это был прецедент. А в 42 стал первым секретарем Тюменского обкома. Именно здесь он станет известным политиком, отсюда уйдет на высокий государственный пост — сначала министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, через год заместителем председателя Со-

вета Министров СССР, председателем бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу.

Нас, комсомольских работников, радовало вдвойне, что до партийной работы он прошел «школу» комсомола. На конференции выступали многие, и я в том числе. Мне было что рассказать о конкретных делах заводской молодежи. Акцент сделал на участии в строительстве нефтеналивного флота.

Вернувшись с трибуны на место, услышал от ребят: «Сергей, твое выступление внимательно слушал Шербина, кажется, он положил на тебя глаз».

Все ждали его выступления. Борис Евдокимович говорил без заготовленного текста, при полной тишине большого зала. Затаив дыхание, вслушивались в его хорошо поставленную и продуманную речь. Он говорил ярко, образно, понятно. Мы осмысливали те задачи, которые выстраивались перед комсомолом области в связи с развернувшимися большими делами геологов, нефтяников, газовиков и строителей на огромных территориях двух национальных округов.

Запала в память его оценка происходящего момента: «Значение тюменских открытий трудно переоценить. Даже люди, говорившие об отсутствии в западносибирских недрах нефти и газа, выступающие против их поисков, теперь утверждают, что, отрицая, якобы понуждали противную сторону активизироваться и таким образом способствовали успеху. Это они сейчас так говорят. А еще десяток лет назад энтузиастам, нашим ведущим геологам приходилось вести бой с маловерами и противниками разведки недр Западно-Сибирской низменности».

Его выступление показало хорошую информированность о делах областной комсомольской организации. Не было непродуманных и скоропалительных оценок. Сказывалась работа в комсомоле, его знания и опыт. Отсюда четко определялись задачи сегодняшнего и завтрашнего дня. Перед нами постепенно раскрывался Борис Евдокимович как человек, весьма одаренный и неординарный.

Конференция прошла по-деловому. На организационном пленуме обкома ВЛКСМ Борис Евдокимович предложил избрать первым секретарем и членом бюро Анатолия Всеволодовича Старцева. Мы его хорошо знали, когда он возглавлял сельский обком комсомола, и избрали единогласно.

А вот с другим предложением Бориса Евдокимовича мы не могли согласиться. Предлагалась кандидатура первого секретаря Юргинского райкома ВЛКСМ Валентины Перевозкиной. Как ни пытались нас убедить инструктор ЦК ВЛКСМ Евгений Савченко и Анатолий Старцев, ничего не вышло, особенно возражали вожаки сельских райкомов, знавшие ее лучше нас.

В перерыве в зале оставили членов партии. Борис Евдокимович просил поддержать его мнение, предлагал еще раз вернуться к голосованию. Проголосовали, но результат остался прежним. Видя такую обстановку и настрой членов обкома комсомола, Борис Евдокимович предложил нам самим решать, кого мы считаем достойным. Избрали вторым секретарем Владимира Демьяновича Пулькикова, бывшего первого секретаря промышленного обкома комсомола.

Да, новый состав обкома комсомола ослушался, пренебрег мнением первого секретаря обкома партии. Где это было видно! И даже в такой ситуации меня покорили его такт, выдержка и спокойствие. Просто поразительно. В такой ситуации Борис Евдокимович остался верен себе, не дав в обиду В. Перевозкину, которая очень переживала: ей предложили работу в аппарате обкома КПСС.

Прошел год. Ситуация в обкоме комсомола из-за психологической несовместимости комсомольских вожakov была напряженной. Рано или поздно надо было решать этот вопрос. Борис Евдокимович обратился к первому секретарю ЦК ВЛКСМ Сергею Павловичу Павлову порекомендовать на пост первого секретаря обкома комсомола подходящего человека. Им оказался Геннадий Иосифович Шмаль, работавший в аппарате ЦК ВЛКСМ.

На сей раз Борис Евдокимович как истинный стратег и умный политик продумал все до мелочей. До созыва очередного пленума обкома комсомола он направил первым секретарем Армизонского райкома партии Анатолия Старцева, в управление госбезопасности по Тюменской области Владимира Пулькикова.

Перед пленумом Борис Евдокимович пригласил к себе первых секретарей райкомов, горкомов и окружкомов комсомола. Я уже был первым секретарем Тюменского горкома. Он представил Геннадия Шмаля, при этом обратился ко мне и первым секретарям окружкомов ВЛКСМ Владимиру Артееву и Влади-

миру Трифонову: «Рассчитываю на поддержку вожakov самых крупных и авторитетных комсомольских организаций, остальные пойдут за вами».

Обмен мнениями был открытый и честный. Скажу прямо: Геннадий Шмаль нам понравился и был избран единодушно. Мы в нем не ошиблись. С его приходом в обкоме была создана здоровая нравственная атмосфера, сложились по-настоящему деловые, творческие и товарищеские отношения с низовым комсомольским активом. Возобладала романтика созидания, рождались новые интересные дела тюменской комсомолии. Смелость, нерастраченную энергию, потребность думать, искать, творить — вот что принес с собой Геннадий Шмаль.

Борис Евдокимович любил и поддерживал Геннадия. Учил его работать, видел в нем своего преемника, потому что вокруг него всегда кипела жизнь. Молодежь как бы заряжалась его энергией. Он был умный, культурный, скромный. Душевность и простота, высокая работоспособность стали результатом роста заслуженного авторитета тюменского комсомола среди организаций ВЛКСМ. С легкой руки Бориса Евдокимовича Шмаля избрали первым секретарем Тобольского горкома партии, а затем вторым секретарем обкома партии. Потом стал заместителем и министром Миннефтегазстроя СССР, президентом ОАО «Роснефтегазстрой».

Именно Борисом Евдокимовичем многим моим сверстникам, обладавшим организаторскими способностями и даром общения с людьми, была дана «путевка» на партийную и советскую работу. Их назначение было оправданно, они не подвели. Среди них М.А. Смирнова, В.С. Смирнов, В.М. Трифонов, Ю.А. Долгих, Е.И. Безруков, Э.В. Юдина, Т.А. Трофимова, Б.И. Бердинский, В.В. Долгошеин, В.И. Родяшин и многие другие.

* * *

Когда в Тюмени появилась хоккейная команда, играющая во второй лиге на первенство страны, Борис Евдокимович находил время бывать на этих играх. Я видел его настоящим болельщиком, который горячо переживал за тюменцев, темпераментно реагировал на острые игровые моменты, был недоволен ошибками судей, горячо приветствовал победы и огорчался поражениям.

Борис Евдокимович охотно приходил на встречи с рабочей и студенческой молодежью. Он считал своим долгом после очередных заседаний Верховного Совета СССР информировать о его работе. При его содействии горкому комсомола каждый понедельник бесплатно предоставлялось здание филармонии, где мы проводили КВН, творческие вечера, встречи юношей и девушек по профессиям и другие мероприятия.

Борис Евдокимович сам определял дату и время встреч. Это вызывало «головную боль» у секретарей горкома партии Ю.К. Меркулова и Е.П. Корневой. Они опасались, как бы чего не случилось, волновались за явку и порядок во время этих встреч. Они, как правило, проходили при переполненном зале. А сколько злободневных вопросов задавалось Борису Евдокимовичу, и при этом никаких ЧП!

Он находил время посмотреть наши театрализованные представления, посвященные памятным и историческим датам, участвовать в работе конференции молодых ученых и специалистов, слетах передовиков производства по профессиям.

Бориса Евдокимовича интересовали даже мелочи. Нас было 17 делегатов XV съезда ВЛКСМ. Пригласив к себе, он расспросил Геннадия Шмаля буквально обо всем: как подготовились к съезду, как мы одеты, есть ли что поесть в вагоне и т.д. И потом находил возможность звонить в Москву и интересоваться нашей работой на съезде.

Не могу не вспомнить об оказанном мне доверии. Заканчивался рабочий день, когда позвонили из приемной «первого». Беру трубку, слышу голос Бориса Евдокимовича: «Сергей, мы с обкомом комсомола пригласили в Тюмень на два дня героя космоса Павла Ивановича Беляева. Тебе надо подготовиться к выступлению. Выступать будешь ты один, других не будет. Понимаешь, какая ответственность? Явку на встречу с космонавтом мы берем на себя. Желаю успеха». Я тут же пригласил к себе второго секретаря Евгения Безрукова, и мы до позднего вечера готовили мое выступление. Требование к нему определили сами: оно должно быть необычным по форме и емким по содержанию.

В большом переполненном зале облисполкома встречу открыл Геннадий Шмаль. Выступил я, а затем П.И. Беляев. Одобрительным кивком головы Борис Евдокимович дал понять, что

моя речь удалась. Космонавт ответил на множество поданных в президиум записок. Я сопровождал его в поездке по городу и на встречах с трудовыми коллективами.

Борис Евдокимович всегда внимательно изучал вопросы, которые звучали в выступлениях на собраниях, пленумах и конференциях. Поддерживал тех, кто вскрывал ошибки и критиковал. Недостаткам он давал политическую оценку и держал исполнение на контроле.

Не могу не обойти стороной один из принципиальных вопросов, который возник в работе руководителей областного штаба ЦК ВЛКСМ. Штаб располагал возможностью поощрять молодых передовиков производства выделением талонов на приобретение легковых машин, мотоциклов, бытовой техники и других дефицитных товаров.

Секретарь комитета комсомола ДЮКа «Красный Октябрь» мне сообщил, что при получении талона на приобретение мотоцикла «Урал» в штабе у награжденного взяли взятку. Я сразу же сообщил об этом Геннадию Шмалю, но он никак не отреагировал. Тогда я провел собственное расследование, попросив подключиться к этому начальника городского отдела милиции Л.А. Штыкова. Факт подтвердился. Я вновь сказал Шмалю, что надо собрать руководителей штаба, и снова не нашел поддержки. Это уже был вопрос принципа. Я позвонил в приемную и попросил соединить меня с Борисом Евдокимовичем. Ждать долго не пришлось. Я ему рассказал все, как было. Борис Евдокимович тут же по внутренней связи пригласил Шмаля и начальника штаба А.Н. Лошкарева, а по телефону переговорил с Л.А. Штыковым. Вердикт был таким: виновные должны быть наказаны, им не место среди нас.

Так уж случилось, что мне пришлось познакомиться и с Раисой Павловной, женой Бориса Евдокимовича. Она работала в областном финансовом управлении. Нам вместе дважды пришлось участвовать в выборных кампаниях на одном участке, в школе № 23. Мы имели равные полномочия. Раиса Павловна представляла общественность города, а я — Тюменский горком партии. На избирательных участках в то время голосование заканчивалось в полночь. В наши обязанности входило присмотреть за порядком, присутствовать при вскрытии урн с бюллетенями, проконтролировать правильность подсчета голосов и сдачу в горисполком выборной документации.

Времени было у нас предостаточно, чтобы поговорить «по душам», хотя можете понять мое состояние: все-таки жена первого секретаря обкома партии. На самом деле Раиса Павловна была очень «земной», простой, скромной русской женщиной. Неисчерпаемого душевного благородства. У них с Борисом Евдокимовичем были схожие характеры, и они гармонично дополняли друг друга.

Во время очередных выборов Раисе Павловне все же удалось уговорить меня поехать к ним на чай. Когда мы явились, то Борисом Евдокимовичем уже был накрыт стол. Видя мое смущение, Раиса Павловна сказала: «Будь как дома». Это оказалось несложно в их уютной скромной квартире, где царили непринужденность и простота.

Их часто видели в вечернее время и в выходные дни в магазинах, на городском рынке, на прогулках по Центральной площади. Находили они время побывать на концертах в филармонии и спектаклях драматического театра.

Бессменный директор театра, заслуженный работник культуры РСФСР Александр Кузьмич Калугин вспоминает: «Борис Евдокимович и Раиса Павловна не пропускали ни одной премьеры. Были они, а за ними тянулись члены бюро обкома партии и облизполкома, руководители города». Это повышало роль театра в культурной жизни города, легче решались все проблемы. Их отношения, взаимопонимание, теплота, как мне представлялось, служили примером для многих из их окружения.

* * *

Наступил период, когда мне предстояло решать вопрос о дальнейшей работе. Свои соображения высказал в горкоме партии. Однако никто и не помышлял о моем уходе из комсомола. А тут еще смена первых секретарей: Юрий Константинович Меркулов занял место председателя облсофпрофа, Геннадия Павловича Богомякова избрали вторым секретарем обкома партии. Им на смену пришел Юрий Михайлович Рогачев.

За две недели до начала отчетно-выборной городской комсомольской конференции меня пригласил заворг обкома партии А.В. Старцев. Да, тот самый Анатолий Старцев. Захожу. Он мне сразу: «Сергей, от меня пойдешь на беседу к Борису Евдокимовичу.

Хватит, поработал в комсомоле достаточно, по нашей оценке, хорошо. Надо двигаться дальше». Я начал было его расспрашивать, а он в ответ: «У Шербины все узнаешь, тебе я ничего не скажу». Поднял трубку «первого»: «Борис Евдокимович, Сергей Великопольский у меня... Хорошо...». Положив трубку, Анатолий Всеволодович хлопнул меня по плечу и сказал: «Иди, ждет».

Пока шел, в голове были разные мысли. Скажу откровенно, при каждой встрече с Борисом Евдокимовичем и в последующем волнение не покидало меня.

И вот я в кабинете «первого». Шербина встал из-за стола, вышел мне навстречу, подал руку и пригласил сесть за небольшой столик. Улыбнулся и говорит: «Рассказывай, как идет подготовка к конференции, есть ли преемник». Я ответил, что к отчету все готово. Прошли конференции в организациях Ленинского и Калининского районов, делегаты избраны, считаю, конференция пройдет по-деловому.

«Хорошо, — сказал Борис Евдокимович, — поговорим теперь о тебе, твоей работе. Поедешь в Нижневартовский район Ханты-Мансийского национального округа. Район необычный, от него будет зависеть судьба страны на долгие годы. Там основная добыча нефти. Этот район осваивается молодыми, там твое место. Начнешь работу с секретаря райкома партии по идеологии... Слышал о Самотлоре? Это и есть район Самотлора!».

Позже я часто буду вспоминать эти слова доброго напутствия Бориса Евдокимовича, который подчеркнул общегосударственную значимость северного нефтяного района. И как же он был прав!

Выйдя из кабинета, зашел к Дмитрию Алексеевичу Смородинскому, секретарю обкома по идеологии, затем спустился на этаж ниже к Екатерине Петровне Корневой, секретарю Тюменского горкома партии. Они пообещали помочь в предстоящей работе.

О разговоре с Борисом Евдокимовичем я доложил Юрию Михайловичу. На что он мне ответил: «Не спешి. Мы с тобой еще поработаем. Пойду к Шербине». Спустя два дня звонит мне и говорит: «Давай заходи, будем думать, кому поручим руководство городской комсомольской организацией».

Я понял, что Борис Евдокимович настоял на своем решении. 25 декабря 1969 года я отчитался. Ю.М. Рогачев поблаго-

дарил меня за активную работу в комсомоле, вручил почетную грамоту и искренне пожелал успехов на партийной работе.

На исходе стоял холодный декабрь 1969 года. В Нижневартовск я прилетел самолетом. Руководители района встретили радушно, но и настороженно. Видимо, подумывали: «Парень городской, не приживется, сбежит, не знает трудностей работы в районе».

Откровенно говоря, такая же мысль беспокоила и меня. Задавал себе один и тот же вопрос: «Смогу ли?».

3 января 1970 года состоялся внеочередной пленум райкома партии, на котором избрали вторым секретарем Николая Яковлевича Токарева, а секретарем — меня.

* * *

В моей жизни начался новый этап. «Университеты» моего поколения сегодня высмеиваются так называемыми независимыми средствами массовой информации, а с моей точки зрения, эти жизненные уроки были прекрасными. Родители и школа. Семья и завод. Армия и комсомол. Партия коммунистов и долг.

Прошло два месяца. Мы с Н.Я. Токаревым живем в гостинице. Квартирный вопрос не решается. И вновь Борис Евдокимович вмешивается в эту проблему. В поселке сдавались три двухквартирных деревянных дома, предназначенных для руководства НПУ «Мегионнефть». Борис Евдокимович попросил начальника Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко помочь нам. Дали нашим семьям один дом, предназначенный для главного инженера НПУ «Мегионнефть» А.Г. Арнопольского. Узнав об этом решении, Арнопольский обиделся на В.И. Муравленко и Р.И. Кузоваткина, тут же подал заявление об увольнении. Его никто не упрасивал остаться, и он покинул пределы района.

Приближалась 100-летняя годовщина со дня рождения В.И. Ленина. К этой дате были приняты соответствующие постановления ЦК КПСС и правительства. В стороне не остался и ЦК ВЛКСМ. По его решению должно было пройти всесоюзное комсомольское собрание, на котором предполагалось участие секретарей, членов бюро ЦК ВЛКСМ, партийных, советских и хозяйственных кадров.

Борис Евдокимович пригласил в область, ставшую Всесоюзной ударной стройкой, первого секретаря ЦК ВЛКСМ Евгения

Михайловича Тяжельникова, чтобы тот принял участие в работе комсомольского собрания треста «Мегионгазстрой». Вместе с Евгением Михайловичем и Борисом Евдокимовичем прилетели космонавт Борис Волинов, чемпион олимпийских игр по боксу Валерий Попенченко, первый секретарь обкома ВЛКСМ Геннадий Шмаль и начальник Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко.

Безусловно, к собранию мы готовились. Комсомольцам и молодежи треста было что сказать присутствующим гостям. Они были первыми в обустройстве Мегионского и Саянскорского месторождений нефти. Они первыми встречали студенческие строительные отряды. Они первыми заложили фундаменты капитальных домов будущего города Нижневартовска. На собрании выступили Е.М. Тяжельников и Б.Е. Щербина. Разве может забыть присутствующая молодежь сказанное Борисом Евдокимовичем! «Сибирская нефтяная эпопея немыслима без комсомола. Тюменский нефтяной и газовый гигант войдет в летопись комсомольской славы. Здесь молодежь проходит школу мужества, гражданской зрелости. И тот, кто выдержал экзамен на прочность, вошел в ряды бесстрашной армии первопроходцев. Эта армия выиграла уже не одну битву. Она преодолевает на своем пути значительные трудности, но неизменно добивается конечного успеха».

Да, Борис Евдокимович был блестящим оратором. Его выступления в разных аудиториях, особенно среди молодежи, по любым вопросам отличались глубокой аргументацией, проникновенностью и слушались с большим интересом. Его выступления специально приходили послушать, а в аудиториях стояла полная тишина. Будучи уже министром Борис Евдокимович всегда искал возможность встретиться с молодежью.

Просматривая в областном архиве материалы его двенадцатилетней работы в области, даже по документам можно судить о напряженной организаторской работе «первого», других секретарей обкома партии, ставшего штабом планирования, разработки стратегии и тактики освоения нефтяных и газовых месторождений.

Борис Евдокимович никогда не принимал легковесных решений, пока не убеждался, что это не только личное мнение, а плод размышлений многих соратников и сподвижников.

Он умел концентрировать опыт, знания других, а его деятельный ум позволял претворить их в практические дела и решения, что составляло редкую особенность.

В трудных ситуациях, считая необходимым посоветоваться с парторганами, руководителями и даже рабочими на местах, Борис Евдокимович прибегал к этому испытанному методу, когда требовалась выработка решений на уровне ЦК, правительства, министерств. Летел самолетом или вертолетом туда, где решалась судьба того или иного вводимого объекта, получить совет от местных руководителей.

Борис Евдокимович внимательно относился к кадрам. Ценил в руководителях принципиальность и деловитость. Он поддерживал тех, кто сражался вместе с ним за подъем экономики и комплексное развитие области, брал под защиту тех руководителей, которые порой шли на риск, но риск оправданный, осознанный, продиктованный интересами общего дела. Он высоко ценил порядочность, дисциплину и требовательность.

Борис Евдокимович с большим уважением и тактом относился к Виктору Ивановичу Муравленко, человеку огромного таланта и организаторских способностей, на плечи которого легло руководство развитием нефтяной промышленности. Я этих руководителей видел в разных ситуациях. Знаю, как по-дружески, тепло Борис Евдокимович называл его просто Виктором. У меня сложилось твердое убеждение, что они не могли жить друг без друга, а отсюда успехи в нефтяных делах региона.

С особым уважением Борис Евдокимович относился к нашим, нижевартовским, руководителям: В.В. Бахилову, В.А. Абазарову, Р.И. Кузоваткину, Г.И. Пикману, Я.М. Малинскому, М.К. Михайлову, Ю.Г. Шереметьеву, Н.А. Москаленко, Н.Н. Рыкуну, А.Г. Исянгулову, В.И. Хлюпину, Г.М. Кукуевицкому, Н.П. Дунаеву, В.А. Назаритяну, А.А. Бабларьяну, Е.И. Куропаткину, Е.А. Луценко, В.Н. Киселеву, И.И. Мазуру, В.Ф. Зайченко и многим другим.

Все нижевартовские Герои, кавалеры орденов получили высокие награды с его легкой руки. Причем делал он это в каждом случае индивидуально и продуманно. Помню, как в зимний холодный вечер встретил в аэропорту Б.Е. Шербину, Е.М. Тяжелникова, В.И. Муравленко и И.Т. Хохлова. Сразу же вертолетом, пилотируемым заслуженным летчиком Ю.А. Редькиным, летим в буровую бригаду УБР-2, к мастеру Григорию Кузьмичу Петрову.

Завтра вся страна узнает о новом Герое с Самоглора, а сейчас вертолет производит посадку рядом с буровой вышкой.

Нас встречает Григорий Кузьмич и сразу же попадает в мужские объятия Бориса Евдокимовича. Все поздравили Петрова, выпили по русскому обычаю, пожелали бригаде новых скоростных проходов и рекордов.

На следующий день на встрече с молодыми нефтяниками Е.М. Тяжельников сообщил, что ЦК комсомола объявил освоение Самотлора Всесоюзной ударной стройкой.

Не забыть пленум обкома партии, когда Борис Евдокимович был назначен министром. Помню горячую, но неподготовленную речь нашего первого секретаря горкома партии Василия Васильевича Бахилова: он внес предложение о награждении Бориса Евдокимовича золотой звездой Героя. Зал зааплодировал, в то же время я видел обратную реакцию на лицах некоторых людей, сидящих в президиуме.

Но мы-то знали: он это заслужил за дела тюменские! Он вообще горел на работе. И сгорел, приняв удар радиации в Чернобыле. Жаль, что это осталось без должного внимания со стороны ЦК КПСС.

Именно к Борису Евдокимовичу и его поколению можно с полным правом отнести слова:

*«Деревья умирают стоя,
И не сломить их северным ветрам,
И в вашей жизни не было застоя,
За это низко кланяемся вам!».*

Низко поклонимся

Чем дальше в историю уходят годы создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, тем полнее раскрываются страницы трудовых свершений на великой стройке великого народа, значимость которых еще по большому счету не оценена.

Виктор Иванович Муравленко... Имя первого начальника Главтюменнефтегаза, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий навсегда войдет в историю нашего края. Это имя носят город, улицы, теплоходы, танкеры, институты, месторождения нефти...

Впервые я увидел его в составе группы областных руководителей в кабинете П.П. Потапова, директора одного из крупнейших тюменских предприятий — судостроительного завода. Решался вопрос о переоборудовании выпускаемых заводом лесобарж под баржи для перевозки нефти на Омский НПЗ, так как шаимскую нефть можно было доставить на переработку только водным путем. Одновременно ускоренными темпами строился нефтепровод от этого месторождения до Тюмени, а затем железнодорожным транспортом предполагалось доставлять нефть в Омск. Но это дело будущего. А пока срочно нужны были нефтебаржи в количестве 50 штук.

Меня как секретаря заводского комитета комсомола пригласили на эту встречу. Виктор Иванович сразу обратил на себя внимание. Поразила его сдержанность. Он внимательно, не перебивая, выслушивал все аргументы участвующих в совещании. Был очень опрятно одет, в темно-синем костюме и ослепительно белой рубашке.

Это была первая встреча. А затем в течение двенадцати лет мне посчастливилось многократно встречаться с Виктором Ивановичем по работе.

Так, в Тюменском горкоме комсомола я часто прибегал к его помощи и советам. И всегда их получал. Причем и команда у него была удивительная. Это были соратники, приехавшие вместе с ним

осваивать открытые нефтяные и газовые месторождения области. И если Виктор Иванович при всей его занятости находил возможность встречаться с комсомольским активом, то так поступали и его заместители. Он очень уважал и любил первого секретаря обкома комсомола Геннадия Шмаля и всегда активно участвовал в комсомольских конференциях, активах и других мероприятиях.

Виктор Иванович в отличие от некоторых руководителей никогда не унижал подчиненных, не позволял себе высокомерия, менторского тона, нравоучений. Молодежь он действительно любил. И помогал нам транспортом, техникой, перечислял на счет горкома комсомола средства для строительства памятника воинам, умершим в госпиталях Тюмени, который был установлен нами на Текутьевском кладбище, ныне у Дворца геологов, в честь 50-летия тюменского комсомола.

* * *

Вспоминается еще одна история, связанная с В.И. Муравленко, и тоже с памятником, правда, другим.

В 1970 году в связи со 100-летием со дня рождения Ленина по городам прокатилась волна по установлению памятников вождю. Все настолько увлеклись, что искали малейшую зацепку для того, чтобы получить «добро». В Нижневартовске, где я работал секретарем горкома партии, основание было: НГДУ «Нижневартовскнефть», которое возглавлял Р.И. Кузоваткин, присвоили имя В.И. Ленина. Но мы приняли другое решение: сделать памятник первооткрывателям нефтяных и газовых месторождений. Поделились идеей с Виктором Ивановичем. Он нас активно поддержал. Памятник, по сути, делали подпольно. Об этом не знали ни в обкоме партии, ни в других органах. Страна готовилась к 50-летию образования СССР. Все скульпторы и художники были на расхват. Нам удалось привлечь ленинградцев с помощью депутата Верховного Совета СССР В.И. Муравленко. Решено было, что образ покорителя должен стать собирательным. Мы отправили фотографии знаменитых людей Нижневартовска: буровых мастеров Повха, Шакшина, Левина; операторов Суздальцева, Сливина, Нюняйкина; строителей Нежданова, Кравчука; геологов Абазарова, Норкина, нефтяника Хлюпина. На их основе и был создан образ рабочего нашего поколения.

Памятник установили не в центре Нижневартовска, а на стыке дорог, идущих на Смотлор, в Мегион и в город. Жаль, что Виктору Ивановичу открывать этот памятник не пришлось — именно в тот год его не стало. Эту миссию выполнил его ученик и преемник Ф.Г. Аржанов...

Заканчивалась моя комсомольская юность, работа в комсомоле. После встречи в обкоме партии с секретарями Б.Е. Шербиной и Г.П. Богомяковым, рекомендовавшими меня на партийную работу в Нижневартовский район, я был полон сомнений. Нужно было с кем-то посоветоваться, рассказать о своих размышлениях, получить моральную поддержку. В первую очередь в семье, с родителями и, конечно, с Виктором Ивановичем. Я понял, что он уже знает о моей будущей работе, так как сразу перешел к характеристике этого уникального нефтяного района, где началось промышленное освоение знаменитого Смотлора. Удивило, что Виктор Иванович говорил не столько о цифрах, планах, сколько о людях, которые туда приехали. Именно от него я впервые услышал о Р.И. Кузоваткине, И.И. Рынковом, В.И. Хлюпине, П.И. Дорохове, В.У. Литвакове. Он сказал, что нефтяники — народ надежный, советовал в работе больше опираться на их профессиональные знания и поддержку. В последующем я убедился в правоте сказанного Муравленко — это действительно настоящие, порядочные, надежные люди, ставшие моими друзьями.

Еще более тесно мне пришлось контактировать с Виктором Ивановичем, когда я работал в Нижневартовске. Видел его и озадаченным, и сердитым, и радостным, но никогда он не опускался до крика и грубости.

Виктор Иванович обладал многими достоинствами: сильной волей, работоспособностью, организаторскими способностями, высокой требовательностью к подчиненным и в первую очередь к себе. Но главное его достоинство, как я теперь понимаю, это внимание к людям и забота о них.

Он хорошо разбирался в людях. Меня поражало его умение при огромной занятости поинтересоваться у подчиненных, как дела в семье, как дети, нужна ли какая-нибудь помощь. Эти качества давали ему моральное право строго спрашивать за порученный участок работы. У меня сложилось впечатление, что о каждом буровом мастере он знал буквально все, к каждому у него был особый подход, своя мера требовательности. Он очень

любил и уважал Г.М. Левина, А.Г. Исянгулова, А.Д. Шакшина, Г.П. Петрова, В.И. Хлюпина, А.Н. Бабларьяна, Р.И. Кузоваткина, В.В. Китаева, Н.П. Дунаева и многих других.

Его «слабость» к буровикам знали все. К ним он был неравнодушен, опекал, как отец, хорошо знающий, что буровики определяют добычу, они авангард отрасли, они заслуженно получают награды. По его инициативе буровые мастера вошли в номенклатуру обкома партии.

Помню, как в холодный зимний вечер я встречал в нижевартовском аэропорту Б.Е. Шербину, Е.М. Тяжельникова, В.И. Муравленко, И.Т. Хохлова, которые прилетели в связи с присвоением звания Героя Социалистического Труда буровому мастеру из УБР-2 Григорию Кузьмичу Петрову.

Ночь, луна. Сомотлор — в горящих факелах, летим на вертолете, пилотируемом заслуженным летчиком Ю.А. Редькиным, получившим впоследствии тоже звание Героя. Вертолет посажен рядом с буровой. Поздравили Петрова, по русскому обычаю выпили. Видел, как Виктор Иванович по-отцовски обнял Героя и был по-настоящему счастлив, — выдавали его сверкающие глаза и добрая улыбка.

Приезд в наш район первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е.М. Тяжельникова был спланирован. ЦК комсомола объявил освоение Сомотлора Всесоюзной ударной стройкой, а инициаторами этого были Г.И. Шмаль и В.И. Муравленко.

На этапе освоения нефтяных залежей нас очень тревожила невозможность утилизации и переработки попутного нефтяного газа. Горящие факела были живым укором, свидетельством некомплексного освоения месторождений нефти. Мы решили обсудить эту важнейшую проблему на одном из пленумов горкома. В отделе нефти, газа и геологии обкома партии нас не поддержали, заявив, что эту проблему надо решать на уровне обкома или ЦК. Я посоветовался с Муравленко, и он не только поддержал нас, но и оказал практическую помощь в подготовке пленума, прислав специалистов из научно-исследовательского института, подключил руководителей объединения «Сибнефтегазпереработка» Л.М. Кузнецова и А.И. Воривошкина. Более того, посоветовал изучить решение этой проблемы и имеющийся опыт в нефтяных районах Башкирии и Татарии. А на пленум горкома партии прислал своего главного инженера Ф.Г. Аржанова.

Всегда, когда он прилетал в Нижневартовск по делам, обсуждение производственных вопросов откладывал на второй план, а начинал с заслушивания отчетов руководителей о решении городских проблем, о состоянии продовольственных запасов, ибо тогда все продукты в основном завозили с «Большой земли». Он знал на память, сколько нужно для обеспечения населения мяса, муки, овощей, молока, какой остаток продуктов есть на базах, сразу же давал необходимые распоряжения и поручения. Если какие-то проблемы не решались из-за нерасторопности или безответственности, то Виктор Иванович буквально преображался, становился жестким и беспощадным.

Он часто в Нижневартовске проводил приемный день по личным вопросам. Для этого специально отводил время, так как в главк многие писали письма, а их рассмотрение здесь, на месте, ускоряло процесс. И многим руководителям приходилось туго, если они были повинны в нечутком отношении к своим подчиненным. Как правило, вопросы решались положительно, и не требовалась дополнительная переписка, у него не было нерешаемых проблем, какими бы сложными они ни казались.

* * *

Одной из наших задач в то время было приобщение коренного населения к нефтяным делам. Старались собрать ребят, привлечь их к учебе в Нижневартовске, чтобы они получили профессию оператора. Ведь перекачивающие станции находились на просторах их родного края. К сожалению, попытка не совсем удалась. Видимо, их традиции требовали иного, более свободного образа жизни.

Тогда мы пошли по другому пути. Стали строить в национальных поселках жилье, клубы, обеспечивать местных жителей лодками, оборудованием, спецодеждой. Главтюменнефтегаз не только не препятствовал, а всячески поощрял эту работу.

Допускаю, что в строительстве северных городов были допущены ошибки, отставание социальной инфраструктуры от производства. За бытовую сторону Муравленко очень строго спрашивал с руководителей. Постоянно интересовался строительством жилья, музыкальной школы и спортивного зала, питанием. Считаю, что в развитие нефтегазового комплекса вклад Вик-

тора Ивановича огромен. До приезда в Тюмень он был уже опытным нефтяником, имел добрые личные отношения с Косыгиным, Байбаковым, был вхож в правительственные круги, использовал широкие связи для решения тюменских проблем. Как руководитель создал команду единомышленников, которые постоянно были в поисках нового.

В.И. Муравленко понимал, что огромного масштаба задачи можно решить с помощью науки, с привлечением новых технологий. Он искал пути участия ученых в развитии Западной Сибири, хорошо понимая, что одним притоком людей месторождения не взять. Поэтому Тюменский Север был местом проведения практических конференций молодых ученых и полигоном для испытания новой техники.

Немало сделал он и для развития культуры в северных городах и поселках. Было ясно, что житье нефтяников без культуры будет несладким. Помню, как мы в первый раз пригласили в Нижневартовск Иосифа Кобзона. Он давал в день по несколько концертов, выступая на открытых площадках, куда его перебрасывали вертолетом. Затем у нас появилась идея проведения в Нижневартовске фестиваля «Самотлорские ночи». Для участия в нем мы пригласили симфонический оркестр под управлением Б. Карамышева. Коллектив очень большой. Как доставить его на Север? Откупили самолет. Виктор Иванович активно способствовал тому, чтобы в наш край приезжали писатели, артисты, композиторы...

Традиционные декады искусства и литературы, которые проводились в области, требовали средств. И их всегда находили. Помню, с каким вниманием Виктор Иванович относился к первому студенческому строительному отряду, сформированному из студентов Тюменского индустриального института и направляющемуся в Сургут на строительство микрорайона нефтяников. Он помог отряду с формой, сам провожал их в дорогу, а потом наведывался в Сургут и смотрел, как ребята устроились, как работают. Кстати, чтобы попасть в тот первый стройотряд, надо было выдержать конкурс. Впоследствии Виктору Ивановичу было присвоено звание профессора, он часто присутствовал на защите дипломов, распределении будущих нефтяников. Хотел бы подчеркнуть особо, что В.И. Муравленко очень тепло относился к учащейся молодежи. Ставка делалась на местные кадры, преимущественно из молодых специалистов.

Виктора Ивановича я видел в разных ситуациях. Как человек он был доступен, прост, к нему попасть было очень легко. Не припомню случая, чтобы он когда-то показывал свое превосходство над человеком, умел разговаривать с людьми на равных.

В 1974 году Нижневартовску и району выпала честь выдвинуть В.И. Муравленко кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. И предвыборное собрание прошло удивительно легко, не было проблемы с явкой, не было заранее подготовленных выступающих, люди сами шли на трибуну и от души говорили добрые и искренние слова об этом человеке.

Так случилось, что мы с Виктором Ивановичем породнились: его сын Сергей и моя племянница поженились. Я лучше узнал его жену Клавдию Захаровну, очень скромную, по-домашнему уютную, заботливую женщину, всю его семью.

Сын Сергей начинал трудовую биографию у нас, в Нижневартовске, с низов, несмотря на то, что папа был большим начальником. Не было случая, чтобы Виктор Иванович торопил меня или Кузоваткина с продвижением Сергея по служебной лестнице, протезировал ему. Сын был воспитан скромным человеком. Это уже после смерти Виктора Ивановича он станет главным инженером, начальником НГДУ, генеральным директором «Юганскнефтегаза», президентом и председателем совета директоров нефтяной компании «ЮКОС». В этом я вижу продолжение семейной традиции.

Школу Муравленко прошли и выдержали проверку временем сегодняшние «нефтяные генералы», президенты и председатели совета директоров В.А. Городилов, В.А. Богданов, Ю.Н. Вершинин, А.Е. Путилов, Л.И. Филимонов, В.Ю. Алекперов, В.С. Медведев, А.В. Сивак, С.В. Муравленко, Ф.Н. Маричев, В.А. Парасюк, В.И. Отт и другие. Они — его ученики, они продолжают его дело.

* * *

Сейчас у многих «новых русских», заботящихся только о собственном кармане, бытует мнение, что такие руководители, как Виктор Иванович, имели все. Но Виктор Иванович жил скромно в трехкомнатной квартире без излишеств, одевался, как все, не было у него ни дачи, ни машины, но главное — никогда не кичился своим положением и в любой обстановке вел

себя достойно. Очень любил детей, нежно и трогательно относился к внукам. Для него семья была поистине отдушиной.

Не дожив до 65 лет, Виктор Иванович умер. Мне кажется, слово «умер» не отражает ситуации. Лучше подходит слово «сгорел». Вот такими были эти «застойные времена», когда люди такого ранга именно сгорали на работе, ибо слишком высока была мера личной ответственности за порученное дело, слишком масштабными были задачи. Несмотря на бытующее мнение, у него весьма сложными, неоднозначными были отношения с обкомом партии, министерством.

Никогда не забуду последнюю нашу встречу. Его не было на областном партактиве. Он отсутствовал из-за болезни и пригласил меня к себе домой. Вечером мы с ним долго беседовали. Вернее, я слушал, а он говорил и говорил, как будто хотел выплеснуть все, что наболело на душе: об отношении обкома партии и министерства, о роли государства в развитии нефтяной промышленности. Сказал, что опять приглашают в министерство «на ковер», что дальше такого прессинга он не выдержит, наверное, подаст в отставку. А после встречи с министром его не стало...

Я очень часто вспоминаю этого прекрасного, честного, мудрого, очень простого и доступного человека, который все пропускал через собственное сердце. Я многому учился у него. Его портрет висит у меня в кабинете, я часто бываю на его могиле. Но не покидает чувство, что дань памяти Виктору Ивановичу мной в полной мере не отдана.

Более двадцати лет его нет с нами. Но память о нем жива... и я думаю, что если бы он был жив, то не позволил бы разрушить в Тюменской области единую нефтяную отрасль, которой отдал всю свою жизнь.

Когда я произношу его имя, то вспоминаю тех, кто был рядом с ним, кто создавал мощь государства. Это Ю.Г. Эрвье и Ф.К. Салманов, Б.Е. Шербина и А.К. Протозанов, Д.И. Коротчаев и Г.П. Богомяков.

Мы обязаны помнить, отдавать дань уважения живым и дань памяти мертвым...

И на память приходят слова из любимой мной песни:

*«...Поклонимся великим тем годам...
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!...».*

Эх, дороги!

Освоение Тюменского Севера справедливо называют стройкой века. Значительный вклад в это большое дело внесли строители.

Север фильтрует людей. Сильные остаются, слабые не выдерживают и возвращаются в обжитые места.

Но талантливых, одержимых и к тому же одаренных руководителей в Нижневартовском районе было предостаточно, причем самых разных профессий.

Как правило, оценка конечного результата определяется тем, что видно на поверхности. Сполна отдавали дань благодарности геологам, открывавшим месторождения, буровикам, демонстрировавшим скоростную проходку, нефтяникам, добывавшим сверхплановую нефть. О них часто писали в местной и центральной прессе, рассказывали на радио и телевидении, награждали орденами и медалями. Это, безусловно, правильно и справедливо.

Но давайте будем объективны. Ведь все же руками строителей Тюменский Север превращен в высокоиндустриальный район: построены автомобильные дороги, железнодорожные магистрали, воздушные и речные порты, города, поселки и многое-многое другое.

Но их часто критиковали на разных уровнях за отставание, низкое качество работы, простои, плохое использование техники. Критика была, конечно, объективной, но только она иногда не соизмерялась с объемами и сроками строительства. Не принимались во внимание и не учитывались перебои в энергообеспечении, слабость технического оснащения, нелегкие, а порой невыносимые природно-климатические условия, заболоченность местности нефтяного Приобья.

Вспоминаю, сколько было споров о том, как обустраивать Западную Сибирь. Все сходились в одном: брать не числом, а умением, применяя новые технические решения, с помощью современного оборудования, новых методов в строительстве.

Расчеты экономистов показывали: если перевооружить строителей, то на существующей технике они могли бы при том же количестве людей выполнить в полтора-два раза больший объем строительно-монтажных работ. На практике же было наоборот — все решало количество, а отсюда и возникающие проблемы: отставание в создании нормальных социальных и трудовых условий для людей.

Но несмотря на все трудности все же строители не отступили от намеченного и сделали то, что иногда невозможно было сделать.

...Из иллюминатора самолета или вертолета, пролетающего над Самотлором, видишь ярко-зеленые краски заросших болот, синие тарелочки озер; разбросанные бисером вокруг Самотлорского озера.

Красив Самотлор вечером. Светятся во тьме ночной гирлянды огней — это освещены буровые вышки. С высоты и издали они похожи на корабли, плывущие по безбрежному морю.

В настоящее время картина покоренного Самотлора совсем иная: он, как паутиной, опоясан бетонными дорогами, к каждой кустовой насосной станции — надежные подъезды, буровики и промысловики к месту работы добираются с полным комфортом. Не верится, что когда-то геологи Мегионской нефтеразведочной экспедиции больше месяца в зимнее время добирались к Самотлору. И днем, и ночью прокладывали лежневки, отсыпали площадки для буровиков, делали дороги с твердым покрытием, укладывали в непроходимые топи тысячи кубометров леса, отсыпали миллионы кубометров грунта с одной целью — создать нормальные условия для вышкомонтажников, буровиков, операторов по добыче нефти, снабженцев, строителей...

А все начиналось в июле 1968 года — более 30 лет назад, когда начался шторм нефтяного сокровища России. Первыми высадились дорожники на узкий пятачок суши в несколько сот квадратных метров. Юрий Григорьевич Шереметьев и бригадир Василий Федорович Меденцев, отвернув до конца голенища болотных сапог, обследовали границы сухого островка. Тракторами особенно не развернешься, того и гляди в трясины угодишь. Пришлось осваивать профессию лесорубов. Начали с лежневков. Ждать и медлить не приходилось. Первая промысловая скважина № 200 должна дать нефть и положить начало разра-

ботке месторождения. Да, все начинается с дороги... Согласно этой хрестоматийной истине Самотлор и Нижневартовск тоже начинались с дороги.

* * *

Славная история коллектива СУ-909 и автобазы № 95 на нижневартовской нефтяной целине началась в 1964 году.

Нефтяники в этот период уже занимались обустройством Мегионского и Ватинского месторождений в тяжелейших условиях бездорожья. Вновь прибывший десант дорожников под руководством Юрия Григорьевича Шереметьева должен был решить эту задачу, требующую от каждого труженика небывалого напряжения, работы с полной отдачей. Вот где можно было найти применение своим силам, узнать свои возможности.

Высадились на берегу Оби. Место расположения базы Ю.Г. Шереметьев выбрал ближе к Мегиону и Самотлору, так как поблизости находилась речка Зырянка, впадающая в Обь. По ней можно было доставить все необходимое: машины, технику, оборудование, стройматериалы. Юрий Григорьевич рассказывал: «Работать было трудно, так как не было ничего, приходилось все начинать с нуля. Но всегда верил — дело развернется. Ведь мы здесь не зря...».

Коллектив дорожников, состоявший из 52 человек, прибыл сюда с семьями, а жилье для них никто, конечно, заранее не подготовил. Поэтому своими силами создавали городок из металлических вагончиков, затем построили деревянные 8-квартирные дома, общежитие. Шаг за шагом Шереметьев улучшал жилищно-бытовые условия.

Юрий Григорьевич понимал: чтобы выжить, необходимо в первую очередь обеспечить нормальные условия для жизни. Рассчитывать при этом приходилось только на собственные силы. Дело в том, что в районе находился только один строительный трест «Мегионгазстрой». На плечи четырех строительных управлений треста возлагалось строительство нефтяных объектов, товарного парка, кустовых и насосных станций, нефтесборных сетей, жилья и т.д.

Мое знакомство с Ю.Г. Шереметьевым состоялось на производственной планерке у начальника НГДУ «Мегионнефть» Р.И.

Кузоваткина. Шереметьев был высокого роста, стройный, худощавый, с высоким лбом, светло-русой шевелюрой. Скрытая усмешка как бы показывала превосходство над собеседником, некоторую подозрительность и осторожность. Он был находчив, красноречив, но резок в выражениях, слова произносил громко, жестикулируя руками. После автомобильной аварии прихрамывал на левую ногу, поэтому ходил с тростью.

На еженедельных планерках у Кузоваткина, который в то время был «бог и царь» Нижневартовска, обсуждались буквально все вопросы: нефтяные, строительные, социальные, культурные. Мы, партийные работники, стремились не пропускать эти совещания, чтобы быть в курсе происходящих событий.

...На этот раз речь шла о строительстве дорог коллективом СУ-909 и прокладке лежневой дороги, отсыпке площадок для буровиков собственными силами нефтяников. Кузоваткин высказал недовольство плохой организацией работы, спрашивал Шереметьева о сроках строительства капитальной дороги к дожимной насосной станции № 1, так как оставалось достроить всего 3,5 километра. Шереметьев спокойно все выслушал, а затем сказал: «Мы работаем по графику, дорога будет сдана в срок. Слово сдержим. Но меня беспокоит другое: когда нефтяники передадут нашему коллективу программу строительства дорог на Самотлоре? Мы не можем работать как пожарники, ежечасно реагировать на новые просьбы. Необходима перспектива и очередность сдачи дорог». Кузоваткин перебил его: «Делайте то, что я вам сказал!». Шереметьев побледнел, встал и, сильно хлопнув дверью, вышел.

Мне эта выходка показалась мальчишеской. Я решил, что с ним надо поближе познакомиться, поговорить по душам и определить, кто же такой Ю.Г. Шереметьев.

На другой день я заехал к нему на базу. Мы побывали на объектах. Меня интересовало отношение помощников и рабочих к Юрию Григорьевичу. Я увидел, как он занимается производством, как решает социальные вопросы и пришел к выводу: это деловой и заботливый, порядочный и надежный человек, мыслящий масштабно. И в этом я убеждался на протяжении девяти лет совместной работы.

Основная задача коллектива СУ-909 — строительство межпромысловых и внутрипромысловых автомобильных дорог в ка-

питальном исполнении. Точка отсчета бралась от собственной базы — до берега Оби с заходом в строящийся город и в сторону Мегиона и Самотлора.

Не припомню случая, чтобы коллектив не справился с задачами нефтяников, которые выступали в роли заказчиков и понимали, что без хороших дорог невозможно добывать нефть и обустраивать месторождения. С пониманием к дорожникам относились М.М. Крол, первый заместитель начальника главка, П.П. Коровин, начальник транспортного управления. Они старались выделить ему самосвалы, бульдозеры, при этом просили сделать больше дорог на Самотлоре.

У нефтяников имелись специализированные управления, у которых задачи с каждым годом значительно усложнялись ускоренным строительством временных лежневых дорог, нехваткой техники, и они понимали, что без коллектива Шереметьева им не обойтись, только он способен построить капитальные дороги.

Мне нравился Юрий Григорьевич тем, что он не ходил по кабинетам горкома и горисполкома, не жаловался и не просил. Этим он отличался от других руководителей, которые старались при любой возможности что-либо выпросить. Он спокойно относился к часто приезжающим к нему начальникам из треста «Тюменьдорстрой», создавал им все условия для проживания — лишь бы не отвлекали от работы.

Юрий Григорьевич был собран. Внешним видом и поведением не давал повода для обвинения в зазнайстве, никогда не довольствовался достигнутым, смело брал повышенные обязательства, оценивая свои возможности, умел общаться с коллективом и поддерживал тех, кто проявлял смекалку, предлагал нестандартные решения для строительства дорог. Но это не означало, что он был спокойным человеком: мог показать свое «я», при необходимости возразить в резкой форме.

* * *

Задачи перед дорожниками с каждым годом усложнялись. Только на Самотлоре необходимо было вводить ежегодно 20—25 километров. И сделать это только при увеличении численности работающих, дорожной техники и автотранспорта не представляется возможным. Надо искать, думать.

По сравнению с 1966 годом объем дорожно-строительных работ увеличился в восемь раз, а численность работающих только в три раза. Выработка на одного рабочего повысилась в четыре раза и составила более 35 тысяч рублей.

В последующие пять лет коллективу СУ-909 предстояло освоить 112 миллионов рублей. За предыдущие пять лет коллективом было построено всего 45 километров, освоено 26,3 миллиона рублей, т.е. предстояло увеличить объемы строительства дорог в три раза, капиталовложений — в пять раз. Такой рост нельзя было взять без совершенствования технологического процесса, снижения себестоимости, повышения качества, применения новой техники — без науки это было просто невозможно.

Шереметьев был горячим энтузиастом и поборником новых методов строительства дорог. В этом он видел смысл: экономилась человеческие ресурсы, гарантировалась надежность, качество, скорость. Это тот рычаг, который позволил коллективу в два раза увеличить технологический шаг в строительстве дорог. Все новое держалось на его энтузиазме. Вот почему многие говорили: «Строим дороги на Саянскре по-шереметьевски!».

Следует учесть, что при освоении нефтяных месторождений в Западной Сибири, особенно в Нижневартовском районе, столкнулись с торфяными и слабыми болотными отложениями. Такие грунты угрожали строительству. В Госплане, а также в других вышестоящих инстанциях стали сомневаться: нужно ли вообще на Саянскре строить дороги с твердым покрытием? Но Кузоваткин и Кукуевичкий доказывали на основании расчетов, что строительство временных дорог пагубно скажется в дальнейшем и не позволит комплексно обустроить Саянскре.

Главный инженер Б.Ф. Илясов, а также инженеры В.М. Улько, В.М. Майлович, Н.А. Гладков, В.Г. Лейтланд, Э.А. Лукович пошли на небывалый эксперимент, который в дальнейшем дал экономический эффект и перевернул всю политику строительства дорожной сети в Западной Сибири.

В 1967 году в Сибирь приехали А.Н. Косыгин, Н.К. Байбаков и В.Д. Шашин. Они рассматривали вопросы обустройства Саянскре, выезжали на месторождение. Остановились у отсыпанного полотна, откуда хорошо просматривалась полная выторфовка в 10—14 метров, велась отсыпка песчаным грунтом. Стоимость одного километра дорог здесь превышала миллион рублей. Косы-

гин, обращаясь к Шашину и Муравленко, сказал: «Таких денег у государства нет. Надо думать о дешевом строительстве».

Тут в разговор вмешался Шереметьев и показал участки, на которых строили более дешевые по себестоимости дороги. На первом участке — подъезд к базе ПДС — дорогу строили по типу «плавающая насыпь». Второй — подъезд к ДНС-3 протяженностью два километра — без выторфовывания, с использованием торфа в основании земельного полотна. На третьем — подъезд к базе производственно-диспетчерской службы протяженностью 3,5 километра — в основании земельного полотна был слой замороженного торфа. И, наконец, на дороге Нижневартовск—Мегион была построена водопропускная труба оригинальной конструкции, которая предотвращала образование наледей в зимний период. Николай Алексеевич остался очень доволен показанным, похвалил Шереметьева, сказал: «Все, что вы делаете, позволит строить дороги быстро, дешево и прочно, а это обеспечит надежную работу нефтяников». Тем самым была дана высокая оценка коллективу СУ-909, четырем научно-исследовательским институтам Томска, Омска, Тюмени и Москвы, создавшим научный полигон на базе СУ-909 по строительству дорог на Самотлоре.

Да, Самотлор был тогда на слуху. Казалось, что о нем знают все, от мала до велика. Самотлор стал символом, синонимом преобразования Западной Сибири. Он был предметом обсуждения в ЦК КПСС, на местном уровне, все спешили хоть как-то оказаться причастными к большому общегосударственному делу.

Мне, секретарю райкома партии по идеологии, было очевидно желание многих приезжающих «отметиться, засветиться» на Самотлоре, подчеркнуть свой вклад в общее дело. Такой был настрой, в том числе у печати, телевидения, киностудий, литераторов, деятелей искусства и спорта. Не случайно пели: «Ты возьми билет в Аэрофлоте, приезжай на Самотлор». Сложилось мнение, что руководители всех рангов обязаны иметь отметку: был на Самотлоре.

В 1969 году чудо-месторождение дало стране первый миллион тонн нефти. Таких темпов не знал ни один нефтяной район страны! И с каждым годом добыча нефти увеличивалась в геометрической прогрессии, и к концу 1980 года было добыто 160 миллионов тонн.

В то время на Самотлор приезжали все: пресса, телевидение, радио, литераторы, кинематографисты, артисты... Всех надо было встретить, разместить, показать и рассказать о сибирском «чуде», о людях, которые с утроенной силой делали свое дело, создавали энергетический форпост страны.

Вспоминаю встречу с большой группой артистов «Мосфильма», среди которых был любимый киноартист Иван Переверзев. Позднее были созданы кинофильмы «Разбуженный Самотлор» и «Богатства Самотлора». Группу возглавляла М.К. Емельянова, заместитель председателя Тюменского облисполкома. Позднее Маргарита Кирилловна дважды побывает в Нижневартовске будучи заместителем министра социального обеспечения РСФСР.

Встретил я их в аэропорту, откуда мы перелетели на Ми-4 в Мегион, где нас ждал В.А. Абазаров, начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции, заслуженный геолог РСФСР, открыватель первых нефтяных месторождений в этом районе. Встреча гостей с известным в стране геологом Абазаровым прошла интересно. Он рассказывал об открытии более десятка нефтяных залежей, показывал любительские съемки геологов, многочисленные фотографии, маршруты движения геологических экспедиций, организовал встречу с буровым мастером Григорием Ивановичем Норкиным, пробурившим первую скважину на Самотлоре.

У гостей появилось желание побывать на самом месторождении. В то время можно было проехать на автомобиле только до Мегионской протоки, которая впадала в Обь, моста через нее не было. Решили доехать до этого разрыва, перейти на противоположную сторону, а дальше продолжить поездку на двух «уазиках». Абазаров сопровождал нас.

Добрались до «границы» месторождения, сфотографировались. Капитальная дорога прерывалась, и пришлось добираться до ДНС-1 на вездеходе. Здесь нас уже ждали Шереметьев и Рынковой, начальник Самотлорского промысла, известный нефтяник, человек из легенды.

Вездеход подошел к четырем вагончикам. В одном вагончике располагалась контора промысла, в другом — столовая. От вагончика к вагончику был уложен деревянный настил из 2—3 сбитых досок. И малейшая невнимательность при ходьбе дорого стоила — нога сразу утопала в темно-коричневой топи болота.

Рынковой и Шереметьев рассказали и показали, что уже сделано на месторождении, что предстоит сделать, в каких условиях приходится работать промысловикам и дорожникам. Это произвело неизгладимое впечатление на артистов. А вечером на вертолете, который доставил вахту на ДНС-1, мы вернулись в Нижневартовск. Впоследствии был создан документальный фильм «Разбуженный Самотлор».

* * *

Строительство дорог в Нижневартовске — особая страница жизни для Юрия Григорьевича. На мой вопрос: «Почему?», — он ответил: «Да потому, что именно здесь непочатый край работы для дорожников, полная свобода для творчества и инженерного поиска оригинальных, экономических и производственных решений. Потому что здесь много доверяют и не меньше спрашивают. Каждая дорога — своеобразный экзамен как для руководителя, так и для рабочих».

Да, Юрий Григорьевич каждый год держал экзамен перед нефтяниками. Они знали: будет Шереметьев строить дороги на Самотлоре — будет большая нефть, не будет дорог — не будет и нефти.

Этот экзамен Ю.Г. Шереметьев выдержал с честью.

Его деловитость, уважительное и заботливое отношение к людям приносили неперемный успех. Дух настоящего товарищества и соперничества был правилом во взаимоотношениях. И чем сложнее ставились задачи, тем крепче организованность и дисциплина, тем эффективнее поиск резервов, зорче взгляд на то, что тормозит движение вперед.

Шереметьев постоянно уделял внимание качеству и культуре производства, часто повторял: «Дороги, построенные СУ-909, — это настоящие дороги!». Он превосходно знал свое дело. «С ним спорить было трудно, — говорили о нем прорабы и начальники участков. — Если заранее знаешь, что не прав, и все равно стараешься ему доказать обратное, то потом бывает очень стыдно. Мы учились у него профессии дорожника и дорожили ею».

Жизнь и поведение руководителя особенно зримо раскрываются в экстремальных условиях, когда наиболее полно видны возможности человека, его черты, характер, манера поведения и принятия решений.

Шереметьев был беспощаден к тем водителям, которые не соблюдали «запретных знаков» дорожников, ведущих строительство. И если такие попадались под горячую руку Шереметьева, то разговор был очень острым. Особенно доставалось шоферам, застигнутым на участке, на котором были уже уложены дорожные плиты, а швы залиты мастикой, т.е. трасса готовилась к сдаче в эксплуатацию. В таких случаях водители пытались скрыться, но он их догонял, останавливал, забирал водительские удостоверения (а у него для этого были соответствующие документы), отбирал машину. Возврат документов и автомашины был возможен только при одном условии: провинившийся водитель вместе с начальником приезжали к Юрию Григорьевичу для объяснения.

Замечательные люди работали в коллективе Шереметьева. Мне не раз доводилось видеть их работу. Руководил третьим участком Михаил Дмитриевич Славгородский, а первым — Владимир Александрович Ковтуняк. В управлении они считались ведущими в прокладке трасс. Они создавали условия для других: расчишали трассу от леса, ровняли взгорки, засыпали овраги, отводили воду.

Представьте карьер, где находится 3—4 миллиона кубометров намытого песка, который надо вывезти на строительство дороги. Здесь стоят четыре мощных экскаватора, и громадные ковши не останавливаются ни на минуту. По гладкой укатанной дороге проносятся КраЗы, «Уралы», МАЗы, «Татры». Какая-то минута-полторы — поворот стрелы, и машины срываются с места и уносятся обратно. Вереница машин устремляется к объекту, а навстречу другая, порожняя.

Экскаваторщики Григорий Иванович Чепкасов и Иван Васильевич Обьедкин творили невероятное. Норма выработки на экскаватор в год — 110 тысяч кубометров грунта. За пятилетку — 550 тысяч. А они взяли пятилетку выполнить за 3,5 года, значит, в год им надо было выработать около 170 тысяч кубометров.

Я видел, в каких нечеловеческих условиях работали люди, машины и экскаваторы вязли в болоте, барахтались бульдозеры и вездеходы. Дорожники работали во «фронтовом» режиме, делая порой невозможное, но при этом знали одно — не сорвать темпы добычи, наверстать упущенное, комплексно обу-

строить месторождения. И это было сделано за семь лет! Сделано на земле, где каждый шаг требовал от человека особого напряжения сил. Смысл происшедшего можно обобщить коротко. Ключи от обских сокровищ найдены, новая топливно-энергетическая база создана!

* * *

Юрий Григорьевич и его дружный коллектив много сделали для Нижневартовска. Город гордится ими по праву. Они брали на себя ключевые вопросы жизнедеятельности и успешно, в рекордные сроки снимали труднейшие проблемы.

Спроси сегодня молодых жителей города о месте нахождения старого аэропорта — большинство не ответят, они даже не могут себе представить, с каким трудом приходилось обслуживать пассажиров, и какие невыносимые «муки» испытывали сами улетающие и прилетающие в Нижневартовск. Быстрее можно добраться на лодках или пешком по трубе, которая была проброшена по болоту с водозабора, установленного на Оби, для подачи воды в поселок и соединяла старый и новый Нижневартовск.

Поэтому Шереметьев обратился к руководителям города с предложением начать строительство новой взлетно-посадочной полосы и дороги, которая соединит Нижневартовск с новым аэропортом.

В июне 1971 года СМП-53 и СУ-909 приступили к земляным работам. Шереметьев дневал и ночевал на стройке, «горел» этим объектом, подключал к общему делу всех, кто желал в нем участвовать. Строители показывали образцы трудового героизма. И за два года взлетно-посадочная полоса была сдана в эксплуатацию. Нижневартовск первый из городов Среднего Приобья стал принимать самолеты Ту и Ан. Позднее в строй вошли аэровокзал и весь комплекс инженерных сооружений и объектов, обеспечивающих надежную круглосуточную работу аэропорта. К сожалению, трудовой подвиг коллективов, которые построили этот важный объект для города и района, не увековечен хотя бы простой памятной мемориальной доской.

СУ-909 строило объездную автотрассу, позволившую «закольцевать» город окружной дорогой и снять напряжение в ав-

томобильном движении, уменьшив аварийность и повысив безопасность жителей. Потребовались твердость и воля Ю.Г. Шереметьева, чтобы доказать нефтяникам необходимость этой дороги, которая не была предусмотрена планом, а значит, и не было средств на ее строительство.

На дорогах в городе, особенно на Самотлоре и в Мегионе, сложилась тупиковая ситуация с пропускной способностью: уложенные две-три плиты в ширину стали причиной повышенной аварийности и гибели людей. Горком и горисполком приняли предложение Шереметьева привлечь все транспортные предприятия города для отсыпки песком обочины дороги.

Он душевно и уважительно относился к людям. Его как руководителя уважали, с ним, как говорится, готовы были идти в огонь и в воду.

Юрий Григорьевич заботливо растил свои кадры: главный инженер управления С.Ф. Илясов будет главным инженером треста «Тюменьдорстрой», начальник участка В.М. Улько — главным инженером управления, а молодой специалист В.Г. Лейтланд станет главным инженером, затем управляющим трестом и, наконец, директором Балашихинского научно-исследовательского дорожного института, заместителем министра дорожного строительства. Последнего Шереметьев любил по-отцовски, доверял ему большие дела, поддерживал инициативу комсомольско-молодежного участка, который возглавлял Лейтланд.

Коллектив участка выступил с инициативой «корчагинской вахты» в честь 70-летия со дня рождения Н. Островского и с предложением собрать средства на строительство в городе памятника, посвященного погибшим в годы Великой Отечественной войны воинам-нижневартовцам.

Но самое большое доверие было оказано молодым дорожникам участка — построить капитальную дорогу вокруг озера Самотлор. Более трех лет в жару и в холод продвигались «лейтландцы» километр за километром к заветному рубежу. Нелегко было, но они шли. Отсыпали более 3,5 миллиона кубометров грунта, около 4000 тысяч бетонных плит уложили для покрытия полотна дороги. 23 ноября 1973 года последний самосвал высыпал грунт, уложили последние четыре плиты. Кольцо протяженностью 66 километров, опоясавшее озеро Самотлор, соединилось! Это была большая трудовая победа дорожников.

Мне посчастливилось на митинге вручить им памятное Красное знамя горкома партии, горисполкома и горкома ВЛКСМ, учрежденное для этого события.

Было принято решение о строительстве памятника «Покорителям Самотлора» — визитной карточки нижевартовцев. Шереметьев и тут не остался в стороне. Он предложил установить памятник на возвышенности, а для этого необходимо было сделать искусственный холм высотой до десяти метров. «Подсказку» Юрия Григорьевича одобрили ленинградские архитекторы и скульпторы, которые проектировали, изготавливали и устанавливали замечательный по красоте и содержанию памятник.

Ю.Г. Шереметьев незамедлительно приступил к делу. Коллектив СУ-909 обратился с призывом ко всем транспортным предприятиям, чтобы после работы водители, возвращаясь на базу, высыпали грунт на площадку под памятник. Сюда поставили бульдозер с трехсменным экипажем, который должен был образовать холм. И водители не остались в стороне. После рабочей смены они привозили на холм по машине песка. И холм-фундамент для памятника был сооружен в кратчайшие сроки.

8 марта 1977 года, в честь 5-летия города Нижневартовска, состоялось открытие памятника. На митинге Юрий Григорьевич сказал: «Мы сделали великое дело — увековечили всех, кто покорял Самотлор — сокровище югорской земли!».

Да, у Ю.Г. Шереметьева была своя дорога, своя слава!

Лесной богатырь

Из моих личных архивов (записей и дневников), из официальных источников, встреч с коллегами и друзьями у меня сложился образ «лесного богатыря» — Ивана Григорьевича Волкова.

Он не лучше и не хуже других, а просто особый, неповторимый среди моего поколения. Иван Григорьевич — часть моей жизни, за тридцать лет дружбы я знаю про него почти все, вплоть до того, каким он был до приезда на тюменскую землю, до моего знакомства с ним.

После окончания Саратовского сельхозинститута с дипломом инженера-лесомелиоратора Иван Григорьевич трудился 15 лет, десять из них — директором Зырянского лесхоза, что расположен в горной Восточно-Казахстанской области. Безусловно, он был наслышан об открытии нефти на тюменской земле. И ему тоже хотелось испытать себя в большом деле, душа рвалась в новое, неизведанное. Вот что об этом рассказывал Иван Григорьевич: «Откроешь страницы центральных газет, включишь радио или телевизор, то с каждым днем, месяцем, годом все ярче и голосистее звучал для меня тюменский «меридиан». Сразу представлял географическую карту, на которой расположена Западно-Сибирская низменность. Именно там, на ее широких просторах, создавалась крупнейшая база нефтяного и газового могущества страны. Передо мной стояли вопросы: как поступить? С чего начать? Сначала свои задумки скрывал от жены и друзей. Но был твердо уверен: мое место там».

А тут еще младший брат Геннадий, энергетик по специальности, подбрасывал «огонька» в ситуацию. Он в 1968 году уже строил опоры электропередачи на участке Тюмень—Тобольск—Мегион. Этой Всесоюзной комсомольской стройкой руководил молодой, энергичный, легендарный Игорь Алексеевич Киртбая, рано ушедший из жизни.

Геннадий при встречах с Иваном горячо, восторженно рассказывал о Тюменском крае, о перспективах по освоению под-

земных кладовых. «Именно сюда, — говорил он, — устремилась молодежь: летят, плывут, едут отовсюду». Он убеждал Ивана, что там, в Сибири, и для него, лесника, есть большое дело.

Романтика, трудности и неизвестность, конечно, будоражили ум и сердце, и он долго раздумывал, как поступить. Здесь у Ивана Григорьевича было все налажено. Лесхоз числился одним из лучших в районе. Его очень уважал и поддерживал руководитель Лениногорского лесхоза Сергей Ефимович Стремоусов. Многопрофильное хозяйство И.Г. Волкова заготавливало и отгружало древесину в больших объемах для комбината «Алтайлес». Более 25 тысяч кубометров в год перерабатывалось на месте. Волков занимался восстановлением лесного фонда, имел лесопитомник площадью два гектара.

У лесхоза было хорошее подсобное хозяйство: две пасеки на 150 ульев каждая, конеферма, так как без лошадей невозможна лесная охрана в горах, на площади более ста гектаров выращивали овес, ячмень, пшеницу. В поселке лесников имелось все для нормальной цивилизованной жизни: одно- и двухквартирные дома, школа, детсад, магазин, пекарня, баня. Жена Руфина Хасановна работала директором школы.

* * *

И все же Ивана Григорьевича тянуло в Тюмень, на Север. Под предлогом, что едет в командировку в Усть-Каменогорск, Иван Григорьевич повернул на Тюмень. Из аэропорта отправился к начальнику комбината «Тюменьлес» Михаилу Ивановичу Адрову. Вот что рассказывал Иван Григорьевич об этой встрече: «Принял он меня радушно и уважительно. Внимательно посмотрел трудовую книжку, а в ней было всего четыре записи: Саратовский институт, лесничий Журавлихинского лесничества, главный инженер и директор Зыряновского лесхоза. Возвращая книжку, Михаил Иванович спросил: «Наверное, член партии? На что вы рассчитываете? У нас в области нет ни лесомелиоративных работ, ни борьбы с эрозией почв, ни строительства водоемов и прудов. А в Среднем Приобье предстоят небывалые объемы лесозаготовок для нужд нефтяников и строителей». Выслушав, я ответил: «Согласен начать с должности главного инженера небольшого леспромхоза, а там посмотрите, на что гожусь».

Согласен поехать на Север». И Михаил Иванович мне предложил: «В 1969 году в Нижневартовске планируем на базе двух лесопунктов Сургутского леспромхоза организовать самостоятельный леспромхоз для обеспечения нефтяников Саяногорск древесиной. Предлагаю начать с должности главного инженера планируемого хозяйства». Сделав паузу, продолжил: «Кстати, к вам в область первым секретарем обкома партии ЦК направляет Александра Константиновича Протожанова. Он у нас разбудил вековую тайгу и тундру. Это энергичный человек, с неординарным мышлением и талантом. Думаю, он вас тоже потрясет, о нем вы услышите сразу же, дремать не будете. Жаль, что он уезжает отсюда в такой решающий момент. Но там, «наверху», решили, не поспоришь».

На том они и расстались. Иван Григорьевич вернулся в Казахстан.

Я часто встречался с Михаилом Ивановичем Адровым. Он мне напоминал протожановский тип руководителя. Это был опытный руководитель областного масштаба, умудренный жизнью человек, порой непредсказуемый, хитрый, хозяйственный политик. Решал он вопросы настолько смело, что сложилось мнение: для него не было нерешаемых задач.

Спустя год, находясь в отпуске, супруги Волковы приехали в Тюмень. В приемной столкнулись с М.И. Адровым. Он торопился, уезжал в командировку на неделю. Узнал, поздоровались. «Ну что, казахстанец? Приехал с женой, значит, всерьез и надолго. Поживите в городе, познакомьтесь, вернусь, тогда и поговорим. До свидания». Волковы устроились в единственной в городе гостинице «Заря». И за неделю многое узнали о «столице деревень» — так тогда называли Тюмень. Ходили в драмтеатр, по магазинам, были на колхозном рынке. Поразило их изобилие рыбы и рыбных продуктов.

Через неделю Михаил Иванович был на месте и принял Волкова. «На чем же мы остановились в прошлом году?» — спросил он. «На Нижневартовске», — ответил Иван Григорьевич. «Да, верно, — сказал Михаил Иванович. — Но главный инженер уже есть, а директора нет. Вот и поезжай сразу же директором. Позвоню, встретят, покажут».

Предложение Волков принял, прилетел в Нижневартовск самолетом, а затем вертолетом в поселок лесников Зайцева Реч-

ка, где находился один из основных участков и контора. Поначалу был очень разочарован. Представлял увидеть нечто другое. На самом же деле базы практически никакой, техника разукомплектована, побита, жилищно-бытовые условия ужасные. В магазине полки голые, бани нет, жилье и клуб требуют капитального ремонта. Всюду грязь, улицы разбиты тяжелой техникой, электростанция работает только в ночное время. В конторе неуютно.

Этим же вертолетом вернулся в Нижневартовск. Знакомиться с другим лесоучастком не было никакого желания. В райкоме партии первого секретаря М.П. Стархова не оказалось, принял А.И. Исыпов, второй секретарь. Об этом Иван Григорьевич вспоминает так: «Он расспросил меня, кто я и откуда. Я в свою очередь рассказал о своем посещении и впечатлениях от Зайцевой Речки и выдвинул условие: работать директором буду, если райком партии и райисполком выделяют в старой части Нижневартовска участок под собственную базу леспромхоза и строительство жилья. Не решив этого вопроса, нет смысла рассчитывать на большие дела лесников в оказании услуг нефтяникам. С доводами, что здесь, в Нижневартовске, легче набрать людей, создать базу, здесь ближе к Самотлору, здесь легче обеспечить рабочих социально-бытовыми и жилищными условиями, А.И. Исыпов согласился. Дал письменное подтверждение, что райком партии не возражает против моей кандидатуры. С этим документом я вернулся на комбинат «Тюменьлес»...

На следующий день вместе с начальником отдела кадров комбината Вороновым Иван Григорьевич отправился в промышленно-транспортный отдел обкома партии. Тут и случилась первая заминка. У Волкова при себе не оказалось партийного билета. Пришлось оформлять пропуск. Принял их заведующий отделом Лев Иванович Кудрявцев, которого через три месяца после этой встречи изберут первым секретарем Ханты-Мансийского окружкома партии. Лев Иванович спросил начальника отдела кадров: «Скажите, как же Адров так легко подбирает директоров леспромхозов? Эта должность является номенклатурой обкома. Существует порядок представления документов. О Волкове уже могу сделать нелицеприятные выводы. Как же так? Зная, что он должен встречаться в партийных органах, не взял с собой партбилет, который у коммуниста должен быть всегда при себе. А что, в Казахстане другой порядок? А вдруг окажется

ся, что он не тот, за кого себя выдает? Может, он пьяница или проходимец? Будем рассматривать предложение комбината лишь при наличии всех документов. В первую очередь нам нужна партийная характеристика с прежнего места работы».

Вот такая состоялась «задушевная беседа». Это было неожиданностью для И.Г. Волкова. На самом же деле Лев Иванович, работая директором Тюменского механического завода, был внимательным, спокойным, опытным инженером и руководителем. Я его хорошо знал. В обкоме он тоже пользовался уважением. Не случайно сразу с должности заведующего отделом он был избран первым секретарем окружкома партии.

Мы с Львом Ивановичем на протяжении 15 лет поддерживали деловые и дружеские отношения до самых последних дней его жизни. Став министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, Б.Е. Шербина начальником управления руководящих кадров взял именно Кудрявцева.

Волкову стало не по себе после этой встречи. Надо было возвращаться назад. На обратном пути Иван Григорьевич обдумал план своих дальнейших действий и сделал остановку в Усть-Каменогорске. У начальника областного управления лесного хозяйства Б.П. Левченко он попросил производственную характеристику. Борис Петрович спросил: «Иван Григорьевич, а зачем она тебе нужна?». Правду говорить не хотелось, и он ответил: «Думаю поступать в заочную лесотехническую аспирантуру».

Характеристику выдали. По содержанию она была такой же, как ранее представленная в республиканский комитет леса Казахской ССР при утверждении Волкова в должности директора лесхоза.

Вернувшись домой, Иван Григорьевич зашел в Зырянский горком. Курирующий инструктор сообщил, что звонили из Тюмени и навели о нем справки. Первый секретарь М.Ф. Кузьмин ответил тюменцам, что он не намерен Волкова отпускать и снимать его с партийного учета.

Тогда Волков предпринимает следующее: в выданной ему характеристике по его просьбе секретарь партийной организации лесхоза допечатывает: «Характеристика дана в Тюменский обком КПСС» и подписывает. Теперь с этим документом Волков приходит к первому секретарю горкома Кузьмину. Между ними состоялся такой разговор.

— Иван Григорьевич, решил вырваться в Тюмень? Не выйдет, я им уже ответил, будешь работать здесь.

— Николай Федорович, ведь еду в Западную Сибирь. Там сегодня мое место. Предлагают практически нулевой леспромхоз, — ответил Волков, передавая Кузьмину характеристику.

Прочитав, Кузьмин позвонил начальнику управления и сказал:

— Борис Петрович, ты что, Волкова отпускаешь?

— Так ведь Иван Григорьевич решил поступать в аспирантуру!

— Слушай, он тебя и меня обманывает. Он в Тюмень собрался, покорять Западную Сибирь. Видишь ли, второй Ермак объявился, — и положил трубку. А посмотрев характеристику, воскликнул: — Да ты еще и подделкой документов занимаешься!

Изорвал характеристику и выгнал Волкова из кабинета...

Итак, у Ивана Григорьевича возникли большие осложнения. Он решил посоветоваться, как ему поступить в данной ситуации, с прокурором города Т.И. Терешенко. Рассказал ему все, как на духу, и спросил: «Как же мне быть? Не отпускают, с партучета не снимают. К тому же мы с женой являемся депутатами Зырянковского горисполкома. Теперь мне не работать директором». Терешенко, выслушав внимательно, сказал: «Товариш Волков, закон для всех один. Советую: дайте телеграммы своему начальству в Алма-Ату и Усть-Каменогорск, такие же телеграммы отправьте в «Тюменьлес» и Тюменский обком партии. Если в течение двух недель не получите положительного ответа, то не выходите на работу». Тут же составили текст телеграммы.

Иван Григорьевич поступил так, как посоветовал прокурор. Получив телеграмму из Тюмени, он по акту сдал лесхоз своему главному лесничему. Без снятия с партийного учета в декабре 1969 года с семьей прибыл в Тюмень. Адров отнесся к Волковым с пониманием и сделал все, что зависело лично от него. Его порядочности и твердости в принимаемых решениях, особенно по кадрам, можно было просто позавидовать. Первых руководителей он подбирал сам и, как правило, в них не ошибался. Они же в свою очередь работали на совесть, старались его не подводить. Его указания и приказы исполнялись «под козырек». В числе преданных оказался и Иван Григорьевич. В обкоме над

ним подшучивали: «Зачем столько волокиты завели, не проще было бы поменять секретаря обкома А.К. Протозанова на директора лесхоза Волкова».

* * *

И вот Иван Григорьевич в Нижневартовске, семья — в Зайцевой Речке. Отсчет времени его работы в районе начался одновременно с моим. С ним я познакомился на второй день после проведения внеочередного пленума райкома партии, который избрал секретарями Н.Я. Токарева и меня. Это было в кабинете второго секретаря.

Мы поздоровались. Передо мной стоял мужчина среднего роста, плотного телосложения, круглолицый, со светло-русыми волосами, подстриженными под «бобрик», большими голубыми глазами. Одет был в теплую одежду и валенки. Я присоединился к обсуждению проблем вновь рожденного леспромхоза. Он, естественно, нуждался в нашем совете и конкретной помощи. Стоял вопрос о быстрой передислокации основного коллектива Зайцевореченского лесоучастка в Нижневартовск. Для этого райисполком должен был определить место его расположения.

И.Г. Волков принял дела двух лесоучастков, которые не выполнили план 1969 года по заготовке и вывозке древесины для НПУ «Мегионнефть». Лесозаготовители поставили в трудное положение буровиков, вышкомонтажников и дорожников. Правда, на то были объективные причины: неукomплектованность бригад вальщиками, трактористами, не хватало бензопил, тросов, блоков для погрузки леса. Участки остро нуждались в квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадрах.

Решение многих производственных и организационных вопросов усложнилось и тем, что директор Сургутского леспромхоза Александр Григорьевич Тутов, которому подчинялись нижневартовские участки, не баловал их своим вниманием. Более того, если ему удавалось выпросить у нефтяников дополнительно технику и оборудование, то она, как правило, оставалась в Сургуте. Нам было понятно, что без помощи комбината «Тюменьлес», Главтюменнефтегаза, внимания и контроля со стороны райкома и райисполкома Волкову и главному инженеру В.С. Еремину не выполнить планируемые объемы по поставке дре-

весины для нефтяников Саянлора. Тем более, что в 1970 году леспромхозу предстояло в два-три раза увеличить поставки.

Слушал я тогда Ивана Григорьевича и убеждался: это не старой закваски руководитель, над которым висело «давай, давай», а новый, «хозяин». Тот, который нам нужен, кто хорошо знает свое лесное дело, кто сумеет почти с нулевой отметки организовать работу и создать коллектив. Он действительно, как русский сказочный Иван-богатырь, знал, что все зависит от него самого, что надо действовать, чтобы не оказаться на обочине большого дела. В разговоре с нами Иван Григорьевич держался на равных, без подобострастия, без стеснения и чиновничества. Отвечал на вопросы, высказывал предложения, отличался независимостью.

Мне показалось, что трудности момента для него — не преграда. Была уверенность, что леспромхоз быстро встанет на ноги. Но сегодня ему нужна экстренная, эффективная помощь «Тюменьлеса» в выделении финансовых средств, материальных ресурсов, спецтехники и машин. При этом заказчик тоже не должен был остаться в стороне. Задача перед ним стояла наиболее сложная: следовало незамедлительно разворачивать бригады, снимая с Зайцевой Речки и Сарт-Егана, и перебрасывать их на Саянлор. Вместе с ними перебазировать тракторы и лесовозы. Следовало начать заготавливать в сутки не менее двух тысяч кубометров леса. Трудность усугублялась отсутствием в Нижневартовске промбазы, жилья и общежитий. Люди должны были жить в полевых условиях. Оргнабор для работы приходилось вести прямо в аэропорту среди прибывающих в Нижневартовск. С этой целью был организован передвижной отдел кадров. В порядке исключения райисполком разрешил принимать на работу людей с временной пропиской. На этом же совещании были подготовлены предложения: райисполкому выделить место для леспромхоза в старой части Нижневартовска, начальнику НПУ «Мегионнефть» Р.И. Кузоваткину оказать помощь в переброске техники и машин, выделить 50 мест в общежитии и несколько квартир для ИТР и семьи Волкова.

В сложный момент становления леспромхоза М.И. Адров помогал чем мог: с леспромхозов, находящихся вдоль железной дороги Ивдель—Обь, командировал в Нижневартовск вальщиков и трактористов. По его инициативе Сургутскому и Усть-

Балыкскому леспромхозам пришлось поделиться техникой и машинами. Он нашел дополнительные источники финансовых и материальных ресурсов, чтобы как можно быстрее включить нижневартовских лесозаготовителей в решение усложняющихся задач нефтяников Самотлора.

Скажу честно, нашему району повезло с незаурядным, умным руководителем, понимающим заказчиком, каким был Р.И. Кузоваткин. Так уж создала его природа, такова была его судьба — предлагать помощь в трудную пору тем руководителям, которые не сидят сложа руки. Он, вовремя оказывая реальную помощь, рассчитывал на их активное участие в преодолении той сложнейшей ситуации, в которой находились нефтяники Самотлора. Роман Иванович вынужден был регулярно проводить производственные планерки, специально посвящая их лишь работе лесников, детально рассматривать их вопросы и помогать, помогать. Ибо понимал, что без поставленной в необходимых объемах древесины не решить задачи по строительству площадок для вышкостроителей, буровиков, по прокладке лежневых дорог. В деловой древесине, причем в больших количествах, нуждались и строители города. Знаю, как трудно было ему откликнуться на просьбу о выделении мест в общежитиях и квартир для работников леспромхоза, поскольку остро нуждался в этом. Но он был по-настоящему государственный человек, политик в лучшем смысле этого слова.

Всякий раз в очередной приезд начальник Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко и его заместитель М.М. Крол проводили совещания в гостинице «Самотлор». На совещания приглашались И.Г. Волков и А.Г. Тутов. Помню, Виктор Иванович начинал совещание, как правило, с рассмотрения вопросов лесников. И этого раз и навсегда заведенного порядка он придерживался сам и приучал своих заместителей. Останутся в памяти моей и нижневартовцев его слова, которые он сказал, обращаясь к руководителям: «Друзья, обсуждать наши дела начнем только после рассмотрения вопросов лесников, памятуя о том, что нижневартовская и сургутская нефть идет через лес. Наш «лесной богатырь» Иван Григорьевич должен понимать нас, нефтяников, а мы — его».

М.М. Крол располагал большими полномочиями, чтобы решать вопросы материально-технического обеспечения. Мурав-

ленко поручил ему курировать наш нефтяной район. И Матвей Маркович последовательно выполнял указания своего начальника. Ему неоднократно приходилось брать на себя ответственность и выделять самолеты Ан-12 и Ан-22 для переброски из Тюмени грузов и машин для леспромхоза. Каждый такой рейс дорого обходился главку. Но другого пути не было. Самотлор требовал немалых капитальных вложений, но он многократно окупал эти затраты.

Матвей Маркович всячески поддерживал директора леспромхоза, а тот в свою очередь никогда не подводил — древесина поступала в необходимых количествах. Уважал Волкова и заместитель по бурению Главтюменнефтегаза Михаил Николаевич Сафиуллин. В становлении коллектива Нижневартовского леспромхоза значительная роль принадлежит другим работникам главка: П.П. Коровину, В.С. Кветкину, Н.К. Горскому, А.А. Тюкалову и А.А. Алееву.

Этот период Иван Григорьевич вспоминает с благодарностью: «Насколько важно, что те, кто в той ситуации оказался рядом со мной и помог мне, были настоящие руководители. Я их никогда не забуду. Они помогли создать работоспособный коллектив лесозаготовителей, обрести «крылья» и вместе выполнить государственную задачу — создать мощный топливно-энергетический комплекс». Да, прав был Иван Григорьевич в том, что и по сей день тюменский комплекс верно служит его создателям и спасает Россию от полного упадка.

Сам же Иван Григорьевич прекрасно осознавал, что оказанная помощь — это полдела, необходимо было ему принимать такие решения, которые бы обеспечили производственный успех на Самотлоре зимой 1970 года.

Он наладил в Зайцевой Речке изготовление из бруса обогреваемых жилых домиков на санях, которые предназначались для десяти созданных малокомплектных бригад, располагающихся непосредственно на лесосеках. Каждой бригаде выделили трелевочный трактор типа ТТ-4, с помощью которого специально установленной трособлочной системой хлысты после обрубки сучьев грузились на лесовозы и отправлялись к смежникам — специализированным управлениям. Доставленный лес укладывался на предварительно промятые, замороженные площадки и дороги, а затем засыпался песком. Такая технология на

Самотлоре была предложена проектным институтом ВНИПИ-нефть. Лес, естественно, требовался в больших количествах. Для этих целей рубили в основном лиственные породы. Хвойный же лес предназначался для строительных трестов Нижневартовска и Мегиона. Жалко ли было вырубать это богатство? Да, безусловно. Но альтернативы не было.

Оставшиеся бригады в Зайцевой Речке заготавливали в основном деловую древесину для сплава. Навигации выдавались разными, но для сплавщиков всегда были очень трудоемкими. Сроки сплава леса на малых реках — Пасол, Ермаковский Еган, Сарт-Еган, Колек-Еган, притоках Ваха и Оби — были очень короткие, а сами реки извилистые, что препятствовало буксировке больших плотов. Вывоз леса с малых рек на магистральную Обь обеспечивался катерами леспромхоза. На Оби формировались плотокараваны, которые водили теплоходы Обь-Иртышского пароходства.

Мне неоднократно приходилось с Иваном Григорьевичем бывать в этих местах и видеть воистину адский, небезопасный труд сплавщиков в момент сброса леса с берегов вниз, где вязались плоты, в период малой воды. Видел виртуозную работу капитанов, знающих особенность каждой речушки. Они понимали цену своего груза, доставляя дорогостоящий лес.

* * *

Наступила первая весна Ивана Григорьевича в Сибири. Он не мог предположить, что в один момент рухнут зимники, а Самотлор покажет, как он труднодоступен, лесозаготовителям и строителям. Надо было срочно менять тактику ведения дальнейших работ по заготовке леса в запас. Как известно, Самотлор был сложен по почвенно-геологическим условиям. 45 процентов месторождения находилось под водой, 40 процентов — торфяные залежи и только 15 процентов — более или менее сухие места. Работать по привычной технологии было совершенно невозможно, даже вездеходы не могли одолеть болота. Иван Григорьевич не растерялся. Решили искать возвышенные лесные массивы. На таких островках приходилось сосредотачивать бригады, которые должны были работать вахтовым методом и вести заготовку леса к следующей зиме. Таких мест на

Самотлоре было выбрано шесть. Каждая точка имела в обязательном порядке вертолетную площадку.

Обустроивались такие вахтовые городки собственными силами леспромхоза. В них размещались жилдомики, столовая, баня, холодильная камера, электростанция и емкости для ГСМ. Бригады работали по 15—20 дней, а затем люди отправлялись на отдых в Нижневартовск или Зайцеву Речку. С авиаотрядом нижневартовского аэропорта леспромхоз ежегодно заключал договор на 500 летных часов для перевозки людей, продуктов питания, оборудования, всего того, что необходимо было для жизнеобеспечения бригад.

Параллельно с основной работой на месторождениях его коллектив занимался в Нижневартовске строительством своей производственной базы, жилья, конторы, хранилищ для отдела рабочего снабжения. Пока же временно располагались в здании бывшего райотдела милиции в старой части поселка. Решение райисполкома о выделении земельного участка в Нижневартовске под строительство леспромхоза было негативно воспринято в обкоме партии. Однажды, облетая на вертолете строящуюся площадку города, один из секретарей обкома, увидев «волковскую» новостройку, дал указание председателю райисполкома Н.Я. Устьянцеву немедленно прекратить строительство и вывести леспромхоз за пределы города. Райкому партии пришлось долго его убеждать, подключив к решению этого вопроса Адрова и Муравленко. В итоге обком согласился с решением райисполкома.

Ивану Григорьевичу пришлось выдержать и другой прессинг. Но уже со стороны вновь избранного первого секретаря райкома В.В. Бахилова. Обком и окружком партии направили его из Сургута для укрепления Нижневартовского райкома. Дело в том, что Василий Васильевич был в дружеских отношениях с директором Сургутского леспромхоза А.Г. Тутовым. Не разобравшись, сразу же принял решение о переподчинении Нижневартовского леспромхоза А.Г. Тутову. Ему даже удалось убедить в этом Адрова, и он своим приказом в 1973 году преобразовал наш лес-промхоз в сургутский филиал. Естественно, был закрыт расчетный счет, а значит, вся заработанная прибыль пошла в Сургут. В таком «подвешенном» состоянии Волкову пришлось работать около двух лет. При всем глубоком уважении к Бахилову дол-

жен сказать, что и у него были ошибки в подборе кадров. Одна из них — безоглядная вера в тех, с кем он когда-то учился или работал в Ишиме и Сургуте. К сожалению, не все и не всегда они оказывались на деле такими специалистами и руководителями, какими он их помнил и представлял. Они часто его подводили, разочаровывали. Таким был и Тутов.

Будучи уже первым секретарем горкома партии я убедил министра лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР В.Н. Тимофеева и заведующего сектором отдела лесной промышленности ЦК КПСС Н.П. Потапова, находящихся в деловой поездке по нашему району, в выделении из состава Сургутского леспромхоза коллектива Волкова и образовании самостоятельного леспромхоза. Николая Петровича я хорошо знал, когда он работал первым секретарем Октябрьского райкома партии в нашем округе. Он представлял наши трудности в освоении Самолора, понимал значимость лесников в его обустройстве и поддержал меня в беседе с министром.

А пока коллектив Ивана Григорьевича продолжал наращивать темпы заготовки древесины для Самолора. Несмотря на нелегкие жилищно-бытовые условия, нехватку специалистов и рабочих, леспромхоз сумел ликвидировать сезонность при проведении лесозаготовок, а это дало возможность буровикам претворить в реальность лозунг «Бурить зимой, как летом!».

Иван Григорьевич видел смысл своей жизни в служении любимому делу без громких слов, без привлечения к себе излишнего внимания. Он просто честно выполнял долг перед нефтяниками. Порой нас удивлял этот неугомонный руководитель, который умел работать с нелегким контингентом рабочих, имевших не одну судимость. Сам же Иван Григорьевич с некоторой гордостью нас убеждал: «Нынешний лесозаготовитель не то чтобы совсем бросил пить, но уже избегает выпивать на работе. Пьющих стало мало, они у нас в бригадах не держатся. Почему? А потому, что мы изменили материальные и моральные стимулы, внедрили новую систему оплаты труда и сделали более совершенной организацию работы. Вальшики, чокеровшики, трактористы, сучкорубы стали зарабатывать приличные деньги. При этом они знают, что желающих на их место сколько угодно».

И люди у И.Г. Волкова работали действительно самоотверженно, держались за свой «рабочий достаток». Формировался

здоровый трудовой коллектив. На этой основе можно было расширять деятельность «вширь и вглубь», смело выходить на новые нефтяные площадки района. Горком партии и я лично понимали, что мы не ошиблись в Волкове. Чувствовали его твердую жизненную позицию. Он стал популярен, уважаем руководителями города и района. Его избрали членом горкома партии и депутатом райисполкома. Но главным направлением в работе директора всегда оставался Самотлор. Здесь был особый спрос на всех уровнях: центральной, областной и местной власти. Здесь была велика цена ошибки, которая сразу же сказывалась в общей цепи управления.

С переездом из Урая в Нижневартовск известного на всю страну коллектива УБР, руководил которым профессионал высокого класса, неутомимый Авзал Гизятович Исягнулов, задачи леспромхоза на Самотлоре возросли вдвое. Теперь у Нижневартовского УБР-1, которым руководил Валентин Иванович Хлюпин, появился конкурент в социалистическом соревновании буровых бригад за 100-тысячную проходку по строительству скважин. Над Волковым подшучивали: «лесному богатырю» Самотлора противостоят буровые богатыри Г.М. Левин, В.В. Китаев, А.Д. Шакшин, Г.К. Петров, С.Ф. Ягафаров. Теперь шла бескомпромиссная борьба за каждую подготовленную площадку для бурения. Был составлен жесткий график ввода и сдачи их буровикам.

Установился такой порядок, когда Главтюменнефтегазом и объединением «Тюменьлес» на каждый очередной год издавался совместный приказ по леспромхозам, работающим в нефтяных районах Среднего Приобья. В приказе определялись объемы заготовки древесины и сроки поставки. На основании этого составлялись графики и сроки строительства площадок и лежневых дорог по каждому месторождению.

Раз в декаду проводились селекторные совещания, на которых строго контролировался данный приказ и график. Нефтяники обязывались оказывать техническую помощь лесникам, если возникали проблемы.

В девятой пятилетке (1970–1975 гг.) леспромхозу определили план по заготовке древесины в следующих объемах: в 1970 году — 120 тысяч кубометров, в 1971-м — 197, в 1972-м — 291, в 1973-м — 350, в 1974-м — 400 и в 1975 году — 500 тысяч кубометров. Только в первый год пятилетки за три с по-

ловиной зимних месяца для Самотлора под строительство площадок для кустового бурения и лежневых дорог, соединяющих их, предстояло заготовить и поставить 80 тысяч кубометров леса, т.е. ежедневно свыше полутора тысяч кубометров. Тогда казалось, что таких темпов и объемов не достичь. Старт работ был дан 15 января, а финиш — к середине апреля. Вот такая задача стояла перед коллективом заготовителей и Иваном Григорьевичем. Это было суровое испытание и своего рода экзамен на умение организовать работу в таких непростых условиях.

Сначала шести комплексным бригадам Самотлорского лесопункта, где начальником был И.П. Шиш, до 1 февраля удалось достичь 570 кубов суточной выработки на бригаду и поставить за пятнадцать рабочих дней 3,5 тысячи кубометров. В феврале были созданы Северный и Южный лесопункты, и десяти бригадам предстояло перейти рубеж с выработкой на бригаду 900–1000 кубов. Лишь трем бригадам удалось довести заготовку леса до 1200 кубов. Всего за февраль было заготовлено 15,2 тысячи кубометров леса. В марте пятнадцати бригадам предстояла новая задача: довести ежедневную выработку до 1600—1700 кубов. В результате за два с половиной месяца было заготовлено и отгружено 52,5 тысячи кубометров.

Оставалось пятнадцать дней до весенней распутицы. А нужно было заготовить 12 тысяч кубов! К этому периоду на Самотлоре были созданы два крупных лесопункта — Комсомольский и Октябрьский, возглавляемые опытными начальниками Н.Ф. Клепиковым и В.С. Крючковым. И хотя леспромхозу не удалось заготовить намеченный объем, но было поставлено 64,5 тысячи кубометров, что позволило нефтяникам построить одиннадцать площадок для буровиков и двадцать километров лежневых дорог, тем самым создать условия для уверенной работы в летне-осенний период двум управлениям буровых работ.

Не забыть радостный праздник. По итогам второго квартала 1971 года впервые коллективу Нижневартовского леспромхоза присудили переходящее Красное знамя Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности и ЦК профсоюза с вручением денежной премии. В клубе «Нефтяник» собрались вальшики, трактористы, шоферы, бульдозеристы, чокеровшики, сплавшики, бригадиры и начальники лесопунктов, чтобы принять первую заслуженную награду.

При получении Красного знамени из рук заместителя министра В.П. Батракова у Ивана Григорьевича на глаза навернулись слезы. Он сказал: «Нам всем было нелегко. Мы не подвели нефтяников Самотлора и их руководителя Романа Ивановича Кузоваткина. Всех нас радует их успешная работа и особенно то, что в этом есть и доля нашего труда. Особо отмечу работу бригадиров Михаила Иванца, Владимира Белоусова, Станислава Волинца, Ивана Стесова, Михаила Сухорукова, Александра Крамского, Ивана Толчеева, Евгения Стулая и многих других. Сегодня наш коллектив взял хороший старт. Есть уверенность в том, что текущую пятилетку мы можем выполнить за 4,5 года! А что касается переходящего Красного знамени, то мы его надолго пропишем в нашем коллективе». Данное слово Иван Григорьевич сдержал.

Леспромхоз, начиная с 1971 года, стал регулярно поставлять древесину не только Самотлору, но еще десяти месторождениям района. Помогал нефтяникам-соседям Стрежевского района Томской области. Древесину с нетерпением ждали более 30 предприятий и организаций Нижневартовска, Сургута, Ханты-Мансийска, Мегиона. Деловая древесина в основном поставлялась трестам «Нижневартовскжилстрой» и «Мегионгазстрой», Сургутскому домостроительному комбинату, мостоотряду-29. Последний соорудил железнодорожный мост через Обь. Для него поставка осуществлялась в полном объеме и в намеченные сроки, ибо этот объект с вводом в эксплуатацию коренным образом менял судьбу Тюменского Севера. В таком напряженном ритме работал коллектив и его директор.

Конечно же, в стадии становления леспромхоза, особенно в первые три года, нельзя было избежать недостатков и упущений. Они были. Видны они в организации труда, в комплектовании кадров, неустроенности жилищно-бытовых условий. Зачастую в бригадах не хватало техники, транспорта, запасных частей. Были перебои с продуктами питания, хлебом, медикаментами. Отсутствие постоянного жилья, мест в общежитиях, собственной производственной базы отрицательно сказывалось на текучести кадров и дисциплине труда. И.Г. Волкову, его заместителю В.Ф. Протасову, председателю профкома Г.И. Мартынову приходилось часто сполна отвечать за упущения и недостатки в горкоме, в горрайисполкомах, перед руководством

объединения «Тюменьлес», подвергаться жесткой критике в местной газете «Ленинское знамя». Волков и его заместители делали правильные выводы, принимали меры.

Эти временные трудности, просчеты руководителей леспромпхоза видели и рабочие, которые доверяли им, знали, что быстро проблем не решить. Они верили в своего директора, знали, что строится жилье, создаются нормальные условия для труда и быта. В Нижневартовске они обрели свой настоящий дом, хорошую работу.

Поселок Зайцева Речка, доставшийся И.Г. Волкову в наследство от прежнего руководителя, стал с каждым годом менять свое лицо. Я неоднократно бывал в этом поселке и видел разительные перемены в жизни лесников. Отремонтированы клуб, жилье, построены баня, магазин, пекарня, десяток новых домов на средства нефтяников, которые выделялись леспромпхозу для производственных задач, а Иван Григорьевич вкладывал их в поселок.

* * *

Сегодня в сознание людей намеренно вбивается стереотип, что во всех проблемах виноваты коммунисты. Кому это выгодно? Именно коммунисты, и это не громкие слова, были на самых трудных участках освоения земли тюменской, руководствовались единственным словом «надо». Вот и Иван Григорьевич из этой славной плеяды.

За 15 лет руководства леспромпхозом он создал не просто коллектив единомышленников, а семью, для которой он был отцом, другом и старшим товарищем.

Ивану Григорьевичу очень повезло. Рядом с ним идет по жизни его верная жена Руфина Хасановна, обеспечивая надежный и крепкий, так нужный для каждого мужчины тыл. Она умела вдохновить на достижение новых целей, утешить в трудные минуты, радоваться его успехам, разделить горечь поражения. Так было всегда. У них много общего. Оба были молоды, когда впервые шагнули на древнюю югорскую землю. Оба завоевали своим трудом известность, оба в Нижневартовске, где кипела жизнь, интересно и вдохновенно делали нужное дело.

Правда, ее стезя была другой. Работа с детьми стала не просто ее предназначением, а смыслом жизни. Этой деятельности

она отдавала и отдает себя без остатка. Уже 30 лет она бесменный руководитель детских дошкольных учреждений Нижневартовска. Руфина Хасановна работает нестандартно, по натуре напористая, энергичная женщина. Она имеет редкий дар, и я бы сказал, талантливо руководит коллективом детсада. Ее детские комбинаты практически с нуля превращались в образцовые.

Конечно, было нелегко подобрать творческий педколлектив, сплотить его, добиться целеустремленности. В основе всего — любовь к детям, понимание того, что «все мы родом из детства». Руфина Хасановна хорошо ориентировалась в жизни, а жизнь, как известно, развивается по своим законам. Даже при жестких рыночных отношениях удалось выжить, не стоять на месте, а двигаться вперед. Она превратила детский сад № 91 в оазис тепла и доброты.

Вопрос, где взять деньги для осуществления всего задуманного, для нее был сложный и трудный. Она сумела найти понимание у генерального директора НГДУ «Белозернефть» В.С. Алиева, который откликнулся на просьбы, помог коллективу. Говорят, что ей всегда помогали, что ее всегда поддерживали. Да, это так. Отказать было невозможно, настолько она была убедительна в своих просьбах, настолько проникновенна в словах. Ведь недаром говорят: под лежачий камень вода не течет. Казалось бы, есть слава, есть признание, можно бы и почивать на лаврах, успокоиться. Но, увы! Именно к ней можно отнести слова «И вечный бой, покой нам только снится...». Проходят годы, а она энергична, по-прежнему полна идей, задумок, нацелена в завтра.

Не будет преувеличением, если скажу, что это одна из самых красивых женщин Нижневартовска. Высокая, стройная, с лучистыми серыми глазами, обаятельной улыбкой, безупречными манерами. Я видел ее в разных ситуациях: выступающей на совещаниях, принимающей всевозможные делегации, обращающейся с различными просьбами, беседующей с детьми и родителями. И всегда подкупали ее естественность, благородство, достоинство. А как она умеет принять гостей! Их хлебосольный дом, построенный руками Ивана Григорьевича, всегда открыт для друзей. Руфина Хасановна — прекрасная хозяйка. Умеет готовить все: и пироги, и торты, и заливное. И все приготовлено с выдумкой, во всем своя изюминка.

Руфина Хасановна и Иван Григорьевич понимали друг друга, были единомышленниками, имели двух сыновей. Им было радостно и интересно жить, все обещало прекрасное будущее... Но случилась страшная трагедия: они потеряли обоих прекрасных сыновей. Какими словами можно описать родительское горе? Но они выстояли, не сломались, поддерживая друг друга и отдавая себя любимому делу, воспитанию оставшихся без отцов троих внуков.

В народе говорят, что время лечит, но оно лишь притупляет боль утраты, оставляя навечно ушедших из жизни в твоём сердце, твоей памяти. Есть такие слова: надо жить. Надо жить, какое бы горе ни случилось. Надо жить, несмотря ни на что, жить во имя тех, кого нет рядом...

С семьей Волковых мы знакомы и дружим давно. Видимся сейчас редко, но каждая встреча остается в памяти. Семья эта особая, в ней есть прекрасное светлое сибирское начало. От нее всегда ждешь ответа на многие вопросы жизни, а значит, есть шанс выжить в сегодняшней угнетающей обстановке.

Верю: пройдут годы, но потомки будут поражаться тому, каких великих успехов добились советский строй и народ. За каких-то 70 лет в необычайно тяжелых условиях царского наследия, ликвидируя нищету и разруху после гражданской войны, смогли отстоять независимость и свободу в минувшей войне с фашизмом, подняться из руин и стать супердержавой мира, с которой считались все.

А подвиг советского народа в развитии Западной Сибири? Всего за 15 лет этот особый регион стал мощнейшим источником богатства и процветания всей страны. И почти за такой же промежуток времени после 1985 года из-за горбачевской «перестройки» и ельцинской «демократии» великая страна развалена. Мы не только ничего не создали, но унизили, опозорили, разворовали нашу Россию. Дальше уже некуда.

Мой герой Иван Григорьевич верит, что Россия начнет восстанавливаться и обретать прежнюю значимость, а экономика должна начать работать, ибо в ней заложена энергия народа. И это будет в наступившем XXI веке!

Секрет долголетия

Испытываю огромную радость, посвящая один из разделов моих воспоминаний Григорию Ильичу Пикману. Вместе с тем берусь за рассказ об этом человеке с трепетом и волнением. Трудно писать о Григории Ильиче, первым в районе получившем высокое звание «Заслуженный строитель РСФСР». Он в числе первых стал «Почетным гражданином города Нижневартовска». Он — ветеран войны и труда, один из активных участников развития Тюменского Севера в 60—70-е годы. Человек сложный, многогранный, неординарный.

На момент, когда я пишу эти строки, Григорию Ильичу исполнилось 88 лет! Прожить такую долгую жизнь непросто. Но мне кажется, что он «задержался» где-то на 60-летнем возрасте, ибо к нему не применимы слова «старость», «старик».

Как-то на мой наивный вопрос, в чем секрет долголетия и здоровья, он, не задумываясь, ответил: «Когда есть работа, увлечение, когда ты не комплексуешь, а занимаешься нужным делом, болезни обходят стороной. Порой мы не осознаем, насколько сильны нашим духом, а он укрепляет физически».

Биография Григория Ильича началась на стройках молодой Советской России. Продолжалась в рейдах кавалерийского эскадрона, очищавшего Туркестан от остатков банд басмачей. Он не раз ходил в атаку, подвергая свою жизнь смертельной опасности, а в обыденной солдатской жизни был душой погранзаставы.

В годы Великой Отечественной войны Григорий Ильич сооружал оборонные объекты в Куйбышеве и на Урале. Строил вместе с эсками водоканалы Москва—Волга и Волга—Дон. До приезда на Тюменский Север принимал непосредственное участие в сооружении нефтепромысловых объектов в Татарии, строил город Елабугу.

Пикман всегда был там, куда с надеждой и гордостью смотрела вся страна. Вот почему он оказался в числе первопроход-

цев на нижневартовской земле, осваивая чудо России — Самолор. Его трудовой стаж — 67 лет! И все эти годы была работа взахлеб, ибо она, работа, для него во все годы была и радостью, и вдохновением. Григорий Ильич вступил на югорскую землю 32 года назад. Стал организатором и управляющим первого строительного треста «Мегионгазстрой». Он сумел создать мобильный многопрофильный трест в системе Главтюменнефтегазстроя и министерства. Район и город неразрывно связаны с этим коллективом, ставшим теперь историей.

Я познакомился с Г.И. Пикманом буквально на второй день моей работы в Нижневартовске, он произвел на меня неизгладимое впечатление. Это был весьма неординарный руководитель, добросовестный трудяга, много раз «битый», но умеющий весьма искусно, а подчас и изобретательно выходить из трудных ситуаций. Умел с юмором оценить проблему, вставить острое слово, рассказать анекдот, смехом снять напряжение. Могло показаться, что делал он все как бы шутя, играючи. Но это была только видимость, скрывающая и колоссальное напряжение, и плохое настроение, и сердечную боль.

До прихода «большой нефти» основу экономики района составляли сельское хозяйство и традиционные промыслы. С приходом геологов, нефтяников и строителей резко изменилась производственная и социальная инфраструктура района. На 1966—1970 гг. тюменцам правительство поставило сложную задачу — довести добычу нефти до 20—25 миллионов тонн, из них одну треть — с промыслов нашего района. Стратегию освоения определяли наиболее крупные месторождения с наибольшей плотностью запасов, обеспечивающих высокие дебиты, позволяющие с высокой экономической эффективностью решать поставленные задачи.

В эти же годы определялись новые подходы к строительству. Непрерывно возникавшие проблемы приходилось нестандартно решать Г.И. Пикману. Его коллектив при обустройстве Самолора впервые применил оригинальные способы: совмещение на одной площадке всего комплекса промыслового хозяйства, использование «коридорной» системы для прокладки и строительства нефтепроводов, линий электропередачи и связи, сочетание бетонных и лежневых дорог. Успешно использовался блочно-комплектный метод, при котором промысловые объекты —

кустовые насосные станции, котельные — изготавливали на заводах Тюмени, а затем блоками доставляли на месторождения и там монтировали. Это позволяло тресту «Мегионгазстрой» в два-три раза сократить сроки обустройства и удешевить их. Пикману и начальнику Самотлорского промысла И.И. Рынковому удалось построить в блочном варианте крупную нефтеперекачивающую станцию, а операторам Григорию Нежура, Николаю Нюняйкину, Александру Суздальцеву, имеющим опыт Мегиона, надежно ее эксплуатировать. Позднее они все станут Героями Социалистического Труда!

С именем Григория Ильича связано, пожалуй, все первое, что появилось на Мегионском и Самотлорском месторождениях, в рабочих поселках Мегион и Нижневартовск. Он не боялся экспериментировать, рисковать, брать ответственность на себя. Нижневартовская и Урьевская перекачивающие станции, нефтепровод Нижневартовск—Сургут, насосные и дожимные станции, газоперерабатывающий завод, очистные сооружения, школа, детсад, больница, аэропорт, панельные пятиэтажные дома, бетонная дорога, Дом культуры, новостройки в подшефном национальном поселке Чехломей — вот далеко не полный перечень объектов, введенных его трестом.

Разумеется, при таких темпах промышленного и гражданского строительства у Григория Ильича не до всего доходили руки, были изъяны и ошибки, за которые его крепко критиковали. Но он, как истинный стратег, мыслил перспективно. Считал главным для себя и для треста конечный результат, философски предполагал неизбежность определенных просчетов. Мне порой казалось, что он руководствуется лозунгом «победителей не судят». Иногда он демонстрировал независимость, повторяя: «Считаете нужным — буду работать, нет — уйду сам». Но мы понимали, что это была просто бравада. Он настолько прикипел к этой земле, отдав ей 30 своих лучших лет, что не мыслил без нее жизни. Покинул он Тюменскую область в 1996 году, переехав к сыну Сергею в Москву в возрасте 86 лет.

Разное оставляют после себя люди. Одни — буровые вышки и промыслы в тайге и болотах, другие — дороги и мосты через реки, третьи — поселки и города. У Григория Ильича свой жизненный «автограф» — ударные стройки на карте Ханты-Мансийского автономного округа. Вот как сказал В.Д. Пилюсов:

«Труд Пикмана нельзя измерить миллионами освоенных рублей, тонно-километрами перевезенных грузов, количеством добытой нефти или переработанного на перерабатывающих заводах газа. Его труд — в общих успехах...».

Ни Г.И. Пикман, собираясь в дорогу на Тюменский Север, ни те, кто последовал его примеру, ни те, кто откликнулся на призывы газет, радио и телевидения бросить обжитые родные края, не представляли, что ждет их впереди. Разве могли они знать, прибыв в Нижневартовск, что здесь нет ни тепла, ни жилья, ни электричества. Единственная ниточка, которая соединяла рабочий поселок с «Большой землей», — река Обь. Все, от продуктов питания до стройматериалов, завозили по реке в короткую навигационную пору.

В первые годы обустройства Мегионского и Ватинского нефтяных месторождений, а затем и Самоотлора, строительства поселка, а в последующем города Нижневартовска над Григорием Ильичем было много руководителей разного уровня и ранга. Еще больше было предложений, приказов и постановлений. А исполнитель один — коллектив треста со своим управляющим, никогда не унывающим, не боящимся неожиданностей и риска, до невероятности изобретательным, разворотливым, а порой напористым, «непотопляемым» Пикманом. В чем же была его сила? Внешне посмотришь на него, кажется, ничего особенного: небольшого ростика, худенький, с плохим зрением... Внутренне же этот человек богатый, одаренный, профессионал и политик одновременно.

Григорий Ильич являлся одним из самых элегантных и рассудительных лидеров строительного производства. Отдавая дань его опыту и мудрости, руководители строительных организаций избрали его своим «старостой». Я восхищался его спокойствием, иронией, умением отстаивать корпоративные интересы своего коллектива, главка и министерства, демонстрируя твердую волю. Там, где он считал себя правым, мог спорить до бесконечности.

* * *

Нефть и газ Тюменского Севера изменили спокойную жизнь ханты, манси и ненцев. Ханты-мансийское окружное руководство рекомендовало трудовым коллективам принять обязатель-

ства по оказанию шефской помощи национальным поселкам. От «допзадания» не ушел и коллектив треста «Мегионгазстрой». В Нижневартовском райисполкоме Г.И. Пикману предложили взять шефство над поселком Чехломей и Чехломеевским отделением коопзверопромхоза. Один лишь перечень обязательств чего стоит: построить десять деревянных домов, детские ясли, медпункт, электростанцию, радиофицировать поселок, отремонтировать баню, при школе оборудовать спортплощадку, механизировать звероферму, построить для нее новые шеды, на рыболовецком угодье Панас разместить культстан, создать условия для показа кинофильмов, обеспечить культинвентарем, передвижной библиотечкой...

Г.И. Пикман предложил на учебной базе треста подготовить из числа молодежи коренного населения группу из 30 человек для работы в коопзверопромхозе — дизелистов-электриков и трактористов-мотористов. За счет своих средств направить пятерых выпускников школы в высшие учебные заведения. Трестовским комитетам профсоюза и комсомола поручалось: организовать для жителей Чехломей художественную самодеятельность, читать лекции, показывать кинофильмы, выделять путевки в пионерские лагеря, дома отдыха и санатории.

Эта инициатива треста была одобрена на бюро окружкома партии. Местные газеты, радио рассказывали о почине. Одним словом, о Григории Ильиче и его коллективе в одночасье узнали во всем округе. Одного он не предполагал — через год это же бюро объявит ему выговор. Секретарю парторганизации Нине Федоровне Сугак и первому секретарю райкома партии Марату Павловичу Страхову будет строго указано на неудовлетворительный контроль за принятым решением.

Большие производственные задачи буквально захлестнули трест, и Г.И. Пикман ничего не сделал в подшефном поселке. Пришлось держать ответ на бюро окружкома партии. Секретарь П.М. Телепнев задал вопрос: «Почему же вы не приступили к реализации принятых обязательств и не построили ни одного дома?». Пикман необдуманно с иронией ответил: «Я строю жилье в Нижневартовске и готов два-три дома передать под заселение жителей Чехломей».

Но иронию не поняли. Шутить на бюро было не принято. Последовал взрыв эмоций, оценок и оргвыводов. Так, мол, понимает

Пикман национальную политику КПСС! И шутник тут же схлопотал выговор. Его предупредили, что если не выполнит решение бюро окружкома, будет снят с должности управляющего.

Вернувшись в Нижневартовск, Григорий Ильич собрал своих заместителей и начальников СМУ и потребовал, чтобы один из студенческих строительных отрядов был отправлен в Чехломей и за третий трудовой семестр построил жилые дома. Для этого заранее завезли на место все необходимые материалы и оборудование. Принятое решение было реализовано в 1968 году, виновный себя реабилитировал.

В докладе на пленуме окружкома П.М. Телепнев скажет: «...доброе начало положили коллективы трестов «Мегионгазстрой», «Сургутнефтестрой», «Обьнефтегазразведка», НПУ «Мегионнефть» и другие, организовав шефство над национальными поселками округа. Рабочие и служащие треста «Мегионгазстрой» (управляющий т. Пикман) в поселке Чехломей построили несколько жилых домов, детсад, ясли, электростанцию...».

Спустя год, объявленный окружкомом выговор будет снят, но в тот же период за новый «почин» Григорий Ильич схлопотал второй выговор по хозяйственной линии.

А дело было так. В быстро растущем Нижневартовске жилищная проблема стояла остро, не хватало объектов социального, торгового и культурного назначения. Тресту надо было срочно вводить в строй как нефтяные объекты, так и более трудоемкие объекты гражданского строительства. Несмотря на всю сложность Г.И. Пикман «сверх плана», к юбилею советской власти решает возвести Дом культуры строителей. Такое рвение местные власти одобрили. Под грифом «секретно» для Главтюменнефтегазстроя по титулу «теплого склада», спроектированного проектно-сметным бюро треста, создавался этот объект. Естественно, из металлоконструкций склада, предназначенного для промбазы нефтяников, в рекордные сроки в 1967 году в поселке был открыт Дом культуры «Юбилейный» на 240 мест. В нем торжественно провели районные мероприятия, посвященные 50-летию советской власти. Григорий Ильич и его коллектив были на высоте. Но тут же Григория Ильича вызывают с отчетом на коллегию главка, к «деду» — так беззлобно строители называли своего начальника А.С. Барсукова. Подчиненных он держал в строгости и сурово распекал за малейшую провинность и непослушание.

Когда Алексею Сергеевичу аппаратчики пожаловались на Пикмана за самовольство и использование не по назначению металлоконструкций для склада, «дед» приказал вызвать его в Тюмень. Коллегия заслушала Григория Ильича. Барсуков под общий смех присутствующих похвалил его за находчивость, но сказал: «Оплачивать введенный объект главк не собирается, поезжай к своим вдохновителям, пусть изыскивают средства и металлоконструкции за «сверхплановый» объект, а мы не снимаем с вас, Григорий Ильич, ответственности и требуем ввода в этом году планового объекта — склада для нефтяников, а чтобы другим неповадно было, предлагаю Пикману объявить строгий выговор».

Начальник и главный инженер НПУ «Мегионнефть» Б.И. Осипов и Г.С. Арнопольский поддержали Григория Ильича, нашли средства и металлоконструкции. Вопрос был исчерпан. Выговором же от «деда» Пикман гордился, охотно об этом рассказывал приезжающим.

Более 30 лет ДК строителей служит верой и правдой, несмотря на то, что сегодня в городе есть кинотеатр «Октябрь», Дворец нефтяников и другие прекрасные спортивные сооружения, культуры и искусства. Но тот ДК напоминает горожанам, каким нелегким было его рождение, как он был нужен в то время!

Мне, секретарю райкома партии, и моим товарищам хотелось оживить весь комплекс культурной жизни района и Нижневартовска. Мы горели одним желанием: чтобы люди после изнурительного и тяжелого труда на промыслах могли получать духовную разрядку.

Эта потребность диктовалась целым рядом обстоятельств. Во-первых, интенсивностью работы людей на месторождениях. Во-вторых, большим притоком новоселов, желающих активно участвовать в «большом нефтяном деле». Численность жителей Мегиона, и особенно Нижневартовска, трудно было предсказать. В-третьих, освоение нефтяных и газовых месторождений области в 1965 году было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Молодежь тянулась к культуре, а у нас почти полное ее отсутствие. Обстановка требовала принятия мер, новых подходов к духовной сфере. Отсутствие объектов культуры и задержка их строительства могли негативно отразиться на производственных задачах.

Ознакомившись с проектами планов, титульными списками, где значились и объекты культуры, я понял, что одному тресту «Мегионгазстрой» в ближайшие 4–5 лет их не поднять. Посоветовался и убедил руководителей, что в этих условиях надо пойти на вариант быстрого реагирования, то есть создать очаги культуры непосредственно на предприятиях: здесь строить культкабинеты, небольшие клубы, спортзалы, развивать художественную самодеятельность, открывать спортивные секции, библиотеки. При школах и детсадах также создавались кружки, секции, группы детской художественной самодеятельности, музыки, живописи, спорта.

В «третий трудовой семестр» решили полнее использовать возможности студенческих отрядов, численность которых с каждым годом увеличивалась. Поручили им активизировать деятельность по культурному обслуживанию, развивать спорт, взять шефство над подростками и молодежью.

В 1970 году мне и начальнику НПУ «Мегионнефть» Р.И. Кузоваткину при содействии первого секретаря обкома ВЛКСМ Г.И. Шмаля удалось пригласить в Нижневартовск на гастроли известного певца, лауреата премии Ленинского комсомола Иосифа Кобзона, а вместе с ним и других актеров. Я встречал их в старом аэропорту. Всю группу «перебросил» за три рейса на вертолете Ми-4. Посадка происходила рядом с ДК «Юбилейный». Три дня, начиная с 12 часов дня и до глубокой ночи, Иосиф Кобзон стремился удовлетворить «жажду» нижевартовцев в высокой песенной культуре. Райком партии и райисполком искренне поблагодарили творческую группу, а Иосиф Давыдович пообещал вновь посетить нас, но при этом предложил подумать о строительстве большой площадки для выступления артистов, которые теперь наверняка хлынут на Самотлор.

У нас с Кузоваткиным родилась идея: а не построить ли открытую летнюю эстрадную площадку вместимостью до тысячи человек? Решили сделать на следующий год, а для этого привлечь к строительству один из студенческих отрядов Киевского строительного института, который должен принимать Пикман. Нефтяники обещали профинансировать этот объект, а Григорий Ильич загорелся желанием выполнить работу своим коллективом, сказав при этом: «Мне, Сергей Дмитриевич, не впервой получать выговоры. Только разница с предыдущим в том, что теперь вы и Роман Иванович возьмете меня под защиту».

Нашу идею мы подкинули райкому комсомола и штабу комсомольской стройки по освоению Самотлора. Первый секретарь райкома ВЛКСМ Виктор Тимофеев и начальник штаба Кайман Замалетдинов связались с комитетом комсомола киевского института, попросили ребят привезти с собой готовый проект, смету и рабочую документацию эстрадной площадки. Предложение было принято с воодушевлением. Отряд привез даже несколько вариантов. Мы их обсудили, выбрали лучший, и за два месяца ударного труда студентов, при непосредственном курировании Пикмана площадка была сдана в эксплуатацию. Наша затея у некоторых руководителей вызвала удивление, многие даже посмеивались: мол, данное сооружение в местных условиях можно использовать только 4—5 месяцев. Стоит ли?

Но эта площадка позволила нам проводить фестивали «Самотлорские ночи», ставшие традиционными в городе, декады культуры, литературы и искусства, принимать большие коллективы артистов эстрады, театров, ансамбли песни и танца. Сомнения в нужности данного объекта вскоре отпали. На этой площадке выступали многие: симфонический оркестр «Голубой экран» Центрального телевидения и Всесоюзного радио под руководством Бориса Карамышева, ансамбль «Березка», творческие коллективы Иосифа Кобзона, Бориса Штоколова, Валентины Толкуновой, Льва Лещенко, Людмилы Зыкиной, Аллы Пугачевой; труппы театров драмы Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Тюмени; композитор Григорий Фрадкин, поэты Алим Кешоков, Роберт Рождественский, Юлия Друнина, Анатолий Поперечный, Лев Ошанин, Юван Шесталов, Марина Друнина; писатели Борис Полевой, Константин Лагунов, Павел Гуцал, Виктор Анчешкин; летчики-космонавты, известные спортсмены, общественные и государственные деятели страны... Сегодня этой площадки, нашей палочки-выручалочки, нет, но она хорошо послужила горожанам на первых этапах становления города.

* * *

Однажды «темные тучи» вновь повисли над Григорием Ильичем и его коллективом. Дело в том, что в начале 60-х годов в Нижневартовске была одна участковая больница на 25 коек. С преобразованием поселка в районный центр поменялась вывес-

ка. Об этом «кошмарном» периоде вспоминает ветеран здравоохранения района В.И. Овсянкина: «...В Нижневартовске база здравоохранения практически отсутствовала. Самодельные кушетки, нехватка самого элементарного: ваты, спирта, бинтов, автоклава, не говоря уже о хирургических операционных наборах. Не редкостью было отсутствие света, а своего «движка» больница не имела. Поэтому в экстремальных случаях включали фары автомобиля, стоящего напротив окна операционной, который и заменял операционные светильники».

С приходом нефтяников проблемы обострились. Из-за массового притока населения в поселке возникали вспышки дизентерии и брюшного тифа. Все понимали, что в такой обстановке необходимо принимать меры по созданию нормальной базы здравоохранения. Григорий Ильич этот период называл испытанием на выживаемость.

Заказчиком по строительству больничного комплекса на 300 коек выступил райисполком. В 1964 году трест «Мегионгазстрой» приступил к работам. Коллектив СУ-13 первоначально взялся за дело весьма активно. Родовались нижевартовцы тому, как слаженно работали краны, поднимая поддоны с кирпичом, цементным раствором, плитами перекрытий. Быстро росли стены, перегородки, появлялись окна, двери, остекление. Потом наступил спад. Первый корпус был сдан в январе 1972 года и то без отопления, так как не была готова котельная больницы. Таким образом, строителям потребовалось семь лет на возведение одного корпуса!

Такая «затяжка» объяснялась тем, что строители в условиях Севера использовали применяемые на «Большой земле» методы закладки ленточных фундаментов и для инфекционного корпуса, и для родильного дома, и для главного здания больницы. Какой это был изнурительный труд! Люди сутками не уходили с площадок, вручную укладывали сотни кубометров монолитного бетона под фундамент. Никто не знал, что здесь все надо делать по-другому.

Кто мог предположить, что их ждало впереди? При существующих грунтах с мелким водонасыщенным песком и при низких отрицательных температурах котлован на зиму оставили неутепленным. Это привело к большим просадкам фундамента, многочисленным трещинам в возведенных стенах и перего-

родках. Пришлось в срочном порядке закреплять их металлическими обоями.

Случившаяся беда сдерживала сроки строительства больницы, в которой так нуждался молодой рабочий поселок. Да, строители столкнулись со сложной проблемой — недостаточной изученностью инженерно-геологической обстановки и свойств грунтов, что отразилось на технологии производства земляных и фундаментных работ. Полигоном испытания стал больничный фундамент. Эти объективные причины в некоторой степени снимали ответственность с управляющего Пикмана. В такой обстановке райисполкому, а затем и горисполкому ничего другого не оставалось, как построенные деревянные дома и общежития передавать под объекты здравоохранения.

На разных уровнях пришлось Григорию Ильичу объясняться за положение дел на больничном комплексе. Когда первый секретарь обкома КПСС Б.Е. Шербина приехал в Нижневартовск, он решил посмотреть на «древнюю» стройку. В тресте не знали об этом, а потому не сумели «навести марафет» на площадке перед посещением высокого начальства. При обходе стройка смотрелась неважно. Пригласили Пикмана, начальника СУ-13 П.И. Яковенко и начальника СУ-30 Е.Р. Пирлова. На стройке работала бригада каменщиков — завершала кирпичную кладку родильного дома. Борис Евдокимович завел разговор с бригадиром В.В. Зауральским, депутатом райисполкома. На вопрос, почему так долго «вымучивают» эту стройку, столь нужную для жителей, Вячеслав Васильевич сказал: «Мне, рабочему, трудно подыскать слова, которыми можно было бы объяснить это головотяпство, эту недопустимую бесхозяйственность, расточительство материалов, в которых стройки и без того испытывают острый недостаток из-за сложной сюда доставки. Надо руководителям серьезно заняться больницей, повседневно контролировать и налаживать работу всех подразделений треста».

Обращаясь к Пикману, Борис Евдокимович спросил: «Ну что, Григорий Ильич, когда же будет построена больница?». С присущей ему дипломатией, умением находить слова оправдания, тот стал ссылаться на объективные трудности из-за дополнительных работ по укреплению фундаментов и стен, но Шербина его остановил: «Что, хочешь опять уйти от ответственности? Не выйдет!».

Завершение строительства больницы стало возможным благодаря энергичным мерам, принятым первым секретарем райкома партии В.В. Бахиловым, председателем райисполкома Н.Ф. Фоменко и назначенным в 1971 году главным врачом нижевартовской больницы П.Т. Московкиным. Продолжали это кураторство председатели горисполкома Н.А. Салихов и Н.А. Москаленко, главный врач медсанчасти НГДУ «Мегионнефть» В.Т. Пузатов.

Другими объектами долгостроя были поселковые очистные и канализационные сооружения. Их ввод также тормозился традиционными технологиями, уже позже внедрение блочного строительства позволило значительно ускорить трудоемкие монтажные работы и сроки сдачи объектов в эксплуатацию.

А пока воду в поселок подавали без очистки, с примитивным хлорированием. Головная канализационная станция, которую сооружали управления № 13, 18 и 30 треста «Мегионгазстрой», была сдана в эксплуатацию без устранения негерметичности днища и стен. Требовалась новая перекладка системы. Медленно строилась первая фильтровальная станция питьевой воды. «Увязли» строители в прокладке главного канализационного коллектора по улице Мусы Джалиля.

Все объекты требовали от Пикмана немало усилий, все надо было делать срочно, чтобы снять напряженность в поселке. Вот как об этом вспоминает главный инженер треста Б.Л. Барский: «Это было кошмарное время, когда нам пришлось терпеть унижение, выслушивать оскорбления. Осознавая невозможность многое сделать собственными силами, мы вынуждены были просить заказчика помочь нам его строительными организациями.

Старожилы помнят, в каких условиях приходилось работать. Следовало преодолеть «легендарную грязь», выдержать ожесточенные бои за каждый метр в прокладке инженерных сетей. Уйдя на вторую роль после 60-летия, Григорий Ильич передал эти объекты по наследству новому управляющему трестом И.И. Трегубенко.

Шел 1970 год. Участок железной дороги Сургут—Нижевартовск протяженностью 218 километров только строился. Все в район доставлялось водой. Из Тюмени и Тобольска осенью баржами поступал картофель, овощи. Отделы рабочего снабжения, а их в Нижневартовске было пять, старались при разгрузке барж

продавать населению плодоовощную продукцию прямо с берега, а остальное закладывали на зимнее хранение.

СУ-13 было поручено приготовить для нефтяников картофелехранилище. Завершив к концу навигации основные работы, строители не успели смонтировать оборудование для вентиляции и подачи теплого воздуха в хранилище, недостаточно утеплили его снаружи. В результате почти все заложенные на хранение овощи сгнили. Комиссия областного комитета народного контроля с участием работников Главтюменнефтегаза и Главтюменнефтегазстроя установила этот вопиющий факт. О результатах проверки доложили в обком партии. Мне позвонил второй секретарь П.М. Телепнев и сказал: «Что будем делать с начальником ОРСа Рыкуном и управляющим трестом Пикманом? Материалы проверки комитетом народного контроля таковы, что этих руководителей надо исключать из партии и отдавать под суд».

Выслушав Петра Максимовича, я постарался их защитить, привел веские доводы: «Нефтяники несвоевременно отдали под монтаж оборудование, к тому же еще разукомплектованное. В результате строители не смогли качественно выполнить работы. Райком партии и райисполком уже наказали их». Мне в ответ: «Что касается Рыкуна — это одно дело, а вот что касается Пикмана, то комитет думает, кроме денежного начета за причиненный ущерб, сделать и оргвыводы. Знаешь, пусть оба готовятся к серьезной встряске».

В назначенный день на заседании комитета Николай Николаевич и Григорий Ильич доложили о фактах, каждый старался убедить членов комитета в объективности причин, но, к их чести, оба свою виновность признали.

Заседание комитета вел В.Д. Уграк. До заседания я связался с ним по телефону и убедительно попросил не снимать с должности управляющего трестом. Он обещал рассмотреть вопрос объективно. Вообще Владимир Дмитриевич — прекрасной души человек, порядочный, добрый по натуре и внимательный к людям. Я его хорошо знал, когда работал в комсомоле в Тюмени, а В.Д. Уграк был на партийной работе, и будучи в Нижневартовске поддерживал с ним деловые контакты.

Какая же накаленная обстановка была на заседании! Выступили почти все члены комитета, настрой был однозначный —

строго наказать Пикмана. Их на некоторое время удалили с заседания, чтобы комитет вынес окончательное решение по обсуждаемому вопросу. Пригласили вновь, Владимир Дмитриевич начал подводить итог обсуждению, но Григорий Ильич неожиданно попросил слово. Уграк предоставил такую возможность. Пикман начал так: «Товарищи члены комитета, моя вина в этом большая. Заслуживаю самую строгую оценку и наказание... — Потом сделал паузу и продолжил: — У меня сегодня день рождения, 60 лет исполнилось».

Это было действительно так, что и послужило поводом к смягчению наказания и возвращению в Нижневартовск управляющим трестом. Так в очередной раз ушел Григорий Ильич от наказания.

Никто другой в такой степени не испытал на себе предлагаемые нефтяниками усиленные темпы обустройства месторождений. Тресту далеко не все было по плечу. Обстановка требовала быстрого освоения больших разовых капиталовложений, а трест не располагал специальными управлениями и участками из-за отсутствия квалифицированных кадров и опыта монтажа сложного технического оборудования, которое с каждым годом совершенствовалось. Новые качества тресту предстояло приобретать на ходу.

Григорий Ильич стоял у истоков Самотлора. Тогда нефтяники и строители работали над проблемами ускоренного комплексного обустройства нефтяного гиганта. Пикману первому пришлось принимать работающие по вахтовому методу монтажные бригады комсомольско-молодежного треста «Тюменьгазмонтаж», которым руководил энергичный и очень способный инженер-строитель И.А. Шаповалов. Они вместе осваивали и внедряли блочный метод строительства кустовых станций для поддержания пластового давления, дожимных насосных станций для перекачки нефти и газа, малогабаритных печей для обезвоживания нефти.

И все же строительный долг перед нефтяниками нарастал, как снежный ком. Работы приходилось вести при большой разбросанности объектов. Вводить их не успевали, а значит, сдерживали мощности по подготовке нефти. В этой ситуации следует особо отметить ведущую роль главного инженера Главтюменнефтегазстроя Ю.П. Баталина. Он руководил разработкой

и внедрением блочного строительства на Самотлоре, который стал полигоном для решения новых технических задач, здесь формировался знаменитый тюменский стиль.

Мое первое впечатление о Баталине, как стало ясно позднее, оказалось верным и утвердилось окончательно. Его подходы к решению проблем, стоящих перед нефтяниками, определялись тактически правильно. Он был руководитель «таранного типа», не меняющий своих убеждений и принимаемых решений. Все, кто соприкасался и работал с ним, были уверены в нем. Он гордился профессией строителя. От него я слышал крылатое выражение: «Бог создал Землю, а все остальное на ней сделали строители». Юрий Петрович был, бесспорно, одаренным руководителем, государственным деятелем большого масштаба, чувствовалось — его ждет большое будущее. Так оно и произошло. Он возглавил главк, затем стал первым заместителем министра Миннефтегазстроя, министром по труду и социальному развитию, заместителем Председателя Совета Министров СССР, Председателем Госстроя СССР. Занимая высокие посты в государстве, он был удивительно прост и скромен, обаятельный в общении с людьми, с ним всегда было интересно беседовать.

Юрий Петрович и сегодня продолжает славные традиции, использует опыт, накопленный за полувековую историю развития нефтегазового строительства в Западно-Сибирском нефтегазовом регионе. Он — председатель научно-технического совета ассоциации «Стройтрансгаз», академик и вице-президент Международной и Российской инженерных академий, главный редактор журнала «Потенциал», лауреат премии Совета Министров СССР.

* * *

С первых и до последних дней работы в районе у Г.И. Пикмана сложились деловые партнерские связи с нефтяниками, которые помогали тресту во всем. Григорий Ильич хорошо осознавал, что перед нефтяниками с каждым годом задачи усложняются, а возможности треста остаются на прежнем уровне. Критически оценивая это обстоятельство, понимал, что строители должны изменить свои подходы, пойти на ломку существующих СНиПов, инструкций, положений, которые являлись тор-

мозом. Нефтяники тоже стремились творчески, с научных позиций внедрять новые технологии.

Взять хотя бы одно новшество — упрощение системы сбора, транспортировки нефти и попутного газа. Это в корне изменило работу самотлорских нефтяников в обслуживании, а строителям помогло сократить сроки ввода объектов. «Лучевая» система сбора нефти и газа позволила обходиться без трапно-замерных установок, строителям не надо было сооружать дополнительных семь-восемь таких станций на Мегионском месторождении.

Инженеры института «Гипротюменнефтегаз» под руководством главного инженера Я.М. Кагана работали над внедрением на Самотлоре другой новинки — транспортировки нефти и газа по схеме: скважина—товарный парк. Здесь упразднились промежуточные технологические установки, что резко сокращало объемы строительства.

Эти и другие высокие технологии, которые внедрялись на Самотлоре, преследовали одну цель — совершенствование способов добычи нефти, чтобы не «выскребать» ее до донышка, ничего не оставляя на завтра, хотя неизвлеченной нефти на Самотлоре осталось более 50 процентов. Тогда об этом никто не думал, так как в те годы вся экономика страны, по сути, держалась за счет Самотлора.

Вот цифры. В начале разработки месторождения максимальный годовой уровень добычи нефти был определен в 70 миллионов тонн, в 1971-м — 100 миллионов, в 1976 г. — 130, в 1977 г. — 140. Темпы отбора должны были составлять 8,4 процента от текущих запасов. В 1980 году, вопреки здравому смыслу, планку добычи подняли до 154,6 миллиона тонн. Фактически темпы отбора составляли 10,2 процента. Ученые предлагали растянуть добычу на длительное время, как это было сделано на Ромашкинском месторождении Татарии, где максимальный уровень годовой добычи, равный 100 миллионам тонн, держался в течение десяти лет, а затем снижался плавно, по 1—2 миллиона в год. На Самотлоре при соблюдении проектной цифры в 130 миллионов тонн можно было бы вести эксплуатацию в течение 19 лет! Но максимальный уровень продержался всего год. Именно в 1980-м было получено даже больше запланированного — 158,8 миллиона тонн нефти!

Затем началось резкое падение. В 1988 году на Самотлоре нефти было добыто уже на треть меньше, чем в 1980 году. Уникальное месторождение из-за варварской эксплуатации «сгорело». Те, кто вставал на пути и пытался противостоять такому подходу, безвременно ушли в иной мир. Пусть земля им будет пухом.

Много трудностей пережили Г.И. Пикман и его коллектив. Для них выпало испытание: начать строительство самых сложных в инженерном отношении взрывоопасных газоперерабатывающих заводов (ГПЗ).

Проблема переработки попутного газа в нефтяной отрасли решалась медленно. За 17 лет, начиная с 1953 года, были построены ГПЗ общей мощностью 11 млрд. кубометров газа в год. За этот же период в США достигли мощности 726 млрд. кубометров переработки в год.

Наши проектные институты приступили к решению задач газопереработки только в 1970 году, то есть спустя пять лет с начала эксплуатации Мегионского месторождения. Дирекцию строящихся Нижневартовского, Белозерного, Локосовского и Варьеганского газоперерабатывающих заводов мощностью 12 млрд. кубов возглавил А.Г. Разумовский, способный организатор, инженер, практик. С его помощью нам удалось создать в начале группы в Краснодарском всесоюзном НИИ по переработке газа, а в 1975 году открыть Западно-Сибирский комплексный отдел данного института в Нижневартовске для осуществления авторского надзора за строительством заводов.

Альфред Георгиевич добился в исполкоме отвода площадки под строительство жилья, детского сада, магазина, административного здания для работников ГПЗ. Он старался сделать так, чтобы СУ-25 выделяли землеройную технику, самосвалы, сваебойные агрегаты. Через местные печать, радио и телевидение стремился показать важность возведения газоперерабатывающего комплекса, обратить внимание партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций района, коллективов треста и НГДУ на эту актуальную проблему. По его инициативе горком партии на заседаниях бюро, пленумах, совещаниях неоднократно рассматривал ход строительства ГПЗ.

Перед трестом «Мегионгазстрой» стояли большие задачи: в сжатые сроки построить крупные причальные сооружения с кра-

новым хозяйством, складскими помещениями, проложить подъездные и внутривозовские бетонные дороги, произвести выторфовку болот и отсыпать площадку грунтом. Строительство первой очереди ГПЗ требовало соорудить резервную дамбу, отсекающую болота от основной площадки. Надо было подвести от Мегиона к заводу — это 25 километров — две линии ЛЭП напряжением 110 киловольт с крупной подстанцией. И, наконец, в Нижневартовске в жилом квартале следовало построить десять панельных пятиэтажных домов, объекты соцкультбыта, детский сад для детей работников строящегося ГПЗ.

Решение Миннефтегазстроя привлечь на строительство заключенных по сей день считаю ошибочным. Как-то не вязалось: Всесоюзная ударная комсомольская стройка и зэки. Полтора года работы показали, что было потеряно дорогое время и отодвинут ввод завода в планируемые сроки. А каковы были затраты! Трест «Мегионгазстрой» отвлек значительные силы на создание зоны строгого режима для двух тысяч человек, военного городка для размещения батальона внутренних войск, жилого поселка для офицеров и их семей, обслуживающего персонала. В зону завезли девятьсот заключенных, то есть половину планируемого контингента. Начальники управлений и участков треста не были готовы, да и не имели опыта работы с данной категорией людей. Для этого требовалось время, а его не было. Руководство главка рассчитывало на опыт Григория Ильича, который руководил зэками на строительстве водоканалов на Волге. Но теперь было другое время, другие условия!

Пока заключенные выполняли земляные, планировочные, фундаментные работы, укладку инженерных коммуникаций, это устраивало трест. Но когда перешли к общестроительным операциям, их деятельность приобрела варварский характер. Случался открытый саботаж, неподчинение, жуткое отношение к стройматериалам, оборудованию, строительной технике, даже к тому, что было сделано собственными руками. Сегодня ставили застекленные оконные переплеты, двери, перегородки, полы, завтра сжигали их в кострах, ломали, портили. Приходилось все делать заново.

Как ни бился Григорий Ильич, чтобы улучшить работу, не получалось. Не смогли справиться с зэками и другие управляющие трестом: И.И. Трегубенко, В.Ф. Зайченко, И.И. Мазур.

В то же время батальон охраны, которым командовал майор А.Д. Селезнев, считался образцовым. Офицерскому составу и солдатам горком партии и горисполком постоянно уделяли внимание. Они проводили военно-патриотическую работу в школах, активно участвовали в общественной жизни горожан. Я и председатель горисполкома Н.А. Москаленко часто бывали в расположении части, выступали перед личным составом батальона.

Тем не менее руководство Главнефтегазпереработки убеждало Миннефтегазстрой отказаться от услуг заключенных. Такой же позиции придерживались и мы. Предлагали сменить заключенных на вольнонаемных рабочих, объявить стройку ГПЗ ударной, а трест «Мегионгазстрой» сделать комсомольско-молодежным. Освободившиеся помещения, жилье военного городка и поселка передать под заселение демобилизованным солдатам, молодежи, направленным по комсомольским путевкам.

Вскоре правительство приняло положительное решение на сей счет. Начался как бы второй этап строительства ГПЗ, более ускоренный и качественный.

Разумовского направили для организации строительства Сургутского ГПЗ. Жаль было с ним расставаться. Так уж совпало по времени, что мне предстояло вплотную заниматься проблемами и сполна отвечать за строительство ГПЗ, поскольку меня избрали вторым секретарем горкома партии. С этого момента я был в ответе за все производственные дела в районе и за большую стройку ГПЗ, которая значительно раздвигала границы комплексного развития района и строительства города.

* * *

На смену Разумовскому пришла «команда» профессионалов-газопереработчиков. Первым начальником созданной Главтюменнефтегазпереработки стал Л.М. Кузнецов. Лев Михайлович прошел большую «нефтяную школу»: промыслы Татарии, директор Минибаевского ГПЗ, начальник НГДУ «Альметьевскнефть», объединения «Саратовнефтегаз»...

Моя встреча с ним произошла на стройплощадке, где он знакомился с работой треста «Мегионгазстрой», специализированных монтажных управлений и участков, занятых монтажом технологического оборудования на ГПЗ-1. Я невольно обратил внимание,

как хорошо знал он свое дело, как умел спросить и одновременно помочь строителям. Лев Михайлович на равных вел диалог с рабочими, прорабами, начальниками участков и управлений.

В последующие свои приезды, а они были частыми, Лев Михайлович начинал с нас, ибо хорошо знал и понимал место и роль местных партийных и советских органов. Его команда старалась помочь управляющим трестами: Пикману, Трегубенко, Зайченко, Мазуру, и нам в том числе, — понять особенности строительства ГПЗ.

Никогда не забуду, как он предложил мне познакомиться с работой коллектива Альметьевского ГПЗ и уже там, на месте, «агитнуть» желающих поехать работать на вводимый Нижневартовский ГПЗ-1. С подачи Кузнецова этот вопрос был согласован с обкомом партии, и я вылетел в Альметьевск. Поездка была весьма полезной: удалось посмотреть работу нефтяников, буровиков, строителей города, а главное — ГПЗ.

Лев Михайлович на встрече со мной собрал всех руководителей, инженерный, партийный и профсоюзный состав завода и предложил мне выступить. Я обратился к присутствующим с призывом последовать примеру первого отряда нефтяников, которые поехали на тюменскую нефтяную целину. «Теперь, — говорил я, — наступил ваш черед, ждем вас в Нижневартовске. Готовы поделить жильем, чтобы вы начали нормально жить и работать». По реакции зала понял: таких будет много. После этой поездки у нас сложились деловые связи с рабочими Альметьевского ГПЗ, которые оказали нам практическую помощь в запуске новых заводов.

В настоящее время в прессе, на телевидении, в разговорах неискушенных новоявленных лидеров слышу обвинения в адрес партийных комитетов: якобы они подменяли хозяйственных руководителей, где надо и не надо вмешивались в их дела. Так могут говорить только те, которые абсолютно не знают специфических форм партийного руководства экономикой на местном уровне.

Расскажу о случае, который сыграл решающую роль в сдаче ГПЗ-1. На заводе шли предпусковые наладочные работы. Ко мне обратился Лев Михайлович с просьбой помочь на месте найти недостающие детали в комплектации КИП и автоматики. По разным причинам: сложной транспортировки оборудования,

порчи и разукомплектованности — не хватало более сотни различных деталей, и пока будешь их искать, отодвигается срок ввода завода.

Я попросил Льва Михайловича размножить перечень деталей. Пригласил заместителей, занимающихся вопросами материально-технического снабжения, предложил посмотреть этот перечень и отметить те, которые есть в наличии. Договорились о том, что снабженцы завода гарантируют вернуть их по мере поступления. Такая мера «вмешательства» ускорила ввод ГПЗ-1, но главное, я думаю, все же в другом: руководители понимали, что именно сегодня от них зависит судьба завода, пуск которого позволит переработать попутный газ, а не сжигать его в факелах. И таких примеров конкретной помощи было множество.

Совместный труд строителей и эксплуатационников в итоге дал положительный результат: в 1975 году вступает первый завод, в 1976 и 1977 — еще два, в 1980 — четвертый. Эти четыре очереди составили один Нижневартовский ГПЗ мощностью шесть миллиардов кубов переработки газа в год. Позднее в районе вошли в строй Белозерный, Локосовский и Варьеганский заводы.

Всеобщий распад промышленности в стране, в том числе в нефтяной отрасли и газопереработки, привели к печальному финишу. Очень жаль, что с таким трудом созданные в области ГПЗ сегодня используются лишь на одну треть.

Я хочу назвать имена людей, сыгравших большую роль в становлении и развитии ГПЗ в нашем районе. Это Николай Павлович Волков, Владимир Николаевич Шарков, Марс Тагирович Каюмов, Николай Яковлевич Токарев, Владимир Николаевич Татаренко, Алексей Ильич Воривошкин, Леонид Ермолаевич Алатырев, Николай Михайлович Кузнецов, Иван Андреевич Яшенко, Владимир Сергеевич Медведев, Михаил Петрович Краснотов, Иосиф Владимирович Чудновский.

Григорий Ильич, бесспорно, был одаренной личностью. Несмотря на свой преклонный возраст, он оставался молодым душой, прекрасно ладил с молодежью, поскольку был мудр и абсолютно не амбициозен, всегда живой и веселый. Особенно тепло, по-отцовски относился к ребятам, вернувшимся со службы на границе. О них он говорил так: «Ценю пограничников, разумеется, не за красивые глаза, а за то, что они в труде, как в бою, — безотказные, сильные, волевые».

Вот почему, перешагнув в первый раз порог его скромной, но уютной квартиры, я не удивился, увидев на стене вместо ковра, картины или зеркала зеленую фуражку. В тумбочке лежал новенький комплект пограничной формы, подаренной ему ребятами из треста. Уже позже от его сына Сергея узнал, что любит отец кинофильм «Белое солнце пустыни», особенно героя-таможенника, которого играл Павел Луспекаев.

Бывая с ним на объектах, часто видел ребят в солдатской форме. Наблюдая за тем, что я проявляю к ним любопытство, Пикман пояснил: «Наш главк поддерживает связь с несколькими пограничными заставами. После демобилизации по комсомольским путевкам едут к нам работать. Я их встречаю с радостью и делаю все, чтобы они закрепились в тресте».

На объектах, на ГПЗ и в городе из демобилизованных пограничников были созданы отдельные бригады, участки. Обратил внимание, что эти ребята при встречах с Григорием Ильичем строго, по-военному, как при встрече старшего по званию, подтягиваются. А между собой они называли его «батей» подобно солдатам, именуяшим так своих командиров рот, батальонов, полков.

Как-то с Григорием Ильичем заехали на участок СУ-14, где шла автоматическая сварка труб в плети. Тут же трубу изолировали и в готовом состоянии для укладки на плетевозах «Урал» доставляли на строительные объекты. К нам подошел мастер участка Анатолий Качура, более года проработавший в управлении. Пригласил в субботу на свою комсомольскую свадьбу. Ребята решили провести свадьбу в построенном ими кафе и любовно названном «Комариком».

Я не удержался и спросил Анатолия, как он здесь оказался. «Просто, — ответил он. — Друзья раньше меня уволились в запас с погранзаставы и отправились в Сургут. Вскоре я от них получил письмо: мол, приезжай. Пришел и мой черед на «гражданку», собрал свою «гвардию», решили с ребятами сразу поехать на Самотлор и там создать свой пограничный отряд». — «Ну что, создали?» — «Пока нет, но в ноябре-декабре ждем пополнение с нашей заставы, 10—15 ребят. Вот тогда пограничный отряд будет сформирован. Так придете ко мне на свадьбу?».

Мы дали слово, что непременно будем. Мы побывали в «Комарике», и такую свадьбу не забыть никогда!

В городе юности средний возраст жителей составлял 26—28 лет. На нижневартовских улицах, на нефтепромыслах была молодежь. Они строили свое будущее, трудились, несмотря на трескучие морозы, непроходимые болота, неустроенность быта.

В Нижневартовске Григорий Ильич жил вместе с сыном Сергеем, который закончил школу, заочно Тюменский индустриальный институт. Сергей работал в тресте «Мегионгазстрой», а затем инженером в НПУ «Мегионнефть». Жена Пикмана Елизавета Сергеевна жила в Сочи. Почему она там, а он здесь — было загадкой, а спрашивать об этом казалось нетактично. Хотя это был вопрос «политический». Считалось, что если человек привез семью, обустроился, значит, приехал всерьез и надолго.

В начальный период, когда отсутствовали нормальные жилищно-бытовые условия, объекты социально-культурного назначения, многие крупные руководители предпочитали жить в одиночестве, а семьи оставались на «Большой земле». Это для многих было своего рода прикрытием, так как постановление правительства предусматривало бронирование жилья по прежнему месту жительства, если работаешь в районах Крайнего Севера. С каждым годом жилищные проблемы улучшались, однако многие по-прежнему не помышляли перевозить сюда свои семьи. Не случайно и мне на пленуме райкома партии, когда избирали секретарем, задали вопрос: «Думаете ли привезти свою семью в Нижневартовск?».

Кроме «одиноких» руководителей, были и другие: они жили с семьями, но не обустроивали свой быт, считали себя как бы временщиками. Они стремились продержаться, заработать побольше денег и уехать. Не могу забыть случай, когда мы с Бахилковым решили в один из субботних дней навестить семью управляющего трест-площадкой № 29 Марченко. Они — москвичи, его жена работала директором ДК «Юбилейный». В двухкомнатной благоустроенной квартире увидели такое, что нас потрясло. Это была не квартира, а общежитие. Табуретки, лавки, сделанные хозспособом, две металлические койки. Когда Людмила Марченко пригласила за стол, мы увидели алюминиевую посуду, обыкновенные граненые стаканы. Нам стало понятно, что все взято со склада треста, хотя в магазинах можно было приобрести современную мебель, холодильник, хорошую посуду и бытовую технику.

Ушли мы удрученные и думали об одном: как могли Марченко, считавшие себя культурными людьми, жителями столицы, устроить для себя такой «уют». На одном из совещаний с активом района Бахилов нашел возможность рассказать об увиденном и предложил таким руководителям сделать для себя выбор: или жить в нормальных человеческих условиях, или уехать. Итог: многие привезли свои семьи, другие вернулись обратно, в теплые края.

Для Григория Ильича мы сделали исключение, но все же решили выяснить, почему он более пяти лет живет только с сыном. Зная наши дружеские отношения, Василий Васильевич поручил мне тактично разобраться, тем более что я со своей женой Фаиной Андреевной собирался отпуск провести в Сочи. Бахилов попросил найти возможность встретиться с женой Пикмана.

Елизавета Сергеевна была уже в годах, но выглядела очень эффектно. Высокая, стройная, с красивой головой, длинными русыми волосами, большими открытыми голубыми глазами. Одевалась она очень модно. Обшавшись с ней, мы узнали о их жизни.

Она рассказала: «Пожились по любви в Киеве. Он находился в служебной командировке, а я закончила хореографическое училище и уже танцевала в Киевском театре оперы и балета. Он мотался по стране, и я не поехала с ним — меня приковал театр. Я не мыслила жизни без сцены. Встречались, конечно, нажили сына. В Нижневартовск не поехала, так как он жил в ужасных условиях, поначалу в маленькой комнатенке типа общежития с общей кухней, без всяких удобств. Потом он поселился в двухкомнатной квартире в деревянном доме с кое-каким благоустройством, но и это меня не устроило. Я уже жила в Сочи. Мы договорились, что он к себе забирает сына. Я к нему трижды приезжала, поживу несколько недель и обратно. Он в отпуске был редко, но проводил его в Сочи. Нас это устраивало».

Вернувшись из отпуска, я обо всем рассказал Бахилову. Решили мужика не тревожить, думали, когда уйдет на пенсию, будут жить вместе, тем более что решение у них было обоюдным. Но так случилось, что Елизавета Сергеевна тяжело заболела. Григорий Ильич перевез ее в Москву к сыну Сергею, который уже работал в Миннефтегазстрое. В 1980 году она умерла. А потом скоропостижно скончался Сергей. Григорий Ильич остался один...

Закончу воспоминания о Григории Ильиче последним эпизодом, который останется в моей памяти на всю оставшуюся жизнь. В 1978 году при КПСС была создана Академия общественных наук. По направлению обкома партии, пройдя медицинское освидетельствование, собеседование и мандатную комиссию, я был зачислен слушателем первого набора. За день до отъезда в Москву мне позвонил Пикман: «Сергей Дмитриевич, по поручению руководителей города приглашаю вас на встречу. Только одно условие: приходите один. Ждем в 19 часов в гостинице треста».

Как условились, пришел к назначенному времени. На улице и в фойе собралось более ста руководителей предприятий и организаций. Григорий Ильич, как «староста», как хозяин, пригласил всех пройти в зал и занять места за праздничным столом. Усадив меня на почетное место, он сказал: «Сергей Дмитриевич, мы решили по-человечески, по-мужски с вами попроситься. Сегодня вы услышите то, чего не слышали за годы совместной работы. До этого момента мы всегда слушали вас, а сегодня будем говорить мы. Наберитесь терпения».

Это был почти семейный ужин. Тамадой был Пикман. Прошел вечер интересно и весело. Руководители были раскованы, каждый высказывал свое пожелание, свое отношение ко мне, делился планами на будущее. Здесь я был равным среди них. Высказались почти все. Пожелание было одно — закончить учебу, вернуться в Нижневартовск и продолжить начатое дело. Я был тронут и взволнован той теплотой, которая звучала в их словах. А главное, я понял, что эта встреча своего рода оценка, которую они выставили мне за работу.

Вернувшись домой, долго не мог заснуть. Думал об этих простых людях, честных, человеческих, сильных и закаленных в борьбе с суровой природой. Думал о них, которые молодыми приехали сюда, в этот суровый край не за «туманом и за запахом тайги», а создавать своим трудом могущество российское!

Они это сделали. Среди них был и легендарный, неповторимый руководитель, удивительный человек — Григорий Ильич Пикман.

Легенда Самотлора

Вся жизнь — это череда событий, сменяющих друг друга: радостных и горьких, больших и незначительных, оставляющих след в душе и преходящих...

1999 год запомнился тюменцам памятными событиями. Прошли областные мероприятия, посвященные легендарным личностям: Юрию Георгиевичу Эрвье, патриарху тюменской геологии, и Дмитрию Ивановичу Коротчаеву, главному строителю стальной магистрали Севсиба Тюмень—Тобольск—Сургут—Нижневартовск—Уренгой. Им бы исполнилось 90 лет со дня рождения. Незабытым осталось доброе имя Бориса Евдокимовича Щербины, первого секретаря Тюменского обкома КПСС, министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, заместителя Председателя Совета Министров СССР, вошедшего в историю как крупный и талантливый организатор освоения и становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ему исполнилось бы 80 лет.

В этот год отметили 35-летие промышленного освоения первых нефтяных месторождений, открытых геологами в районах Шаима, Усть-Балыка, Мегиона, и добычи первых 500 тонн тюменской нефти, отправленной водным путем на Омский нефтеперерабатывающий завод. За эти годы страна получила более восьми миллиардов тонн тюменской нефти. В городах Урае, Сургуте, Нефтеюганске, Нижневартовске отметили свое 35-летие созданные коллективы буровиков, вышкостроителей, нефтедобывающих управлений, транспортных предприятий и строительных организаций. 15 лет исполнилось молодому городу нефтяников Муравленко.

Не могла остаться незамеченной одна из ярких страниц — покорение Самотлора. В газете «Ленинское знамя» сообщалось: «2 апреля 1969 года в 17 часов 45 минут буровой мастер Степан Ананьевич Повх разрезает красную ленту, открывая вход на скважину. Двухсотая передается промысловикам. Началь-

ник Самотлорского промысла Иван Иванович Рынковой вместе со Степаном Повхом открывают задвижку. В коллекторе слышится рокот — первая нефть Самотлора пошла! Раздается громкое «Ура, даешь Самотлор!». Начался первый день Самотлора. День, который войдет в историю...».

Так было положено начало выполнению приказа Главтюменнефтегаза № 338 от 13 декабря 1968 года «О вводе в эксплуатацию в 1969 году Самотлорского нефтяного месторождения», подписанного первым его начальником В.И. Муравленко.

Это событие оповестило древнюю югорскую землю о наступлении нефтяной эры Самотлора. В ту пору никто не мог и предположить, что до конца 1969 года страна получит миллион тонн самотлорской нефти.

Руководители ОАО «Нижневартовскнефтегаз» и Тюменской нефтяной компании проявили завидную активность — не оставили без внимания события 30-летней давности. На мероприятия, проводимые в Нижневартовске, пригласили большую группу ветеранов нефтяного района, среди них бывшего начальника НПУ «Мегионнефть» Романа Ивановича Кузоваткина, первого открывателя нефтяных месторождений Сургутского и Нижневартовского районов и Самотлора Владимира Алексеевича Абазарова, работавшего в те годы управляющим трестом «Обънефтегазразведка» и начальником Мегионской нефтеразведочной экспедиции. В числе приглашенных был и я.

Приобрели авиабилеты на «тушку», а когда прибыли в аэропорт Рошино, то вместо самолета Ту-134 нас ждал Ан-24. Предстоял полет в течение двух часов. Невольно вспомнились те годы, которые впоследствии называли «застойными», когда северяне предпочитали только Аэрофлот. В командировки, в летние отпуска, в одиночку и с семьями летали на «Большую землю». Современный, технически хорошо оснащенный новый аэропорт Нижневартовска стал действовать с 1971 года. Аэропорт принимал и отправлял до ста бортов в сутки. Город был связан прямыми рейсами со всеми нефтяными районами страны. Только в Москву ежедневно совершалось три рейса. В год перевозили до полутора миллионов пассажиров. Сегодня же он загружен на одну треть.

...Итак, в салоне Ан-24 каждый разместился по желанию. Роман Иванович с внуком Романом — по одну сторону, я — по другую. Мне хорошо было видно его со стороны.

Седые поредевшие волосы, лицо, изрезанное морщинами, слегка сутуловатая спина, усталый, несколько потухший взгляд. Вот они — неумолимость и быстротечность времени. И невольно вспомнилась наша «боевая молодость», когда Роман Иванович, тридцать лет назад, впервые ступил на нижевартовскую землю. Ему было сорок лет. Это был красивый, высокий, стройный мужчина с густыми черными волосами, покоритель женских сердец. Особенно поражали его глаза. Они светились умом, излучали энергию и обаяние. Взгляд острый, пронизательный, казалось, все понимающий, просвечивающий собеседника насквозь. Создавалось впечатление, что это человек бывалый, много повидавший. Даже возникала ассоциация с героем фильма «Парень из нашего города». И что особенно удивляло и восхищало, так это способность притягивать к себе людей своими убеждениями, высоким профессионализмом и организаторскими способностями. Главным оружием были добрая ирония и юмор.

Мы все прошли «северную школу». На собственном опыте знаем, сколько здоровья и сил отбирают нефть и газ. Знаем о воздействии «северной экзотики» на человеческий организм. Именно на Севере наблюдается ускоренное развитие атеросклероза, гипертонической и ишемической болезней и целый букет других патологий. Не секрет, что на Севере почти нет здоровых детей. Люди, там проживающие и добывающие в российскую казну свыше 60 процентов дохода, потенциально больны. И это тяжело сознавать.

Гляжу на Кузоваткина, казалось бы, ничего особенного, а ведь он, Роман Иванович, — живая легенда Самотлора. Вспомнилось его любимое изречение: «Нижевартовск — это особая страница в моей биографии, Самотлор — мое детище. И ради жизни на земле приходилось здесь держать суровый бой». Это было его жизненным кредо. За годы совместной работы я его хорошо узнал. Мне всегда по нраву был его созидательный характер: твердость, убежденность, нацеленность на благо дела, удивительная скромность, душевность и простота. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту Романа Ивановича были просто поразительны.

Именно он, крестьянский сын, покоровший Самотлор, человек активной жизненной позиции, — герой нашего времени. Как известно, жизненная позиция проявляется в том, что один верит в «да», другой предпочитает «нет». Один ищет, доказывает, пре-

одолевать, другой сомневается, осторожничает, выжидает, как бы чего не вышло. Людские симпатии на стороне первых, и в памяти народной они остаются как созидатели и творцы.

В одной из телепередач «Мы» ведущий Владимир Познер дискутировал с аудиторией на тему: «Какой он, сегодняшний герой?». И оказалось, что прежних героев — корчагинцев, молодогвардейцев, целинников, стахановцев, нефтяников и газовиков Западной Сибири — низвергли с пьедестала, а новыми «героями» стали те, кто добивается только личных целей, кто исповедует индивидуализм, кто обогащается за счет других и отвергает мораль. Как жаль, что из тематики школьных сочинений исчезла тема «Делать жизнь с кого?» в качестве некоего нравственного ориентира. А ведь именно такие люди, как Роман Иванович, отдавшие себя государственному делу, достойны уважения, преклонения и подражания.

Роман Иванович был по-настоящему одаренной личностью. И не окажись начальником НГДУ, наверняка стал бы отличным госслужащим или сделал научную карьеру.

Думал ли он, борясь с суровыми сибирскими морозами, преодолевая трудности на тюменской земле, прошагав Самотлор вдоль и поперек, что спустя каких-то пятнадцать лет грянет «перестройка». Все, что было сделано им и руками тысяч тружеников Самотлора, будет утрачено, а жители Нижневартовска и Мегиона окажутся в бедственном положении и будут невостребованны. Конечно, даже и мыслей таких быть не могло!

Он тяжело и мучительно переживал из-за того, что созданный единый нефтегазовый комплекс раздроблен, расташен и находится в ужасном состоянии. Знаю, что он мучился и страдал, сдерживая себя, когда кто-то при нем говорил: мол, результаты вашего тоталитарного прошлого пожинаем сегодня!

Да, были ошибки, заблуждения, даже преступления. Но были и ярчайшие достижения, рядом с которыми пигмеями выглядят нынче те, кто пытается принизить, извратить героическое дело, совершенное в таежной глухомани и болотах. Без этих достижений неизвестно, как бы жила сегодня обновленная Россия. Это в свое время подчеркивали руководители страны.

Посетив нашу область в третий раз и ознакомившись с делами нефтяников, выступая на собрании партийно-хозяйственного актива области, председатель Совета Министров СССР Алексей

Николаевич Косыгин сказал: «Не представляю, что было бы со страной без тюменской нефти и газа? Здесь в рекордные сроки создана надежная сырьевая база нефтегазового комплекса страны, который является общенациональной гордостью и важнейшим центром энергетической независимости государства. Этот подвиг народа будет жить вечно в памяти потомков».

Да, природа щедро одарила нас запасами нефти и газа. Люди сделали Западную Сибирь «открытием века», «русским чудом».

В биографии Романа Ивановича было два жизненных периода. Начальный — на нефтепромыслах Куйбышевской (ныне Самарской) области, которые осваивали в тяжелые годы Великой Отечественной войны.

Любое дерево, как известно, сильно своими корнями. Родился Роман Иванович в бедной крестьянской семье. Детей было четверо, он — старший. Отец Иван Трофимович Кузоваткин погиб в Германии 18 сентября 1945 года, когда уже была повержена фашистская машина, наступила долгожданная победа. Он был откомандирован советским командованием в специальные воинские части, которые выполняли подписанный договор по демонтажу оборудования с немецких заводов и отправке его в нашу страну. Недобитые фашистские фанатики продолжали сопротивление. Именно такой вражеской пулей, ставшей роковой, был убит старший лейтенант Иван Трофимович Кузоваткин.

Мать Анна Андреевна Кузоваткина, ставшая в 34 года солдатской вдовой, осталась с четырьмя детьми, но сумела всех вырастить, воспитать и выучить.

Детство, общение со сверстниками, выбор друзей, родительский пример и, конечно, профессия формируют человека, его преданностью любимому делу.

Окончив семь классов, Роман Иванович поступил в 1947 году в Сызранский нефтяной техникум. Об этом времени он вспоминал: «В семье я был старшим. Надо было помогать маме материально, чтобы учить двух сестер и брата. Я, конечно, как многие мальчишки, был ершистым, не всегда вел себя примерно в школе, в техникуме, на улице. Жили среди нефтяников. Профессия — мужская, завидная и популярная. Заработок у нефтяников был высоким по сравнению с другими профессиями. Техникум считался одним из лучших в нефтяной отрасли. Большинство ребят из нашего класса пошли в техникум, и я с ними

за компанию. Хотел испытать долю нефтяника, и стал таковым, как видите, на всю оставшуюся жизнь».

Спустя шестнадцать лет он окончил заочно «всесоюзную керосинку» — так прозвали Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина.

Роман Иванович запомнил и унаследовал правило отца: всегда и везде быть с людьми, особенно, когда им плохо, когда они нуждаются в поддержке. Недаром говорят: где родился, там и пригодился.

Более трех лет Роман Иванович трудился на нефтепромысле № 2 треста «Кинельнефть» объединения «Куйбышевнефть»: оператором, помощником мастера, мастером и начальником участка. Эти годы и определили его дальнейшую жизнь. Он сразу показал, на что способен, тянулся к знаниям, был инициативным, пробивались ростки организаторских способностей. Вот как об этом он скажет: «Родители приучили меня к труду с малолетства. Я очень люблю работать, причем добросовестно, хорошо и много. И верите, я никогда не стремился сознательно занять должностную ступеньку повыше. Как-то само собой все получалось».

Через четыре года после окончания техникума его назначили начальником комплексного хозрасчетного участка по добыче нефти НПУ «Первомайскнефть», а спустя еще четыре года — заведующим нефтепромыслом.

Роману Ивановичу повезло в том, что здесь закладывались хорошие основы в развитии отрасли, происходили изменения в технологии и технике разработки нефтяных месторождений. Это обеспечивало высокий рост добычи. Повезло и в том, что рядом бурно развивался другой нефтяной район — Башкирия. Это позволяло сравнивать достигнутое, соперничать, перенимать и внедрять опыт лучших бригад, участков, управлений.

На промысле он стремился использовать новое отечественное оборудование для фонтанной эксплуатации скважин, широко применял электроцентробежные и поршневые насосы, подверг коренной реконструкции весь набор оборудования для эксплуатации скважин штанговыми скважинными насосами, использовал оборудование для систем поддержания пластового давления путем закачки воды.

Два года не прошли даром. В 36 лет он стал заведующим Мухановского нефтепромысла, самого крупного в объединении,

подобрал команду из молодых специалистов и опытных инженеров, подключил к решаемым проблемам научно-проектные институты. Смело шел на эксперимент. Впервые стал внедрять новые схемы сбора нефти и газа. Это позволило значительно снизить капиталовложения и металлоемкость в обустройстве месторождений и резко сократить потери нефти и газа. На промысле он увлекся внедрением систем автоматизированного управления и контроля за работой скважин, а также средств по автоматизации отдельных производственных процессов, связанных с эксплуатацией скважин, процессами сепарации нефти и газа, подготовки нефти и воды, а также заводнением нефтяных пластов. Широко применялись различные виды оборудования для механизации текущего и капитального ремонта скважин.

Его увлеченность повлияла на выбор будущей специальности в институте: «Технология и комплексная механизация разработки нефтяных и газовых месторождений». Он часто цитировал нашего знаменитого земляка из Тобольска Д.И. Менделеева: «Без светоча науки и с нефтью будут потемки».

Целенаправленная работа молодого руководителя промысла не могла остаться незамеченной со стороны руководства нефтепромыслового управления «Первомайскнефть» и объединения «Куйбышевнефть».

Виктор Иванович Муравленко, начальник управления нефтяной промышленности Средне-Волжского совнархоза, давно приметил Романа Ивановича. Он часто бывал на участке, а затем и на промысле, расспрашивал, советовал, иногда давал отдельные поручения. Однажды В.И. Муравленко и В.Н. Пчелинцев, главный инженер объединения, предложили Кузоваткину начать работы по автоматизации скважин, обещали поддержку и помощь. Он загорелся этой идеей и сумел внедрить метод и комплексно автоматизировать один участок, располагающий тремя скважинами. На «смотрины» приехал Виктор Иванович, прихватив около десятка специалистов с других нефтяных промыслов.

На соседнем, Черновском, промысле ежегодно не выполняли план. И Виктор Иванович предложил Кузоваткину взять шефство. Задача оказалась не из легких. Пришлось Кузоваткину направлять в бригады своих мастеров, помбуров, механиков. И черновские буровики не только выполнили, но и перевыполнили задание на 145 процентов!

Муравленко стал часто общаться с Кузоваткиным, звонил ему, приглашал к себе, так как видел в нем руководителя, умеющего держать данное слово, способного возглавить большой коллектив (пятьсот человек) и решать поставленные перед промыслом задачи. Кузоваткину приходилось решать жилищные и социальные проблемы в рабочем поселке Первомайский, в котором проживали около трех тысяч человек.

Будучи начальником Главтюменнефтегаза, В.И. Муравленко помнил о Кузоваткине и знал, что придет время, и он будет нужен здесь, в Западной Сибири. И такой момент наступил.

Думал ли Роман Иванович, как и многие молодые здоровые парни, что когда-нибудь окажется на Севере, на тюменской земле, которая станет для него родным домом? Однако этот выбор был нелегким. В Отрадном, где работал Кузоваткин, были налажены и производство, и быт рабочих. Безусловно, о Западной Сибири он и не помышлял. В семье было трое детей, жена Галина Егоровна работала рядом. Кругом родные места, друзья, и главное — взяты некоторые жизненные «высоты». Это давало ему право отказаться от предложенной Муравленко должности, хотя он подсознательно уже был готов на большее.

Виктор Иванович выжидал, не торопил, давал Роману Ивановичу как бы отсрочку. Теперь он был нужен ему здесь, на тюменской земле. Виктор Иванович поручил Василию Васильевичу Корелякову, начальнику объединения «Тюменнефтегаз», расположенного тогда в Сургуте, пригласить Кузоваткина на работу.

Почти год В.В. Кореляков убеждал Романа Ивановича переехать в Западную Сибирь. Ничего не получалось. Кореляков пытался воздействовать через Галину Егоровну, чтобы она повлияла на мужа. Но Роман Иванович придумывал новые и новые причины отказа, вплоть до того, что его не снимает с партийного учета Отраднинский горком партии.

Тогда вмешался В.И. Муравленко. По его просьбе заведующий сектором ЦК КПСС Владимир Иванович Кремнев приглашает Романа Ивановича на беседу. Нелегкий разговор закончился тем, что коммунист Кузоваткин согласился съездить в Сургут и Тюмень, чтобы познакомиться на месте с предложенной работой, и только после этого принять решение.

Кто из нас не помнит первые впечатления об этом суровом, снежном, холодном крае? Этот необъятный массив под крылом

самолета? Роман Иванович вспоминал: «При посадке в Сургуте стюардесса объявила погоду: минус 41, а в Куйбышеве было только минус 12. Вышел из самолета. Сбивающий с ног ветер. Мрачно-серый Сургут. Мои чувства невозможно было передать. В голове одна мысль: зачем сюда, когда там лучше? Но не бежать же обратно? Посмотрю!».

Кузоваткин встретился с В.В. Кореляковым и начальником НПУ «Юганскнефть» Львом Дмитриевичем Чуриловым, но работать на Правдинском месторождении не согласился. Василий Васильевич по «нефтянке» соединился с Муравленко и доложил ему об этом. Тогда Виктор Иванович пригласил Кузоваткина в Тюмень.

Перед тем, как зайти к начальнику главка, Кузоваткин зашел к заместителю по геологии Юрию Борисовичу Фаину. На столе лежала карта Самотлорского месторождения. Увидев Самотлор, Роман Иванович сразу же определился: он даст согласие Муравленко при одном условии — только на Самотлор! Позднее об этом скажет: «Мое воображение потряс Самотлор. Таких крупных месторождений я не встречал. Я попросил Муравленко направить меня в Нижневартовский район, правда, промышленной разработки этого месторождения еще не было. Меня назначили начальником НПУ «Мегионнефть». Управление в то время разрабатывало два месторождения — Мегионское и Ватинское. Самотлор начали разрабатывать только в апреле 1969 года. Было очень тяжело, но интересно. Работали по 12–14 часов. Кроме обустройства месторождения много времени приходилось уделять строительству будущего города Нижневартовска».

В кабинете у Муравленко он хотел сразу сказать об этом. Тот обнял его по-отцовски, посадил рядом и сказал: «Ну что, Роман, вот и наступил твой черед. Вот тебе мой приказ: ты назначен начальником НПУ «Мегионнефть». Тебе предстоит начать освоение Самотлора». Кузоваткин удивился тому, насколько совпало его желание с принятым Муравленко решением. Взял приказ от 12 февраля 1968 года и вышел.

Рабочий день был на исходе. Вновь зашел к Юрию Борисовичу. Ему показалось, что пока он находился у Муравленко, тот не отходил от большого стола и, как коршун, завис над картой Самотлора. «Ну теперь, — сказал он, обращаясь к вошедшему, — тебе надо знать все об этом высокодебитном место-

рождении. Подобного в России нет. Хотя тюменские геологи предполагают найти второй Самотлор».

Геолог и промысловик засиделись допоздна. Обсуждали, спорили, продумывали, как лучше выйти на южную сторону месторождения. Юрий Борисович говорил о том, что эта залежь на сегодняшний день еще мало изучена и разработка Самотлора требует крайне осторожного, научного и взвешенного подхода. Вообще Юрий Борисович, высочайший специалист промысловой геологии, весьма был сдержан в оценке запасов нефти, имел свое мнение, которое многим в министерстве, обкоме партии и ЦК КПСС не нравилось. Позднее ему одним из секретарей обкома будет приклеен ярлык «предельщика». На самом же деле начальники нефтедобывающих управлений его уважали, ценили и считались с мнением и рекомендациями главного геолога.

Самотлор был для всех новинкой. Как новорожденное дитя, Самотлор требовал к себе особого внимания. Необходимо было найти оригинальные, эффективные технические и экономические решения, а это требовало координации деятельности многих министерств, ведомств и научных институтов. Торопили все: обком, ЦК, правительство, министерство — очень нужна была стране нефть, много нефти. Понимая важность момента, Главтюменнефтегаз и Миннефтепром обратились в Мингеологию СССР с просьбой об ускорении разведочных работ на Самотлорском месторождении. Цель была одна — убедиться в перспективе и представить материалы в Государственную комиссию по запасам (ГКЗ) для утверждения запасов нефти на южной части Самотлорского месторождения.

Перед Юрием Борисовичем стояли нелегкие вопросы: не рано ли беремся за Самотлор? Не торопится ли Муравленко с инициативой опережающего освоения Самотлора? Хотя Фаин хорошо знал, что над начальником главка стоял обком партии, который торопил с началом работ, и послушаться, а тем более возразить было чрезвычайно сложно.

Беспокойство вызывало еще одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что в Министерстве геологии СССР и Министерстве геологии РСФСР не торопились с рассмотрением и изучением уже имеющихся материалов изысканий южной части месторождения. Они не были окончательно сформулированы. Отсюда всякие разговоры о необходимости выхода нефтяни-

ков на Самотлор могли обернуться обратной стороной — отрицательной, загубить месторождение на начальном этапе. Юрий Борисович постоянно сталкивался с такой порочной практикой и имел полное основание судить о «традиционном порядке» в геологии по передаче площадей под промышленную разработку. Если их переложить на Самотлор, то следовало бы начинать добычу нефти только через три года, то есть не ранее 1972 года, а не в 1969 году. Эти обстоятельства и требовали от главного геолога не совершить ошибки, тут нужен был расчет инженерный, а не рискованный. Фаин посоветовал Кузоваткину прислушиваться к мнению своего заместителя по геологии Владимира Уриелевича Литвакова, который считался опытным специалистом не только в главке, но и в отрасли.

Литваков в своей непростой и трудной работе нефтепромыслового геолога опирался на научные результаты, обобщающие сложившуюся обстановку с разработкой нефтяных и газовых месторождений, имея в виду их практическую ценность. И был таковым до конца своей жизни. Владимир Уриелевич приехал в Сибирь в 1964 году в числе первых нефтяников и проработал в Нижневартовском районе более 21 года. Начинал с Мегионского месторождения, в 1965 году подключили Ватинское месторождение, а в 1969-м мощным фонтаном возвестил о себе Самотлор. Затем чередой начали вводить в разработку крупнейшие месторождения района: Аганское, Варьеганское, Северо-Варьеганское. В.У. Литваков о своей работе говорил: «Геолог всегда должен думать о завтрашнем дне месторождения, его перспективе, знать текущие резервы нефти». Кузоваткин высоко ценил Литвакова и принимал решения только после согласования с Владимиром Уриелевичем.

Из всего услышанного и увиденного Роман Иванович понял, в каких труднейших условиях предстоит ему исполнять приказ начальника главка. Он должен, обязан был взять на себя всю полноту ответственности за его воплощение в реальность. Будучи в Куйбышеве, он знал, что 27 января 1968 года на Самотлоре начата проходка первой эксплуатационной скважины № 200. Она должна была дать ответ на многие вопросы как производственникам, так и политикам.

Ю.Б. Фаин раздвинул занавеску, за которой находилась карта тюменской нефтегазовой провинции. Больше всего ус-

ловных обозначений — вышек — приходилось на Среднее Приобье. «Смотри, Роман Иванович, — сказал он, — чем привлекателен Самотлор для нас. Расположен он в непосредственной близости от первого действующего нефтепровода Нижневартовск—Усть-Балык—Омск, что позволяет обеспечить эффективность капиталовложений и выполнить задачи, поставленные правительством: довести добычу нефти в 1970 году до 28—30 миллионов тонн. Без Самотлора эти объемы недостижимы».

Перед строителями Главтюменнефтегазстроя тоже была поставлена сложная задача — к 1 апреля 1970 года ввести нефтепроводы Самотлор—Нижневартовск и Нижневартовск—Усть-Балык. Спрессованный узел проблем вокруг Самотлора предстояло комплексно, совместно решать геологам, нефтяникам, строителям и транспортникам.

На этом они расстались. С первой встречи стали друзьями, коллегами до конца жизни Юрия Борисовича.

На следующий день Роман Иванович пошел на «смотрины» в обком с Александром Евгеньевичем Михайловым, заместителем начальника главка. Сначала состоялась встреча с Геннадием Павловичем Богомяковым, заведующим отделом нефтяной и газовой промышленности и геологии, а затем долгая беседа с первым секретарем обкома Борисом Евдокимовичем Шербиной.

В тот же день он вылетел к новому месту работы, в Нижневартовск. Принял дела у своего предшественника, начальника НПУ «Мегионнефть» Бориса Ивановича Осипова. Начался отчет его работы и жизни в Тюменской области. Вот как вспоминал Роман Иванович первую зиму: «Свое знакомство начал с объезда Мегионского и Ватинского нефтепромыслов, находящихся в режиме действующих. Но на самом деле многие объекты были заморожены и не работали. Люди выходили на работу, считались «при деле», получали зарплату, а, по сути, изнывали от безделья. Меня поразило царящее равнодушие. Пришлось сразу принимать меры к начальникам цехов и бригадирам, которые не сумели подготовиться к зимним условиям. И к зиме 1971 года мы были готовы и работали, как полагается».

Зимний период для всех работающих был самым благоприятным. Более 60 процентов работы годового объема вышкостроения, бурения, строительно-монтажных работ выполнялось зимой, так как весной паводковые воды покрывали нефтяные пло-

шади Мегионского и Ватинского месторождений, а Самотлор становился практически недоступным для строителей. Наступало бездорожье, и объем работ сокращался.

Два первых года для Кузоваткина были особенно трудными. Ему пришлось принимать нестандартные инженерные решения и организационные вопросы для обустройства промыслов. Вплотную заниматься и строительством города. Несомненно, он относился к категории людей творческих, постоянно ищущих нетрадиционные подходы. Четкий распорядок дня, плотный режим работы, умение преодолевать трудности — таким был стиль его работы.

На Самотлоре происходила настоящая техническая революция нефтяной индустрии: проектирование и строительство объектов нефтедобычи, ремонт скважин, создание и внедрение нового оборудования для подъема нефти и т.д. Ему удалось в сжатые сроки сформировать квалифицированный, работоспособный и деятельный костяк единомышленников, способных решать практические задачи, стоящие перед управлением, а они по масштабам были общегосударственными.

Среди этих людей были Г.С. Арнапольский, В.У. Литваков, Г.М. Кукуевицкий, В.А. Абазаров, И.И. Рынковой, А.М. Силаев, В.Е. Ванин, Ю.Д. Малясов, Б.К. Золин, В.И. Иванов, М.А. Харин, Н.П. Дунаев, Друганов. Он всегда советовался и опирался на опытных операторов по добыче нефти Н.П. Сливина, С. Пузарецкого, В. Плотникова, А.И. Суздальцева, Е.В. Большагина, Н. Назарова, Д. Беуйлина, В. Шишкова, Н.П. Нюняйкина, Б. Фирхова и многих других. «Я по-настоящему понял смысл фразы: я — не политик, я — хозяйственник», — так говорил Кузоваткин о себе.

Ритм жизни был таков, что складывалось впечатление, будто Роман Иванович ежедневно находится на поле битвы. Но он всегда был спокойным и сдержанным в общении с подчиненными и окружающими людьми. Только усталые глаза, слегка сморщенный лоб и полная пепельница искуренных сигарет говорили о его усталости. Тонкие черты лица выдавали в нем человека увлеченного, одухотворенного. В любой ситуации он оставался интеллигентен, прост в общении, но без какого-либо панибратства, столь характерного для многих нижевартовских руководителей. Роман Иванович занимался любимым делом, и оно было

для него источником вдохновения. Одевался неброско, но со вкусом, что отличало его от других руководителей.

Государственное дело, которое доверили ему, требовало большой работы над собой, осмысления каждого шага, поступка, действия. Мудрость делового человека заключается не в стремлении к безошибочности как самоцели, а к сведению ошибок, которых нельзя избежать во всяком сложном деле, к возможному минимуму. Особенно динамичными были 1969—1972 годы. Роман Иванович полностью вписался в ритм. Безусловно, во всем прослеживалась целенаправленная и организаторская работа обкома, городских и районных комитетов партии.

Об этом свидетельствуют партийные документы того времени. С участием начальников трех главков: Ю.Г. Эрвье, В.И. Муравленко и С.А. Барсукова — 21 июня 1969 г. состоялось заседание бюро обкома, принявшее постановление «О мерах по ускорению разведки и ввода в разработку Самотлорского нефтяного месторождения». Впервые на этом заседании присутствовал Роман Иванович. Для выполнения первой части принятого постановления Главтюменьгеология обязала управляющего трестом «Обьнефтегазразведка» В.А. Абазарова принять дополнительные меры по усилению буровых работ на Самотлорском месторождении. Была поставлена конкретная задача — к 1 апреля 1969 года обеспечить бурение скважин до 25 тысяч метров. В целях определения контура нефтяных залежей предстояло пробурить скважины в прогибе Самотлорской и Черногорской структур. И, наконец, в первом квартале 1969 года необходимо пробурить восемь скважин и пройти 20 тысяч метров.

Главтюменнефтегазстроем утверждается программа: в первом квартале 1969 года обустроить пусковой комплекс на Самотлоре, а в четвертом ввести две нефтеперекачивающие насосные станции в Нижневартовске, освоить изготовление и построить на Самотлоре первую дожимную насосную станцию в блочно-комплектном исполнении мощностью на 20 тысяч тонн в сутки.

Роман Иванович со своим коллективом обязывался на Самотлорском месторождении выполнить обширную программу по техническому перевооружению нефтедобывающего производства. Они оказались в первой шеренге участников нефтяного штурма месторождений в приобской тайге и болотах. Он — по праву покоритель Самотлора, прошедший путь от начальника

управления до заместителя министра—начальника Главтюменнефтегаза.

Роман Иванович стоял у истоков совершенствования и внедрения эффективных систем и методов подъема нефти из скважин Самотлорского и Варьеганского месторождений. Именно здесь на практике нефтяникам удалось применить эффективные методы воздействия на пласт. Сколько споров пришлось выдержать Кузоваткину, когда на Самотлоре применяли компоненты с целью получения улучшенных нефтewымывающих свойств воды, загущения воды, закачки газа высокого давления. Революцией можно назвать внедрение газлифтного метода эксплуатации, одновременно раздельной эксплуатации нескольких нефтяных пластов в одной скважине. Именно Роману Ивановичу пришлось осваивать электропогружные высокопроизводительные насосы с напором в сто атмосфер и производительностью 2000—3000 кубометров в сутки, позднее внедряли насосы с давлением до 150 атмосфер для добычи и закачки подземных вод в продуктивные пласты.

На Самотлоре широко внедрялся раздельный сбор безводной и обводненной нефти с обезвоживанием до одного процента и горячей сепарацией. Нефтяникам Самотлора удалось осуществить схему однотрубного сбора нефти и газа с закачкой реагентов — деэмульсаторов на скважинах, или групповых установках для осуществления внутритрубопроводной деэмульсации. Этот процесс был вызван объективными условиями, так как темпы роста добычи были громадны. Выполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» требовало комплексного освоения месторождений: полной подготовки нефти в местах добычи, сбора и утилизации попутного газа, чтобы избежать огромных убытков от сжигания газа и транспортировки неподготовленной нефти на заводы. Решение государственной задачи требовало в максимально короткие сроки освоить очень большой объем капиталовложений. Для этого сосредоточить мощности строительных организаций, повсеместно внедрять индустриальные методы строительства. Одновременно решать вторую задачу: внедрение новых, менее дорогих схем по транспорту, сбору, подготовке нефти и утилизации нефтяного газа на месторождениях.

Самотлор стал полигоном, где апробировались тюменские новинки: применение блочно-комплектных установок, предельная централизация технологических объектов на месторождениях, комплексная автоматизация промысла и индустриализация строительных работ.

Началом этому послужило принятое обкомом партии постановление «О проведении конференции по проблемам развития и размещения производственных сил Тюменской области». Конференция прошла в марте 1969 года.

В Западной Сибири Миннефтепрому пришлось ломать старые традиционные виды строительного и технологического подходов в освоении нефтяных месторождений. Существовала практика, когда проекты разработки, технологические схемы составляли одни научно-исследовательские институты, а проекты их обустройства, строительства городов и поселков заказывали в другие. Надо было их объединить в территориальные, как это было сделано министерством в Татарии и Башкирии.

В Нижневартовске столкнулись с проблемой строительства жилых и производственных объектов на болоте. Предстояло срочно вносить изменения в СНиПы различных направлений.

Более десятка научных и проектных институтов, инженерные силы строителей и нефтяников объединились над решением проблем по освоению Самотлора. Под руководством главного инженера Главтюменнефтегазстроя Юрия Петровича Баталина освоили блочный метод строительства кустовых станций для поддержания пластового давления. При активном участии главного инженера института «Гипротюменнефтегаз» Якова Михайловича Кагана, его заместителя Юрия Александровича Лукашкина, главного инженера проектов Иршата Шалеевича Алеева, начальника и главного инженера Мегионской конторы бурения Валентина Ивановича Хлюпина и Александра Ивановича Кононцева, начальника и главного инженера объединения «Запсибнефтьстрой» Генриха Наумовича Малкина и Николая Васильевича Бурцева освоены и внедрены блочные дожимные насосные станции для перекачки нефти, «лучевая» система сбора нефти и газа, кустовое наклонно-направленное бурение, малогабаритные печи для обезвоживания нефти и многое-многое другое. Кроме того, шли на смелые эксперименты при сооружении трубопроводов в одном коридоре.

Объемы производственного и жилищного строительства были настолько велики, что Главтюменнефтегазстрой, образованный в 1965 году, и его подразделения не могли с ними справиться. Необходимо было привлекать новые силы строителей, но многие ведомства были против их направления в Западную Сибирь.

Правительству страны пришлось принять специальное постановление, и данная проблема была снята. Это решение стало возможным благодаря огромным усилиям министра нефтяной промышленности СССР В.Д. Шашина, начальника Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко, секретарей обкома партии Б.Е. Шербины, А.К. Протозанова и Г.П. Богомякова.

Основным критерием застройки Нижневартовска, по мнению Шашина, следовало считать один: люди, осваивающие Саяногорск, должны жить в нормальных человеческих условиях. Он требовал от своего заместителя по строительству Ш.С. Донгаряна и от руководства Главтюменнефтегаза, чтобы строительство Нижневартовска было продумано основательно и велось на современном архитектурно-планировочном уровне, обязательно комплексно.

В.Д. Шашин часто приезжал в Нижневартовск и находил время послушать строителей. На одном из совещаний в райкоме, на котором рассматривали ход строительства города, Донгаряну и Кузоваткину пришлось выслушать справедливую критику министра. Он обвинил их в затягивании с проектными работами, задержкой выдачи рабочей документации, соглашательством при возведении брусчатых жилых домов и устаревших серий панельных зданий, не отвечающих северным условиям. Негодовал по поводу хаотичного возведения бараков и балков. Требовал, чтобы как можно быстрее начали строительство Нижневартовского ДСК, ибо считал, что без его ввода не выйти из замкнутого круга.

Ради справедливости скажу, что строительство города занимало важнейшее место в деятельности Шагена Сааковича. Нижневартовск был у него на особом счету. Он часто приезжал в район, советовался с нами, каким должен стать город. По его мнению — непременно благоустроенным, с современным жильем и объектами культуры, спорта, школами, больницами и поликлиниками.

Шаген Саакович настаивал на использовании индивидуальных проектов. В то время это решалось на уровне правительства

и ЦК КПСС. По таким объектам, как Дворцы спорта, культуры и искусства, как правило, принимались специальные постановления, ибо они считались излишеством. Приходилось искать обходные пути. Например, Дворец нефтяников по титулу значился объектом «Дом науки и техники», новое здание аэровокзала — вахтовым пассажирским и грузовым вокзалом, здание школы искусств — детская музыкальная школа и так далее.

Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин вникал в нужды северян. Для него не было мелочей. Приведу пример. Однажды совещание закончилось в полночь, и Алексей Николаевич неожиданно для нас решил пройтись по первым улицам Нижневартовска. Улицы Космонавтов, Пионерская и Нефтяников не имели освещения. Косыгин задал вопрос: «Почему нет современных светильников?». Григорий Иванович Голтвянский, начальник «Главтюменпромстроя», основной застройщик города, ответил: «Не можем нигде достать светильники». Тут же Косыгин распорядился поставить их из Москвы. Вскоре улицы города стали освещаться разными видами светильников.

В 1973 году А.Н. Косыгин принял решение об участии москвичей в строительстве Нижневартовска. Данному решению предшествовали почти два года долгих убеждений в том, что в Нижневартовске необходимо как можно быстрее строить жилые дома. И появились шестнадцатиэтажные дома, которые строили москвичи. Сегодня эти дома, единственные в округе и области, сделали Нижневартовск современным и являются памятью о государственном деятеле А.Н. Косыгине.

Город Нижневартовск стал межрегиональным центром. Почему? Министр Шашин полагал: надо строить Нижневартовск таким, чтобы люди могли нормально жить и работать. Для этого необходимо создать надежные транспортные условия: построить дороги, использовать малую авиацию. Он исходил из того, что человеку должно быть удобно ежедневно ездить на место рождения и возвращаться. И, наконец, по мере того, как семьи будут расти, а добыча нефти падать, в городе надо создавать производства, на которых могло бы работать будущее поколение, особенно женщины. Но, несмотря на принимаемые меры, нефтяникам не удалось избежать ошибок. Поток молодых людей, стремящихся испытать себя Севером, попробовать рабо-

тать и жить в экстремальных условиях, привел к интенсивному строительству новых поселений. Валентину Дмитриевичу предстояла задача разрушить существующую порочную практику, когда руководители нефтяных предприятий стремились создать «микророселки» как можно ближе к своим производственным объектам и считали эту практику верной.

Подобный подход не устраивал министра, ибо в условиях Тюменского Севера был не применим. К чести Шашина, он довольно быстро определился в системе расселения, считая, что Мегион и Нижневартовск должны стать основными базовыми городами, в которых необходимо создать нормальные условия для проживания людей. В них же организовать мощную производственную инфраструктуру для обустройства месторождений и ускоренного строительства Нижневартовска. Тем самым город рассматривался как центр межотраслевого значения.

Большую притягательную силу в советское время имели экономические рычаги: районные коэффициенты к заработной плате, надбавки за особый характер работы, различные виды льгот, приобретение товаров повышенного спроса, обеспечивающих более высокий жизненный уровень. И все же около двух третей приехавших на Север не задерживалось более чем на три года. Первое место для такой миграции занимала неудовлетворенность уровнем комфорта жилой среды и культурно-бытовыми условиями.

* * *

В Нижневартовске Кузоваткин попал в неведомую ему обстановку, столкнулся с новизной проблем и острейшей жилищно-бытовой ситуацией. С первого дня перед ним встала задача, как обустроить быт живущих и прибывающих людей.

Ему отводилась роль единственного генерального заказчика по комплексному освоению и строительству в районе. Он был в ответе за все: за обустройство месторождений, добычу нефти, строительство города, создание нормальных жилищно-бытовых и социально-культурных условий.

Там, в Отрадном, эти вопросы тоже стояли, но решал он их легче. Хозспособом строил жилье, предоставлял людям средства для индивидуального строительства, как правило, с небольшими приусадебными и садовыми участками, что положительно ска-

зывалось на закреплении кадров. Здесь же диаметрально противоположная ситуация. Пришлось на ходу менять тактику.

Поначалу он растерялся, но это продолжалось недолго. Большая воля, высокая работоспособность, смелость принимаемых решений, сопряженные с бессонными ночами, волнениями и тревогами, в итоге сделали большое государственное дело.

В нефтяных делах не было равных Кузоваткину, среди своих он считался «спецом», но в вопросах строительства большого города ему предстояло пройти «начальную школу», ибо он не имел опыта, и приходилось все начинать с нуля.

Пионерная жилая зона Нижневартовска застраивалась в основном деревянными домами с минимальными удобствами. Внешне поселок был непривлекателен. Нужда заставила пойти на строительство общежитий, домов гостиничного типа, что на начальном этапе было оправданно: следовало предоставить «койко-места» молодым людям. Расселение же семей было значительно затруднено.

Трест «Мегионгазстрой», который занимался строительством объектов производства и жилищно-культурного быта, не справлялся с планами. Руководители предприятий требовали от Кузоваткина и вышестоящих начальников привозить в Нижневартовск все, что сгодится под жилье: металлические вагончики, жилбочки, контейнеры. Их привозили. И все равно жилья не хватало. Люди вынуждены были жить, где только возможно. «Самострой» брал верх. Балки возводили в промышленной зоне и в местах, отведенных под будущую капитальную застройку жилых микрорайонов города. Все происходило как в сказке: буквально за одну ночь балок успевали построить и заселить.

Приостановить этот хаос не удавалось ни райкому, ни райисполкому. Что только мы не делали, обязывая руководителей сдерживать этот процесс, ничего не получалось. В первоначальный период руководителей можно было понять, они тоже стояли перед дилеммой — борьба с самостроем или производственные дела, для решения которых нужны были рабочие руки. Некоторые даже поощряли этот самострой. И когда в городе уже стали возводить капитальные пятиэтажные дома и в них заселялись в основном балочники, балки продолжали существовать. Мы-то рассчитывали, что введем дом, а времянки снесем, уберем, сожжем, но прибывающие вновь их заселяли. Хуже того, их еще и продавали.

Роману Ивановичу производственные и социальные задачи требовалось увязать воедино. Дать больше нефти и обустроить жизнь людей. Вопрос стоял так: все должно быть в комплексе — труд и быт, учеба и воспитание, культура и отдых.

Здесь он столкнулся с определенной региональной спецификой и многими проблемами, неизвестными нефтяникам. Подобного не было ни в одном из действующих нефтяных районов. На темпы роста населения рабочих поселков Мегиона и Нижневартовска напрямую влияли объемы бурения и добычи нефти.

Задачи, поставленные ЦК и правительством, министерством и главком по обустройству Смотлора, в одночасье перевернули все прогнозы и существующие планы. Возникшие трудности первоначального момента усложнились отсутствием местной стройиндустрии, путей транспортного сообщения, недостаточным количеством электроэнергии. Все это значительно усложняло задачи, стоящие перед НПУ «Мегионнефть».

Роман Иванович при управлении создал отдел капитального строительства, его возглавил его заместитель по строительству Григорий Михайлович Кукуевицкий, а также создали филиал Новосибирского проектного института СибЗНИИЭП. Довольно быстро укомплектовали его высококвалифицированными кадрами: строителями, архитекторами, проектировщиками, экономистами, имеющими богатую практику.

Нефтяники, шагая в Западную Сибирь, имели хороший опыт, накопленный в других регионах страны. Он касался применения опробованных принципов разработки месторождений, индустриального строительства панельных и многоэтажных домов. Но здесь, в Нижневартовске, Роман Иванович понимал, что без собственного домостроительного комбината, без железной дороги и автомобильных трасс, без мощных строительных организаций современного города не будет.

Следует признать, что порой буквально в полевых условиях разрабатывали генеральные планы Нижневартовска. Первый генеральный план города был рассчитан на сорок тысяч жителей.

Осторожность нефтяников в оценках возможных уровней добычи Смотлора сдерживала расчеты института СибЗНИИЭП на перспективу. И все же этот генплан сыграл положительную роль: он предотвратил неорганизованную застройку, заложил основу для развития города и промзоны.

В семидесятые годы стало ясно, что решение градостроительных вопросов нельзя обеспечить без специализированного проектного института. Генплан, разработанный Гипрогором на сто двадцать тысяч, дал основу институту рассчитать перспективу развития города до 2000 года, пересмотреть расчет его населения до 250—270 тысяч человек, что соответствует настоящему времени.

Роман Иванович делал все возможное, чтобы в городе как можно быстрее создавались мощности строительных организаций из Омска, Перми, Красноярска, Казани и Тюмени. Он понимал, что завозят в Нижневартовск дома устаревших серий, на доработку которых требовались большие затраты. Но это была вынужденная мера, которая позволила временно выйти из сложной жилищной ситуации.

Но впоследствии застройка города постепенно приобретала более современный вид: дома разной этажности, в том числе и шестнадцатиэтажки, придали Нижневартовску прекрасный колорит современного благоустроенного города. Но это уже история. Город несет на себе отражение всех факторов архитектурных и градообразующих расчетов. В создании его следует отметить особую роль строительных организаций Миннефтегазстроя, Минпромстроя, Минтранспецстроя, Минэнерго, Миннефтепрома, которые внесли значительный вклад в комплексную застройку и создали красивейший город округа и области.

* * *

За долгую зиму в городе скапливалось несметное количество пищевых отходов и бытового мусора, которые практически не вывозили, так как малочисленная, технически не оснащенная жилищно-коммунальная служба не могла справиться с этим нарастающим валом. Весной тальми водами весь мусор уносило в Обь. Именно в этот период года нередко наблюдались вспышки желудочно-кишечных заболеваний, особенно у детей. Местным властям, райисполкому приходилось принимать экстренные меры по санитарной очистке поселка: отрывать людей от основного производства, выделять дополнительную технику, проводить разъяснительную работу, а порой и принудительную среди жильцов по строгому соблюдению санитарных норм и правил обще-

жития. Это были непростые вопросы, так как люди не привыкли к мысли, что они здесь будут жить постоянно, что они здесь хозяйева, многие вообще считали себя «временщиками».

Работники райкома, райисполкома ежедневно обходили жилые кварталы, улицы и балочные поселения. Об увиденных безобразиях докладывали руководству, которому приходилось принимать к руководителям меры убеждения и принуждения. Но и это не давало должного эффекта, ибо низкая служебная дисциплина и требовательность со стороны первых руководителей наведения надлежащего порядка в поселке порождали среди населения иждивенчество и равнодушие.

Эти и другие причины послужили поводом для замены первого секретаря райкома партии М.П. Страхова и председателя райисполкома Н.Я. Устьянцева. Секретарем райкома был назначен В.В. Бахиров, а председателем райисполкома — И.Ф. Фоменко из НГДУ «Мегионнефть».

Первый секретарь, прошедший определенную практику в Сургуте, стал жестко внедрять свой опыт, чем вызвал недовольство, а порой и возмущение некоторых хозяйственных руководителей, в том числе и Кузоваткина. А председатель райисполкома, свой среди своих, стал требовать выполнения указаний, рассчитывая на понимание и поддержку знакомых руководителей.

В 1971 году местные власти задолго до наступления весны начали готовиться к ней. Им многое удалось сделать. Однажды в райком партии пригласили первых руководителей предприятий, предупредив, чтобы они пришли обязательно в сапогах. У многих возник вопрос: зачем в райком приходить в сапогах? Все понимали, что вызывают неспроста, подумывали, что новый первый секретарь взвалит на них какую-нибудь очередную дополнительную ношу, а у них и без этих «партнагрузок» дел не протолкнуть. Некоторые ворчали, мол, отрывают от важных производственных дел, мешают работать. Бывшие местные власти старались не беспокоить руководителей по пустякам, а в райком на совещания приходили в основном замы, а тут приглашали именно первых руководителей. Некоторые позвонили в райком и сказали, что на совещание придут замы, но в ответ услышали: «Приглашаетесь лично вы, а не заместители».

В назначенный час собрались в небольшом зале, где проходили заседания, пленумы, сессии. Роман Иванович недовольно про-

ворчал: «Что за мода у райкома партии дергать руководителей по мелочам...». Его возмущение прервал В.В. Бахиллов, который спокойным голосом сказал: «Мы собрали вас по весьма чрезвычайному вопросу. Принято решение: с сегодняшнего дня начать санитарную очистку поселка и наведение порядка в нем. Предлагаю сделать экскурсию по Нижневартовску, а затем вернуться сюда и обсудить предстоящие задачи. Понятно? Тогда прошу всех в автобусы!».

Оставив «узики» около райкома, «экскурсанты» расселись в два небольших автобуса и двинулись осматривать поселок. Перед ними открылись груды нечистот, грязь на улицах, разбитых тракторами и большегрузными автомобилями, и многое другое, к чему давно привыкли и не придавали значения. Раздались голоса, что и так все понятно, чего зря время терять, надо конкретно все решать. Василий Васильевич сдерживал напор, а у деревянной застройки нефтяников пригласил выйти из автобуса и пройти пешком «по значным местам». После экскурсии вернулись в райком. Больше Бахиллов никого не агитировал, а Фоменко зачитал список — за каждым предприятием был закреплен участок для санитарной уборки и наведения порядка. За нефтяниками определили улицу Чапаева. Бахиллов объявил на предстоящее воскресенье общепоселковый воскресник. Заканчивая заседание, спросил: «Нет несогласных с решением бюро райкома и райисполкома?». Все молчали. «Ну, тогда будем ждать положительных результатов. До свидания».

Роман Иванович негодовал. И его можно было понять: остались считанные дни до весенней распутицы, необходимо было подготовить нефтепромыслы, очистить площадки скважин, закрепить нефтепроводы, обезопасить насосные и дожимные станции, которые на длительный период уйдут под воду. Да мало ли что предстояло сделать в оставшееся время в большом нефтяном хозяйстве управления? Все было расписано до мелочей: люди, техника, сроки. А тут появилась улица Чапаева!

Дальше события разворачивались круто. Прошло несколько дней после совещания в райкоме, а Роман Иванович и не помышлял убирать на закрепленной улице, думал, что просто поговорили и все. Бахиллов первым позвонил ему и спросил: «Почему не выполняете принятое решение?», — на что Роман Иванович ответил: «В настоящее время у меня нет людей для уборки

территории...». Василий Васильевич прервал его: «Но буровики, строители, вышкомонтажники и многие другие наводят порядок, а вы — нет». Роман Иванович, сдерживая эмоции, продолжал настаивать на своем: «Не мне вам объяснять: главное — нефть!». Тогда Бахилов твердым голосом сказал: «Завтра в десять часов прошу прийти на заседание бюро райкома и дать объяснение».

Чуть поостыв, Кузоваткин позвонил Муравленко и рассказал обо всем. В ответ услышал совет: «Роман Иванович, надо потактичнее быть с парторганами. Сургутские геологи, нефтяники, строители хорошо отзываются о Бахилове. Они направили ходатайство о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда и сожалели, что его перевели в Нижневартовск».

На бюро райкома Кузоваткин все же пришел, но не стал ни каяться, ни оправдываться, а пошел в наступление: «Райком партии превысил свои полномочия, принял ошибочное решение. Я выполнять его не стану. За счет производства чистить улицы не буду. Не имеете права...».

Бахилов не хотел с ним ссориться, но понимал, что надо поставить «на место» зарвавшегося руководителя. Василий Васильевич ответил: «Не горячитесь. Ответьте только на вопрос: почему коммунист Кузоваткин не выполняет решение?». Роман Иванович ответил: «Волевые приемы давно осуждены. Есть устав...».

Не помогли ни уговоры, ни убеждения. И тогда коммунисту Кузоваткину объявили строгий выговор, предупредив, что если не будет очищена территория, он будет исключен из партии и снят с работы. Если же справится в срок, то взыскание не будет записано в учетную карточку...

Роман Иванович позвонил Муравленко и рассказал о случившемся. Муравленко на следующий день прилетел в Нижневартовск и из аэропорта отправился к Бахилову. «Василий Васильевич, разве можно так поступать с руководителями... Кузоваткин написал заявление, а заменить мне его некем, может, у вас есть на примете новый начальник НГДУ?» — спросил Муравленко Бахилова. «Виктор Иванович, — ответил Василий Васильевич, — давайте я вам покажу все на месте». Они отправились на улицу Чапаева, прошли по ней только там, где это можно было сделать, всюду зловоние, мусор, фекалии. Муравленко все понял и предложил заехать к Кузоваткину. Зашли в

кабинет, и Виктор Иванович с ходу сказал: «Роман, мало райком партии тебя наказал. Надо сделать выводы и выполнить решение». На этом все и закончилось. Но Муравленко все же высказал первому секретарю обкома партии свое недовольство действиями Бахилова. На очередной встрече в обкоме Бахилкову было сказано: «Не с того начинаете...».

Кузоваткин выполнил решение райкома — на улице Чапаева навели порядок и чистоту.

Кем же был Роман Иванович до приезда в Нижневартовск? Довольно опытным нефтяником, проработавшим более семнадцати лет в отрасли. Технократ и только. За плечами четырнадцать лет партстажа. Он участвовал в партийной жизни своего коллектива: на собраниях, активах, конференциях, но это было на местном уровне. В Нижневартовске ему пришлось соприкасаться с областной, окружной и районной парторганизациями. Здесь он был на виду, здесь ему пришлось решать вопросы с партийными органами.

Я обратил внимание, что Роман Иванович не похож на высокопоставленного, спесивого, послушного чиновника. Бывая с ним в неофициальной обстановке, при дружеских беседах я улавливал нотки негативного отношения к высоким партийным чиновникам. Например, он высказывал мысль, что партия не является отрядом единомышленников, преданным социалистическим идеалам и принципам справедливости, а стала лишь машиной для управления страной. Его шутки в адрес руководства партии расстраивали меня, но затем я привык. Поначалу старался его одергивать, едва он начинал вести разговоры о каких-то привилегиях. Не соглашался, что лидеры партии ставят собственные интересы выше интересов народа и общества. Уже позднее, находясь на учебе в Академии общественных наук при ЦК КПСС, вспоминая об этом, согласился с ним. Мы тогда горячо обсуждали эти проблемы. Да, слишком много людей в верхушке партии пользовались незаслуженными привилегиями ни за что и уж, конечно, не за свой «тяжелый» труд.

В те годы я, да и многие партийные сверстники жили еще иллюзией, что по отношению к члену КПСС несправедливость может быть допущена из-за некомпетентности или в силу простой ошибки, особенно если решение его судьбы зависело от человека, стоящего достаточно высоко в партийной иерархии и

пользующегося к тому же полной поддержкой обкома, окружкома, ЦК.

Роман Иванович был человек гибкий, но колючий, он отличался бесхитростной прямоотой, подчас весьма наивной, отчего страдал, получая «синяки и шишки». У нас было много бесед и споров о жизни. Они и сейчас в моей памяти.

Знаю, что в отношении Романа Ивановича свершилась большая несправедливость. Он сильно переживал, пытался сам разобраться в том, но, не найдя поддержки, вынужден был мириться с положением. Именно тогда я начинал размышлять над природой существующей системы, которая приносила в жертву таких людей, как Роман Иванович, служащих ей верой и правдой. Мне как первому секретарю горкома партии было непонятно, почему без нашего согласия его переводят генеральным директором ПО «Юганскнефтегаз». Ни в обкоме, ни в министерстве не могли вразумительно нам дать ответ, почему его нельзя оставить в Нижневартовске и назначить на такую же должность в ПО «Нижневартовскнефтегаз»? Эти объединения были созданы одновременно. По рассуждению министра нефтяной промышленности А. Н. Мальцева, назначение генеральным директором ПО «Нижневартовскнефтегаз» Леонида Ивановича Вязовцева из Сургута объяснялось просто: большими объемами бурения в районе. Л.И. Вязовцев в то время возглавлял ПО «Сургутбургаз», а Кузоваткин не был таковым по профессии. В обкоме партии сказали, что переводят Кузоваткина в Нефтеюганский район, потому что нефтяники района на протяжении последних трех лет не выполняют заданных темпов и планов по добыче нефти.

Такой субъективный подход к подбору генерального директора отрицательно сказался на дальнейшей судьбе Нижневартовского района, самого большого по объему добычи нефти.

Вскоре был смещен Вязовцев, недолго пришлось и поработать его преемникам — Ф.Н. Маричеву, Л.И. Филимонову, В.И. Отту и В.О. Палию. Уверен, если бы назначили руководителем объединения Кузоваткина, не было бы того, что имеем сегодня: дележа Самотлора на две части и незавидной участи «Нижневартовскнефтегаза».

Особенно незащищенным Роман Иванович стал после смерти Муравленко. У меня было много вопросов, в чем же его об-

виняют. Да, были такие времена в партии, когда можно было только внимательно присматриваться к происходящему и стараться не терять надежды, что что-то должно произойти и измениться к лучшему. Я по-прежнему считаю, что с ним поступили несправедливо, сняв с должности заместителя министра — начальника Главтюменнефтегаза. Он был профессионалом, компетентным руководителем отрасли, мог бы гораздо больше принести пользы России в период распада единой тюменской нефтяной промышленности на отдельные куски.

На плечах нефтяников держалась вся жизнедеятельность населения города. И в городе существовало как бы две власти: власть официальная — райисполкома и неофициальная — нефтяников. Отсюда недостатки, промахи, ошибки в производственной и социальной сферах сказывались на работе партийных и исполнительных органов. В то время в стране существовал ведомственный подход к экономике. Это хорошо видно на примере обеспечения материальными ресурсами отделов рабочего снабжения. В вагонах-столовых, в пунктах горячего питания в бригадах буровиков, вышкостроителей, ремонтников, разбросанных на больших расстояниях, не хватало многого. Дело ли Романа Ивановича этим заниматься? Но он вынужден был решать эти проблемы, хотя приходилось иногда прибегать не всегда к законным методам.

Однажды в Тюмени Кузоваткин заказал цыганскому барону сделать пищевые емкости разных размеров, так как в них была большая нужда. Заказ цыгане выполнили, но некачественно, кустарным способом и доставили его в Нижневартовск. Предстояло рассчитаться за работу. Тут-то все и началось...

Роман Иванович поручил принять бачки, а техническая служба большую часть изготовленной продукции забраковала, так как она не соответствовала техническим нормам. Выплату цыганам задержали. Не мог Кузоваткин предположить, что это для него обернется большими неприятностями. В Нижневартовск приехали цыгане и приступили к «осаде» конторы НГДУ с требованием немедленного расчета. Об этом мне доложил начальник райотдела милиции подполковник Николай Дмитриевич Суетин. Я позвонил Кузоваткину и предложил рассчитаться с цыганами: не хватало еще неприятностей с ними. Кроме этого, ему уже звонили из приемной Муравленко, так как в это же время другая груп-

па цыган осаждала главк в Тюмени, требуя выплатить деньги за сданную продукцию. Пришлось рассчитаться с цыганами.

Другой неразрешимой долгие годы проблемой в городе было отсутствие специальной техники, обслуживающей торговую сеть. Эту технику выделяли строго по нормативам. Муравленко и главный снабженец М.М. Крол, считавшийся непревзойденным в бойцовских качествах, предпринимали колоссальные усилия, чтобы решить и эту проблему.

В Нижневартовске на базе автотранспортной конторы № 1 была создана специальная колонна для обслуживания ОРСа, ЖКК, медсанчасти, совхоза. Но техники не хватало. И приходилось снимать с линии и использовать грузовые автомобили, которые возили цемент, песок. Можно себе представить, в каком виде доставляли продукты на котлопункты и столовые!

Конечно, об этом не раз писали и в министерство, и в правительство, даже в ЦК. Ни Кузоваткину, ни Абазарову, ни Резникову, ни Золину, ни Дунаеву, бывшим начальникам НГДУ, ни начальнику ОРСа Н.Н. Рыкуну не удалось преодолеть этот дефицит.

В моей памяти остался инцидент, случившийся между Бахиловым и Кузоваткиным из-за специализированного автотранспорта.

Утром меня пригласил Василий Васильевич. Захожу. В кабинете — начальник ОРСа Н.Н. Рыкун. Он сообщил, что автотранспортная контора получила три автомобиля, оборудованных для перевозки продуктов питания. Но радость начальника ОРСа была недолгой: по приказу Кузоваткина эти машины в автотранспортной конторе переоборудовали и установили на них сварочные агрегаты.

Василий Васильевич обратился ко мне с вопросом: «Что будем делать с Кузоваткиным? Я думаю, его следует наказать, чтобы другим неповадно было. Надо этот факт обсудить на бюро райкома». Я посоветовал Бахилову не спешить и во всем разобраться. Высказал предположение, что начальник автотранспортной конторы Б.В. Зарицкий, прикрывшись именем Кузоваткина, мог это сделать, чтобы выполнить заявку на выделение автотранспорта, так как не хватало машин для промобъектов.

Бахилов решил все же собрать всех руководителей и членов бюро горкома. В назначенный час все собрались. И Бахилов

рассказал о переоборудованных спецмашинах и предложил Кузоваткину восстановить первоначальное состояние этих автомашин и передать их в ОПС. Состоялся неприятный разговор. Я видел, сколько Кузоваткину потребовалось внутренних усилий сдерживать свои эмоции и не вступить в схватку с Бахиловым. Он нашел в себе силы сдержаться. Конечно, для Самоглора катастрофически не хватало автотранспорта, и он требовал от начальника автохозяйства выделение необходимого количества техники. И вот тут-то «подкинул» Зарицкий предложение о переоборудовании поступивших спецмашин.

Кузоваткин с большой заботой относился к людям, готов был помочь в решении тех или иных проблем, ради этого жертвовал личным благополучием. Вспоминая о нем, думаешь о многом. Лучше, ярче видится и прошлое, и настоящее, и будущее России. Он постоянно находился в эпицентре действий тюменских нефтяников, общественно-политической жизни, сформировался как государственный деятель. Он — заботливый семьянин, вырастил замечательных детей. Рядом с ним всегда жена Галина Егоровна, человек неисчерпаемого душевного благородства. Глубокое преклонение вызывает мужество, которое она проявляет в борьбе с тяжелой болезнью. Их характеры во многом схожи и дополняют друг друга. Дом Кузоваткиных всегда полон друзей, к ним тянулись товарищи по работе, ученые, творческая интеллигенция.

Роман Иванович любит встречаться с друзьями за столом, любит шутить, пересказывать байки, танцевать, произнести тост. Это человек с большой судьбой, горячим и сильным сердцем. Кто знает его, согласится, что его имя должно стоять в одном ряду с такими людьми, как В.Д. Шашин, В.И. Муравленко, Ф.Г. Аржанов, В.Ю. Филановский...

Одна из любимых его «нравоучительных» фраз «Я был, я видел, я делал». Так может сказать честный, справедливый человек.

* * *

...Я закончил этот очерк в феврале 2000 года и думал, что поставил последнюю точку. Увы, оказалось, это не так. К несчастью, вынужден дописать несколько строк. Печальных строк.

Ю.И. Тимошков

С.А. Букиновский

А.К. Протозанов, Н.К. Байбаков, С.Д. Великопольский

Б. А. Самуилов

Э.Д. Бушмакин

А. Н. Фильмонов

Участници собрания фонда имени В.И. Муравленко

А. И. Таубанов

В Нижневартовске Роман Иванович завоевал уважение и благодарность руководителей, специалистов, рабочих за убежденность, нацеленность в «завтра», удивительную скромность, душевность и простоту. И постепенно все в городе стали звать его «Самотлор Иванович», или «Роман Самотлорович». А сам Роман Иванович говорил: «Нижневартовск — это страница моей биографии, а Самотлор — мое детище».

В то время слово «впервые» для всех было привычным и обыденным. Этим словом характеризовалась эпоха, наполненная великими делами на Тюменском Севере. К эпохе, создавшей нефтегазовый комплекс, принадлежит и Р.И. Кузоваткин.

Так устроена жизнь: по заслугам мы чаще всего воздаем человеку лишь тогда, когда его уже нет среди нас. 22 мая 2000 года, не дожив несколько месяцев до своего семидесятилетия, Роман Иванович скончался...

Северная битва за нефть и газ отбирает столько здоровья и сил, что преждевременный уход из жизни становится жестокой нормой. Такие руководители, как Роман Иванович, отдавшие себя без остатка государственному делу, достойны уважения и долгой памяти. Именно этим руководствовались правление Тюменского областного общественного фонда В.И. Муравленко, приняв решение об увековечении памяти Р.И. Кузоваткина. Следует отметить, что он был одним из организаторов данного фонда, являлся почетным его членом.

Наше решение с пониманием было воспринято правительством и губернатором Ханты-Мансийского автономного округа А.В. Филипенко. К имеющимся высоким званиям Романа Ивановича прибавилось звание «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа» (посмертно), а в Нижневартовске появилась улица его имени.

Мероприятия, посвященные 70-летию со дня рождения Кузоваткина, состоялись в Нижневартовске и Нижневартовском районе при активном участии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа А.В. Филипенко, главы муниципального образования Ю.И. Тимошкова, председателя городской Думы А.В. Титова, главы местного самоуправления района Б.С. Хохрякова и руководителей Тюменской нефтяной компании.

Нет, не будет забыто потомками имя Р.И. Кузоваткина.

Команда Хлюпина

Холодным январским днем 1970 года должен был состояться внеочередной пленум райкома. В кабинете первого секретаря Марата Павловича Страхова собрались члены бюро. Предстояло обсудить предложение обкома об избрании двух новых руководителей: второго секретаря Нижневартовского райкома КПСС Николая Яковлевича Токарева и третьего (или просто секретаря) Сергея Дмитриевича Великопольского, то есть меня. Кадрам в партии всегда придавалось огромное значение, поэтому на пленум райкома прибыл второй секретарь Ханты-Мансийского окружкома Петр Евгеньевич Плесовских.

Пока шли полуофициальные разговоры, я вглядывался в лица присутствующих. Мое внимание привлек человек, сидевший в конце длинного стола, за которым разместились члены бюро. Я определил сразу — это хозяйственник, руководитель. Был он худощавым, со строгими чертами лица. Простая прическа, слегка волнистые черные волосы. Одет в темно-синий костюм, белоснежную рубашку с галстуком, на ногах — собачьи унты. Говорил он негромко и неторопливо, но убедительно, что вызывало симпатию.

Этим человеком оказался начальник первого управления буровых работ (УБР-1) Валентин Иванович Хлюпин. Мои воспоминания о нем основаны на дальнейших встречах, многочасовых беседах, а также на архивных документах и публикациях в средствах массовой информации.

До приезда в Нижневартовск Валентин Иванович работал в тресте «Туймазыбурнефть», известном не только в Башкирии, но и в других нефтяных районах страны. Возглавлял трест Арон Маркович Слепян, талантливый и энергичный руководитель. Служивцы с любовью называли его Орланом Марковичем.

От слаженной работы проходчиков треста зависела нефтедобыча в республике. Этот коллектив разбуривал крупнейшие месторождения: Туймазинское, Шкаповское, Арланское. Имен-

но тогда рождался отряд высококвалифицированных специалистов и рабочих, многие из которых позднее отправились на тюменскую нефтяную целину.

Слепьяна назначили начальником объединения «Тюменнефтегаз». Эта весть облетела республику и стала сигналом: Сибирь зовет!

Тюменцам хорошо известны имена Михаила Николаевича Сафиуллина, Леонида Ивановича Вязовцева, Юрия Борисовича Фаина, Василия Виссарионовича Рехвиашвили, Виктора Петровича Рослякова, Василия Степановича Иваненко, Михаила Андреевича Барина, которые по приглашению Арона Марковича, оставив в Башкирии благоустроенные квартиры и высокие должности, эшелонами прибыли в Тюменскую область. У всех сложилась, можно сказать, общая сибирская судьба. Они стали руководящим звеном в объединении «Тюменнефтегаз», впоследствии переименованном в Главтюменнефтегаз. Многие, не дожив до 65 лет, «сгорели» на работе.

Валентин Иванович Хлюпин прибыл в Тюмень спустя полтора года после первого десанта и стал директором Мегионской конторы разведочного бурения № 4.

Знакомство с тюменцами и встреча с земляками начались буквально с порога гостиницы «Заря», в то время единственной в городе — она стала временным пристанищем для прибывающих нефтяников и буровиков. Сообщение о приезде Хлюпина быстро разнеслось по гостинице. Едва поселившись, он уже принимал гостей. Двухместный номер был мгновенно заполнен десятком туймазинцев. Каждый нес закуску и непременно «Столичную», каждому хотелось услышать о работе родного коллектива, о своих семьях, которые остались в Октябрьском. Застолье было шумное, говорили громко, беседа затянулась за полночь.

Неожиданно для присутствующих без стука, широко распахнув дверь, вошел коренастый человек с загорелым лицом, широкой улыбкой и объемным портфелем. Валентин Иванович потом вспоминал об этом и с удовольствием рассказывал примерно так: «Поздоровавшись со всеми за руку, вошедший громко представился: «Юван Шесталов — мансийский поэт». Для меня это имя ничего не означало. Он подошел к столу и бросил на него свой портфель, который от удара расстегнулся, и из него на пол выпал небольшой бочонок. Гость поднял его, вновь со стуком

поставил на стол и сказал: «Угошаю нефтяников сосьвинской сельдкой!». И пояснил, что она должна готовиться и храниться только в бочонке. Сталин, мол, в такой таре эту сельдь поставлял на стол Черчиллю. Вскоре в номере появилась официантка из ресторана и принесла кастрюлю с пышущей паром картошкой. Теперь Шесталов пригласил нас к столу, и трапеза вновь возобновилась с еще большим шумом. Я никогда не ел ничего подобного этой рыбе, да еще под «Столичную». Бочонок опустел поразительно быстро. Юван вошел в роль. Читал стихи, мы с большим вниманием слушали поэта маленького народа манси, заселявшего древнюю югорскую землю. Именно там мне предстояло работать и прожить пятнадцать лет в этом чудесном и удивительном крае, ставшем моей второй родиной...».

В ту ночь никто не спал. Проговорили почти до утра. Друзья наперебой давали советы, управляющий трестом «Тюменнефтегазразведка», симпатичный и общительный Михаил Николаевич Сафиуллин конкретизировал особенности работы проходчиков в Нижневартовском районе. Хлюпин слушал ужасные рассказы про комаров и мошек, иногда рассказчики явно перегибали палку, характеризуя способности гнуса.

В Нижневартовске в то время не было аэропорта, и самолеты не летали. Пришлось добираться на Ли-2 до Сургута, а оттуда на вертолете Ми-4 до места назначения. Припав к иллюминатору, Валентин Иванович с интересом рассматривал проплывающую внизу унылую снежную равнину с редкими островками растительности, со множеством замерзших озер и болот, с речушками, выюшимися как змеи. И представил себе картину, когда весной под лучами солнца снег растает и эта равнина уйдет под воду. Он еще раз осознал всю ответственность и серьезность порученного ему дела. Как начинать, как действовать буровикам в таких экстремальных климатических условиях? Эта мысль сопровождала его под монотонные звуки двигателя и свист лопастей вертолета.

В Нижневартовске ждала еще одна неприятная ситуация. Летел-то Валентин Иванович на должность директора на «живое» место. Со дня организации Мегионской конторы разведочного бурения № 4 прошло десять месяцев, начальником конторы был Борис Михайлович Ракитин, тоже выходец из Башкирии. Вертолет сел близ поселка буровиков, никто Хлюпина не

встречал. Контора размещалась в вагончике. Вспоминая о встрече с бывшим начальником конторы, Хлюпин потом рассказывал: «За небольшим столиком сидел крепкий, с суровым лицом мужчина лет сорока. Под его пронизывающим и недоброжелательным взглядом мне стало как-то не по себе. В эти минуты даже подумал, что совершил ошибку, дав согласие поехать сюда. Но отступить было поздно. Я передал ему приказ о моем назначении. Борис Михайлович глянул из-под нависших бровей, встал, положил ключ от входной двери на стол, с горечью и обидой в голосе сказал: «Ну-ну, командуй!», вышел из вагончика и медленно зашагал к берегу Оби. Я остался один с чувством нашкодившего школяра. В голове все перемешалось, вспомнились слова первого секретаря Туймазинского райкома: «Тебе, Валентин Иванович, тридцать шесть лет, зачем тебе ехать в Сибирь, когда здесь столько работы? Лучше съезди в Москву, подучись в высшей партийной школе». Я ведь уезжал в Тюмень с должности секретаря парткома конторы турбинного бурения...».

Нахлынули сомнения. Но тут в контору зашел и поздоровался бывший сослуживец Семен Тамилин, занимавший должность главного энергетика. Семен Васильевич, видя растерянность нового начальника, постарался его успокоить, ввести в курс производственных и бытовых вопросов. В конторе числилось сто двенадцать человек. Таким составом они прибыли в Нижневартовск. Сейчас все заняты строительством жилья. Отправленное в навигацию 1964 года на трех баржах оборудование для конторы захватил ледостав в районе Сургута. От каравана проложили зимник и вывозили оборудование и материалы, приступили к монтажу первой дизельной буровой на Мегинском месторождении.

Получив такую «вводную», Хлюпин мысленно переключился на предстоящие дела.

Тамилин пригласил к себе на ужин. Он жил в вагончике, состоящем из двух половин: одну занимал Тамилин, другую — начальник участка Николай Павлович Япрынцев. После ужина Тамилин проводил Хлюпина в отведенное для него жилье — такой же вагончик.

Оставшись один, Валентин Иванович долго не мог заснуть. Несколько раз перечитывал список рабочих, нашел в нем фамилию земляка Михаила Хуснутдинова, главного инженера кон-

торы. Он знал его как энергичного, добросовестного, грамотного инженера, когда работал в Октябрьском. Не случайно главный инженер треста «Тюменнефтегазразведка» Л.И. Вязовцев рекомендовал его на эту должность.

Валентин Иванович не стал дожидаться утра, а пошел к нему в вагончик, но Михаила Гафировича на месте не оказалось: он руководил вывозом и монтажом бурового оборудования. Наступала распутица, надо было успеть все доставить на точку, где предстояло бурить первую эксплуатационную скважину, иначе — срыв монтажа.

В списке также оказались бурильщики Степан Ананьевич Повх и Евгений Павлович Гечь, сварщик Анатолий Иванович Обиход. Он их знал, и это радовало — есть на кого положиться в первые рабочие дни. Вновь прилег, стараясь заснуть, но сон не шел, думал: что движет этими людьми? Почему они поехали в Сибирь, оставив обжитые места?

Я и сам не раз задавал себе подобные вопросы. Да, видимо, есть право, не записанное ни в одном своде законов. Это право — быть лидером, первопроходцем, право доказать необходимость своего участия в большом деле, право изменить жизнь к лучшему и, наконец, право дорожить достоянием государства, его экономической независимостью и оборонной мощью. Что же влечет к этому шагу? Думаю, потребность человека в самовыражении, в самоутверждении, желание испытать себя, стремление принести людям пользу...

* * *

С приходом в контору нового начальника люди были уверены: больше станет уделять внимания их нуждам, созданию нормальных условий для жизни и работы. Хлюпинский подход к кадрам они знали по прежней работе и надеялись, что он не изменит себе и здесь.

Численность коллектива стала быстро расти. Люди ехали отовсюду. Первая буровая бригада была укомплектована в основном башкирцами. Возглавил ее мастер Нургали Исламгулов. Временный поселок буровиков располагался в трех километрах от Нижневартовска, вниз по Оби, состоял из вагончиков. Пришлось испытать неустроенный быт: не было света, спали в ватни-

ках, подолгу ждали, когда привезут продукты и питьевую воду. Однако нытиков не было. Каждый в меру своих сил стремится адаптироваться к суровому Северу. Пошли на вынужденные меры: установили койки в три яруса. В наскоро срубленных балках разместили дизельную электростанцию, котельную. Это позволило обеспечить поселок электричеством и паровым отоплением. Пожертвовав вагончиком, разместили в нем магазин, в котором продавали тушенку, рыбные консервы, сушеную картошку, спирт. Хлеб привозили от случая к случаю из Нижневартовска, который с 1962 года стал районным центром с единственным предприятием — рыбозаводом и с населением около тысячи человек.

Столовой не было, и рабочие готовили пищу на электрических плитках и кострах. Когда в Нижневартовск приехал первый заместитель министра нефтяной промышленности С.А. Оруджев, произошел такой эпизод. Проходя мимо вагончика, Сабит Атаевич увидел, как рядом с крыльцом на костре женщина жарит рыбу. Работала она машинистом котельной установки. Сабит Атаевич остановился и, не поздоровавшись, спросил: «Зачем таким образом рыбу жарить?». Последовал ответ: «А вы что, сырую рыбу едите? Мы пока, даже в этих условиях, не одичали еще». Оруджев и сопровождавшие его Б.И. Осипов, В.И. Хлюпин и руководители района были обескуражены. Никто ничего не сказал, пока шли до катера, на котором С.А. Оруджев отплыл в Сургут.

Этот случай послужил толчком к быстрейшему решению проблем с организацией горячего питания: появились вагончики-столовые, отдел рабочего снабжения нефтяников, а также продовольственные и промышленные товары.

Рядом с поселением буровиков располагался поселок нефтяников. Первым начальником НПУ «Мегионнефть» был Борис Иванович Осипов, выходец с Сахалина. Мне пришлось встречаться с ним неоднократно. Это интеллигентный, смелый, решительный, многое повидавший и хорошо знающий нефтяное дело руководитель. Борис Иванович разбирался в людях, близко к сердцу принимал их нужды, особое внимание уделял бытовым вопросам.

У Осипова сложились очень хорошие отношения с Хлюпиным. Их часто можно было видеть вместе: в поселке, на базе, на месторождениях. Борис Иванович интересовался и расспра-

шивал Хлюпина о новых поступлениях станков, оборудования, материалов, помогал машинами и техникой, так как хорошо знал, что успех нефтяников зависит от бурения.

Однажды, закончив производственную планерку, Борис Иванович оставил Хлюпина и неожиданно спросил: «Что ты думаешь о создании местного телевидения?». Не дождавшись ответа, продолжил: «Я уже отправил главного инженера Г.С. Арнопольского в Ленинград «выбивать» оборудование для телецентра, а снабженцам поручил пособрать с заводов специальное для этого оборудование. С управляющим трестом «Мегионгазстрой» Г.И. Пикманом договорился о строительстве специального здания, а вот телевышка — за тобой. Для этого надо пожертвовать одной буровой».

Всего мог Хлюпин ожидать от Осипова, только не этого. Он вспоминал: «Меня удивило: как мог начальник НПУ вместо вопроса о выполнении плана бурения и сдачи дополнительных скважин, вместо выяснения дел о комплектации станков (ведь их приходилось выбивать с боем у Сафиуллина и Вязовцева) говорить о телецентре! У меня это в голове не укладывалось. С большим трудом удалось получить в объединении разнарядку на буровой станок под программу текущего года. Не успеем его смонтировать — не будет плана. Как можно пойти на это? Ведь меня никто не поймет! Не успел еще собраться с мыслями, а он мне вновь: «Представь, Валентин, какую роль завтра сыграет телевидение для населения Нижневартовска и всего района?». Я дал согласие, но спросил: «Что, на Сахалине все такие... немного не того».

Кончилась «самодеятельность» двух «мудрых» руководителей, естественно, тем, что контора не выполнила план по бурению скважин. Приказом по Главтюменнефтегазу В.И. Хлюпину объявили выговор, а Осипову строгий выговор — «задел» для снятия с работы. Через год нашли и повод. «За грубое нарушение финансовой дисциплины, выразившееся в строительстве непланируемых объектов соцкультбыта», его освободили от должности начальника НГДУ «Мегионнефть». Но память о себе он оставил добрую. На юбилее, посвященном 500-миллионной тонне нефти, добытой мегионцами, его имя встретили шквалом аплодисментов. Так нефтяники показали свое отношение к нему.

Позже Муравленко узнал об истинной причине невыполнения плана УБР и высказал Хлюпину: «Вот бы за каждый выговор

получить такой выигрыш для людей». Когда приезжал в Нижневартовск и проезжал мимо телецентра, Виктор Иванович с улыбкой показывал на необычную телевизионно-буровую антенну и добавлял: «Это первый памятник нижневартовским буровикам в Западной Сибири...». Центр будущего города ориентировался на телевышку, у подножия которой располагалось двухэтажное здание УБР. Теперь в нем находится ЗАО «Нижневартовскбурнефть».

Но телевидение в Нижневартовске все же сыграло огромную политическую, экономическую и идеологическую роль в развитии нефтяного Приобья. Через год и в Сургуте появился телецентр.

Теперь мы, работники райкома партии, имели мощный информационный и воспитательный центр. Коллектив телецентра подобрался высококвалифицированный, талантливый, творческий. В студии выступали руководители разного уровня, и роль местного телевидения не утратила свою значимость, когда пришел телеканал «Орбита-4». Ежедневно в эфире шел разговор о трудовых буднях, о проблемах города и района.

Партийный комитет при поддержке депутата Верховного Совета СССР В.И. Муравленко отражал сильный прессинг, направленный на закрытие телецентра. Сургутяне сдались первыми. Мне непонятно по сей день, почему особенно усердствовал в его закрытии секретарь по идеологии обкома Г.Д. Лутошкин? Наши доводы о его сохранении не находили поддержки. Итак, телецентр в Нижневартовске продержался еще два года. Теперь же в городе и районе действуют семь телекомпаний, выходят 15 газет, функционируют шесть пресс-центров.

В честь открытого в Нижневартовском районе Мегионского месторождения названы предприятия: «Мегионнефть», «Мегионгазстрой», «Мегионская нефтеразведочная экспедиция», «Мегионская контора разведочного бурения». Это месторождение расположено на острове, образованном притокой Мега. Поселок и базу буровиков отгораживала от месторождения водная преграда, что представляло особую сложность для разбуривания. В этих условиях нужно было забивать сваи для установки вышки и оборудования.

Два года буровики Хлюпина топтались на месте. Время в основном уходило на обустройство быта и производственной базы. 25 марта 1965 года началось бурение первой эксплуатационной

скважины № 504, смонтированной бригадой мастера Нургали Исламгулова. Все с нетерпением ждали результата. Строительство скважины по технико-экономическим показателям оказалось лучше, чем у геологов. На бурение затратили 34 дня, коммерческая скорость составила 1874 метра на станок в месяц. Буровики поняли, какие огромные резервы еще не использованы. Производительное время составило лишь 64 процента.

Следующей весной был большой паводок, и три буровые ушли под воду на три-четыре метра. Хлюпин предвидел половодье, и буровики успели опустить и зацементировать эксплуатационные колонны. Это позволило избежать осложнений.

Вскоре мегионские геологи открыли второе месторождение — Ватинское. Однако из-за малого дебита первой скважины оно не представило интереса для НПУ «Мегионнефть». Его освоение не планировалось. Однако работа только на одном месторождении не позволяла коллективу Хлюпина действовать круглогодично. Он же стремился именно к этому и считал, что без параллельного бурения на Ватинском месторождении не обойтись. Это сопряжено было с большими трудностями: перебазировки, перетаскивание оборудования, материалов, инструмента. Но другого выхода не было.

В 1966 году Валентину Ивановичу удалось убедить Сафиулина и руководителей НПУ «Мегионнефть» дать ему несколько точек для бурения на Вате. Всю ответственность он взял на себя.

А сложностей было предостаточно. Тонкий лед протоки мешал перетаскиванию 140-тонной буровой установки. Следовало также составить точный график начала и окончания бурения скважин с тем, чтобы не допустить простоя. В.И. Хлюпин разработал схему: заканчивает бригада бурить на Мегионском месторождении, а готовый станок уже ждет ее на Вате. И все равно трудно было маневрировать бригадами при нехватке станков.

Основные работы в 1965—1968 годах проходили на двух месторождениях. Созданный здесь фонд эксплуатационных скважин обеспечивал опережающие темпы добычи. Каждая бригада вынуждена была перебазироваться с закрепленным за ней станком, затрачивая при этом большое количество времени и труда. Приходилось производить демонтаж, затем перевозку, вновь монтаж на новой точке. Непосредственно бурение составляло не более 60 процентов рабочего времени. Валентина Ивановича это

никак не устраивало, и он нашел путь более быстрого перетаскивания тяжелейшего оборудования при помощи намораживания льда пожарными помпами с послышной укладкой кустарника. Не хватало тракторов и подъемных механизмов. Тогда Хлюпин предложил с одной площадки бурить несколько скважин.

В 1967 году Хлюпину удалось осуществить этот эксперимент — пробурить первую наклонно-направленную скважину с берега под русло Оби с отходом от вертикали на 760 метров. Эту задачу успешно решила бригада Исламгулова. Показатели были отличными.

Об успехах нижевартовских буровиков заговорили. Контора выполнила все плановые задания за 1967 год. Это стало точкой отсчета будущих трудовых побед. Буровые коллективы оказались в шеренге правофланговых, стали полигоном для внедрения новых технологий, высокопроизводительного оборудования и организации труда. Складывался прочный рабочий коллектив, который готовился к штурму Самотлора. Валентин Иванович считал показателем количество пробуренных метров на каждого работающего. Это, по его мнению, вбирало в себя достижения технические, технологические, организационные. Но приоритетным для него всегда оставались подбор, расстановка и воспитание кадров.

Хлюпин любил называть свое управление коллективом единомышленников. «Буровая бригада — утверждал он, — это не набор «рабочих элементов», а сплав крепкой дисциплины, единой технологии, рабочей чести и гордости за свою профессию. Именно от этого зависит конечный результат. В бригаде, как в природе, благоприятный климат дает высокий урожай, а холод и слякоть порождают сорняки».

В 1968 году вышли на Самотлорское месторождение, открытое Мегионской нефтеразведочной экспедицией 24 мая 1965 года скважиной Р-1, пробуренной вблизи озера Самотлор. Здесь получили первый фонтан нефти.

* * *

Валентин Иванович ценил начальника экспедиции В.А. Абзарова, неординарную в тюменской геологии личность, дорожил его дружбой. Хлюпин часто использовал его советы и

понял особенность уникального месторождения. Запомнил предложение: «На Самотлоре твоим буровикам места хватит, думай о создании новых бригад».

Геологическое управление Министерства нефтяной промышленности решило: пока Самотлорское месторождение не будет полностью разведано и не подсчитаны его запасы, не приступать к его промышленному освоению. Только через два года после открытия геологи «нащупали» южный контур Самотлора. Каждая пробуренная скважина давала мощный фонтан нефти. Стало очевидным, что такими темпами доразведка будет продолжаться не один год. А буровым бригадам придется по-прежнему прыгать с Меги на Вату. Это не устраивало Хлюпина. И он решил действовать.

Посоветовавшись с Л.И. Вязовцевым и получив его «добро», отправился в главк. Пришел к главному геологу Ю.Б. Фаину. Но только Валентин Иванович намекнул о своих намерениях выйти с бурением на Самотлор, сразу получил от ворот поворот, да еще какой: «Вы в своем уме? Месторождение разведано только на двадцать процентов! Вы что, хотите наше министерство преобразовать в геологическое? Возвращайтесь обратно и бурите на отведенных площадях!». Он решил получить поддержку у главного шефа буровиков Сафиулина. Но и этого не произошло. Вот как об этом рассказывал мне Валентин Иванович: «Войдя в кабинет Сафиулина, буквально с порога услышал: «Валентин, ты хоть имеешь представление о Самотлоре? Ты там был?». Отвечаю: «Да, был. Облетел на вертолете. Видел огромное озеро, вокруг него добрая сотня мелких озер и болот. Правда, кое-где есть небольшие островки, поросшие лесом». Михаил Николаевич оборвал: «Это островки не твои, с них работают геологи. При такой их работе потребуются более десяти лет на доразведку месторождения. И тебе сегодня там делать нечего».

Хлюпин не отступал, настаивал: «В таких условиях, как сегодня, мой коллектив работает неэффективно. И рано или поздно нам придется разбуривать Самотлор. Дайте хоть начать с малого, одной бригадой, а затем постепенно увеличивать количество бригад, изучая разрез и накапливая опыт...».

Михаил Николаевич выслушал аргументы, но согласия все же не дал. Оставалась надежда на встречу с Муравленко. Зашел в приемную начальника главка. В ней было много людей.

Протиснулся к секретарю и попросил записать на прием. Она отказала. Оставалось одно: прийти на следующий день до восьми часов утра и ждать...

Он так и сделал: с утра занял стул, стоящий у двери кабинета начальника. Об этом позже он вспоминал: «В коридоре раздались шаги стремительно идущего человека. Дверь приемной открылась, вошел Виктор Иванович. Увидев меня, уперся своим пронзительным взглядом и спросил: «Вы меня ждете? Мы с вами о встрече не договаривались. Но раз приехали — заходите», — и пропустил вперед себя в кабинет. Подвел к приставному столику и вежливо предложил сесть. Сам же занял свое кресло, которое его как бы приподняло надо мной. «Ну-ну, рассказывайте, слушаю».

Муравленко внимательно выслушал все доводы собеседника, не перебивая. Воцарилась тишина. Начальник главка задумался, а затем спросил: «Валентин Иванович, а с кем вы встретились? Мне интересна их реакция». Хлюпин ответил: «О моей поездке в Тюмень Вязовцев не знает. (Это было в первый и последний раз, когда он обманул начальника главка). От Фаина и Сафиуллина получил отрицательный ответ. Решил дойти до вас. Вы нас, буровиков, знаете хорошо». «Знаю, знаю, — с доброй улыбкой ответил Муравленко, у которого они были в любимчиках и на особом счету. Это особое отношение к буровикам Виктор Иванович сохранил до конца своей жизни. — Мы люди государственные и должны исходить из государственных интересов». Тем не менее беседа с Хлюпиным повлияла на мнение Муравленко. Безусловно, у него были свои думы о Самотлоре, свой подход к его обустройству, свой план предстоящей большой работы. Но в предложении Хлюпина имелось рациональное зерно, и он продолжил: «Валентин Иванович, через полчаса ждите меня в приемной одетым, пойдем в обком». По дороге он пояснил: «Разведку Самотлорского месторождения ведет тюмонец, министр геологии РСФСР Лев Иванович Ровнин, а контроль осуществляется союзным министерством. Бюро обкома партии на нескольких своих заседаниях рассматривало эту проблему. Без обкома я не могу решить этот вопрос. Выход нефтяников на Самотлор — весьма ответственное дело. Главное в том, чтобы не погубить уникальное месторождение на корню. Должен быть взвешенный комплексный подход к его обу-

стройству... Поэтому прошу вас в разговоре с Борисом Евдокимовичем Шербиной четко обосновать все доводы. Думаю, он поддержит. Одна самотлорская скважина продуктивнее четырех ватинских вместе взятых».

В приемной вежливо встретила секретарь, сказала, что Борис Евдокимович нас ждет. В кабинете находился начальник Главтюменьгеологии Юрий Георгиевич Эрвье. Поздоровавшись, Борис Евдокимович, улыбаясь, сказал: «Ну что, возмутитель спокойствия, решил расшевелить начальство? Прошу вас, Юрий Георгиевич, поподробнее проинформировать о делах геологов на Самотлоре». Тот ответил: «Нами приняты меры по перераспределению объемов работ, переброске на Самотлор дополнительных бригад по форсированному бурению с расчетом, чтобы уже в первом квартале 1969 года представить в ГКЗ СССР материалы на утверждение запасов нефти в южной части месторождения. Но нам нужны дополнительные финансовые средства, а их нет. Наше министерство обратилось за помощью к нефтяникам». Борис Евдокимович очень кстати вставил: «Вот Виктор Иванович протягивает тебе руку помощи, как ты на это смотришь? Торопят сделать этот шаг специалисты и с мест. С этой целью здесь и находится Валентин Иванович Хлюпин. Что будем делать?». Эрвье ответил: «О выделении первоочередного участка эксплуатационного бурения надо решать с министерством. С моей стороны возражений не будет».

В.И. Хлюпин вернулся в Нижневартовск счастливым и проинформировал коллектив. Радовались все. Появилась хорошая перспектива. Но вскоре наступило разочарование. Выделенные точки для бурения скважин оказались в самом «гиблом» месте. Но надо было с чего-то начинать. С первыми морозами Хлюпин вместе с начальником вышкомонтажного цеха Семеном Борисовичем Гуровым на вездеходе объехал выделенные точки. Выбрали место под временную базу и трассу для доставки бурового станка с Мегионской площади. Определили очередность разбуривания. Первой оказалась скважина под номером 200.

Опыта ведения подготовительных работ на болотах не было. Их коварство, о котором уже более десяти лет знали геологи, нефтяникам еще предстояло испытать на себе. Казалось бы, плотный торфяник должен был держать гусеничную технику, но она проваливалась! Сколько машин поглотили топи! Под мно-

гометровым слоем торфа протекали ручьи и речки, находились мелкие озера и незамерзающие ключи. Валентин Иванович скрупулезно изучал опыт геологов, знакомился с местностью по топографической карте, летал на вертолетах, ездил на тягачах-вездеходах и даже пешком проходил эту трассу длиной в двадцать километров. В течение ноября и декабря 1968 года дорогу расчистили, во многих местах проморозили.

Подготовительными работами и транспортировкой буровой руководил бригадир вышкомонтажников Захар Харитонович Бадретдинов. Под три стандартные гусеничные тележки закреплялись металлические листы-лыжи по семь квадратных метров каждая. Одна тележка ставилась впереди, две — по бокам. Затем конструкция сваривалась между собой трубами и только потом подводилась под буровой станок. Люди трудились, несмотря на трескучие морозы.

За два дня быстро прошли пятнадцать километров. Но радость была недолгой. На третий день случилось ЧП. Первая боковая лыжа провалилась и ушла вместе с тележкой под воду. Машина весом в сто двадцать тонн накренилась. Более двух недель люди работали до полного изнеможения. Удалось забунтовать образовавшуюся полынью, затем выдернуть буровую и доставить на место.

Без промедления начали подвозить трубы и оборудование, готовиться к бурению. Но времени было потеряно много. А Валентин Иванович пообещал начать и закончить проходку первой эксплуатационной скважины на Самотлоре к концу января 1969 года. Да и погода мешала: столбик термометра постоянно удерживался на отметке минус сорок. Наконец буровая была готова. Оставалось только запустить котельную, как возникла проблема с подачей воды. По технологии ее требуется очень много. Вопрос был решен ценой огромных усилий.

Почти весь январь Хлюпин с буровым мастером С.А. Повхом тщательно готовились «распечатать» Самотлор. Перед собой не ставили цели бурить с высокой скоростью, главное — работать технологически грамотно и безаварийно. Через некоторое время о Повхе узнает вся страна. Тогда же никто из них не думал о славе, но точно знали: нефть будет!

К этому историческому событию Степан Ананьевич шел с 1952 года. Он в числе первых в 1964 году оказался в Нижне-

вартовске. Начиная с бурильщика, участвовал в проходке первой скважины на Мегионской площади. Валентин Иванович хорошо его знал еще в Башкирии, ценил организаторские способности, отправил на курсы мастеров в Москву. Повх окончил их с отличием, вернулся и стал буровым мастером. Он сформировал первую комсомольско-молодежную бригаду, которая вскоре стала одной из лучших в управлении, объединении и Главтюменнефтегазе. Вот почему в ответственный момент для бурения скважины № 200 выбор пал именно на бригаду С.А. Повха.

Сделаю небольшое отступление. Помню июль 1972 года. Каким горем отозвалась в наших сердцах весть о трагической смерти этого удивительного, скромного, честного, трудолюбивого человека, преданного своей тяжелой мужской профессии! Память о Степане Повхе останется навечно: его именем названо нефтяное месторождение, в Сургуте есть НГДУ «Повхнефть», да и сын его, Владимир Степанович, продолжает начатое в Западной Сибири дело отца, работая главным технологом ЗАО «Нижневартовскбурнефть». По инициативе Валентина Ивановича в Московском нефтяном институте имени И.М. Губкина были учреждены четыре стипендии имени Повха. Стипендии вручали студентам, направленным на учебу из УБР.

...Но вернусь к самотлорским событиям. Неожиданно вернувшийся из-за кедрача вертолет, сделав два круга над буровой, сел возле насосной. В видеофильме «Разбуженный Самотлор» есть кадры этого эпизода, снятого оператором Нижневартовской телестудии. Об этом вспоминает Валентин Иванович: «У меня мелькнула мысль: наверное, за мной борт послали. Сегодня ведь 21 января, день рождения, мне исполнилось сорок лет. Дверь открылась. Из «вертушки» вышли Шербина, Муравленко и начальник НГДУ «Мегионнефть» Кузоваткин. Я побежал им навстречу. Борис Евдокимович по-мужски обнял меня, поздравив с днем рождения, сказал: «Ну что, приготовил себе на 40-летие подарок? Ждем конечного результата, тогда будет двойной повод отпраздновать и твой юбилей, и фактический выход нефтяников на Самотлор». Намек я, конечно, понял. В голосе Шербины звучал упрек. Какой же юбилей, когда произошла задержка с началом бурения двухсотой? Отставали и со строительством коллектора для приема первой промышленной нефти Самотлора. Вот почему Роман Иванович Кузоваткин все время

молчал. Я их повел к буровой. Проходили мимо разгружающейся машины, и тут произошло неожиданное. Рабочие выкатили и сбросили переводник, который при ударе о лежащие трубы разлетелся на куски. Переводник — толстостенная труба диаметром сто восемьдесят миллиметров, длиной полтора метра с резьбой на концах — рассыпался, как стекло. Борис Евдокимович поднял кусок металла и, обращаясь ко мне, сказал: «Говорят, сибиряки люди железные. Это неправда. Железо в пятидесятиградусный мороз, как видите, рассыпается, а люди работают. Они прочнее любого металла. Золотой у нас народ, только мы его беречь не умеем».

Собрали рабочих. Разговор пошел о быте, питании, заработках, спецодежде. Я и Степан Ананьевич подробно доложили о готовности. Я пообещал, что через два-три дня начнем бурение. Это произошло 27 января 1969 года. За месяц скважина была пробурена. Подключение задержалось из-за неподготовленного коллектора. И только 2 апреля нефть Самотлора влилась в общий поток».

Самотлор непрерывно ставил задачи со многими неизвестными. Одной из них была проблема с водой. Геологи бурили «водяные скважины», но все безрезультатно. Валентин Иванович попросил геофизиков дать заключение по верхним отложениям. И оказалось, что на глубине 20—30 метров залегают прекрасные водоносные песчаники.

Перед Кузоваткиным и Хлюпиным встала важнейшая проблема: каким путем подступиться непосредственно к самому озеру, площадь которого более пятидесяти квадратных километров, а глубина пять метров. Именно оно оказалось центром месторождения. Рождались различные проекты: плавучих платформ, свайных оснований, даже звучало предложение засыпать озеро грунтом, много говорили и о буровой на воздушной подушке. Но предложения были или очень дорогостоящими, или требовали для реализации очень много времени. Поэтому постоянно шли поиски, и они дали на Самотлоре ощутимые результаты. Здесь воплотили смелые инженерные решения: кустовой метод бурения скважин с искусственных оснований, железнодорожные основания под буровые установки, сооружение ледовых и лежневых дорог на болотах и затапливаемых территориях, работа буровой бригады на двух «кустах», использо-

вание сеноманских вод для поддержания пластового давления и многие другие новшества, позволившие значительно сократить затраты при освоении нефтяных месторождений района. Но все это будет потом...

* * *

В распоряжении Валентина Ивановича был разъездной катер на воздушной подушке. Мне однажды пришлось воспользоваться им для объезда национальных поселков, расположенных на реке Вах. По водной глади и ровной поверхности катер ходил прекрасно, развивая скорость до восьмидесяти километров в час. Беспомошен он был при преодолении пересеченной местности, пней, кустарников и даже высокой травы. Валентин Иванович любил рассказывать о капризах судна. Он часто застревал на неровной поверхности, приходилось выходить из катера и шагать не один километр пешком в поисках техники для его буксировки.

После спада воды в июле устанавливалась жаркая погода. В это время происходит бурный рост трав, размножается несметное количество комаров. Валентин Иванович рассказал мне об одном эпизоде: «Как-то я отправился на своем «воздухоплавательном аппарате» на строящуюся буровую на Мегионском месторождении, которая находилась в двух километрах от берега Оби. Пронеслись, что называется, с ветерком по Оби, взлетели по песчаной косе на берег, а в траве «сели». Пришлось оставить «корабль» и шагать на буровую по траве, которая была выше пояса. Вот тут-то я по-настоящему узнал, что такое комарье. Что ни шаг — из травы поднималась черная туча этих кровососов, которая буквально облепляла. Я был в белой рубашке с короткими рукавами. Дышать невозможно — насекомые забивали глотку, и, чтобы ими не подавиться, я закрыл рот носовым платком, а свободной рукой отбивался от гнуса. Путь в два километра показался марафонской дистанцией. Я одержал победу — достиг буровой. Во рту все пересохло, была одна мечта — напиться воды. С этого момента поклялся услугами такого катера по служебным обязанностям больше не пользоваться».

В мае 1971 года Мегионскую контору бурения преобразовали в Нижневартовское управление буровых работ № 1. С этого момента оно бурило скважины только на Самотлоре.

Валентин Иванович искал новые подходы к эффективному разбуриванию Самотлора. Как-то у Кузоваткина они обсуждали строительство жилья в Нижневартовске, но постоянно возвращались к Самотлору. В конце встречи родилась идея: что если спустить всю воду из Самотлора в реку Вах, протекающую в четырех километрах?

Роман Иванович вызвал заместителя по геологии Л.У. Литвакова, и они уже втроем стали обсуждать «бредовую», на первый взгляд, идею. При грубом расчете оказалось, что для понижения уровня на один метр нужно сбросить около полутора тысяч кубометров воды. По телефону Роман Иванович разыскал начальника строительного управления № 909 Ю. Г. Шереметьева и попросил его подъехать. Теперь вчетвером обсуждали вопросы строительства сбросового канала.

За дело взялся Шереметьев, человек азартный, увлекающийся. Он позвонил своему диспетчеру и сказал, чтобы с утра подгоняли экскаваторы и бульдозеры. Роман Иванович резко его остановил: «Сброс воды возможен при двух условиях. Во-первых, необходимо знать, насколько уровень в озере выше, чем в реке; во-вторых, какой уровень подъема воды в Вахе весной, и есть ли высокий берег со стороны Самотлора. К тому же я обязан поставить в известность Муравленко, районных руководителей». Затем он предложил Литвакову образовать рабочую группу из числа геодезистов, строителей, транспортников, дорожников и в течение двух дней доложить о результатах.

На третий день у Кузоваткина состоялась расширенная планерка по данному вопросу. Литваков сообщил, что главное условие для строительства канала есть — уровень воды в озере на восемь метров выше, чем в Вахе. Даже с учетом весеннего паводка он остается выше на три метра. Безусловно, это немного, но рыть канал можно. Заместитель по капитальному строительству Кукуевский доложил о графике прокладки канала, согласованном с руководителями дорожного управления и транспорта.

Роман Иванович сообщил присутствующим о состоявшемся разговоре с В.И. Муравленко, с первым секретарем райкома М.П. Страховым и председателем райисполкома Н.Я. Устьянцевым, которые высказали свои опасения, но не запретили.

Работа закипела. Через двадцать дней канал был прорыт, самотлорская вода хлынула в Вах. Кузоваткин и Хлюпин по сво-

ей наивности решили при спуске воды еще и рыбу выловить. В километре от озера образовался метровый водопад, там устроили примитивное сооружение для вылова рыбы. Но рыба из озера в реку не пошла, богатый улов не состоялся.

По расчетам вода в озере в месяц должна была снижаться на двадцать пять сантиметров, на самом же деле уровень понижения был меньше. Стало ясно: коэффициент, который был принят в расчет на подпитку озера осадками и притоками извне, был занижен. Тем не менее за год уровень воды в озере снизился на полтора метра. Но в середине жаркого лета произошло непредвиденное — самовозгорелся оголенный торф. Пришлось немедленно прекратить сброс воды и большими усилиями погасить очаг возгорания. Только после этого случая Роман Иванович обратился к науке. В итоге получили весьма неприятный вывод о возможном самовозгорании торфа в больших масштабах при дальнейшем понижении уровня воды, а это грозило катастрофой на месторождении. Инцидент стал предметом серьезного и неприятного разговора на заседании бюро райкома партии.

Но желание скорейшего бурения на акватории озера не покидало Валентина Ивановича. Теперь средняя глубина составляла около двух метров, а это уже давало возможность отсыпать площадки и строить дороги. Единственное, что сдерживало, — эти работы можно было выполнять только в осенне-зимний период.

За зиму СУ-909 смогло отсыпать только две площадки. Опыта строительства грунтовых оснований под буровые на воде не было. По льду завезли станок и все необходимое для начала проходки. Для перевозки вахт, труб и прочего приспособили самоходную баржу. По затратам эти операции были дороже, чем на Мегийском месторождении. Валентин Иванович знал, что это не лучший вариант, но надо же было с чего-то начинать.

Бурение скважины посреди озера, под которым находился купол месторождения, таило массу неожиданностей. Одна из них — газовые проявления. Хлюпин знал, насколько серьезная задача стоит перед буровым мастером, поэтому нужен был наиболее подготовленный человек, малейшая неосторожность, и возможна авария — газовый выброс. Выбор пал на В.В. Китаева. Во-первых, среди мастеров он единственный имел высшее образование. Во-вторых, прошел «начальную школу» — работал у

мастера Г.К. Петрова. В районе Шаима бригада Петрова показывала высокие результаты и качество строительства скважин. В-третьих, Китаев прошел все ступени мастерства: мог подменить помбура, мастера, верхового, а главное, всегда был собран, мобилизован, знал и грамотно разбирался в тонкостях производственного цикла и технологии бурения сложных структур. Валентин Иванович был в нем уверен, дал возможность проявить себя на труднейшем участке. И скважина была пройдена с оценкой «отлично». После этого эксперимента весь участок, центр Самотлора, бурили только «китаевцы».

Получив должность бурового мастера, Виктор Васильевич занялся комплектованием бригады. К нему приходили молодые бурильщики и специалисты из других районов страны, окончившие учебные заведения. В бригаде не хватало чувства коллективизма. Но Китаев сумел создать единую трудовую семью и решил бросить вызов бригаде Г.М. Левина, показать на деле свой «почерк». Бригада Китаева получила статус молодежного коллектива и находилась под пристальной опекой комсомольских органов области и района.

Хлюпин всячески поддерживал молодых. И Китаев смело брался осваивать новые технологии с применением гидромониторных долот, высокомоментных турбобуров, отечественных насосов повышенной мощности. В производстве появились легкосплавные бурильные трубы, которые первой внедрила бригада Китаева. Его коллектив славился новаторством, организованностью, образцовой дисциплиной и активным участием в общественно-политической жизни города, района, области. Приезжающие на Самотлор гости непременно стремились побывать в бригаде Виктора Васильевича. Ее посещали руководители ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, правительства, видные академики, популярные писатели, поэты, космонавты, деятели искусства и культуры. Бригада соревновалась с буровиками Мангышлака, была инициатором проходки «интернациональной» скважины на Самотлоре с участием молодых бурильщиков из Татарии, Азербайджана, Коми АССР, Украины, Белоруссии. Скважину глубиной 2000 метров прошли за восемь дней вместо четырнадцати. Интернациональный коллектив пригласили в ЦК ВЛКСМ, их имена занесли в «Летопись комсомольской славы». Китаев и комсорг бригады Рафгат

Юсупов были участниками X фестиваля молодежи и студентов в Берлине.

До приезда в Нижневартовск Китаев работал в окружке партии. Зная об этом, я предлагал ему перейти в горком или на должность секретаря парткома в управление. Он отказался, мотивировав так: «Пока не время, не достиг нужного мастерства в буровом производстве». Позднее он все же станет заведующим отделом нефтяной, газовой промышленности и геологии обкома партии, его изберут первым секретарем Ханты-Мансийского окружка КПСС, а затем и вторым секретарем обкома партии. В настоящее время Виктор Васильевич продолжает работать в нефтяной отрасли округа, активно участвует в общественно-политической жизни.

Но вернусь к опыту проходки скважин на первых площадках, отсыпанных на Самотлоре. Цикл работ был следующий: пробурив очередную скважину, станок перемещался на три метра с помощью специальных пневмодвижителей. Эта «новинка» тоже была вынужденной. На «кусте» приходилось держать три трактора — слишком большая роскошь. Однако опыт В.И. Хлюпина получил дальнейшее развитие. На площадках под кустовое бурение стали позднее укладывать секции железнодорожного полотна. Передвижение станка упростилось. Такая новация в дальнейшем получила «прописку» на всех месторождениях.

На Самотлоре Хлюпину пришлось в корне изменить старую классическую схему оборудования устья скважин. Однако настоящая революция в бурении стала возможна с приходом большой электроэнергии, с переоборудованием буровых установок с дизельного привода на электрический. Работа проходчиков с каждым годом становилась более интенсивной.

* * *

Поиск оптимального варианта бурового станка продолжался. На базе стандартной установки БУ-80 коллективом Хлюпина была построена буровая с поэтажным расположением оборудования на железнодорожном основании. Принципиально новым было многое. Во-первых, оборудование располагалось в одном блоке. Во-вторых, это давало возможность создания нормального микроклимата в работе. В-третьих, все оборудование

было спрятано под брезентовое укрытие. Буровикам такая вышка пришлось по душе, чтобы попасть на нее, в коллективе шла борьба. К сожалению, подобная буровая имелась в единственном экземпляре.

В.И. Муравленко на месте ее монтажа собрал своеобразный консилиум руководителей и специалистов. Совещание напоминало генеральную репетицию. Разговор именовался пусковой конференцией, которая принесла несомненную пользу для бурильщиков, а для мастеров это был своеобразный экзамен перед началом работ.

Виктор Иванович предложил Хлюпину подобрать грамотного расторопного бурового мастера-инженера и сказал: «Настоящая буровая — наша надежда. К ней мы должны приковать внимание всех: правительства, Госплана, завода-изготовителя, министерства, ученых, специалистов. Важную роль должен сыграть буровой мастер, который станет основным носителем нашей идеи, главным экскурсоводом и пропагандистом».

Вернувшись с Самотлора в Нижневартовск, Валентин Иванович представил Муравленко кандидатуру такого мастера — Бориса Михайловича Давыдова, имеющего специальность горного инженера. Высокий, широкоплечий, с открытым лицом и ладным телосложением. Добрая улыбка вызывала доверие и расположение. Борис Михайлович был «чистым» производственником. Руководил бригадой умело, люди понимали его с полуслова. Внешне казался спокойным, сдержанным, на самом деле был жестким и требовательным. Об этих качествах знали все.

По приглашению Муравленко в Нижневартовск прилетел генеральный директор научно-производственного объединения «Уралмаш» Николай Иванович Рыжков. Во встрече участвовал министр нефтяной промышленности Николай Алексеевич Мальцев. Мне пришлось сопровождать их на Самотлор, знакомить с этой буровой установкой. Виктор Иванович убеждал Рыжкова начать серийный выпуск. Он же неоднократно ставил этот вопрос в министерстве и правительстве, но дальше обещаний дело не двинулось. Буровую установку показывали, говорили о ее преимуществах заместителю председателя Совета Министров СССР, председателю Госплана СССР Н.К. Байбакову. Все надеялись на его положительное решение. Но, увы, детище Хлюпина так и осталось экспонатом, местом экскурсий для гостей...

На Самотлоре в основном применялось наклонно-направленное бурение. При искривлении стволов технологами нередко допускались ошибки. Буровиков постоянно подстерегал коварный сеноман, который жестоко наказывал тех, кто нарушал технологический режим и был невнимателен. Так, на «кусте» № 9 случился открытый газо-водяной фонтан из сеноманских отложений. При расследовании выяснилось, что буровик начал подъем инструмента без предварительной промывки скважины. В результате из скважины было выброшено сто шестьдесят метров труб, турбобур с центратором, долото. Подойти к пульту управления превентором было опасно из-за выбрасываемых из скважины камней, а закрыть ее уже не удалось. Дизели немедленно заглушили. Вахта оказалась в ночном мраке наедине с ревушим, бушующим фонтаном.

Валентин Иванович с главным инженером Александром Ивановичем Кононцевым немедленно выехали на аварию. При подъезде уже за несколько километров услышали вой со свистом, резкие удары падающих камней о конструкции вышки. Камни летели в высоту на шестьдесят метров. Картина была ужасная. Выброшенные трубы кольцом опоясали буровую. К счастью, никто не пострадал.

Три дня и три ночи бушевала стихия. На четвертые сутки произошел обвал стенок скважины, и воцарилась мертвая тишина. Это был первый поучительный урок. Однако подобные ситуации все-таки повторялись.

Планы, дополнительные задания по добыче нефти в нашем районе и особенно на Самотлоре нарастали. Объемы бурения увеличивались из года в год. В.И. Муравленко издал приказ о создании новых управлений буровых работ: их стало три на Самотлоре, а также были созданы Мегионское, Аганское и два управления на Варьегане.

Не хватало буровых бригад. Валентин Иванович отправил начальников отделов в другие нефтяные районы для «вербовки» людей. 6 февраля 1972 года торжественно встретили приезд в Нижневартовск буровой бригады Владимира Тимофеевича Громова. Многим хотелось заманить «громкого» бурового мастера В.Т. Громова на Самотлор, рассчитывая, что за ним потянутся и другие коллективы.

В Отрядный уговаривать Громова дважды ездил Анатолий Васильевич Сивак и добился своей цели: получил от мастера

утвердительный ответ: «Бригада согласна работать на Самотлоре. К вылету готовы».

Владимир Тимофеевич провел основательную кропотливую работу с каждым, кто попал в его «сборную». Он много думал, подолгу сидел над списком кандидатов, вычеркивал одни фамилии, вписывал другие. Громов руководствовался принципом: на Самотлоре нужны настоящие мужики, крепкие и надежные.

Я встретился с ним на Самотлоре на «кусте» № 65. Широкоплечий, коренастый, с обветренным мужественным лицом, серые глаза, хитроватая улыбка. Очень подвижен. Отрекомендовался просто: «Громов, буровой мастер». Первое впечатление: на самом деле «гром».

Старт бригады был удачным. С первой скважины — ускорение. Но перед этим была недельная «разведка боем» для изучения опыта бригад Левина, Китаева. Учитель Громов не стеснялся слушать советы своего бывшего ученика Левина. Ведь именно в бригаде Владимира Тимофеевича в Отрадном работал Геннадий Михайлович помбуром, и тот дал ему возможность стать мастером на дополнительно выделенном участке. Владимир Тимофеевич гордился им и горячо приветствовал инициативу, когда «левинцы» почти в полном составе в 1968 году поехали в Нижневартовск. За четыре года работы они прославились в Западной Сибири.

«Громовцы» в первый же год работы на Самотлоре доказали, что готовы бить рекорды. Вместо 32800 метров по плану и 45000 по обязательствам прошли 53000 метров! На следующий год бригада набурила свыше 71000 метров и оказалась в тройке лидеров после Левина и Китаева. «Громовцы» были в первом ряду соревнующихся. Их труд был отмечен: Владимир Тимофеевич был удостоен ордена Ленина и звания «Почетный нефтяник СССР» награды получили и другие члены бригады.

Запоминающимся событием в нашем районе было соревнование буровых бригад-стотысячников. Хлюпин твердо заявлял, что при выполнении определенных условий буровые бригады могут бурить по сто тысяч метров, все зависит от слаженной работы бригады, и если снабженцы привезут трубы и цемент, а вышки вовремя передвинут станок.

Помню, в 1974 году бригады Левина и Петрова, а также бригада Еремина из Сургута замахнулись взять этот рубеж. Четвертой стала бригада Владимира Тимофеевича. В канун 1975

года они перешагнули за сто тысяч метров. Такого еще в нефтяной отрасли не было! Их имена стали известны далеко за пределами Западной Сибири. «Нижневартовский забег» на сто тысяч метров стал в последующие годы повседневным явлением в жизни управлений буровых работ Сургута и Нефтеюганска, Урая и Ноябрьска.

На базе бригады Громова Хлюпин организовал школу передовых методов труда, через нее прошли десятки бурильщиков нашего района. Громов был удостоен Государственной премии СССР.

* * *

Новые условия работы на Самотлоре требовали и новых условий в организации труда. Сбылась мечта Хлюпина: теперь за одной бригадой закреплялось два «куста». При бурении десяти и более скважин на одном «кусте»-площадке буровая бригада комплектовалась из шести вахт. Принцип такой: пока бригада из четырех вахт бурила скважину на одном «кусте», на втором две вахты выполняли подготовительные работы. Валентин Иванович добивался непрерывного процесса загрузки основной бригады. В итоге в УБР-1 оказалась самая высокая выработка на человека и на бригаду во всей нефтяной отрасли. Преимущество этой системы заключалось в том, что каждый мог полностью реализовать себя. Более крепкие и выносливые работали в основных составах вахт, остальные — во вспомогательных. Но, как всегда в новом деле, потребовалось вносить изменения в условия соревнования среди буровых бригад и управлений Главтюменнефтегаза. Такое новаторство многим не нравилось, да и завистников у Хлюпина было предостаточно.

В прессе стали появляться материалы, порочащие передовые методы буровиков и коллектива в целом. В газете «Социалистическая индустрия» С. Вторушин, корреспондент газеты «Правда», опубликовал материал под названием «Неоконченный спор», в котором подверг острой критике «несовершенную», с его точки зрения, систему подведения итогов соревнования среди бригад Главтюменнефтегаза. Хлюпина и профком «Нижневартовскнефтегаза» критиковали за то, что они якобы необъективно подводили итоги по результатам работы бригад.

Конечно, были упущения и недостатки в этом деле, их неоднократно обсуждали как в рабочих коллективах, так и на пленумах, бюро горкома. Но в статье был явный перебор.

В той же газете в моем материале «Самотлор — передний край», напротив, рассказывалось о тех резервах, которые еще в полной мере не были использованы. Ведь не секрет, что в зимний период производительность была значительно ниже, чем в летний. Дело в том, что в сильные морозы правила эксплуатации оборудования запрещали вести проходку, а холода на Севере стояли постоянно. Буровые установки, выпускаемые Волгоградским заводом «Баррикады», предназначались для центральной полосы России. И здесь, на Севере, приходилось их переделывать заново с учетом местных требований. На это уходило много сил, времени и денег. За новые агрегаты БУ-80 также сразу принимались газорезчики, чтобы облегчить станок, поставить вышку на железнодорожное основание. В материале указывались и недостатки при освоении пробуренных скважин. Так, бригада Левина пробурела скважину 16 мая, а приток нефти получили только 31 октября. Спрашивается, стоило ли биться за часы и минуты, если практических результатов пришлось ждать пять месяцев?

Много проблем возникало при сдаче в эксплуатацию 15—20 наклонно-направленных скважин, стоящих батареями на одной площадке. Ведь пока не будет пробурена последняя, их нельзя подключать к системе сбора. Таково требование техники безопасности. В итоге — длительный простой, замороженные значительные средства. Вывод: качество проходки приобретает такую же важность, как и высокие скорости. Мы часто слышали и говорили о новых рекордах буровиков, но никогда о сокращении сроков всего цикла строительства скважин, ускоренной сдаче их в эксплуатацию. С. Вторушин нашел «подручного» в коллективе Хлюпина. С подачи главного геолога С.А. Дрыги он обрушил шквал клеветы о якобы имеющихся приписках в бригадах, некачественно пробуренных скважинах. Причем иногда критика переходила в оскорбления. Расследованием этих данных занялись специальные комиссии из министерства, главка, объединения.

Помню осень 1976 года. Мне позвонил С. Вторушин из Стрежевого с просьбой, чтобы я его встретил и помог поселиться в лучшем номере гостиницы «Самотлор». Однако в тот день он не прилетел. Позвонил на следующий день: мол, задержался у

гостеприимных томичей. Появившись в Нижневартовске, он пришел ко мне с М. Полтораниным, собственным корреспондентом газеты «Правда» по Свердловской области, и Дрыгой. Вторушин буквально с порога начал допрос, обвиняя меня в гонении на честного справедливого работника (он имел в виду Дрыгу). Дошел до того, что сказал: «Я сниму звезду Героя с Геннадия Левина, так как она не по праву присуждена ему». Тут мое терпение кончилось, и я вежливо попросил их покинуть кабинет. Уходя, Вторушин сказал: «Я это припомню, будешь еще сожалеть». О поведении члена партии Вторушина я сообщил в записке первому секретарю обкома Г.П. Богомякову. Все соборы центральных газет, а их было в Тюменской области около двадцати, состояли на партийном учете в обкоме. Моя записка не нашла поддержки. Зато Вторушин и Полторанин выполнили свое обещание: написав в «Правду» материал об итогах отчетно-выборной тюменской областной партийной конференции 31 декабря 1978 года, несколько раз упомянули мою фамилию, приклеивая мне явно незаслуженные ярлыки.

В то время на любое критическое замечание, высказанное в центральной печати, следовало «реагировать». Бюро и первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома В.В. Бахиллов, хорошо знавший Хлюпина и его коллектив, поступили, на мой взгляд, по формуле: надо отписаться, надо наказать. В принятом решении было записано: «...Осудить поведение начальника объединения «Запсиббурнефть» и УБР-1 Л.И. Вязовцева и В.И. Хлюпина, несвоевременно реагирующих на выступление органов печати. Указать первому секретарю Нижневартовского горкома КПСС С.Д. Великопольскому и секретарю парткома УБР-1 М.Т. Парфенюку на необъективный подход при рассмотрении вопроса, касающегося критики коммуниста С.А. Дрыги». Этим же решением было отменено постановление бюро Нижневартовского горкома о наложении партийного взыскания на Дрыгу за клевету. Руководству объединения «Запсиббурнефть» было рекомендовано активизировать работу по изучению и совершенствованию эффективности в организации буровых работ и социалистического соревнования...

В 1999 году меня пригласили на празднование 35-летия со дня образования УБР-1 (ныне ЗАО «Нижневартовскбурнефть»). Участвовали в этом мероприятии В.И. Хлюпин и С.А. Дрыга.

Нам удалось «по душам» поговорить с Дрыгой о событиях двадцатилетней давности. Он честно признался: «Меня спровоцировали пойти на прямое столкновение с Хлюпиным, пообещав должность руководителя УБР. Партийное наказание в отношении меня было объективным и справедливым. Я сожалею о совершенном, прошу меня простить». Меня порадовало, что человек, пусть и поздно, но осознал свою неправоту.

Конечно, это был «политический заказ», преследующий одну цель: очернить, опорочить сплоченный коллектив и его руководителя, принизить достижения нижевартовских буровиков, рекордные показатели бригады Левина. Это не удалось. «Заводилы» замысла давно сошли со сцены, о них забыли, да и вряд ли когда-нибудь вспомнят. А вот дела Валентина Ивановича и Геннадия Михайловича будут жить в доброй памяти нижевартовцев, ветеранов Самотлора. Их любят, их ценят, они навечно останутся в истории нефтяной отрасли, области и страны.

Поэтому неудивительно, что именно в коллективе В.И. Хлюпина выросла прекрасная плеяда руководителей, и ему есть кем гордиться. Расскажу о некоторых из них.

* * *

О Г.М. Левине сегодня знает вся страна. Да, Самотлор, это неповторимое русское чудо, уникальное месторождение, стал для него стартовой площадкой. Здесь Геннадий Михайлович набирался опыта в буровом мастерстве, вырос, становился мудрым руководителем, прошел путь от бурового мастера до генерального директора ОАО «Сургутское УБР-2».

Знаю Геннадия Михайловича более тридцати лет. И все это время неоднократно задавал себе вопрос: выдержит ли он физически напряженную работу? Выстоит ли морально? Выдержал! Выстоял! В.И. Муравленко лично пригласил Левина с бригадой в Тюмень, и не ошибся.

Я помню момент, когда в 1971 году вручали Геннадию Михайловичу орден Ленина и золотую медаль Героя Социалистического Труда. Тогда Муравленко сказал: «В этом человеке удивительно гармонично сочетаются мужская красота и профессиональное мастерство, юношеский задор и зрелое понимание своего долга, рабочая честь, большая скромность и доброта».

В январе 1973 года мне позвонил первый секретарь обкома Б.Е. Шербина: «Слушай радио, завтра страна узнает о награждении — впервые в нефтяной отрасли — 33 членов бригады Левина орденами и медалями за достижение высоких технико-экономических показателей в бурении нефтяных скважин».

8 января был опубликован указ, а через два дня к нам прилетел Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. Его сопровождали министры, руководители ведомств и области. Алексей Николаевич отправился на Самотлор, где состоялись встречи с героями. Косыгин поздравил членов бригады Левина с высокими наградами, поговорил о делах и планах, поинтересовался жилищно-бытовыми условиями. Буровики поблагодарили правительство за высокую оценку их труда и заверили, что завоеванных позиций не отдадут. Об этом событии художник Михайлов нарисовал картину. Она и сейчас висит в бывшем кабинете Муравленко, в котором сегодня расположен фонд его имени.

Затем А.Н. Косыгин побывал в бригаде бурового мастера Б.М. Давыдова, которая работала на экспериментальной «трехэтажной» буровой. Вскоре для вручения наград бригаде Левина в Нижневартовск прилетели Б.Е. Шербина и В.И. Муравленко. Торжественный вечер состоялся в ДК «Строитель». Можно себе представить, как радовался и гордился В.И. Хлюпин! Он поддержал предложение бригады отметить столь значительное событие по-семейному, вместе с женами и по русскому обычаю. В коллективе сложилась добрая традиция: вместе отмечать памятные события, дни рождения и юбилеи. Валентин Иванович предварительно договорился с Кузоваткиным о проведении вечера в столовой гостиницы «Самотлор». Ее услугами тогда могли пользоваться только с его разрешения, ибо она предназначалась в основном для встреч высоких гостей.

Роман Иванович разрешил, так как был уверен, что после вручения наград Шербина и Муравленко улетят в Тюмень. Не успели «левинцы» разместиться за праздничными столами, как испуганная дежурная гостиницы вызвала Хлюпина и сообщила: «Приехали Шербина, Муравленко и Кузоваткин. Они прошли на второй этаж. Что нам делать?». «Я поднимаюсь к ним», — спокойно ответил Валентин Иванович. Он зашел в зал заседаний, где беседовали руководители, и пригласил их разделить радость коллектива. Предложение было принято.

Борис Евдокимович, поднимая фужер с шампанским, произнес тост. Еще раз поздравив награжденных, он особо подчеркнул: «Друзья мои, разделите свою славу вместе с вашими красивыми, добрыми, любимыми женами. Они делали и делают все, чтобы вы, мужчины, могли спокойно работать и быть на высоте поставленных задач». Очень тепло и сердечно поздравил собравшихся и В.И. Муравленко. Вскоре они ушли. Провожая их, Хлюпин обратился к Виктору Ивановичу: «Не помешали мы вашей работе?». В ответ услышал: «Валентин, такое бывает раз в жизни. Вот если бы ты не организовал этого торжества, тогда следовало тебя покритиковать. Гуляйте хоть до утра!».

Валентин Иванович гордился, что из его коллектива депутатом РСФСР избрали Левина. Более того, его как представителя рабочего класса выбрали в Президиум Верховного Совета. Занимая столь высокий пост, Геннадий Михайлович оказывал нам, руководителям города и района, колоссальную помощь в решении задач комплексного развития Нижневартовского района. Как правило, перед очередным отъездом на сессию Геннадий Михайлович встречался с нами, интересовался проблемами города и района. Находясь в Москве, он решал их в различных инстанциях. По возвращении информировал о результатах, встречался с жителями города, вел личный прием граждан.

* * *

В 1969 году в коллектив Хлюпина пришел молодой, энергичный, целеустремленный А.В. Усольцев. Валентин Иванович сразу понял, что из парня будет толк. Он внимательно присматривался к работе нового бурового мастера и убедился, что потенциал Усольцева гораздо больше, чем его способности инженера, и требует иного масштаба: он назначил его начальником центральной инженерно-технологической службы. В этой должности полнее раскрылся талант Александра Викторовича. Он внес много новшеств в научную организацию труда буровых бригад, проявил незаурядные волевые качества. И вот новое назначение — главным инженером УБР. Однако вскоре приказом В.И. Муравленко А.В. Усольцева переводят на должность начальника Сургутского УБР-2. Как ни жалко было Валентину Ивановичу

отпускать его, но он понимал: кадры должны расти. И гордился, что именно от него уходят они в большую жизнь.

С легкой руки В.И. Хлюпина Александр Викторович и дальше пошагал вверх по служебной лестнице: заместитель директора по бурению объединения «Юганскнефтегаз», генеральный директор объединения «Сургутнефтегаз», а в настоящее время председатель совета директоров ОАО «НК Сургутнефтегаз».

Яркой, многогранной личностью был и Ю.Д. Логанов. В Нижневартовск он приехал в 1966 году из треста «Куйбышевнефтегазразведка», прошел там путь от помбура до старшего мастера по сложным работам. Валентин Иванович увидел в нем своего преемника и назначил главным технологом, а затем начальником производственно-технологического отдела. За четыре года работы в коллективе Юрий Дмитриевич показал высокий профессионализм, прекрасные организаторские способности и человеческие качества. Но удержать его Валентин Иванович не смог. По предложению Муравленко Логанова назначили главным инженером Мамонтовского УБР. Но ввод новых месторождений и небывалый рост объемов бурения потребовали возврата Юрия Дмитриевича в Нижневартовск, где он возглавил вновь образованное Мегионское УБР.

И тут проявилась его неординарная личность. В сжатые сроки был сформирован отличный коллектив буровиков. Но если Нижневартовское УБР-1 работало только на Самотлоре, то Логанову приходилось буквально «мотаться» по участкам, которые были разбросаны на большой территории района. А отсюда и проблемы острее, и решать их сложнее. Это была работа на износ.

Когда в Москву на повышение ушли патриархи тюменской геологии Ю.Г. Эрвье и Ф.К. Салманов, геологи стали сдавать прежние позиции. Особенно проявилось это в бригадах глубокого бурения, что незамедлительно сказалось на темпах открытия новых залежей нефти и газа. В этой ситуации потребовался человек, способный поднять престиж тюменских геологов. Им стал Юрий Дмитриевич. Его назначили начальником управления глубокого бурения, затем главным инженером, а в период с 1987 по 1992 гг. он — начальник Главтюменьгеологии. С возложенной задачей Юрий Дмитриевич справился успешно, свидетельство тому — награждение орденом Ленина. Из жизни он ушел преждевременно: не выдержало сердце таких нагрузок. В коллективе

В.И. Хлюпина его высоко ценили, уважали и гордились. Не зря говорят, что счастье человека в его учениках и последователях.

Большинство членов коллектива УБР-1 — приезжие. Но постепенно он стал пополняться и тюменцами. В 1973 году приехал после окончания Тюменского индустриального института В.А. Богданов. Прошел, как и многие, непреременные ступени бурильщика, помбура, оператора-коллектора в бригаде Г.М. Левина, а затем стал инженером-геологом. Хлюпин увидел в нем задатки будущего руководителя: умение спросить, поставить задачу и добиться ее решения, а также бескомпромиссность в принципиальных вопросах, хозяйская хватка. Многие из этих качеств особенно ярко проявились у В.А. Богданова после возвращения из рядов Советской Армии. И вновь движение вверх. Пожалуй, он — один из немногих, кто практически прошел все ступени руководящей работы, итог — должность президента нефтяной компании «Сургутнефтегаз».

Помню, когда назначили Владимира Леонидовича заместителем начальника по бурению Главтюменнефтегаза, он не находил себе места. Работа в главке его не привлекала, и он, как солдат, рвался на передовую. Постоянно просился на производство, там было его место. Заместитель министра, начальник главка Р.И. Кузоваткин поступил мудро: жаль было отпускать такого помощника, но, понимая предназначение Владимира Леонидовича, он рекомендовал его генеральным директором объединения «Сургутнефтегаз».

Время все расставило на свои места и показало правильность принятого решения. Стремление Богданова на «передовую» было оправданно. Он зарекомендовал себя как чрезвычайно требовательный руководитель, спокойно, не повышая голоса, мог убедить в своей правоте любого. Мне приходилось дважды участвовать на производственных планерках, на которых присутствовали все руководители города. Он четко формулировал задачи, обоснованно предлагал пути их решения.

Чтобы руководить таким сложным и многопрофильным хозяйством, как «Сургутнефтегаз», мало быть хорошим буровиком и профессионалом, необходимо обладать стратегическим мышлением и способностью концентрироваться на перспективе. В.А. Богданову в этом не откажешь. Как руководитель крупнейшего предприятия в нефтегазовом районе он по-хозяйски относился

к людям и земле. Следует отметить еще одну важную особенность в характере Богданова. Как истинный патриот Тюменской области, не поддавшись соблазну переезда в Москву, он, единственный из нефтяных «генералов», остался верен этой земле, сохранил, в отличие от других, всю производственную и социальную инфраструктуру Сургута и Сургутского района.

Но нет самоуспокоенности у президента нефтяной компании. Владимир Леонидович постоянно в поиске, работает над собой, ибо право на лидерство надо постоянно подтверждать. Он закончил Академию народного хозяйства, стал членом-корреспондентом Академии технологических наук РФ, действительным членом Академии горных наук РФ и международного топливно-энергетического комплекса. 10 декабря 2000 г. на торжественном заседании в Ханты-Мансийске, посвященном 70-летию со дня его образования, Владимиру Леонидовичу присвоено звание «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа». Два созыва он является депутатом окружной Думы.

И все же, имея столь высокую должность и титулы, Владимир Леонидович гордится званием «Почетного члена Тюменского областного общественного Фонда имени В.И. Муравленко», ибо видит в Викторе Ивановиче своего учителя, продолжает его дело.

* * *

Интересно и во многом одинаково сложилась судьба двух парней из Каменск-Уральского — Игоря Сосновских и Леонида Титова. Разница между ними была значительная. Первый старше на восемь лет, отслужил на Северном морском флоте, вернулся в родной город и работал на заводе рабочим, затем на комсомольско-партийной работе и, наконец, в должности заместителя директора профтехучилища. Второй только окончил среднюю школу. Они познакомились в вагоне и стали первыми студентами Тюменского индустриального института, открывшегося в 1964 году. Учились на факультете бурения нефтяных и газовых месторождений, сидели за одним столом, а руководителем дипломной работы у обоих был профессор, начальник Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко. С его легкой руки они стали трудиться в Нижневартовском УБР-1.

В 1969 году, в год окончания института, они были участниками встречи с Председателем Совета Министров СССР А.Н. Ко-

сыгиным. Косыгин выступил перед выпускниками и напутствовал их такими словами: «...Решающий фактор развития области — открытие уникальных запасов нефти и газа. Тюмени предстоит стать энергетической базой страны. А вы — основа инженерного корпуса Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Желаю молодым инженерам достичь значительных профессиональных высот на Тюменском Севере». Эта встреча еще более укрепила стремление поехать туда, где решается судьба страны.

Валентин Иванович приветливо встретил обоих инженеров. Игорь Сосновских направил бурильщиком к мастеру Левину, а Леонида Титова определил на должность инженера-технолога. Игорь быстро «вписался», обрел уверенность, почувствовал себя равным рядом с именитыми бурильщиками: В.П. Васильевым, Г.В. Сабировым, Ю.Е. Песковым, С.И. Феокистовым, А.А. Никитиным. Вскоре по предложению Левина он стал заместителем бурового мастера. Проработав в бригаде два года, Игорь Михайлович был рекомендован на должность председателя Нижневартовского райкома профсоюза нефтяной и газовой промышленности. На этой общественной работе он показал себя хорошо. В горкоме партии создали промышленно-транспортный отдел, и он занял должность заведующего отделом. В 1973 году его избрали секретарем горкома КПСС. В 1977 году было образовано объединение «Нижневартовскнефтегаз», и Сосновского направили туда на должность заместителя генерального директора по кадрам и социальным вопросам. Выйдя на пенсию и переехав в Тюмень, Игорь Михайлович продолжал трудиться в организациях, связанных с нефтью и газом.

Но жизнь его оборвалась. Друзья по институту и Нижневартовску проводили коллегу в последний путь. Генеральный директор ЗАО «Нижневартовскбурнефть» Л.Г. Титов, друг Игоря, в прощальном слове на кладбище сказал: «Он для меня был и всегда будет примером порядочности, честности, доброты и внимания к людям. Он был и будет для меня настоящим человеком, борцом за справедливость, образцом служения любимому делу. Хорошая память о нем вечно будет жива у нас, нижневартовских буровиков».

Интересно сложилась судьба самого Леонида Георгиевича. Познакомились мы с ним на заседании бюро, когда его принимали в партию. Перед нами стоял уже возмужавший мужчина. На вопросы отвечал уверенно, со знанием дела. На мой вопрос, готов ли он возглавить буровую бригаду, ответил: «Да, если дове-

рят. Постараюсь работать не хуже Левина и Китаева». Для такой уверенности у него были основания. Леонид Георгиевич, прикрепленный к бригаде Громова в качестве инженера-технолога, многое перенял полезного и нужного, прежде всего точность и строгость соблюдения технологической дисциплины. Практику «прикрепленных» в бригадах внедрил Валентин Иванович. И она себя оправдала, так как повышала качество пробуренных скважин.

Леонида Георгиевича ценили в бригаде и звали между собой просто Лешей, а порой ласково «наш кривильщик». Ничего обидного в этом слове не было. Именно Леонид следил за кривизной ствола, направляя буровой инструмент так, чтобы наклонно-направленная скважина шла точно по расчетному курсу. Это весьма ответственная операция. В такие часы он был, как никогда, сосредоточен. Только он имел право отдавать распоряжения бурильщикам, а те, в свою очередь, обязаны были четко исполнять его команды. На этом этапе бурения по утвержденным правилам обязательным было присутствие мастера.

В работе проходчиков могут быть всякие неожиданности, нестандартные ситуации. Однажды в бригаде произошло ЧП по вине Леонида Георгиевича. Он ошибся в расчетах и так направил кривизну забойного двигателя, что долото пробурило стенку колонны ранее пробуренной скважины. Сложилась аварийная ситуация. Каждая минута промедления могла обернуться тяжелыми последствиями. Громов, Титов и бурильщики сумели «задавить» вышедшую из-под контроля скважину, изменив направление ствола. Бригада вышла из трудного положения, исправила оплошность Титова и сумела завершить проходку скважины, не потеряв ни одного метра. В.И. Хлюпин приказом наказал виновного. Для Титова это был поучительный урок.

Когда В.В. Китаев ушел на партийную работу, Хлюпин доверил Титову ответственное дело: назначил мастером в китаевский коллектив. Приняв бригаду, Леонид Георгиевич потерял счет неделям, месяцам. Теперь он был в ответе за все: надо продумывать каждый этап перед проходкой очередной скважины, заранее составлять перечень необходимых материалов и инструментов, заниматься обучением новичков, приходивших в бригаду. На месторождениях района развернулось соперничество буровых бригад за достижение максимальной выработки. Менялись формы, принципы, составы соревнующихся, совершен-

ствовалась технология проходки скважин, внедряли новую отечественную технику, но цель оставалась неизменной.

По соседству с Самотлором разрабатывали группу Варьганских месторождений два управления. Месторождения по структуре были более сложные, требовали осторожного подхода. В 1978 году объединение «Запсиббурнефть» направило Титова главным технологом Варьганского УБР-2. Через два года он вновь вернулся в родной коллектив, работал заместителем начальника центральной инженерно-технологической службы, затем, в 1981 году, в возрасте 35 лет Леонид Георгиевич принял эстафету от В.И. Хлюпина и два десятилетия возглавляет прославленный коллектив.

Сегодня коллектив ЗАО «Нижневартовскбурнефть» работает стабильно, имеет высокие технико-экономические результаты. Сам Леонид Георгиевич принимает активное участие в жизни города и района, является депутатом Нижневартовской городской Думы.

Вот такие люди выросли под началом В.И. Хлюпина...

* * *

О людях, работавших и работающих в управлении, можно рассказывать долго. Все достойны похвалы не только потому, что интересные и хорошие люди, а потому, что сумели занять достойное место в большом государственном деле — разбуривании Самотлорского месторождения. Яркая и незаурядная личность — это хорошо, но в коллективе Хлюпина ценилось и другое: сплоченность людей, товарищество, принципиальность, честность, верность любимому делу.

Душой и совестью коллектива был М.Г. Атаян. Валентин Иванович пригласил его как специалиста по бурению наклонных скважин. Михаил Герасимович много лет работал бурильщиком и помбуром. Внимание к людям, чувство юмора, умение шуткой снять напряжение, успокоить, а порой подбодрить, вселить надежду не остались незамеченными. Атаяна избрали председателем профкома. Ничто не проходило мимо него: болезни, семейные неурядицы, производственные конфликты, радостные события. Михаил Герасимович умел слушать, тактично, ненавязчиво дать совет, а главное — помочь. Он бывал в бригадах, интересовался всем: питанием,

обеспечением спецодежды, отдыхом рабочих и их семей. И не делил проблемы на производственные и бытовые, поскольку человек в любых условиях откликается на добро и противится злу. Его любили все — и рабочие, и начальство, хотя Михаил Герасимович не был «карманным» профсоюзным лидером, не служил «на побегушках». У него было свое мнение, принципиальность, он мог и критиковать руководство, и защищать интересы рабочих. С Валентином Ивановичем думал о преемственности в коллективе. Этому способствовали наставничество, техучеба, неформально организованное соревнование. Итоги подводили гласно и объективно, анализировали причины достижений и неудач, обсуждали неиспользованные резервы. Это стимулировало трудовой энтузиазм, появлялись новые рекорды, что позволяло управлению быть в числе лучших.

Недавно город, нефтяники и буровики проводили в последний путь Михаила Герасимовича, почетного гражданина Нижневартовска.

За время, которое Валентин Иванович возглавлял УБР, здесь «выросли» Герой Социалистического Труда, три лауреата Государственной премии СССР, свыше двадцати почетных нефтяников СССР, каждый четвертый работник награжден орденами и медалями. Сам Хлюпин награжден орденом Ленина и получил Государственную премию СССР.

В феврале 1976 года за досрочное выполнение обязательств коллектив УБР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это была первая награда такого уровня в нашем городе и районе. Вручал ее я. В память об этом событии у меня остался очень дорогой для меня подарок. Валентин Иванович, зная, что я люблю шахматы, подарил мне свои. И теперь, когда я беру их в руки, вспоминаю о тех событиях и о совместной работе с уважаемым и дорогим для меня Валентином Ивановичем Хлюпиным.

Смерть В.И. Муравленко потрясла всех. Вернувшись с похорон, Валентин Иванович зашел ко мне подавленный, с потухшим взглядом, даже немного постаревший. В те дни подобное испытывали соратники, единомышленники, ученики и друзья Виктора Ивановича. «Ты знаешь, Сергей Дмитриевич, такого начальника главка у нас больше не будет», — пророчески сказал он мне. А если учесть, что Муравленко тепло, по-отечески относился к Хлюпину, то эту утрату он воспринял как потерю самого дорогого и близкого человека. В тот раз мы долго гово-

рили, и Валентин Иванович признался мне, что у него тоже стало болеть сердце, и, как это ни горько, все же придется по совету врачей оставить работу, переехать на юг и, если позволит здоровье, еще поработать с краснодарскими нефтяниками.

Так и случилось через два года. Хлюпину пришлось оставить любимый коллектив, Нижневартовск, ставший для него второй родиной, благодатную землю Югры, где он прожил более пятнадцати трудных, но интересных лет, друзей, товаришей. Перед вылетом в Краснодар он на два дня остановился в Тюмени, чтобы попрощаться с теми, кого знал, ценил и уважал. И здесь на Центральной площади города произошла случайная встреча с секретарем обкома партии, который, не подав руки, процедил сквозь зубы: «Ну что, бежите, как крысы бегут с тонущего корабля?» — и прошел мимо. Такими словами проводили заслуженного человека, отдавшего лучшие годы и здоровье развитию Тюменского нефтегазового комплекса. Как долго эта «оценка» его труда будет звучать в ушах Валентина Ивановича, болью отдаваться в сердце? Об этом он мне напомнил на встрече в Нижневартовске в 1999 году.

Когда я работал заместителем начальника Главтюменнефтегаза, Р.И. Кузоваткин поручил мне помочь Хлюпину оформить направление в Новосибирск на операцию на сердце. Аналогичную просьбу я уже выполнял для директора Нижневартовской тракторной конторы П.И. Дорохова. Мы сделали все: положили Валентина Ивановича в областную больницу, где ему было проведено необходимое обследование, и дали направление на операцию, которая прошла успешно.

Но сегодня сердце у него болит о другом. Почему те, кто работал на Севере, в результате гайдаровских реформ потеряли все денежные сбережения? Почему человек труда перестал быть героем нашего времени? Почему славные страницы грандиозной эпопеи освоения природных богатств Тюменского Севера очерняются? Почему его 45-летний трудовой стаж в нефтяной промышленности не дал спокойной и безбедной старости? На эти вопросы еще предстоит ответить. Единственное, что дает ему силы, — постоянная связь с родным коллективом, который поддерживает его и морально, и материально. Низкий поклон северянам за добрую память о главном буровике Нижневартовска.

Главный строитель

Писать в прошедшем времени об этом человеке мне очень больно и трудно. Он остался в памяти, в сердце, порой в снах, но его уже нет... Лишь фотографии и память...

А с другой стороны, как сказал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...». Теперь, по истечении времени, жизнь Григория Михайловича Кукуевичского, его дела становятся более яркими и зримыми.

Нас объединяла с ним 24-летняя дружба, работа, душевная привязанность. Его не стало 7 октября 1994 года. Он умер в возрасте 59 лет. Смерть любого человека — горе, смерть близкого человека, друга — горе вдвойне. Провожая Григория Михайловича в последний путь, на траурном митинге я сказал: «...Он ушел из жизни полным сил и новых замыслов. Мы знали его не только как большого руководителя, высококвалифицированного инженера, но и как порядочного, совестливого, равнодушного человека, который в случае необходимости мог быть и строгим, и непреклонным, и требовательным. 28 лет жизни Григорий Михайлович отдал Сургутскому и Нижневартовскому районам. Он был главным строителем двух красивейших городов Среднего Приобья. Сургут и Нижневартовск — вечный ему памятник».

Безусловно, траурный митинг — не место для длинных речей. И тем не менее как много еще нужно было сказать. И эта потребность жила во мне все годы!

Сегодня, дорогой мой друг, я хочу вспомнить и тебя, и наше удивительное время, и всех тех, кто был рядом с нами.

Говорят, жизнь прожита не зря, если человек вырастил сына, посадил дерево, построил дом. Ты с лихвой перевыполнил эту задачу. И помог тебе в этом Тюменский Север.

После громких открытий нефтяных месторождений коренным образом изменилась судьба как нашего поколения, так и судьба отдельного человека, сумевшего подчинить свою волю,

мужество, знания единственной цели — оставить свой след на этой прекрасной югорской земле.

Сегодня спрашивают, что искали мы в своей жизни? Счастья? Думаю, нет. Славы? О ней, честно говоря, не думали. Искали смысл жизни. Без счастья жить трудно, но можно. Без смысла не нужна и сама жизнь. А смысл жизни заключался в нашей причастности в меру сил и возможностей ко всему здесь происходившему.

На Всесоюзной конференции писателей, проходившей в Тюмени, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г.М. Марков сказал: «Товарищи, мы приехали на землю героев. Ими гордится страна. Гордится по праву. Гордится вдвойне. Во-первых, потому, что они действительно замечательные люди. А во-вторых, такими они стали на тюменской земле. Строя свой комплекс, они построили себя».

* * *

На освоение Тюменского Севера Григорий Михайлович прибыл в 1966 году из Татарии, оставив хорошую должность, квартиру, налаженный быт и имея опыт работы в нефтяной отрасли. Как он потом признался: «Хотелось проверить себя в новом деле, манили размах и масштабность решаемых здесь задач».

Но реальность превзошла все ожидания. «Страна Тюмения» начиналась, как и Комсомольск-на-Амуре, ДнепрогЭС, Магнитка, целина, с палаток, обеда на костре. Только еще с добавкой — трескучими морозами, глубокими снегами, непроходимыми болотами, да с гнусом летом.

Вот как вспоминал об этом Григорий Михайлович: «Призыв к специалистам обустроенных нефтяных районов Татарии, Башкирии, Куйбышевской области и Азербайджана поехать на постоянную работу в Западную Сибирь воспринял с горячим желанием. Хотелось участвовать в работе с нуля, сделать свое дело.

В объединении «Тюменнефтегаз» я встретился с главным инженером В.Ю. Филановским и заместителем начальника по строительству Е.И. Павловым. Мне предложили должность заместителя начальника нефтепромыслового управления «Сургутнефть». Я без колебаний дал согласие и вылетел в Сургут».

Это было в 1966 году. Да, Сургут тогда звучал, был у всех на слуху. В то время образовалось нефтедобывающее управле-

ние «Мегионнефть», а позже «Правдинскнефть» и «Юганскнефть».

Объемы строительно-монтажных работ постоянно росли, поэтому стали создавать и строительные организации при объединении «Тюменнефтегаз». Были привлечены и значительные силы трестов «Татнефтепроводстрой», «Башнефтепромстрой», «Шкаповнефестрой», «Туймазанефестрой» — Тюменский нефтегазовый комплекс создавала вся страна.

Исследованиями, инженерными изысканиями, проектированием объектов занимались более ста научно-исследовательских и проектных организаций. Вот как об этом вспоминает Ш.С. Донгарян, заместитель министра нефтяной промышленности по строительству: «В 1964 году мы столкнулись с тем, что в Западной Сибири с существующими нормами ничего проектировать нельзя. В наших нормах не было сказано, как можно проектировать сооружения и объекты на болотах. В феврале 1966 года в Тюмени мы провели конференцию, где постарались выработать новые нормы строительства на болотах в условиях низких температур, высокой влажности и других условиях Севера».

По заданию Госстроя проектировщикам предписывалось в сжатые сроки определить районы сосредоточения строительства, решить проблемы рационального размещения промыслов, промбаз, «коридоры» для нефтегазопроводов, ЛЭП, дорог, аэропортов, городов и поселков.

Московский проектный институт № 2 при помощи других институтов разработал генеральные планы предстоящего строительства. Их было пять: сургутский, нижневартовский, нефтеюганский, урайский и стрежевской. Но в выборе площадок для будущих городов была допущена некоторая поспешность, которая сказалась впоследствии при строительстве.

Например, площадку под строительство Нижневартовска выбирала комиссия, которую возглавлял секретарь обкома партии Е.А. Огороднов, с борта вертолета. В тридцати километрах от выбранного места уже находился рабочий поселок геологов Мегион, имеющий ряд преимуществ: Обь в весенние паводки не разрушала берег, место было незаболоченное. Но решили все же строить город на новом, понравившемся с высоты «птичьего полета» месте. Весной выяснилось, что выбранная под будущий город площадка заболочена, все весенние потоки и речушки, впа-

дающие в Обь, проходят через нее. Пришлось отводить водопоток. К тому же река подмывала берега. Пришлось срочно изыскивать огромные средства для укрепления берега.

Аналогичная ситуация сложилась и с выбором места под строительство Нефтеюганска. Здесь пренебрегли уже существующим поселком Мамонтовским и вновь предпочли строить город на голом месте. Действительно, строить на чистой площадке легче, но построить труднее. Почему-то часто получается совсем не то, что предусмотрено в проекте.

Руководство нефтяной промышленностью во главе с министром В.Д. Шашиным и начальником Главтюменнефтегаза В.И. Муравленко старалось избежать ошибок, допущенных в Татарии, в частности, частой «посадки» новых поселков и городов, привязанных к нефтяным месторождениям, как, например, в Кузбассе, Донбассе, в Приморье. Сколько заброшенных поселков осталось от шахтеров, когда закрывали нерентабельные шахты и люди оттуда уезжали!

К сожалению, этого не удалось избежать и на Севере. И это может стать причиной социального взрыва, когда добыча нефти резко сократится. Мы по-прежнему предпочитаем учиться на собственных ошибках.

При строительстве объектов в Западной Сибири нефтяники столкнулись с проблемой материально-технического обеспечения, поскольку отсутствовали база стройиндустрии, необходимое сырье для изготовления бетона, кирпича. Приходилось все завозить по рекам за короткий срок навигации. Спустя некоторое время пришли к разумному решению строить заводы: панельного домостроения, кирпичные, сборных железобетонных изделий, сантехнических заготовок, металлоконструкций, деревоперерабатывающие.

С Г.М. Кукуевицким познакомился я буквально на второй день моего пребывания в Нижневартовске — 2 января 1970 года. Григорий Михайлович в это время был заместителем начальника по строительству НГДУ «Мегионнефть».

В поселке был праздник — сдавали первый пятиэтажный панельный дом. Здесь я встретился с управляющим трестом Г.И. Пикманом. В комиссии по приему дома участвовал и второй секретарь Ханты-Мансийского окружкома П.Е. Плесовских. Оценку сдаваемому дому поставили «отлично».

Григорий Михайлович произвел на меня благоприятное впечатление. Он как заказчик, принимая объект, был весьма дотошным: требовал правильного оформления документации, задавал вопросы, лично проверял надежность инженерного обеспечения. В то же время вел себя свободно, раскованно, шутил. Чувствовалось, что это человек волевой, решительный, строительное дело знает хорошо, умеет требовать, что подтвердили прорабы и мастера.

Хорошее впечатление произвел и Г.И. Пикман. Он был опытным, весьма неординарным руководителем, добросовестным трудягой, много раз «битый», но умеющий с достоинством выходить из трудных ситуаций, шуткой снять напряжение. Могло показаться, что он делал свое дело как бы шутя, но это была лишь видимость, скрывающая колоссальное напряжение, плохое настроение и сердечную боль.

У Нижневартовска — своя летопись, в которую вписаны имена многих героев освоения Севера. Славную страницу вписал в эту летопись и Григорий Михайлович. В течение десяти лет он сотрудничал с генеральным проектировщиком города — Новосибирским зональным научно-исследовательским институтом экспериментального проектирования, настойчиво добивался, чтобы в план строительства включали объекты соцкультбыта. Он был организатором ежегодных координационных совещаний и практических конференций, в которых принимал активное участие первый заместитель председателя облисполкома В. Д. Степанов.

Произнес это имя, и сразу он встал перед глазами, как живой. Степанов был культурным, интеллигентным и порядочным человеком. С ним можно было поделиться и мыслями, и впечатлениями, и сомнениями. Я до сих пор благодарен судьбе за то, что мне довелось с этим человеком работать. Владимир Дмитриевич, работая уже в правительстве РСФСР, курировал Иркутскую и Новосибирскую области, но всегда интересовался делами нижневартовцев, непременно спрашивал о Кукуевищком, которого уважал и ценил за компетентность и порядочность. И бывая в Москве, я встречался с ним, хорошо знал его семью. В.Д. Степанов погиб в автомобильной катастрофе в Новосибирске, и я тяжело переживал эту утрату.

Всегда помогал и поддерживал нас Юрий Михайлович Рогачев, работавший в обкоме партии, облисполкоме. И по сей день он занимается строительством. На нашей стороне всегда были Влади-

мир Александрович Бешкильцев, заведующий отделом строительства и архитектуры облисполкома, а также сменивший его Анатолий Николаевич Отрадных. Именно они настояли на том, чтобы в штате горисполкома появилась должность архитектора, которую доверили молодой, энергичной, талантливой Г.А. Поткиной. До этого ни в области, ни в округе на такой должности женщин не было.

Хочется вспомнить и о Дмитриии Сергеевиче Галчине, ученом, главном архитекторе проектного института № 2 Госстроя СССР. Он сумел технически обуздать и покорить болотную площадку: все объекты строили на фундаментах, под которые забивали сваи.

Я часто бывал у Кукуевицкого в кабинете. В отделе капитального строительства работали одаренные инженеры, архитекторы, способные принимать нетрадиционные решения.

В первом микрорайоне в основном строили пятиэтажные дома из конструкций, которые привозили из Казани, Омска, Перми, Тюмени. Из-за отсутствия стройматериалов не строили объекты соцкультбыта. Спрос был только за введенные квадратные метры, требовали только жилье. Пришлось в конце концов менять такой подход к строительству. Кукуевицкий правильно оценил обстановку, и сотрудники ОКСа быстро выдали строителям рабочую документацию, перепланировав первые этажи зданий под объекты бытового и коммунального назначения, магазины, отделения связи, пункты медицинского обслуживания и т.д. В министерстве и главке были другого мнения: кто позволил за счет жилого фонда размещать данные объекты? Этот натиск ретивых начальников райкому пришлось взять на себя. И все же это решение, как позднее выяснилось, было правильным.

Нельзя забыть и добрые дела инженеров-архитекторов Б.С. Рябова, И.Н. Бедова, Е.Д. Поткина, В.А. Кравца, А.Е. Бедного, которые были для Кукуевицкого палочкой-выручалочкой. К своим подчиненным Григорий Михайлович относился с уважением, ценил их и часто повторял: «Запомните, только сделав одну работу, можно браться за другую». Он был внимательным к просьбам сослуживцев. Старался помочь всем, кто к нему обращался.

Меня поражали его эрудиция, кругозор, мышление, умение быстро решать проблемы, брать ответственность на себя. Он был еще и политиком, правильно оценивал ситуацию и определял стратегию строительства.

Город быстро рос, увеличивалось население, и встал вопрос об укреплении правопорядка. Чтобы наводить порядок на улицах, обеспечить охрану нефтеобъектов и материальных ценностей, необходимо было создать соответствующие условия для работы милиции, суда, прокуратуры, отдела госбезопасности. Размещались они в приспособленных деревянных помещениях, а сотрудники нуждались в жилье. Горисполком принял решение: в каждом вновь вводимом доме выделять служебные квартиры.

Кузоваткин и Кукуевицкий предложили передать строящееся административное здание для НГДУ административным органам, но при этом было одно условие: чтобы об этом не знал Муравленко.

Было уже построено трехэтажное здание. Тогда Кукуевицкий просит Б.С. Рябова рассчитать нагрузку на фундамент, и если она позволит, то можно достроить еще два этажа. Здание надстроили и передали городу. Узнав об этом, Муравленко обрушил свой гнев на Кузоваткина и пригрозил снять с работы. Пришлось решение и этой проблемы взять на себя и горисполкому. На областном активе в своем выступлении я подчеркнул особую заботу о милиции и похвалил Виктора Ивановича. Инцидент был исчерпан, а Кузоваткин продолжал работать.

Несколько раз изменялся план строительства города, который разрабатывал Новосибирский проектный институт. Первоначально планировали город для 40-тысячного населения, затем для 80–100-тысячного, а в итоге в городе в настоящее время насчитывается около 300 тысяч жителей. Такое увеличение сказалось и на расчетах инженерного обеспечения. Р.И. Кузоваткин, Г.М. Кукуевицкий, Б.С. Рябов, председатель горисполкома Н.Г. Салихов и я вылетели в Новосибирск.

Пока я находился в Новосибирске, меня разыскивал первый секретарь обкома Г.П. Богомяков. Я позвонил в Тюмень, он мне и говорит: «Почему уехал и не доложил? К тебе прилетают из Москвы руководители ЦК КПСС и правительства, ты их должен встречать». Объяснил ему, что, мол, двумя выходными могу распоряжаться сам. Но услышал в ответ: «Прошу впредь ставить меня в известность о подобных ситуациях». Такова была обстановка, такой был ритм жизни в Нижневартовске.

По нашей просьбе ОКС в короткие сроки спроектировал свинокомплекс на базе совхоза «Нижевартровский», тепличный комплекс. При помощи ОКСа расширили существующую базу для отдела рабочего снабжения и сняли проблему размещения и хранения сельхозпродукции, которую завозили с юга области.

В Нижневартовске возводили дома устаревших серий, которые не отвечали температурным режимам Севера. И Кукуевицкий брал на себя смелость не принимать построенные дома без дополнительных мер по их утеплению. И был всегда тверд, требовал от подрядных организаций лучшего качества работ, надежности сдаваемых промышленных и гражданских объектов.

Григорий Михайлович умел находить контакты с управляющими трестов, а их у нас было более десятка, и превращал их в своих союзников. Ян Михайлович Малинский скажет о Григории Михайловиче: «Работая на строительстве Стерлитамакского обогатительного комбината, видел много «заказчиков», но этот своими неотразимыми аргументами обращал нас, подрядчиков, в свою веру. Его беседы «по душам» ставили нас в такое положение, что соглашаться с ним было необходимо. Нам ничего не оставалось, как идти и выполнять его требования».

Кукуевицкий горел на работе, не считался ни со временем, ни с положением. Встречался с начальниками управлений, бригадирами, прорабами, хотя был нездоров. У него сильно болела нога, и ему трудно было ходить, тем более лазить по стройкам.

Дважды с Кукуевицким ездили в Москву. В первую поездку решили сразу две проблемы. В городе больше года простаивало готовое помещение для городской АТС, но оборудования для нее не было. Мы добились приема у министра связи В.В. Талызина, и он поручил своему заместителю И.С. Равичу решить нашу проблему. И один комплект АТС передали Нижневартовску. Со второй проблемой отправились в Министерство внутренних дел, где нас принял заместитель министра по кадрам Н.Н. Никитин. Документ об образовании районного отдела внутренних дел подписал министр Шелоков.

Цель второй поездки в Москву — решение вопроса о приобретении специальной техники для коммунальных служб города и специального оборудования для строящегося свинарника, а также ламп освещения для теплиц. И эти проблемы нам удалось в Москве решить.

Но не следует думать, что Григорий Михайлович никогда не допускал ошибок и наши дружеские отношения сглаживали принципиальные вопросы.

Мой рабочий день начинался с восьми утра и заканчивался поздно. Дня приема по личным вопросам у меня не было, и люди шли в любое время. Не было никаких охранников, и попасть к партийным или советским работникам не представляло никаких трудностей. Двери кабинетов были открыты для всех желающих.

Однажды утром ко мне в кабинет зашли два молодых человека, операторы по добыче нефти. Поздоровались, я пригласил их пройти, сели за стол. Один говорит: «Сергей Дмитриевич, когда же будут тепло и горячая вода в третьем микрорайоне?». Вопрос был задан не случайно. Была вторая половина августа, стояла прохладная погода. Дело в том, что строители должны были установить на теплотрассе тепловые компенсаторы новой конструкции, поэтому трассу, естественно, отключили. Я рассказал об этом молодым людям, о необходимости таких работ. Тогда один из собеседников прервал меня и сказал: «Сергей Дмитриевич, нам все понятно, но... знаете, я с женой и маленькой дочкой приехал сюда в 1967 году, мы жили в вагончике. Условия, понимаете, какие были. Дочку простудили, она заболела пневмонией, спасти ее не удалось, она умерла. Теперь, спустя пять лет, мы получили благоустроенную квартиру. У нас есть все: мебель, ковры, холодильник, телевизор, а недавно родился сынишка. Так вот, жена согревает его своим телом. Если он умрет, кто будет виноват?». Такой вопрос застал меня врасплох. Я не знал, что ответить, и сказал: «Наверное, я». Успокоил их, пообещал принять меры, чтобы к 30 августа тепло в домах появилось. Они ушли.

Я попросил секретаря Наталью Яковлевну, незаменимую и добросовестную помощницу, пригласить к 10 часам членов бюро горкома и руководителей трестов Малинского, Луценко, Кукуевичкого. В назначенное время все собрались. Присутствующим я рассказал о встрече с рабочими, спросил, как идут работы, какие сроки окончания и пуска теплотрассы. У строителей, как бывает в таких случаях, нашлось что сказать. Стали объяснять причины срыва графика работ. Пришлось их прервать: «Срок окончания всех работ — 30 августа. Организуйте круглосуточную работу. Если не будет в этот срок подано тепло, то прошу Малинского, Луценко и Кукуевичкого добровольно сдать партбилеты, а значит, лишиться своих должностей. Вы, Григорий Михайлович, будете докладывать

мне и председателю горисполкома ежедневно о ходе работ. А редактору газеты «Ленинское знамя» Корчемкину и директору местного телевидения Ворошилову рекомендую рассказать о нашей встрече и ежедневно сообщать жителям города о результатах работы на теплотрассе». Я следил, как ведутся работы. Огни электросварки сверкали во мгле ночей. Строители сделали все возможное и невозможное, и 29 августа эксплуатационники подали тепло и горячую воду в дома третьего микрорайона. Я еще раз убедился в организаторских способностях Кукуевицкого.

Григорий Михайлович стремился, чтобы в городе строили девятиэтажные дома улучшенной планировки, более комфортабельные. По его инициативе удалось построить школу искусств, аэровокзал, кинотеатр «Октябрь» с рестораном и кафе, детские сады с плавательными бассейнами, спортивные объекты, а также Дворец нефтяников. А потом в Нижневартовск пригласили московских строителей. Они возвели 16-этажные дома, которые снизили в городе жилищную проблему.

Кукуевицкий также считал, что в городе должны быть памятники. Судьба первого такова. Приближалась 30-летняя годовщина начала Великой Отечественной войны. Григорий Михайлович пришел в горком с предложением: заложить 22 июня 1971 года памятный камень в парке отдыха, а затем построить памятник погибшим нижевартовцам. Он нашел художников и скульпторов, которые быстро сделали несколько эскизов памятника. Один из предложенных вариантов мы одобрили. Григорий Михайлович профинансировал стройку, не предусмотренную сметой. Теперь у горожан есть памятник, к которому идут и стар, и млад поклониться и в горести, и в радости. Второй памятник — всем известный монумент «Покорителям Самотлора».

* * *

Безусловно, большую помощь в строительстве Нижневартовска оказывал Главтюменнефтегаз. Нашими проблемами занимались и В.И. Муравленко, и А.С. Парасюк, заместитель начальника по строительству, и начальник капитального строительства И.А. Гуля. Они оперативно решали все вопросы о комплексном обустройстве месторождений, строительстве города и вахтовых поселков, часто бывали у нас. Парасюк так отзывался о Кукуевицком:

«Деловых способностей ему не занимать. Считал его одаренным, грамотным руководителем. Предложения и советы Григория Михайловича учитывались при выделении капитальных вложений. На него всегда можно было положиться, знал, что не подведет».

Опирался Кукуевицкий на помощь своих друзей из института Гипротяменнефтегаз: Н.К. Праведникова, Я.М. Кагана, В.Б. Гамарника, И.Ш. Алеева, В.Т. Пермякова. В институте было много профессионалов, которые делали по просьбе Григория Михайловича все возможное, а иногда и невозможное. Хорошо знали организаторские способности Кукуевицкого руководители Миннефтегазстроя: Б.Е. Шербина, Ю.П. Баталин, В.Г. Чирсков, Г.И. Шмаль, Г.Н. Судобин, А.И. Сорокин, И.И. Мазур, а В.П. Курамин, В.Я. Возняк, В.Д. Филатов, Г.М. Голошапов будучи в разные годы заведующими отделом строительства обкома помогали ему. С пониманием и уважением относились к нему руководители горкома партии и горрайисполкомов Н.Я. Токарев, Э.Д. Бушмакин, И.М. Сосновских, В.Д. Салмин, Н.А. Москаленко, С.И. Денисов.

С Кукуевицкими мы жили в одном подъезде. Дружили семьями, часто ходили друг к другу в гости. Я видел, каким он был прекрасным семьянином. Он был надежным во всем. Жена Валентина Алексеевна вспоминает о нем: «Каким бы ни было настроение у Гриши, не помню случая, чтобы он кому-нибудь из домашних нагрубил, наоборот, всегда старался подбодрить добрым словом. В семье царил доверие и уважение».

Григорий Михайлович очень любил своих дочерей и, конечно, баловал их. Как правило, всегда из командировки привозил подарки.

Более близко узнал о взаимоотношениях между Кукуевицкими, когда группа нижевартовцев из 35 человек находилась в 14-дневной турпоездке на теплоходе «Советская Украина». Я был руководителем группы. Мы побывали в Турции, Греции, на Кипре и в Египте.

Нижевартовск неоднократно посещали секретари ВЦСПС С.А. Шалаев, А.П. Бирюков и В.Ф. Богатиков. Однажды я высказал Богатикову просьбу о выделении нижевартовцам туристических и санаторно-курортных путевок. Владимир Федорович предложил скомплектовать группу и возглавить ее.

И вот мы в туристической поездке на теплоходе. Кукуевицкие отличались от других. Одевались модно, постоянно были

вместе, принимали активное участие в проводимых мероприятиях. На теплоходе встретили Новый, 1974 год. Григорий любил шашлык и был большим специалистом по его приготовлению. Даже туристы из Узбекистана подтвердили, что шашлык Кукуевицкого ничем не уступает узбекскому. Кроме того, Григорий Михайлович знал много анекдотов, разных баек, с ним было легко и весело. Большинство туристов устремлялось за покупками, а Кукуевицкие старались посмотреть исторические места и памятники тех стран, в которых мы останавливались.

Р.И. Кузоваткин доверял Кукуевицкому, предоставлял ему свободу в действиях, поэтому заместителя начальника по строительству уважали и с ним считались. Когда было образовано НГДУ «Нижневартовскнефть», Кузоваткина назначили на должность начальника НГДУ, а Кукуевицкий остался на прежней должности в НГДУ «Мегионнефть», на которое возлагалась обязанность в большей степени заниматься городским хозяйством. Руководителем «Мегионнефти» стал В.А. Абазаров, а затем А.Л. Резников. Эти руководители имели разный характер и деловые качества, но одно их объединяло: они любили власть, распоряжались ею единолично, подмяв под себя своих заместителей. Оба старались сделать это и по отношению к Кукуевицкому.

В коллективе создалась ненормальная атмосфера, неуважительное отношение к подчиненным. Сотрудники стали увольняться. Не выдержал и Григорий Михайлович и попросил перевести его в Сургут. Я, конечно, пытался его отговорить от такого шага, но он настаивал на принятом решении.

В 1977 году он перешел на должность заместителя генерального директора по капитальному строительству в объединение «Сургутнефтегаз» и занимал ее до конца своей жизни. У него сложились нормальные отношения с В.Л. Богдановым, который уважал Григория Михайловича, считал его патриотом земли тюменской.

* * *

Дорогой Григорий! Вот рассказал о тебе, и сразу стало легче на душе, как будто исполнил свой долг. Казалось бы, вся твоя жизнь уложилась в несколько страниц. Но каких! Все сделанное тобой остается людям. Вечная тебе слава и память, дорогой друг и товарищ!

Все для города

Высший нравственный подвиг человека — жизнь, отданная во имя чего-то или кого-то. Часто с восхищением мы говорим: «Он отдал жизнь за Родину», «Он отдал жизнь за идею», «Он отдал жизнь за друга...». Я же хочу рассказать о человеке, отдавшем свою жизнь за город.

Раздался внутренний звонок первого секретаря райкома партии Василия Васильевича Бахилова: «Сергей Дмитриевич, зайди». Захожу. За большим столом, кроме Василия Васильевича, Николая Яковлевича Токарева, второго секретаря, и Николая Федоровича Фоменко, председателя райисполкома, сидят трое неизвестных мне гостей. Василий Васильевич представил меня и говорит: «Теперь Нижневартовск в надежных руках опытных строителей. К нам пришли надолго строители Минпромстроя, которые имеют свой почерк, свои подходы, и как результат — там встают города и заводы, отступает тайга, обеспечивается успех дела!».

Представил нам гостей: Николая Григорьевича Островского, первого заместителя министра Минпромстроя, Григория Ивановича Голтвянского, начальника строительного объединения «Тюменьпромстрой», и, наконец, Яна Михайловича Малинского, назначенного приказом министра управляющим вновь образованного треста «Нижневартовскжилстрой».

В ответ Николай Григорьевич сказал: «Благодаря добрым деловым отношениям между министром нефтяной промышленности В.Д. Шашиным и нашим министром А.М. Токаревым начальнику Главтюменнефтегаза Виктору Ивановичу Муравленко и Тюменскому обкому партии удалось «втянуть» министерство в Западную Сибирь. Нам предложили самим выбрать район освоения. Мы определили: Нижневартовск. Здесь мы должны построить современный город, создать надежную базу стройиндустрии, построить домостроительный комбинат производительностью 140 тысяч квадратных метров общей площади в год.

Он будет выпускать новую серию жилых домов, отвечающих более высокому уровню комфорта, а также конструкции для объектов сферы обслуживания.

С вводом комбината, — продолжал он, — будут сняты проблемы по доставке сюда из других регионов страны конструкций жилых домов устаревших серий. Снимутся вопросы строительства в городе объектов социального и культурного назначения. Это наша стратегия. Задача сегодняшнего дня треста, его руководителя — незамедлительно сформировать «команду», заняться строительством собственной производственной базы, современного причала для приема стройматериалов, оборудования и техники».

Голтвянский попросил руководство горкома партии и райисполкома помочь Яну Михайловичу в подборе руководящих кадров на месте, а нефтяников — оказать тресту техническую помощь. Тут же Василий Васильевич поручил Н.Я. Токареву и Н.Ф. Фоменко лично заняться данными вопросами.

В ходе совещания я ознакомился с представленной «объективкой» на Я.М. Малинского. У нас к нему было много вопросов. Задал и я: «Как скоро думаете перевезти семью?». Ответ: «Сразу же. Будет квартира, будем в Нижневартовске. Правда, жена несколько задержится, она у меня директор школы, должна закончить учебный год. А сын в этом году заканчивает строительный институт в Уфе. Начнет работать здесь».

Василий Васильевич сказал новому управляющему: «Вот, Ян Михайлович, постройте первую школу, жену назначим директором. Что касается сына, то, надеюсь, ему место в строительстве города найдется. Пожелайте ему, пусть успешно защитит диплом и приезжает в Сибирь на работу».

Тут же Василий Васильевич обратился к Николаю Федоровичу и ко мне с предложением: «Все вместе поезжайте на Саяны, покажите гостям, как там работают нефтяники и дорожники. В поездке поближе познакомьтесь, а в 17.00 представим Яна Михайловича руководителям строительно-монтажных управлений».

Такова была моя первая встреча с этими удивительными людьми. С того момента и до конца жизни Н.Г. Островского и Я.М. Малинского мы были друзьями, соратниками в большом деле строительства города. С Г.И. Голтвянским обшались, несмотря на то, что он давно переехал в Москву. Два года назад его не стало.

Самотлор произвел на гостей огромное впечатление. Мы побывали в буровой бригаде известного мастера Геннадия Михайловича Левина. На дожимной станции встретились с нефтяником, человеком-легендой нашего района Иваном Ивановичем Рынковым, а на обратном пути пообщались с молодым, энергичным инженером, руководителем комсомольско-молодежного участка дорожников СУ-909 Владимиром Лейтландом.

В этой поездке я узнал о жизненном и трудовом пути Николая Григорьевича и Яна Михайловича. Первый — участник Великой Отечественной войны, возглавлял горком партии в Уфе, был заведующим строительным отделом Башкирского обкома КПСС. Затем на хозяйственной работе: зам. председателя Башкирского совнархоза, зам. председателя Средне-Волжского совнархоза, где председателем был известный в стране хозяйственник Алексей Тихонович Шмаров. С назначением министром промышленного строительства Александра Максимовича Токарева будучи первым секретарем Куйбышевского обкома КПСС Николай Григорьевич стал заместителем министра.

Ян Михайлович до приезда в Нижневартовск многие годы избирался секретарем парткома (на правах райкома) строящегося Стерлитамакского нефтехимического комбината. Стройку курировал Н.Г. Островский, который хорошо знал деловые и организаторские качества Малинского. Он и рекомендовал министру и Тюменскому обкому КПСС назначить его управляющим трестом «Нижневартовскжилстрой».

Ян Михайлович выглядел весьма интеллигентным человеком. Роста он был невысокого, большеголовый, с редкими светло-русыми волосами. Обладал необычайно широкой эрудицией. Говорил ярко, образно, живо. Его было приятно слушать. Речь грамотная. Умел убеждать людей личным примером. В мыслях и суждениях был откровенен. Ценил мужскую дружбу. Отдыхал тоже с удовольствием, неплохо пел, играл на гитаре.

Первое же знакомство показало, что он обладал всеми необходимыми качествами для руководителя. От него исходила положительная энергия. Он умел расположить к себе собеседника, завоевать его симпатию.

Откуда родом Я.М. Малинский? Несколько забегаю вперед, хотел бы вспомнить эпизод из его жизни на Тюменском Севере.

В один из приездов в Ханты-Мансийск на сессию окружного Совета при встрече с первым секретарем Советского райкома партии Иваном Никитовичем Хмаруком в гостинице «Обь» произошел интересный случай. Здороваясь с Хмаруком, Малинский назвал свою фамилию, а тот ему в ответ: «Я ведь из Малино». Ян Михайлович ему отвечает: «Я тоже из Малино». Хмарук: «Не может быть! — И, обращаясь к окружающим: — Товарищи, можете поверить, мы оба с Украины, из одного города Малино Житомирской области!». Все, конечно, заинтересовались. Любопытство достигло апогея, кто-то тут же предложил заключить пари. Иван Хмарук решил поспорить на ящик коньяка. Когда оба паспорта были раскрыты, то оказалось, что они действительно родились в одном городе! Это вызвало всеобщий восторг. Проспоривший в буфете расплатился за коньяк, который был расставлен на столы для присутствующих на ужине. С этого момента они, И.Н. Хмарук и Я.М. Малинский, были всегда вместе. На сессиях и совещаниях сидели рядом. Так земляки встретились на Тюменском Севере за тысячи километров от родных мест.

Голтвянский в сравнении с коллегами выглядел тяжеловато. Большой, полный, с волнистой черной шевелюрой. Говорил громко, отрывисто. Выглядел весьма строгим. Умел командовать, требовать от подчиненных неукоснительного выполнения приказов и распоряжений, при этом мог выразиться крепким русским словом. Однако в жизни человек он был добрый.

* * *

Поездка на Самотлор позволила приехавшим понять, чем живут здесь люди, увидеть масштабность происходящего и стремление нефтяников делать свое дело основательно. Они даже как бы заразились энтузиазмом, царившим здесь.

Вернувшись в город, Н.Г. Островский представил Яна Михайловича присутствующим руководителям строительных подразделений: Е.А. Луценко, Е.И. Куропаткину, Я.А. Ланге, А.Г. Еникееву, Е.Д. Поткину, В.М. Сильченко, С.И. Денисову, А.М. Счастливецеву. Выразил твердую убежденность, что вновь созданный трест способен выполнить стоящие перед Минпромстроем задачи, поставленные правительством и лично его председателем А.Н. Косыгиным.

Надо сказать, что приезды заместителей министров в наш город были довольно частыми. И каждый оставлял след. Но именно первый замминистра Николай Григорьевич Островский был нашим покровителем и помощником.

Стремление быстрее создать строителям нормальные производственные и жилищно-бытовые условия было его долгом. Он интересовался буквально всем, вплоть до мелочей. Всячески помогал в трудные моменты. В то же время был требовательным, не закрывал глаза на упущения, не прощал ошибок. Но, и это очень важно, умел постоять за своих «наверху». Николая Григорьевича очень уважал первый секретарь обкома партии Г.П. Богомяков. Он один из немногих московских руководителей был награжден медалью «За освоение и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Только благодаря его настойчивости руководящие работники аппарата министерства постоянно вникали в дела коллектива треста, помогали всем необходимым. Таким отношением к строительству города я благодарен В.А. Пятибрату, В.С. Татаринovu, А.М. Николаеву, Л.Ф. Колесникову, Е.В. Портникову, А.В. Зайцеву.

Часто бывали в Нижневартовске руководители Тюменского объединения, а потом и созданного на его базе Главтюмень-промстроя. Это С.И. Калиниченко, М.Н. Алексеев, И.Б. Дубовой, В.П. Кравченко, В.В. Калмыков, А.С. Вознесенский, И.Л. Школьник, В.П. Гаевский, Б.Н. Петренко, Л.Н. Чистякова.

В создании Тюменского нефтегазового комплекса участвовали все отрасли, вся страна. Это была уникальная стройка! Она развернулась одновременно на огромной территории: ведь область по размерам не имеет себе равных в России. Далее. Стройка велась на малозаселенной северной территории, которая подверглась интенсивному промышленному освоению. Кроме того, события происходили сразу в трех климатических районах. К тому же имели место невероятные трудности ввиду отсутствия надежных транспортных связей, надлежащей базы стройиндустрии, собственных кадров. Все это усугублялось суровым климатом и чрезвычайной заболоченностью.

В градостроительстве на Тюменском Севере обнаружилось много неизвестных ранее вопросов. Поиск ответов на них следовало находить как можно быстрее.

Первый период характерен системой расселения по принципу «базовый город — вахтовый поселок». Базовые города были обо-

значены: Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск, Урай, Ноябрьск, Надым, Новый Уренгой. Предполагалось, что люди, занятые на обустройстве нефтяных и газовых месторождений, отработав определенное время на вахте, возвращаются в базовый город. На смену прибывает другая вахта. На практике же эта система себя не оправдала. Жизнь диктовала свою схему расселения. Так, в Нижневартовском районе на карте появились вначале вахтовые поселки, затем они превратились в рабочие поселки и, наконец, в города. Это Ваховск, Радужный, Покачи, Когалым, Лангепас.

Строительство Нижневартовска велось в крайне сложных условиях. Много делалось методом проб и ошибок. Обнаруживались большие просчеты в определении численности населения, которая в генеральном плане города, как правило, основывалась на прогнозах основного заказчика — Министерства нефтяной промышленности в лице НГДУ «Мегионнефть». Эти данные подвергались частым корректировкам, а иногда требовали кардинального пересмотра в связи с новыми расчетами геологических сведений о запасах нефти, ошибками в определении потребности трудовых ресурсов для освоения и эксплуатации месторождений, частым изменениям схем добычи нефти в районе.

Так что расчеты численности населения носили в значительной степени условный характер. Вначале называлось 40 тысяч человек, потом цифра корректировалась до 80—100 тысяч, затем до 170—200 тысяч человек. В настоящее время население города составляет почти 300 тысяч человек.

Ни требования горисполкома, ни предложения научно-технических конференций, ни рекомендации созданного проектными институтами координационного совета в полной мере не учитывались. Не велось фундаментальных исследований перспектив комплексного развития района и особенно города, промышленного узла. Поэтому и возникала каждый раз потребность корректировать генплан.

Нефтяники рассчитывали, что им удастся снять проблемы растущего поселка, а затем и города за счет привлечения строителей из других регионов. В Нижневартовске работали строители Казани, Уфы, Омска, Иркутска, Перми, Тюмени, Москвы. В Урае и Нягани работали свердловские строители. В Ноябрьске — с Украины и из Узбекистана. Когалым возводился прибалтами, а Лангепас — белорусами.

Но этот вариант был временным, так как не решал всех проблем. Требовалось создание базы стройиндустрии. Без этого просто нельзя было жить дальше. Отдушина появилась лишь в 1979 году, когда был введен в эксплуатацию Нижневартовский домостроительный комбинат.

Несмотря на интенсивное строительство, жилья в городе не хватало. Огромные очереди на получение квартир, неустроенность быта заставили центральные и областные органы власти пересмотреть градостроительную концепцию — изменить ген-план, выделив территорию для двухэтажного и индивидуального строительства.

* * *

1975 год ознаменовался важным событием: Главтюменнефтегаз был награжден орденом Ленина. Этот год стал переломным в застройке Нижневартовска. Подводились итоги выполнения планов. Приезд 25—27 марта в город сразу трех министров — промышленного строительства А.М. Токарева, нефтехимической и нефтеперерабатывающей промышленности В.С. Федорова и нефтяной промышленности В.Д. Шашина — был не случаен. Им по всем направлениям деятельности предстоял отчет в правительстве. Сопровождали их первый и второй секретари Тюменского обкома партии Г.П. Богомяков и Г.И. Шмаль.

Если Шашин и Токарев были активными участниками производственного и социального развития области, то приезд министра Федорова был первым. Богомяков буквально «втаскивал» данное ведомство в процесс освоения, ставя перед ним очень важную задачу — комплексную переработку нефти и попутного газа. Прошло десять лет промышленного освоения месторождений, а комплекс переработки продвигается очень медленно. Задача обкома на данном этапе состояла в том, чтобы ускорить строительство газоперерабатывающих заводов, Тобольского нефтехимического комбината с предусмотренной площадкой для нефтеперерабатывающего и нефтехимических заводов в районах Среднего Приобья и Ямала и прокладку к этим объектам продуктопроводов. Считаю, что все это удалось бы довести до конца, если бы не «горбачевская» перестройка и не развал Союза.

Программа работы трех министров в Нижневартовске была насыщенной. Они осмотрели строящийся город. Причем Александр Максимович Токарев, находясь впервые в нашем городе, потребовал подробнейшие доклады генерального заказчика НГДУ «Мегионнефть» Г.М. Кукуевицкого, управляющего трестом «Нижневартовскжилстрой» Я.М. Малинского и директора СибЗНИИ-ЭП, генерального проектировщика города В.Г. Терехина. Первым докладывал заместитель начальника НГДУ по капитальному строительству Григорий Михайлович Кукуевицкий. Он, ссылаясь на постановление правительства, в котором были определены конкретные объемы жилищного и соцкультбытового строительства в Нижневартовске, доложил о ходе его реализации. Сказал следующее: «Планы строительства жилья, общеобразовательных школ, детских садов, поликлиник будут выполнены, но объекты торговли, общепита, коммунального и бытового назначения, кинотеатра на 603 места, универмага строятся со значительным отставанием, и часть этих объектов перейдет в следующую пятилетку». Объяснил и причины: нечеткое планирование, распыление средств, недостаток сил у подрядных организаций, срывы поставки материалов, конструкций домов, острая нехватка башенных кранов и специальной техники.

Григорий Михайлович обратил внимание министра на работу треста Я.М. Малинского, показал их трудности. В частности, отсутствие специализированных организаций, способных высококачественно выполнять необходимые инженерные работы. Имеющиеся участки были не способны выполнить предложенные объемы. Результат: в первых трех микрорайонах инженерные сети не приняты заказчиком в эксплуатацию. За весь период с начала строительства трестом освоено лишь 25 процентов капложений.

Директор института В.Г. Терехин рассказал о запланированном в одиннадцатом микрорайоне эксперименте по всему комплексу архитектурных, градостроительных, инженерно-технических проблем. Цель: выявить наиболее целесообразные проекты жилого района, микрорайона, жилой группы. Остановился на недостатках и принимаемых институтом мерах. Виктор Григорьевич отметил, что одной из отрицательных сторон по-прежнему остается продолжение строительства в 1, 2 и 3-м микрорайонах жилых домов, не отвечающих местным природно-климати-

ческим условиям, некомплексная застройка микрорайонов. Поэтому отстает строительство школ, детских садов, учреждений культуры, быта, торговли, озеленение и благоустройство.

Последним докладывал министрам о работе треста Малинский. До приезда начальства и начала совещания Ян Михайлович очень волновался, переживал, просил у меня совета, как ему вести себя при докладе. Мы договорились, что говорит он «правду и только правду», не сглаживая углов, не скрывая упущений и недоработок. Я ему сказал: «Ваш честный доклад поможет коллективу треста, обратит внимание министра на объективные сложности, и он непременно окажет помощь».

Ян Михайлович свой доклад начал с организационных вопросов. Подробно говорил о структурных изменениях в тресте, о кадрах, о выполнении плана за два года. Остановился на ходе работ по сооружению первой очереди ДСК, который принципиально изменит положение дел, обеспечит выпуск жилых домов новой серии. Стоимость всего комплекса базы составляет свыше 50 миллионов рублей, освоено же лишь около десяти... Последнюю фразу Малинского Александр Максимович прервал, выразив свое недовольство работой на ДСК, и предложил перенести разговор непосредственно на строительную площадку.

На следующий день утром все собрались на стройке. Министр в резкой форме высказался в адрес Островского и Голвянского, потребовал в недельный срок представить ему сетевой график строительства на утверждение, пообещал лично контролировать его выполнение и дал задание подготовить приказ по созданию так нужного городу треста «Нижневартовскспецстрой». Отмечу, что после посещения Александра Максимовича коренным образом улучшилась обстановка в строительстве как города, так и ДСК.

Тем временем министр Федоров знакомился со строительством Нижневартовского газоперерабатывающего завода и перспективами выхода со строительством ГПЗ на группу Белозерских месторождений.

* * *

Объективности ради надо сказать, что, став управляющим трестом, Я.М. Малинский чувствовал себя вначале неуверен-

но, был даже чуть растерян, ибо сознавал, что начинать надо с нуля. Мы это видели и старались помочь ему обрести уверенность. Никогда не отмахивались от его предложений и просьб, ибо понимали: на него возложено ответственнейшее дело.

Обстановка действительно была сложной. Перед Яном Михайловичем была поставлена задача: в короткие сроки создать работоспособный коллектив строителей, от которого напрямую зависела жизнь и быт нефтяников. Тресту необходимо было объединить усилия высадившихся десантом строительных управлений и участков, уже год проработавших здесь омичей, пермяков, уфимцев, казанцев, иркутян, тюменцев. На их базе создать единую структуру на основном объекте — городе.

Постепенно Ян Михайлович обретал уверенность, не робел перед министерством и объединением, настойчиво отстаивал свое мнение. Понятно, что подобная «ершистость» была не по вкусу начальству. Он не раз подвергался давлению сверху, но был тверд и последователен.

Регулярно по понедельникам у него проходили производственные планерки. Я по мере возможности старался присутствовать на них. В разные годы в их работе участвовали председатели горисполкома Н.Ф. Фоменко, Н.Г. Салихов, Н.А. Москаленко. Эту традицию поддерживали и первые секретари горкома партии Э.Д. Бушмакин, С.И. Денисов. Всегда присутствовал Г.М. Кукуевицкий, иногда были и начальники НГДУ: Р.И. Кузоваткин, В.А. Абазаров, А.И. Резников. На планерки привлекались руководители других министерств и ведомств, поскольку здесь же приходилось решать оперативные вопросы, координировать действия всех заинтересованных сторон.

Горком партии помог тресту в подборе руководящих работников. Приходилось порой принимать непопулярные меры, направляя сюда лучших руководителей и специалистов из других подразделений. Эта мера себя оправдала. В короткие сроки удалось сформировать работоспособный, грамотный аппарат треста, значительно укрепить кадрами и строительно-монтажные управления. В «команде» Малинского работали главный инженер Виктор Васильевич Бригарь, заместители управляющего Валентин Юрьевич Ишкинин, Геннадий Иванович Постнов, Алим Галеевич Еникеев, главный механик Виктор Семенович Виличенко, начальник технического отдела Николай Николаевич Мальцев.

Еще одна задача, стоявшая перед Малинским: создать на берегу Оби материально-техническую базу для приема, размещения и переработки поступающих материалов, техники и машин. Эту работу возглавили В.Ю. Ишкинин и В.А. Рябенкий. Ввиду отсутствия железной дороги надо было в короткие навигационные сроки получить все стройматериалы, вплоть до песка и щебня, а затем зимником доукомплектовать недостающие материалы. В.Ю. Ишкинину удалось собрать коллектив снабженцев, которые работали круглосуточно, не знали ни выходных, ни праздничных дней. В отпуск, как правило, уходили только зимой. Эти люди первыми начали сооружать причальную стенку, которая впоследствии стала продолжением берегоукрепления и затем набережной города. Для выполнения этих работ был создан специальный участок.

Приближалась весна, а с нею и ледоход. Шпунтовая стенка длиной в 150 метров была забита, оставались работы по засыпке песком вырытого котлована. С этой проблемой ко мне пришли Малинский и Ишкинин. Срочность работ была вызвана быстрым подъемом воды. Была реальная угроза, что льдом срежет забитую стенку, если срочно не засыпать котлован. Не принять меры, значит погубить большое сделанное для города дело.

Я пригласил к себе начальника районного отдела милиции Дмитрия Николаевича Суетина и определил ему задачу: «Выставить пост ГАИ. Направить все самосвалы, следующие в город с грунтом, на засыпку котлована. Если кто из руководителей будет возмущаться принятым решением, отправлять ко мне!».

Надо сказать, песок был основным строительным материалом, а самосвал — главным техническим средством его доставки на строящиеся площадки, которые отсыпались на высоту 3—4 метра. Песок в город доставлялся только самосвалами на расстояние 30—40 километров. Первоначально песок искали на возвышенных местах, а когда таких мест вокруг города не осталось, пришлось срочно создавать около десятка специализированных участков по его гидронамыву из близлежащих озер и реки Вах.

Николай Дмитриевич четко выполнил задачу. Никто из руководителей, понимая всю важность проблемы, не пришел ко мне, хотя этим «мероприятием» мы сорвали какие-то строительные работы. Таким образом, первоначальный участок при-

чальной стенки сохранили. В дальнейшем к таким мерам больше не прибегали.

Хотя у нас основная тяжесть всего комплекса обеспечения жизни города лежала на плечах заказчика — НГДУ «Мегион-нефть», отвечать за судьбы людей, проживающих в нем, руководить всей структурой хозяйства приходилось райгорисполкомам. За период моей работы в Нижневартовске пришлось работать с четырьмя председателями: Н.Я. Устьянцевым, Н.Ф. Фоменко, Н.Г. Салиховым и Н.А. Москаленко. Каждый из них, несомненно, вложил немало сил и знаний в руководство исполкомом, оставил свой яркий след в развитии города и района.

Наиболее весомый был, на мой взгляд, вклад председателя горсовета Николая Андреевича Москаленко. Его и поныне горожане знают, помнят и уважают. После освобождения Н.Г. Салихова, проработавшего около года в должности председателя Нижневартовского горисполкома, передо мной встал вопрос: кто будет следующим? В нашем партийном «кругу» о Москаленко я был слышан, причем только с положительной стороны.

Познакомил меня с ним Юрий Артемьевич Долгих, первый секретарь Нефтеюганского горкома партии. Долгих я знал по совместной комсомольской работе в Тюмени. Он был секретарем обкома ВЛКСМ, а я работал первым секретарем Тюменского горкома. Потом обком партии рекомендовал Долгих секретарем парткома Шаимских нефтепромыслов. С преобразованием рабочего поселка Нефтеюганский в город Юрия Артемьевича избрали там первым секретарем горкома, а Николай Андреевич более четырех лет проработал председателем Нефтеюганского горисполкома.

На отчетно-выборной ханты-мансийской окружной конференции я познакомил Москаленко с управляющим трестом Малинским. После ухода Салихова Николай Андреевич приехал в Нижневартовск, на организационной сессии городского Совета его избрали председателем Нижневартовского горисполкома. Так мы стали вместе работать и жить. Дружим по настоящее время семьями.

Его стиль работы мне импонировал. Свой первый день работы в исполкоме Николай Андреевич начал с того, что сам поехал в трест к Малинскому, в отдел капитального строительства НГДУ к Кукуевицкому, хотя мог поступить наоборот, выз-

вав их к себе. Под его непосредственным руководством была разработана программа практической реализации генерального плана строящегося города. Именно в этот период наиболее ярко высветились его аналитический склад ума и прекрасные организаторские способности. С приходом Москаленко была полностью пересмотрена и изменена стратегия и тактика работы исполкома как коллективного органа, а также его отделов и депутатов.

Искусство власти состоит в том, чтобы услышать и реализовать разумные предложения, тем более когда речь идет о стратегическом вопросе — строительстве целого города. Имея нефтеюганский опыт, Москаленко определил роль и место в этой работе членов исполкома. Они становились не сторонними наблюдателями, а созидателями, активными участниками строительного процесса. Работа планировалась так, чтобы они от начала и до конца отвечали за вверенный участок, лично контролировали весь ход работ. Горно — за строительство школ и детских дошкольных учреждений, торговый отдел — за объекты торговли, общественного питания, базы по хранению картофеля, овощей, складского хозяйства и холодильников, отдел культуры и спорта — за объекты данного профиля и назначения.

Все эти мероприятия позволили на новый уровень поднять роль горсовета, который самостоятельно, настойчиво и последовательно, шаг за шагом снимал «методом исключения» накопившиеся острейшие проблемы в жизни города. Более активно стали привлекаться депутаты, депутатские комиссии, не остались в стороне и депутаты областного, окружного уровня. Из их числа создавались постоянные и временные посты, инициативные группы, приобретала системный характер шефская работа с национальными поселками района.

Николай Андреевич лично контролировал ход этих мероприятий, ежедневно посещал строящиеся городские объекты. Малинский увидел в горисполкоме надежного помощника.

Н.А. Москаленко удалось в короткие сроки подобрать и сплотить вокруг себя способных, умных, хороших организаторов. И отработал он честно и добросовестно в этой нелегкой должности шесть лет.

Конечно, в районе не обходилось без ЧП, связанных с авариями на объектах бурения нефтяных скважин, эксплуатации

товарных парков, на газоперерабатывающих заводах, в летном отряде аэропорта, а также на объектах энергообеспечения, тепла и водоснабжения. Каждое ЧП больно сказывалось на работе трудовых коллективов, которые несли большие материальные, финансовые и моральные потери. Очень тяжело воспринималась гибель людей.

Страшно пережить ЧП в размороженном городе. Нижневартовску пришлось это испытать дважды — в 1975 и 1979 годах. В сорокапятиградусные морозы декабря 1975 года были мгновенно разморожены более пятидесяти многоэтажных домов. Причина — авария на центральной котельной. Это был единственный теплоисточник в городе. На выходе горячей воды лопнула чугунная задвижка. По проекту она должна быть стальной. Пришлось остановить подачу тепла в четыре микрорайона. Последствия могли быть непредсказуемыми, если бы не экстренные меры, принятые горкомом партии, горисполкомом, Я.М. Малинским и жителями города.

Обращение к жильцам по местному радио и телевидению председателя горисполкома Н.А. Москаленко и секретаря горкома партии И.М. Сосновских, информация о происшедшей аварии на котельной, о принимаемых мерах городским штабом по ликвидации аварии позволили предотвратить панику. Обращаясь к руководителям всех рангов, штаб просил срочно направить слесарей, монтажников, шоферов, механизаторов по домам для слива воды из батарей, организовать круглосуточное дежурство в подъездах, оказать всяческую техническую помощь службам обеспечения города. Несмотря на срочность принятых мер, все же более тысячи квартир были разморожены, особенно пострадали лестничные площадки — там батареи лопались, как рвущиеся снаряды. Ян Михайлович в этой сложной обстановке проявил бойцовские качества. Ему удалось спасти от размораживания пять домов, готовившихся к сдаче, мобилизовать на это весь коллектив строителей. Тресту пришлось заменить более трех тысяч батарей, провести большие ремонтно-восстановительные работы. Четыре дня и четыре ночи шла борьба за выживание города.

В день аварии в командировке в Нижневартовске оказались А.С. Парасюк, заместитель начальника Главтюменнефтегаза по строительству, и П.Д. Алексеев, начальник отдела капи-

тального строительства Министерства нефтяной промышленности, которые вместе с нами включились в борьбу и оказали большую практическую помощь. Срочные меры по доставке четырех тысяч батарей самолетами из Тюмени принял М.М. Крол, первый заместитель начальника Главтюменнефтегаза.

После этого ЧП заказчик и горисполком решили строить вторую котельную, которая позволила закольцевать систему теплообеспечения и получить дополнительные мощности для города.

* * *

При Малинском темпы строительства были высокие. Во втором микрорайоне школу на 1176 мест в кирпичном исполнении трест «Нижневартовскжилстрой» ввел в эксплуатацию за десять месяцев. Это был рекорд! Как обещал В.В. Бахилов, жену Малинского Евгению Михайловну районный отдел народного образования назначил директором.

Евгения Михайловна вместе со строителями готовила школу к сдаче. Комплектовала кадры, приобретала оборудование, вела прием первых учеников. 1 сентября 1972 года школа была торжественно открыта.

Как секретарь райкома партии по идеологии я курировал народное образование и часто встречался с Е.М. Малинской, этой удивительной, обстоятельной и трудолюбивой женщиной. Евгения Михайловна принимала самое активное участие в общественно-политической жизни Нижневартовска, пользовалась уважением своих коллег.

Школа по праву была в числе передовых, педколлектив дружный, ищущий. На базе школы постоянно проходили совещания, семинары, конференции, «круглые столы», открытые уроки. Здесь молодому учителю можно было приобрести опыт, пополнить знания. Прекрасные кабинеты, уютная пионерская комната, ленинский зал для комсомольцев, множество содержательных стендов, плакатов, чистота и уют, и все это было сделано по инициативе директора.

Евгения Михайловна родилась в башкирской деревне Архангельская, там училась, преподавала после окончания Стерлитамакского педучилища. Война. Страстно желала пойти добровольцем. Не взяли. Убедили в том, что педагоги нужны в тылу,

дети должны учиться. Трудные послевоенные годы. Евгения Михайловна пережила тяжелое время. Закончила пединститут в Уфе. В эти годы и встретились с Малинским. Поженились, жили в Стерлитамаке. Работали: она в школе, а он — на стройке нефтехимического комбината.

Евгения Михайловна приехала в Нижневартовск, имея более 35 лет педстажа. В одной из школ Башкирии более 20 лет проработала директором. В Стерлитамаке ей одной из первых учителей города было присвоено высокое звание «Заслуженный учитель Башкирской АССР». Малинская преподавала литературу. Сколько ребят она обучила и воспитала, научила их понимать доброту, ценить прекрасное, любить литературу, русский язык!

Я неоднократно бывал в школе, участвовал в работе партийных и комсомольских собраний, видел, какой это душевный человек. С ней легко было вести беседу на любую тему. Бывал у Малинских и дома. Какая великолепная личная библиотека! Оказывается, они эту библиотеку привезли с собой, зная, что в Сибири, в городе-новостройке с книгами проблема. Мне показалось, что даже методический кабинет района не располагал таким количеством книг. Коллеги и ученики Евгении Михайловны свободно пользовались этим богатством.

На мой вопрос: «Что больше всего цените в Евгении Михайловне?», — заместитель директора школы Александр Григорьевич Резуненко ответил: «Самоотверженность и энергичность. Она ведь на службе с утра до позднего вечера, всегда в курсе всех школьных событий».

В тот период три типовые школы были перегружены, работали в две-три смены. Ежегодно в Нижневартовск прибывало до полутора тысяч детей школьного возраста. Начиная с 1972 года, трестом Малинского ежегодно вводилось по две школы и обязательно к началу учебного года. За эту работу Ян Михайлович был награжден знаком «Отличник народного образования РСФСР». Этой же награды был удостоен и я. Народное образование города по праву занимало в соревновании первые места в округе и области.

Надо отметить, что супруги стоили друг друга. Они как бы подпитывали, стимулировали, вдохновляли один другого, переживая вместе и горе, и радость. Евгения Михайловна мягкая, добрая. Прекрасная хозяйка. Пока мы с Я.М. Малинским бесе-

дуем о делах, она, неслышно двигаясь по комнате, быстро собирала на стол, на ней держались уют и благополучие в доме.

В семье Малинских был один сын — Сергей. Он, окончив Башкирский строительный институт, работал в строительном управлении отцовского треста прорабом, начальником участка. Большое горе выпало на долю Евгении Михайловны. Вначале похоронила мужа, а в 1992 году в Краснодаре трагически погиб сын. В настоящее время Евгения Михайловна живет в Уфе, на пенсии.

* * *

Все, кому пришлось работать с Яном Михайловичем, знали его прекрасные организаторские способности, профессионализм, инженерную смекалку, высокую культуру поведения. Он обладал удивительной способностью видеть строительную проблему комплексно. Был весьма корректен в работе с горисполкомом. Умел ставить и решать задачи, при необходимости маневрируя. Не просил помощи в тех делах, с которыми мог справиться сам. Но там, где кончалась его компетенция, ему требовалась поддержка.

Он не стеснялся признаваться в слабых сторонах работы треста, СМУ. Главное его качество в руководстве коллективом — никогда не перекладывать вину на других за свои действия. Эта черта высоко ценилась его подчиненными. Он был заводилой, лидером, его авторитет был непререкаемым. В то же время никто из его заместителей и начальников СМУ не боялся возражать ему, так как знали, что он всегда учтет их мнение при необходимости, ибо истина была для него превыше всего.

Ян Михайлович не боялся и менять свои решения, если ему аргументировано доказывали их ошибочность. Это весьма редкое качество для руководителя.

Объекты строительства посещал, как правило, один или с заказчиком. Руководители все же его побаивались. Он был активен в общественно-политической жизни города, района, округа.

Пленум горкома в октябре 1975 года обсудил вопрос «О задачах партийной организации по улучшению качества строительства и комплексной застройки первой очереди города Нижневартовска». Проблемы, связанные с планировкой, размеще-

нием жилья и объектов соцкультбыта, систематически рассматривались на сессиях и заседаниях горисполкома, постоянной комиссией по строительству и архитектуре, на объектах действовали депутатские посты. Во всех этих мероприятиях Я.М. Малинский участвовал, выступал, вносил деловые предложения.

Про него я ни разу не слышал ни одного плохого слова, хотя он был все время на виду. Зависть, склоки, сплетни его не касались. В это трудно поверить, но его любили практически все.

К сожалению, в жизни Яна Михайловича произошла трагедия. Закончилась очередная навигация. Коллектив управления производственно-технической комплектации пригласил управляющего на подведение итогов своей работы. Они были успешными. Рано утром он ехал на машине к месту встречи, и произошел несчастный случай — столкновение с машиной начальника аэропорта. Больше всех пострадал Малинский. Сильный ушиб ноги. Больница. Операция. Вышел из больницы с тростью.

В этот же день он приступил к работе. Как и прежде, был требователен и внимателен к подчиненным, делал все по выполнению планов застройки города. Родные, друзья и мы просили, уговаривали его какое-то время отдохнуть. Но он не представлял жизни без работы, слушать об отдыхе не желал. Стройка с утра до вечера. Дома же из-за страшных болей — бессонные ночи. А утром вновь работа... И никакой себе поблажки. Он как будто чувствовал, что времени ему отпущено мало, и спешил сделать как можно больше.

Через год гангрена. Лишился сначала одной, затем второй ноги. Этот ужасный удар принял достойно. Его мужеством восхищались все.

Человек с неуемной энергией и жизнелюбием прикован к постели. Словами это передать трудно. Правда, рядом были друзья, семья, коллеги, которые его не забывали. За окнами — родной город, его город, которому он отдал лучшие годы своей жизни. Когда-то замечательный поэт Расул Гамзатов мечтал о том, чтобы «хлеб стоил чуть-чуть дешевле, а человек ценился чуть-чуть дороже». Как это справедливо по отношению к каждому, но вдвойне справедливо к тем, кто отдал жизнь.

Когда я перешагивал порог его квартиры, сердце шемило от боли. А он спрашивал и спрашивал обо всем, что происходит в городе. И у меня было ощущение, что я, первый секретарь гор-

кома, держу перед ним отчет. И по его глазам я видел реакцию на все, о чем ему рассказывал. Он никогда не давал повода его пожалеть, не замкнулся, не ожесточился. Все переживал в себе. А в общении по-прежнему был добрым, сердечным, мудрым. Таким и остался навсегда в моей памяти.

Родное министерство предоставило ему квартиру в Уфе. Они переехали, а через год его не стало.

У нас, у живых, есть много прав: на работу, дружбу и любовь, на счастье. Но не может быть права забывать тех, кто отдал свою жизнь за Родину, за друзей, за идею.

На мой взгляд, ценность жизненного пути Яна Михайловича определяется тем, насколько он смог, сохраняя свою уникальную индивидуальность, слиться воедино со всеми, кто создавал на Тюменском Севере богатство, будущность страны.

Да, он прожил короткую жизнь, но оставил яркий след в делах нижевартовцев. Ян Михайлович своеобразен, индивидуален, неповторим. Высшая цель его бытия как раз и состояла в том, чтобы главное дело жизни сделать основательно.

Да, его жизнь сполна отдана городу. И когда я смотрю на дома и школы, больницы и кинотеатры современного Нижневартовска, то я вижу его, Я.М. Малинского, настоящего человека, строителя-созидателя.

Дело жизни

Передо мной лежит небольшая по объему серая папка под номером 49 — «личное дело» Николая Петровича Дунаева. Теперь ее место в архиве.

Открываю первый, девятнадцатилетней давности, пожелтевший лист фирменного бланка. Приказ № 7/к от 6 июня 1980 года. Читаю: «Дунаева Николая Петровича, главного инженера — первого заместителя начальника Главтюменнефтегаза, исключить из списков аппарата главка в связи со смертью, 6 июня 1980 года. Заместитель начальника А.М. Шаратов».

Сухо, казенно, стандартно. Мы, друзья, знаем истинную причину, приведшую его к гибели в 41 год от роду. Смерть — она и есть смерть. Но она у всех разная. Кто-то потихоньку долго тлеет, а кто-то сгорает мгновенно, ярко, мелькнув в небе светлым пламенем метеорита.

И все же для последующих поколений эта истина будет тайной, загадкой, ибо в «личном деле» нет никаких подробностей, ничего душевного.

Нам, живым, хорошо знавшим Николая Петровича, необходимо рассказать обо всем случившемся.

Каков же он, Николай Петрович Дунаев? Вот скупые строки из характеристик...

Г.А. Алпатов, начальник НПУ «Юганскнефть»: «Николай Петрович принимал активное участие в обустройстве Усть-Балыкского месторождения. Грамотно решал вопросы строительства и своевременного пуска объектов в работу...».

В.В. Кореляков, исполняющий обязанности начальника объединения «Тюменнефтегаз»: «Николай Петрович работает в нефтяной промышленности с 1958 года. Умело организует эксплуатацию, подземный и капитальный ремонт скважин на нефтепромысле № 1 НПУ «Юганскнефть».

А.Д. Чурилов, начальник Юганского НГДУ: «Николай Петрович будучи старшим инженером нефтепромысла показал себя

технически грамотным специалистом, умелым организатором производства. Повышает свои технические знания без отрыва от производства, учится на четвертом курсе Тюменского индустриального института по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений».

Р.И. Кузоваткин, начальник НГДУ «Нижневартовскнефть»: «Николай Петрович большое внимание уделяет внедрению новой техники, вопросам автоматизации и механизации производства. Под его руководством досрочно введен второй подъем водозабора на реке Вах, пять замерных установок «Спутник», более десяти километров линий телемеханики...».

В.И. Муравленко, начальник Главтюменнефтегаза: «Николай Петрович является опытным и квалифицированным специалистом, обладающим организаторскими способностями, требовательный к себе и подчиненным. Много энергии и умения вложил в обустройство, освоение и эксплуатацию Усть-Балыкского, Мамонтовского и Самотлорского месторождений...».

Ф.Г. Аржанов, начальник Главтюменнефтегаза: «Николай Петрович большое внимание уделял вопросам совершенствования разработки Самотлорского месторождения, внедрению автоматизации технологических процессов в добыче нефти. За упущения в работе, которые явились косвенными причинами несчастного случая в 1973 году, переведен на должность начальника центральной инженерно-технологической службы этого же нефтедобывающего управления...».

П.П. Коровин, первый заместитель начальника Главтюменнефтегаза: «Николай Петрович большое внимание уделяет вопросам разработки нефтяных месторождений. Осуществляет постоянный контроль за проектированием и строительством объектов поддержания пластового давления, внедрением индустриальных методов монтажа кустовых насосных станций, водозаборов и других объектов...».

Р.Т. Булгаков, начальник Главтюменнефтегаза: «Николай Петрович, работая на предприятиях Главтюменнефтегаза с 1966 года, зарекомендовал себя инициативным специалистом, умелым организатором производства. Постоянно повышает свои теоретические и технические знания...».

Н.А. Мальцев, министр нефтяной промышленности: «Николай Петрович является опытным организатором отрасли. Его

инженерные способности проявились в Тюменском регионе. Работая в должности главного инженера Главтюменнефтегаза, большое внимание уделял обустройству нефтяных месторождений...».

Уже эти почти однотипные высказывания разных людей в разные годы дают некоторое представление о человеке, в 38 лет ставшем главным инженером в штабе тюменских нефтяников — Главтюменнефтегазе.

Мне же хочется дополнить их личными впечатлениями, сказать о нем то, что не успел ему сказать при жизни. И размышляя сейчас об этом, понимаю всю мудрость слов Булата Окуджавы: «Давайте говорить друг другу комплименты... Ведь жизнь, она, увы, короткая такая...».

Итак, Н.П. Дунаев... Каким же он был на самом деле? Каким он остался в нашей памяти?

В связи с организацией в составе Главтюменнефтегаза нового НГДУ «Нижневартовскнефть» 17 сентября 1971 года своим приказом В.И. Муравленко назначает главным инженером управления Николая Петровича.

Это был уже достаточно опытный и испытанный «нефтяной боец», прошедший восьмилетнюю школу: от оператора по добыче нефти до начальника участка Дмитриевского нефтепромысла НПУ «Первомайскнефть» в Куйбышевской области, а с 1966 года — на юганских промыслах от старшего инженера до начальника НПУ «Юганскнефть».

Находясь в Нижневартовске, В.И. Муравленко в беседе с первым секретарем райкома партии В.В. Бахиловым свое решение обосновал так: «В условиях комплексного освоения Самолорского месторождения необходим грамотный специалист и опытный руководитель, который квалифицированно разбирается в производственных вопросах, дружен с техникой, владеет современными методами внедрения автоматизации и механизации технологических процессов в добыче нефти. Кузоваткину нужен хороший помощник».

По твердому убеждению Виктора Ивановича, всем этим требованиям отвечал Николай Петрович Дунаев. В свою очередь Бахилев дал мне поручение: «Сергей Дмитриевич, во вновь образованное НГДУ «Нижневартовскнефть» назначен главным инженером молодой коммунист Дунаев из города Нефтеюганс-

ка. Прошу тебя, при постановке на партийный учет побеседуй с ним, его следует активно привлечь к идеологической работе».

Моя встреча с Дунаевым состоялась на третий день после нашего разговора с Василием Васильевичем. Ко мне зашел молодой крепкий человек с хорошо тренированной спортивной фигурой. Одет был в светлый, тщательно отглаженный костюм, в белоснежной рубашке с броским галстуком. Кстати, красивые расписные галстуки были его слабостью. Поздоровались. На меня смотрел здоровый «крепыш» с большой головой, черными волнистыми густыми волосами, широким высоким лбом, открытыми большими карими глазами, окаймленными длинными ресницами, и надвинутыми густыми бровями, доброй улыбкой. Одним словом, красавец. Ему шел всего лишь 32-й год.

Сразу же обратил внимание, что Николай Петрович открытый, доступный собеседник, который демонстрировал уверенность и твердую убежденность в своих действиях. И в то же время мне показалось, что Николай Петрович не был приземленным человеком. Сложилось впечатление, что он как бы парит над землей, что дает ему возможность масштабно видеть и понимать проблемы, стоящие перед ним. И надо сказать, что он ни разу на протяжении своей работы в Нижневартовске не разочаровал нас.

И вообще человеком Николай Петрович был многогранным. Природа щедро наделила его талантами, он был человеком веселым, любил русские песни. И когда мы собирались в неофициальной обстановке, был душой компании. И тем не менее, прежде всего Дунаев был нефтяником, специалистом высшей квалификации и делу своему был предан бесконечно. Когда Романа Ивановича Кузоваткина спрашивали о Николае Петровиче или он рекомендовал его кому-то, то оценка была однозначна: «Он инженер высшей пробы, инженер нового времени, инженер-организатор, инженер «человеческих душ».

Но было и другое, связанное с экстремальными ситуациями, когда особенно ярко проявлялся характер человека, — лучше бы такие ситуации не допускать, но ряд больших руководителей не хотели или просто не желали слышать предостерегающие сигналы главного инженера НГДУ! Они «наверху» думали о другом — быстрее, больше, любой ценой. Такая постановка вопроса ничего хорошего не предвешала. Создавалась нездорово-

вая обстановка. Самотлор же требовал к себе особого уважения — комплексного обустройства, полного выполнения строительного комплекса, и если намечался сбой, то последствия непременно сказывались. И эта пружина напряжения сжималась. Она когда-то должна была выпрямиться.

Центральный товарный парк, спешно сооруженный и сданный в эксплуатацию по временной схеме в 1969 году, не отвечал необходимым нормативным и пожарным требованиям, практически не был готов принимать хлынувший мощный поток самотлорской нефти. Перегрузка сепарационных установок, отсутствие третьей ступени, позволяющей отделять нефть от газа, приводили к его утечке, и он распространялся по всей территории, скапливался в низких ее участках. Усложняло общую обстановку и другое обстоятельство — отставание со строительством комплексно-сборных пунктов с резервуарным хозяйством на самом месторождении. Поэтому нефть направлялась без предварительной обработки непосредственно на ЦТП. Сказать, что Р. Кузоваткин и Н. Дунаев как первые руководители не понимали серьезности ситуации, конечно, нельзя. Но они вынуждены были работать в такой аварийной ситуации, грозящей непредсказуемыми последствиями, делая все для того, чтобы нейтрализовать возможные негативные последствия. Но то, что должно было когда-то произойти, произошло. В штурмовом ритме покорения невозможно было избежать сбоев и просчетов. Не зря говорит народная мудрость: «Где тонко, там и рвется», таким местом и оказался ЦТП. 14 августа 1973 года, в субботний день, в 18 часов 30 минут на ЦТП произошел мощный газовый взрыв. Погибли тринадцать человек.

Ускорил эту трагедию жаркий и безветренный август. По сильному удушающему запаху нефтяного газа эксплуатационники чувствовали надвигающуюся опасность и предупреждали руководителей — начальника ЦТП Николая Ивановича Драгунова, его заместителя, начальника по производству Юрия Дмитриевича Малясова и исполняющего обязанности начальника, главного инженера НГДУ «Нижевартовскнефть» Наиля Султановича Галиева о необходимости принятия мер по ограничению приема нефти и создания нормальных условий по безопасности труда. Они, к сожалению, только слушали. В результате — газовый взрыв и пожар, гибель людей.

Мне на квартиру позвонил дежурный центральной диспетчерской службы управления и сообщил, что на ЦТП произошел взрыв, погибли люди, горят несколько резервуаров. Я попросил его доложить В. Бахилову, позвонить в дежурную часть горотдела милиции, найти прокурора и главного врача больницы.

Выбежав на дорогу, я остановил первую попавшуюся машину. Сказав водителю о случившемся, попросил срочно доставить на ЦТП, находившийся в шести километрах от города в сторону Мегиона. По мере приближения, а уже начало смеркаться, хорошо было видно четыре горящих, как свечи, десяти-тысячных резервуара. Прибыв на место, я увидел ужасную картину. В строящейся котельной от удара взрывной волны в кирпичной стене образовалась огромная брешь. Сорванные смонтированные котлы, пробив противоположную стену здания, оказались выброшенными на расстояние 300—400 метров. В развалинах оказались две операторские, выведены из строя насосные установки. На четырех резервуарах, охваченных пламенем, сгорал попутный газ. Пожарные парка и города вели борьбу с огнем на этих резервуарах и обильно поливали водой, охлаждая два соседних резервуара, наполненных нефтью, предохраняя их от возгорания и взрыва.

Одновременно пожарные готовили четыре боевых расчета для пенной атаки, так как только с ее помощью можно было укротить огонь на горящих «бочках».

К этой схватке с огнем добавилось еще переживание за жизнь двух руководителей, находящихся на двух горящих резервуарах. Это были И. Рынковой и Н. Драгунов, которые помогали пожарным. Стоящие внизу люди кричали им, требовали покинуть горящие «бочки», которые могли взлететь в воздух в любую минуту. Но они не обращали внимания на призывы и продолжали таскать пожарные рукава.

Тщательно подготовившись к пенной атаке, пожарным удалось с первого раза сбить пламя одновременно на всех четырех резервуарах. А затем обрушить на них всю имеющуюся мощь водяного потока. Пожар был ликвидирован. Мне удалось встретиться и поговорить со смельчаками. На мой вопрос: «Почему вы оказались на крышах горящих резервуаров?» — Иван Иванович Рынковой ответил: «В такие минуты не думаешь о себе, знал только одно — есть время, которое необходимо рацио-

нально использовать, пока выгорает газ, и помочь пожарным в организации тушения. Мне не раз приходилось участвовать в таких экстремальных ситуациях, знаю цену ошибок, но этот случай масштабней, и личный пример является, пожалуй, единственным и решающим фактором в борьбе с огнем».

От них я узнал и причину взрыва газа. Шла пересмена. Операторы, все они были женщины, собрались в одном месте. К ним подошел паренек, приехавший встретить возлюбленную. Он чиркнул спичкой, чтобы прикурить сигарету. И все... Раздался взрыв, и все погибли. Ликвидацией пожара руководили Ю. Малясов и Н. Галиев, начальник горотдела милиции, майор Д. Суетин.

Так уж случилось, что накануне этого несчастного случая Р. Кузоваткин был вызван в Тюмень, в главк, а Н. Дунаев с семьей уже две недели находился в очередном отпуске. Вначале Николай Петрович с женой и дочкой заехали на родину в поселок Кузоватово Ульяновской области, где жила его мать Полина Сергеевна. Он очень ее любил, помогал и ценил. Прожив там две недели, они отправились на отдых в пансионат «Нефтяник Сибири», находящийся на Черноморском побережье.

Там его уже ждали друзья. При встрече ему сообщили страшную весть из Нижневартовска, передав команду из главка, что он должен немедленно прибыть в Тюмень, где его ожидает Генеральный прокурор СССР Р. Руденко. Да, тот самый Роман Андреевич, который был главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе над фашистскими главарями в 1945—1946 годах.

По воспоминаниям жены Тамары Григорьевны: «Ужасная весть из Нижневартовска была для Николая как удар грома среди ясного неба. Он не находил себе места. Сразу же отправился в Краснодар, а оттуда вылетел в Тюмень. Это был для него страшный удар. Переживал он не за себя, а за гибель людей».

Для расследования причин взрыва на ЦТП с человеческими жертвами и принятия мер по ликвидации его последствий буквально на второй день прилетела правительственная комиссия, которую возглавил министр нефтяной промышленности В. Шашин. В день взрыва ночью из Тюмени прилетели В. Муравленко, Ф. Аржанов и Р. Кузоваткин.

После встречи с генпрокурором Р. Руденко в Тюмени прилетел и Николай Петрович. Увидев его, я просто был потрясен. Он мгновенно постарел. В глазах было горе. Переживал он сильно. Мы стре-

мились как-то помочь ему, успокоить, но наши старания не имели успеха. Казалось, он нас не слышал. Он весь был погружен в себя.

И все же перед заседанием бюро горкома партии, которое должно было дать оценку всему случившемуся, мне удалось переговорить с Николаем Петровичем. На мой вопрос, какова его вина, он ответил: «Нужно потерять последние остатки совести, чтобы отрицать мою, нашу виновность перед этими несчастными людьми, ставшими жертвами нашей безответственности и трусости. Я, Сергей Дмитриевич, буду помнить об этой ужасной трагедии». Помолчал некоторое время, затем, положив руку себе на грудь, сказал: «Выдержит ли оно у меня?». Да, это не могло пройти бесследно...

Комиссия приступила к работе. Но результат, итоги исследования широко не афишировались. Мне показалось, что их хотели скрыть. Но от кого? Все же в большей степени в то время рапортовали о победах, достижениях. О недостатках, тем более о гибели людей предпочитали умалчивать. Казалось бы, надо было объявить траур. Однако предпочли похоронить погибших тихо.

И все же надо было принимать решение правительственной комиссии, министерству, главку, горкому партии о наказании виновных, передаче дела в судебные органы. По сути же дела, виноваты были все... Комиссией были установлены причины: технические и технологические упущения, отсюда и работа ЦТП в аварийном состоянии. Вскрыты были серьезные недостатки в строительстве и как результат — срыв сроков ввода объектов, что привело к трагическому исходу.

Плохо то, что эти выводы и принятые меры у нас, как правило, делаются, когда уже грянет гром. К чести руководителей главка — они сделали все возможное и невозможное. И в течение полутора месяцев круглосуточного и напряженного труда строителей треста «Нишневартовскнефтьстрой» под руководством управляющего Михаила Корнеевича Михайлова было сделано на ЦТП то, что могло затянуться на длительное время.

Годы работы Николая Петровича в Нижневартовске, а затем в Тюмени были периодом освоения нефтяных месторождений. В эти годы добыча нефти в стране увеличивалась вдвое, в Нижневартовском районе — в десять, а на Самотлоре в сотни раз. Таких темпов прироста не знала как отечественная, так и зарубежная практика.

Николай Петрович как технический руководитель нефтепромысла понимал, что такие «бешеные» темпы добычи нефти требовали одновременного и многократного опережающего строительства всего комплекса. Вспоминаю одну из многочисленных бесед с ним: «У нас есть свое видение проблем, — говорил он, — есть проекты, есть предложения, но каждый раз сам же прихожу к одной грустной мысли. Ну хорошо, а что же дальше? Что я буду делать с этими нашими предложениями, если меня, Кузоваткина и других специалистов никто слушать не хочет, если все решается без нас, наверху? Мы, по существу, превратились в простых технических передатчиков не только принимаемых, но и уже оформленных там решений».

Об этом разговоре я ему напомнил в Москве, когда он стал вторым человеком в Главтюменнефтегазе. Он улыбнулся и произнес: «Сергей Дмитриевич, ничего, к сожалению, одному человеку не изменить. Нужно в корне менять всю систему управления экономикой». Убеден, что разумное использование советов Николая Петровича, руководителей с мест принесло бы значительную пользу и, может быть, избавило НГДУ «Нижневартовскнефть», а впоследствии АО «Нижневартовскнефтегаз» от многих просчетов и ошибок при эксплуатации Самотлора.

В начале освоения все решалось в «полевых» условиях. Николай Петрович большую часть времени находился на Самотлоре. Это позволило ему обеспечивать конкретность и оперативность в руководстве. Может быть, для главного инженера управления это было далеко не лучшей формой деятельности, но я не решаюсь его критиковать. В тех конкретных условиях, особенно в первоначальном освоении месторождения, это, видимо, было неизбежно.

Он был непременно там, где намечалось отставание по вводу мощностей добычи, сбора и утилизации нефтяного газа. Один пример. Критической была обстановка по закачке воды. Срывали сроки ввода второго подъема водозабора на реке Вах. Вместе со строителями он определял сроки, обеспечивал объект необходимым оборудованием и материалами, следил за качеством работ, нередко бросал на выручку собственных строителей. В результате — досрочный ввод водозабора.

Когда он стал начальником НГДУ «Мегионнефть», членом горкома партии, депутатом Ханты-Мансийского окружного Со-

вета, мы часто были вместе, обсуждали житейские проблемы города. Ох, сколько их было! И всегда Николай Петрович был в курсе и, как говорят, «держал руку на пульсе». Он любил работать много и не уставал от дела. Когда ни позвонишь, неизменно найдешь его работающим. Он умел заставлять работать в полную силу и других.

Николай Петрович был сильным организатором. Если поручалась ему какая-то задача или он брал обязательства сам, можно было быть уверенным в том, что они будут решены.

Я часто прислушивался к его советам. Должен отметить его отличительную от других черту. Он никогда не жаловался. Мне нравилась его постоянная целеустремленность и заряженность на работу.

Разве забыть его личный вклад в строительство Нижневартовска? В 1976 году Николай Петрович по собственной инициативе решил в летний период переложить инженерные сети в первом микрорайоне города. Они, в основном, пришли в негодность, что приводило к частым порывам и авариям. К тому же у них была низкая пропускная способность. Свое решение в горисполкоме он обосновал так: «Прошу набраться терпения, не реагировать на жалобы, ибо перерою весь микрорайон». Для выполнения поставленной перед собой задачи Николай Петрович решил вопросы финансирования, собрал воедино строительные силы, необходимую технику, материалы и оборудование. Сам же добровольно лишился летнего отпуска, практически стал прорабом, сменив костюм на рабочую спецовку. В итоге, к отопительному сроку инженерные сети были сданы в эксплуатацию.

Николай Петрович оставил о себе добрую память у горожан. Они знали его исключительную восприимчивость к их нуждам и заботам. Его необыкновенную искренность и прямоту. Он был тверд в своих убеждениях и чужд философии приспособленчества. Не боялся «авторитетов» в эшелонах власти. Свои взгляды высказывал напрямую. Мне кажется, он никому не сделал подлости. Эгоизм, мелочность, тшеславие были далеки от него.

Но, к сожалению, многие руководители из «команды» Муравленко не выдерживали, как и сам Виктор Иванович, невероятных физических и умственных нагрузок, что приводило к фатальному исходу.

У Николая Петровича еще до прихода в главк уже было больное сердце и работало с перебоями. Однажды в рабочем кабинете оно пыталось остановиться. Но успели, спасли. Сам же он не скрывал этого и признавался в кругу семьи и близких друзей: «Очень уж оно тревожит, мешает работать, утомляет. Мечтаю об отдыхе — полном отдыхе от всего».

Роковым стал день 5 июня 1980 года в Москве, в гостинице «Россия». Причем все произошло точно так же, как три года назад с Виктором Ивановичем Муравленко. Накануне, за день до смерти, было расширенное заседание коллегии родного министерства. Николай Петрович был основным докладчиком и ответчиком. Рассматривались задачи тюменских нефтяников на очередную пятилетку. Там, на коллегии, как правило, были горячие споры, порой прямые схватки с министром Н. Мальцевым. И сердце не выдержало, оно остановилось навсегда. Остановилось слишком рано — сорок лет, это только пора расцвета. Но как много и за эти годы Николай Петрович Дунаев успел сделать! И мы помним об этом...

Сказ о настоящем человеке

Шло первое вручение областных премий имени В.И. Муравленко. На сцену один за другим поднимались те, кто был удостоен этой высокой чести. Среди них был человек, мой друг, который мне особенно дорог общностью взглядов, общностью решаемых задач, общностью судьбы... Это Владимир Дмитриевич Салмин, ставший первым лауреатом за книгу «Нас собрал Самотлор».

Не будучи профессиональным журналистом, тем более писателем, он на склоне своих лет рискнул заняться этой деятельностью, чтобы увековечить память тех, с кем шел рядом по жизни, кто влиял в той или иной степени на его судьбу, кто подставлял плечо в трудную минуту. Его герои — это прежде всего те, кто внес значительный вклад в становление и развитие Тюменского нефтегазового комплекса, а следовательно, в развитие малой родины Володи — Ханты-Мансийского автономного округа. И сделал он это блестяще. Писать о живущих не просто, ибо избежать субъективности в оценках весьма трудно, но писать об ушедших из жизни еще сложнее — тут высока ответственность за каждое сказанное слово.

Закончив Тобольский рыбопромышленный техникум, получив профессию, Салмин стал начальником и комсоргом Аганского рыбоучастка. Авторитетного, нетерпеливого, эмоционального и инициативного вожака молодежи из глубинки заметил первый секретарь Сургутского райкома партии В.В. Бахилов. Дела аганской молодежи получили достойную оценку, и на районной комсомольской конференции Владимира избирают первым секретарем Сургутского РК ВЛКСМ. Именно в те, с 1956 по 1961, годы он на практике показал способности блестящего организатора. Никакой политической карьеры не было и нет. Но ни для кого не стало большой неожиданностью, когда Владимир Салмин возглавил Ханты-Мансийский окружком комсомола.

Качественно новый уровень обязанностей и возросший масштаб деятельности ничуть его не смутили. Видимо, Владимиру Салмину на роду было написано быть лидером. Володя Салмин еще школьником в кругу своих сверстников высказывал: «Если быть, то быть первым». Стремление быть самим собой, делать дело, быть первым — это прекрасное чувство не покидало его всю жизнь. В то время в округе разворачивались крупномасштабные работы по освоению открытых геологами нефтяных и газовых месторождений. Вовсю фонтанировала нефтью Шаимская группа месторождений, а в Среднем Приобье — Мегион. Строились новые города и поселки, прокладывались дороги и ЛЭП, возводились электростанции и нефтепромыслы. Лесозаготовители покоряли «зеленый океан», рыбаки успешно добывали рыбу, в самых отдаленных национальных поселках решались сложнейшие проблемы культуры, образования, медицины, здорового образа жизни малых народов Севера. И всюду огромная часть этих дел выполнялась руками молодых. Первый секретарь окружкома ВЛКСМ Владимир Салмин стал одним из наиболее заметных руководителей округа и области.

Я с Владимиром Дмитриевичем познакомился в Тюмени. В то время я возглавлял комсомольскую организацию судостроительного завода, насчитывающую почти тысячу комсомольцев, самую крупную первичную организацию в области. Встретились мы с ним на областном семинаре. Сразу же в нем увидел настоящего вожака. Его глаза излучали такую доброту, такое участие, что в ответ раскрывались души ребят и девчат. И это умение отличить, увидеть и понять человека проявилось и в его дальнейшей партийной, советской и хозяйственной работе.

Запомнилась эта встреча, а, как говорят, от первой зависит много. Второй раз я слушал его выступление на комсомольском активе, где Владимир вдохновенно, горячо и со знанием дела рассказывал о делах комсомольцев и молодежи, воинов железнодорожных войск на строительстве железной дороги Ивдель—Обь, объявленной ЦК ВЛКСМ первой ударной комсомольской стройкой на территории Тюменской области.

Будущая «дорога жизни» проходила в вековой тайге, через топкие болота, сибирские реки — Лозьва, Пелым, Конда, Малая Сосьва, Нягань и, наконец, Обь — в суровых природно-климатических условиях. Новая трасса была названа магистра-

люю подвигов. Вот об этой стройке и поведал нам Владимир Салмин. Мы слушали его и завидовали делам комсомольцев округа, вот где «настоящий бой».

Эта стройка была первой, связывающей лесозаготовителей Сибири, первые десанты, высадившиеся на югорской земле, нефтяников и газовиков, с основными магистралями страны. А мы все слушали и слушали, понимая, какой ценой давались километры таежной магистрали, как полна она была примерами мужества и стойкости молодежи и особенно воинов. На данной стройке часто бывал Владимир Салмин. Он с ребятами был в головных отрядах. Вот как вспоминает он об этом: «...Механизированные отряды с каждым днем все глубже и глубже врубались в тайгу. Отряды состояли до десятка человек, но эти мужественные люди, выступая как авангард всей стройки и его десант, поистине являлись первопроходцами. Они первыми принимали на себя лютые удары мороза, пробивались через снежные заносы, штурмовали болотные трясины, не замерзавшие и при пятидесяти градусах мороза...».

На самом деле первым всегда труднее. В этом я позднее убедился, работая уже в Нижневартовском нефтяном районе, где все было впервые...

История этой ударной стройки и Самоглора не знала случая, чтобы кто-то спасовал перед суровой природой, кто-то отказался идти вперед. Наоборот, быть первопроходцами хотели все. Трудность состояла в другом: как не обидеть отказами десятки, сотни юношей и девушек, рвавшихся на самые тяжелые участки. Штабам комсомольских строек приходилось выдерживать принцип комплектования, а он, как правило, был «фронтным». Как в разведку, зачислялись самые опытные, выносливые физически и сильные духом.

В перерыве актива Владимир Салмин был окружен плотным кольцом. Пробившись к нему, задал вопрос: «Володя, какое участие сможет оказать тюменская городская комсомольская организация (которую в то время я возглавлял) в строительстве дороги Ивдель—Обь?». Получил ответ: «Помощь тюменской комсомолки? Направьте творческую агитбригаду для обслуживания строителей». Эту просьбу мы выполнили.

Почти восемь трудных лет строилась дорога. Там, где до прихода строителей редко ступала нога человека, теперь все

наполнялось полнокровной жизнью. К концу строительства здесь появилось более десятка рабочих поселков, крупнейших предприятий по обработке древесины, были построены школы, кинотеатры, магазины. Вдоль этой линии проживало свыше семидесяти тысяч человек.

На областной комсомольской конференции первый секретарь обкома партии Б.Е. Щербина так сказал о значимости новой введенной железнодорожной магистрали: «...Построенная дорога имеет большое народнохозяйственное значение. Она позволила вовлечь в эксплуатацию огромные лесные массивы, громадные месторождения тюменской нефти и газа... Она дала Ханты-Мансийскому национальному округу прямую железнодорожную связь с центральными районами страны, что имеет большое значение для развития экономики и культуры округа». Таков итог комсомольской стройки. Лучше не скажешь.

Вскоре узнаю, что В.Д. Салмин отстранен с поста первого секретаря окружкома комсомола и назначен директором ГПТУ. В обкоме комсомола дали простое и даже банальное объяснение. В одном из городских комитетов комсомола округа заведующая общим отделом проворовалась. Но факт есть факт, дело дошло до суда и получило широкую огласку. И в этом оказался «виноват» Салмин, плохо работающий с кадрами. Надо было принять меры. И приняли. И все же Владимир Дмитриевич остался в истории ханты-мансийского комсомола, как самый молодой секретарь окружкома, яркий лидер.

Работая директором ГПТУ, Владимир Салмин сумел подобрать хороший педагогический коллектив, который стал готовить высококвалифицированных специалистов — речных капитанов и механиков. Через год Владимир Дмитриевич был приглашен на работу инструктором отдела пропаганды и агитации окружкома партии.

* * *

Так уж устроена жизнь человеческая, каждого проверяет на выносливость. Подвергся этому испытанию и Владимир Салмин. В марте 1965 года случилась трагедия, которая потрясла жителей Ханты-Мансийска и области. Самолет Ан-24 при полете к городу загорелся в воздухе. По вине экипажа, не рассчитавшего

расстояние до полосы, самолет, ударившись о снежный вал, при подтайке ставший твердым, как камень, произвел посадку и, катясь по полосе, на глазах у встречающих горел. Окружной центр еще не имел настоящего аэропорта, не располагал средствами пожаротушения, и в этой ситуации никто ничего не мог сделать. При ударе о землю дверь заклинило. Экипаж покинул самолет, а все пассажиры в салоне сгорели заживо.

Этим рейсом Владимир Дмитриевич, приехав в аэропорт почти на час раньше, встречал свою любимую жену Марину. Он, как и многие встречающие, беспомощно бегал вокруг пылающего самолета и молил о помощи. Похороны жертв этой авиакатастрофы были трудными, ибо опознание проходило мучительно и долго. Владимир Дмитриевич первым открыл траурную церемонию. Сколько это унесло здоровья, знают только он и его близкие. А сердце, как кровоточащая рана, болело. Но он выдержал, выстоял, не сломался и остался настоящим человеком. Осиротели два сына — Саша и Витя.

Стараясь не ранить, не обидеть В.Д. Салмина, знакомые и сослуживцы осторожно начали вести речь о детдоме. Он отказался, сказав: «Я воспитаю ребят сам и только сам». И все же ребятишек пришлось определить в круглосуточный детсад, где воспитательницей в группе была Альбина Григорьевна Поспелова.

Я тоже все время думал, как помочь Владимиру, морально поддержать его. Будучи членом бюро обкома комсомола, я стоял перед первым секретарем Владимиром Пулькиновым, чтобы меня послали участвовать в работе отчетно-выборной окружной комсомольской конференции. В то время первым секретарем был Станислав Хальзов. За три дня до начала конференции я вылетел в Ханты-Мансийск. Стоял холодный декабрь 1965 года. Остановился я у Владимира Салмина. Он уже работал в окружке партии. Заведующим отделом у него был Анатолий Михайлович Чемакин, замечательный, доброй души человек, единственный в округе имевший ученую степень кандидата исторических наук. Именно он сделал все возможное, чтобы поддержать Владимира в то трудное для него время. Внимательны были к нему и секретари окружка партии Сергей Федорович Соловьев и Петр Максимович Телепнев.

Семье Салминых дали новую трехкомнатную благоустроенную квартиру, в которую он вселился с детьми буквально перед

моим приездом. Как сейчас помню, его жизнь без хозяйки в большой квартире была неуютна. В большой комнате, застеленной только паласом, ползали маленькие сыновья, не понимая, что они лишились материнской ласки и заботы.

Находясь с Владимиром Дмитриевичем эти дни, я многое о нем узнал. Мне он пришелся по душе за мужскую порядочность и стойкость, веру в лучшее. Мы стали друзьями. Вместе с ним провожал детей в садик. Там он показал Альбину Григорьевну, которая ему понравилась. Как он мне рассказывал, они встретились глазами и оба мысленно сказали: «Это он», «Это она». Оказывается, так бывает не только в романах. Дети очень привязались к Альбине Григорьевне, называли ее мамой. Владимир и Альбина стали неразлучными друзьями, позднее он мне скажет: «Я очень полюбил ее, понял — это моя судьба, верная мать моим детям».

Только через два года решились они официально оформить свой брак. Сделали это скромно, без шумной свадьбы, и все же пересудов было много. «Альбина совершила подвиг, — скажет позднее В.Д. Салмин. — Она перешагнула через условности и стала для меня и мальчишек самым родным человеком». Они вместе вот уже тридцать четыре года. Выросла их дочь Елена, которая родилась в Нижневартовске, там же живут и работают их сыновья, подрастают внуки. Более двадцати лет прожила в этом городе большая семья Салминых.

Встретились мы вновь, и уже надолго, в Нижневартовске. Подружились семьями, жили в одном доме, на одной площадке. Растили и учили своих детей. Вместе работали, а сегодня живем в Тюмени. Нижневартовск для нас стал не просто родным и любимым городом, он стал для нас поистине судьбоносным.

Полной неожиданностью для меня была новая встреча с Владимиром Дмитриевичем. Знакомясь с аппаратом райкома партии после избрания меня секретарем по идеологии, узнаю, что заведующим отделом пропаганды и агитации работает В.Д. Салмин. На пленуме он отсутствовал, находясь на зимней сессии в Омском педагогическом институте. Я с надеждой ждал свидания с ним. Ведь у меня в Нижневартовске, кроме него, знакомых не было.

В беседе с первым секретарем райкома партии Маратом Павловичем Страховым задал вопрос: «Скажите, почему вы дали

согласие на мое избрание, ведь у вас есть готовый секретарь В.Д. Салмин?». В ответ услышал: «В обкоме и окружкоме партии к моему мнению на этот счет не прислушались».

Владимир Дмитриевич, безусловно, по всем критериям подходил на эту должность. Был подготовлен, а главное, большинство секретарей партийных комитетов, как правило, были с гуманитарным образованием, я же оказался в их среде с техническим. Он был членом бюро райкома партии, выращен окружной партийной организацией, хорошо знал местные условия, поэтому меня не покидало желание, чтобы он стал секретарем по идеологии.

Когда он вернулся из Омска, мы встретились как старые друзья. Всем своим поведением он показывал, что был удовлетворен моим назначением, обещал помочь побыстрее познакомиться с районом, с людьми, а главное, найти пути в работе с коренным населением ханты и манси. И это обещание он выполнил, оказывал мне помощь и поддержку.

Только в наши добрые отношения постоянно старался вбить клин Марат Павлович. Игнорируя меня, он напрямую давал поручения Салмину вразрез моему мнению, причем делал это открыто, в лоб. Приходя от него, Владимир Дмитриевич чувствовал себя неловко. Я же внешне спокойно относился к такой нездоровой обстановке. Но мое терпение было на пределе. Ситуация в корне изменилась с приходом к нам В.В. Бахилова, с которым работалось легко и творчески. Когда я стал вторым секретарем, по моей рекомендации Владимир Дмитриевич был избран секретарем по идеологии. Я прекрасно осознавал, что по своим личностным и профессиональным знаниям он продолжит начатое нами и на более высокую ступень поднимет идеологическую работу городской организации.

* * *

Владимир Дмитриевич — яркая, самобытная личность. Знаю, как он гордится тем, что является коренным северянином. Значительную часть своей жизни Владимир Дмитриевич прожил в округе, безусловно, впитал в себя сплав многовековой культуры разных народов, осваивающих Тюменский Север, которые осели и живут там сегодня. Он — яркий представитель роман-

тиков 60—70-х годов, настроенных на волну глубокого, искреннего уважения к другим людям независимо от их национальности, социального положения, религиозных убеждений.

Владимир Дмитриевич человек открытый, умеющий чувствовать боль других людей, принимая ее как свою. О нем не скажешь «парень-рубаха». Он знал свое место и высокую ответственность. Будучи председателем райисполкома, обладая властью и имеющимися у него возможностями, как депутат окружного Совета всегда стремился помочь. Он человек, который не боялся общаться с простыми людьми, умел с ними говорить языком правды. Часто, находясь с ним в разъездах по району, видел, как к нему тянулись ханты и манси, рыбаки и охотники, учителя и врачи. И к каждому он умел найти свой подход. У них же он подпитывался народной мудростью, обретал уверенность, поддержку и понимание. Они в свою очередь раскрывались перед ним, верили ему и откровенно делились заботами и нуждами. В то же время обязательно ждали от него совета и компетентного решения. Владимир Дмитриевич не относился к такой породе людей, которые думают одно, обещают второе, а делают третье.

Вспоминаю такой эпизод. К нам прилетел заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС Владислав Александрович Белянов вместе с заведующим отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Игорем Петровичем Маровым, которых интересовал один из актуальных вопросов — целевая работа горкома партии и райисполкома с коренным населением. К ним присоединился и секретарь окружкома партии Л.Г. Тайлашев.

На вертолете облетели несколько национальных поселков, встречались, беседовали с населением, руководителями поселковых Советов, предприятий, школ и школ-интернатов. Перед возвращением в Нижневартовск Владимир Дмитриевич предложил гостям побывать на стойбище в одной рыбацкой семье. Перейдя в кабину пилотов, руководил посадкой в нужном месте. В.А. Белянов был удивлен тем, что встречающий нас «хозяин тайги», старожил поселка Сосновый Бор Владимир Елпитефорович Гришаев в первую очередь тепло, по-отцовски поздоровался с В.Д. Салминым и несколько холодно и настороженно с гостями. Я хорошо знал семью Гришаевых, ибо встречался с ними во время знакомства с районом.

Хозяин предложил гостям поучаствовать в подледном лове рыбы, а уж потом, за приготовлением рыбацкой ухи, поговорить о жизни и ответить на вопросы высоких гостей. Быстро собрав снасти и снаряжение, одев Белянова, Марова и Тайлашева в национальные малицы, на оленьей упряжке отправились к месту лова. Прибыв к речке, хозяин, Владимир Дмитриевич и Анатолий Прокопьевич Кауртаев, заместитель председателя райисполкома, поджидавший нас, довольно быстро подготовили несколько лунок, и начался лов. Вскоре возле лунок хозяев на льду билось более десятка окуней, ершей и чебаков, а у В.А. Белянова — ни одного. Спустя час, вернулись к стойбищу.

У Владислава Александровича, естественно, был повышенный интерес к хозяину. В чуме у костра он задавал много вопросов. А тот охотно рассказывал о себе, о работе, о шефах и щедро угощал всех только что приготовленной ухой, разлитой по большим алюминиевым кружкам. А другую, наполнив водой и отпив первым, передал соседу слева, то есть по традиции пустил по кругу. На прощание Владимир Елпитефорович подарил гостям изготовленные им самим хантыйские ножи с деревянными ручками.

В Нижневартовске В.А. Белянов поделился своими впечатлениями об увиденном, обратив особое внимание на простоту общения, поведения, а главное, на знание В.Д. Салминым всех тонкостей хантыйских обычаев и уклада жизни, на его мастерство в рыбацком деле. И действительно такие, как он, руководители, в моем понятии, вырастают из глубинки, если хотите, из детства. Владимиру Дмитриевичу было свойственно с достаточной долей терпения и снисходительности относиться к человеческим слабостям. Без этого Владимир Дмитриевич и не состоялся бы как руководитель. Обладая житейской мудростью, он умело ею пользовался.

Владимир Дмитриевич работал много. Я видел, сколько шло к нему людей, особенно в дни приема по личным вопросам. Одно окно его кабинета мне хорошо было видно из квартиры. Как долго горел в нем свет, и как поздно он возвращался домой! Однажды по этому поводу он мне скажет: «Не могу отказать людям, которые ко мне приходят, приезжают с мест. Они мои, и я должен их уважать, да и сам я от этого общения получаю многое для работы и жизни». Райисполком под его руко-

водством много занимался национальными делами. Проблем тут было «выше крыши», и все приходилось решать, причем подходы к их решению были продиктованы качеством его характера. Любое дело он стремился доводить до конца, а если это не получалось по объективным и субъективным причинам, глубоко переживал. Он проявлял себя в различных сферах жизни быстрорастущего Нижневартовска, но особенно стремился улучшить жизнь селян, помогая им развязывать один «узел» за другим. А их накопилось в районе множество, и экономических, и социальных.

Чувство высокой личной ответственности перед людьми рождало ответную реакцию — постоянное внимание и любовь земляков к нему. В честь 70-летия со дня образования Нижневартовского района ему по достоинству присвоено звание «Почетный гражданин Нижневартовского района».

Вспоминаю наши долгие часы бесед, обсуждений, поисков и споров в определении конкретных мер по реализации разработанной нами комплексной программы развития района. Особо острые схватки были по этим вопросам после его возвращения из командировок по району. Я видел, как Владимир Дмитриевич радовался тем небольшим успехам в улучшении быта и труда населения. Это придавало ему силы для преодоления новых трудностей. Как сейчас помню, сколько было горячих споров, сколько приводилось аргументов, когда готовили первый вариант мероприятий по социально-экономическому развитию района на пять лет, определяя приоритеты. И жизнь, и время доказали правильность их расстановки: главное — люди, их быт, настроение, а затем уже чисто производственные дела.

В настоящее время главой администрации района Борисом Сергеевичем Хохряковым эта программа реализуется более активно. Но все же, как раньше, так и сейчас приоритетным направлением остается работа с коренным населением, создание необходимых человеческих условий для их нормального проживания и сохранения самобытности и родового уклада. Наши идеи в то время реализовать было нелегко. Для этого приходилось активно вовлекать в этот процесс руководителей нефтяников, строителей, геологов, в руках которых имелись материальные и финансовые ресурсы. Сейчас же другое дело, и все это осуществляется гораздо легче.

Владимир Дмитриевич был не из робких мужиков. Нам тогда приходилось встречать многих официальных и неофициальных лиц, руководителей и работников разного ранга, начиная от ЦК, правительства, министерств и ведомств, заканчивая творческими союзами и видными учеными страны. Конечно же, приобрели опыт подобных встреч.

Однажды Владимир Дмитриевич все же дрогнул. Начну все по порядку. На исходе рабочего дня он зашел ко мне — надо было согласовать текущие вопросы. Мне позвонил секретарь обкома П.М. Телепнев. Разговор начал так:

— Сергей, ты знаешь Юрия Михайловича Чурбанова?

— Нет, не знаю, — ответил я.

— Так знай, это зять Л.И. Брежнева. Он завтра вылетает в Нижневартовск спецрейсом с большой группой офицеров внутренних войск СССР. Сопровождать его поручено заместителю начальника УВД области полковнику Александру Ильичу Сазонову. Тебя прошу лично встретить и поучаствовать в их работе. Они будут инспектировать батальон на ГПЗ. Найди время обязательно показать Самотлор и город. Ты все понял?

— Чурбанова я встретить не смогу, — ответил я, — так как утром вылетаю на Урьевскую нефтеперекачивающую станцию, там назначена моя встреча со строителями и эксплуатационниками по случаю запуска двух дополнительных насосов, что позволяет увеличить на одну треть перекачку нефти по трубопроводу Нижневартовск—Альметьевск. Руководителям я пообещал, они меня ждут. А что касается встречи Чурбанова и всего, что нужно сделать, с этим успешно справится Салмин. Он рядом со мной и слышит наш разговор.

Тут Петр Максимович прервал меня:

— Как знаешь. Я тебя предупредил, и, если что произойдет, будешь отвечать персонально. Понял? — И положил трубку.

На какое-то время воцарилась тишина. Первым ее прервал Владимир Дмитриевич:

— Сергей, подумай. Мой совет — отложи полет. Тебе надо встречать. Что касается меня, то я не готов к встрече столь высокой персоны.

Пришлось его прервать:

— Встречать тебе. Ты второй секретарь. Возьмешь мою машину. А если он спросит, почему нет первого, объяснишь, что мой вылет был спланирован по неотложным производственным делам, что к обеду я должен вернуться в Нижневартовск. Тебе при Чурбанове быть постоянно. Предложи ему вариант: выехать к мегионским геологам, а там, на месте, с заместителем начальника по быту экспедиции Владимиром Тимофеевичем Юрьевым определитесь, как занять это время. Мой совет — слетайте в буровую бригаду, пусть Чурбанов посмотрит, в каких условиях они работают. Может, он увиденное донесет до Генерального секретаря. На карте района покажите наш геологический поиск.

Я связался по телефону с Владимиром Тимофеевичем, предложил эту программу встречи и пребывания Чурбанова в Мегионской нефтеразведочной экспедиции. С моим предложением тот согласился, и я пожелал удачи. Вообще В.Т. Юрьев обладал незаурядными способностями: встретить, угостить и проводить гостей любого ранга и уровня.

Утром с группой руководителей и специалистов я вылетел на НПС. Решив вопросы, в Нижневартовск вернулся к обеду. Волнение не покидало меня все это время. Как там?.. В аэропорту меня встретил мой бессменный водитель Володя. Пока мы ехали в город, он проинформировал, что Чурбанова сопровождают более десятка полковников, что он их прямо из аэропорта отправил работать в батальон. Были в Мегионе. Недавно он их привез в гостиницу «Самотлор».

Поднимаюсь на второй этаж гостиницы. В комнате заседания находилось трое: В.Д. Салмин, А.И. Сазонов и генерал Ю.М. Чурбанов. Поздоровавшись, подхожу к нему, первым подаю руку и представляюсь. Встретились глазами. Передо мной стоял высокий, стройный, с прекрасной офицерской выправкой, в отглаженной генеральской форме красивый молодой человек с короткой стрижкой и уложенными на пробор волосами. Ну прямо герой фильма. Сразу представил прошедший на экранах страны многосерийный художественный фильм «Адьютант его превосходительства», где главную роль играет Юрий Соломин.

И тут Юрий Михайлович напрямую мне говорит: «Представлял вас уже в годах, а вдруг такой молодой первый секретарь горкома партии столь знаменитого и известного района — Самотлора и Нижневартовска... — и, не стесняясь, продолжил: — Зна-

ете, Сергей Дмитриевич, в один из моих приездов в Одессу меня не встретил первый секретарь, так после моего отъезда он им уже не стал». На это я ему ответил: «Меня это не особенно волнует, я не из пугливых... Вам, наверное, Владимир Дмитриевич объяснил, что мне необходимо было быть на НПС, там решался важнейший вопрос — ввод дополнительных мощностей станции по прокачке сверхплановой нефти, добытой на Самотлоре».

Весь последующий наш разговор свелся к его впечатлениям об увиденном у геологов. С восторгом он рассказал, что ему, как бывалому охотнику, буровики подарили двух глухарей. Юрий Михайлович попросил приготовить их на ужин, сказав: «Посмотрю, смогут ли повара справиться с этой нелегкой задачей».

За обедом мы обсудили программу на вторую половину дня. Она отводилась Самотлору и городу. Юрий Михайлович пригласил нас с женами на ужин, что было полной неожиданностью и непривычно. Это как-то не практиковалось на нашем уровне. За все годы моей работы в Нижневартовске это был единственный случай, когда, согласно протоколу, пришлось во встрече участвовать вместе с женами. Откровенно признаюсь: моя жена вначале категорически отказывалась, пришлось ей долго объяснять, что это необходимо, что надо перешагнуть через себя. И такой ужин состоялся.

Мне пришлось испытать на себе все трудности с упразднением районного звена в связи с принятием постановления Верховного Совета РСФСР от 9 марта 1972 г. о статусе города Нижневартовска. Поменялась вывеска, сразу же поменялась наработанная связь, механизм районных структур управления, а главное, поменялось отношение городских чиновников к делам глубинки. Городскому комитету партии пришлось взять на себя функции районной исполнительной власти. И это продолжалось три года. Допущенная ошибка «наверху» негативно сказалась на социально-экономическом развитии района. Мне пришлось полностью переключить Владимира Дмитриевича на районные дела, ибо я знал твердо, что с образованием райисполкома буду рекомендовать его на должность председателя. И это произошло 12 апреля 1975 года.

На первой организационной сессии вновь образованного Нижневартовского райисполкома утверждались кадры по предложению Салмина, которые были предварительно обсуждены и

поддержаны бюро горкома партии. Заместителем председателя стал Анатолий Прокопьевич Кауртаев, секретарем исполкома Сергей Федотович Шехирев, начальником финансового отдела Екатерина Дмитриевна Куликова, заведующими районо и отделом культуры Валентин Константинович Пашков и Анатолий Михайлович Марласов. В состав членов райисполкома избрали начальника Мегионского УБР Ю.Д. Логанова, начальника горотдела милиции Д.Н. Суетина, председателя Мегионского поселкового Совета А.А. Симакова и меня. Это были работоспособные, уважаемые руководители, хорошо знающие район и его людей, которые, не теряя времени, с ходу приступили к реализации намеченной районной программы и много сделали для ее практического воплощения в жизнь. Многие из них и в настоящее время продолжают работу в районе, несмотря на коренные перемены, произошедшие в стране. Один из них — Анатолий Прокопьевич, с которым Владимир Дмитриевич и я поддерживаем связь и дружим. К нему мы относимся с большим уважением, видим в нем патриота своего дела, умеющего сплотить вокруг себя единомышленников. А.П. Кауртаев с искренней любовью относится к детям ханты и манси, хорошо знает их взгляды и привычки. Обладает исключительным тактом, терпимостью в работе с коренным населением. Он их человек, и они искренне его уважают.

Время и расстояние над настоящей мужской дружбой не властны: слишком многое нас связывает по жизни, вместе мы много съели «каши». Вообще жизнь так устроена: чем старше становишься, тем сложнее приобретать новых друзей, и тем крепче становятся отношения со старыми.

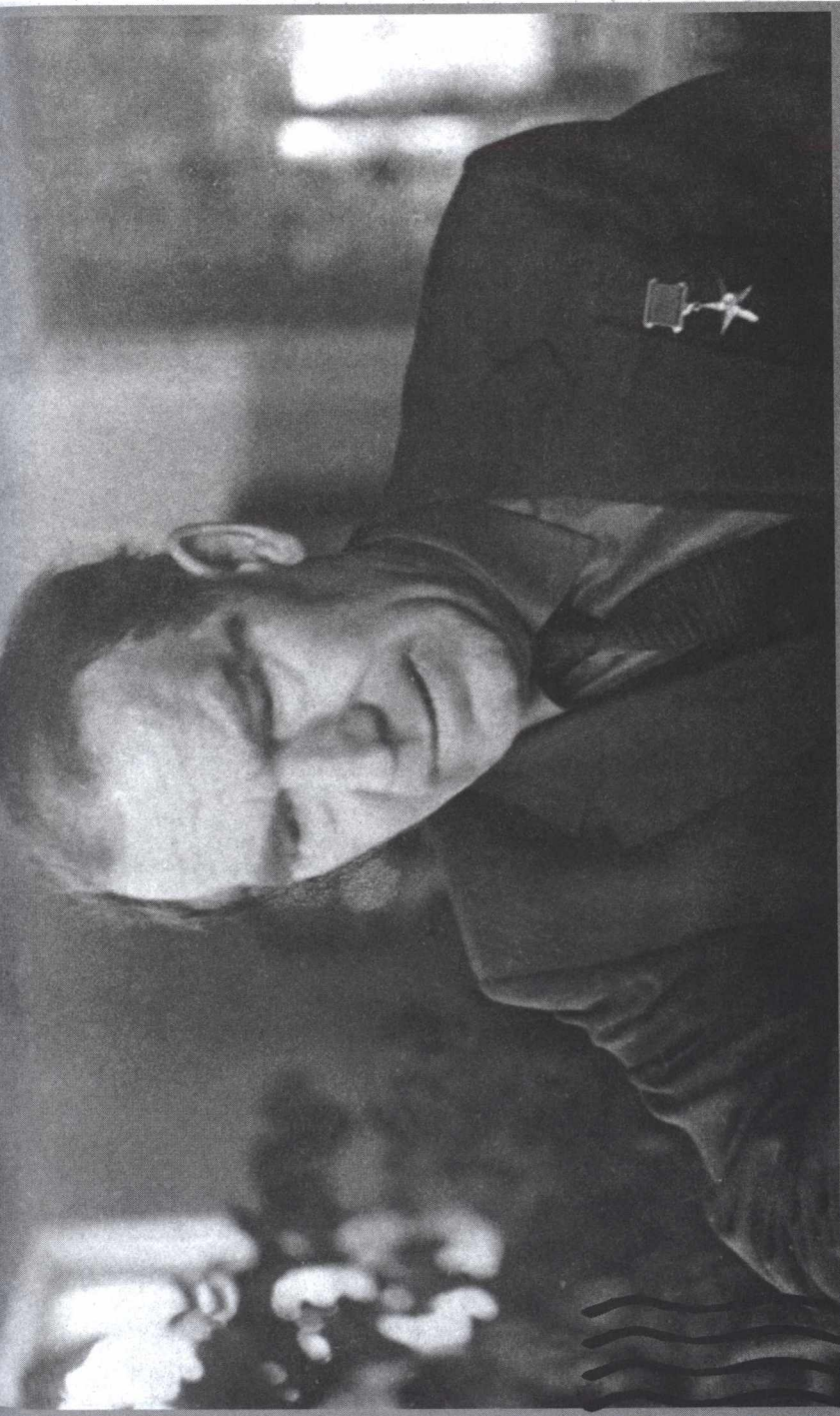
Вскоре Владимиру Дмитриевичу предстояла еще более сложная задача — принять значительную часть территории Сургутского района. Решением окрисполкома к Нижневартовскому району присоединялась прилегающая территория площадью более шестидесяти тысяч квадратных километров с населением свыше сорока тысяч человек. В результате численность сельского населения района возросла в три раза, он стал самым крупным районом в округе. Главным мотивом присоединения была просьба нефтяников, которые вели промышленное освоение десяти нефтяных месторождений на территории соседнего района. Принятие данного решения обосновывалось двумя факторами: экономической целесообразностью и более удоб-

но созданной производственной инфраструктурой нашего нефтяного региона.

Владимир Дмитриевич хорошо знал эти места и поселки, ибо часть своей жизни прожил и проработал в Сургуте и Сургутском районе. Но это было давно, теперь же все значительно усложнилось. Взаяся он за решение новых вопросов смело. Мне нравился его деловой настрой, я бы даже сказал, требовательность не только к себе, но и к вышестоящему органу — окрисполкому, к его председателю Антонине Георгиевне Григорьевой, нашей «маме», как тепло мы называли ее между собой. У Владимира Дмитриевича с Григорьевой были добрые отношения, она к нему относилась, как к сыну. Знаю, что этим отношением Владимир Дмитриевич никогда не злоупотреблял. Он всегда основательно готовился к разговорам и встречам с ней, поэтому она получала исчерпывающие ответы даже на самые каверзные вопросы.

Приходит на память один эпизод. Предстояло принять территорию Аганского поселкового Совета. Двухсторонняя согласительная комиссия райисполкомов подготовила необходимые для этого документы. Антонина Георгиевна решила сама поучаствовать в «сдаче и приемке». Она попросила и меня принять в этом участие. Да и мне надо много было решить вопросов по налаживанию партийной работы на присоединенной территории, хотелось побывать там, где двадцать лет назад начинал свою трудовую биографию мой герой.

Холодным январем 1977 года мы выехали. Нам предстояло преодолеть расстояние около двухсот километров. По просьбе Антонины Георгиевны новенький райисполкомовский «уазик» должен был сопровождать вездеход. И это оказалось кстати. Временно проложенный нефтяниками и строителями зимник с многочисленными деревянными мостовыми переходами, проходящий по глухим местам, вовремя не чистили, и был он настолько разбит, что наш «уазик» болтало из стороны в сторону и он постоянно застревал в снежных заносах. Дорога на Аган пролегла без промежуточных поселений, поэтому нам постоянно встречались застрявшие, поломанные большегрузные машины, водители которых грелись возле костров из своих шинзапасок. Такой была дорога, по которой геологам, нефтяникам и строителям доставлялись грузы.

В. В. Бакулов

В. И. Муравленко

Р.И. Кузоваткин, А.А. Александров и др.

Б. Е. Шербина

В бригаде В. В. Кутаева

Πορτογαλέσι Σαμουράρι

В. Ф. Горчанок, С. Д. Великопольский

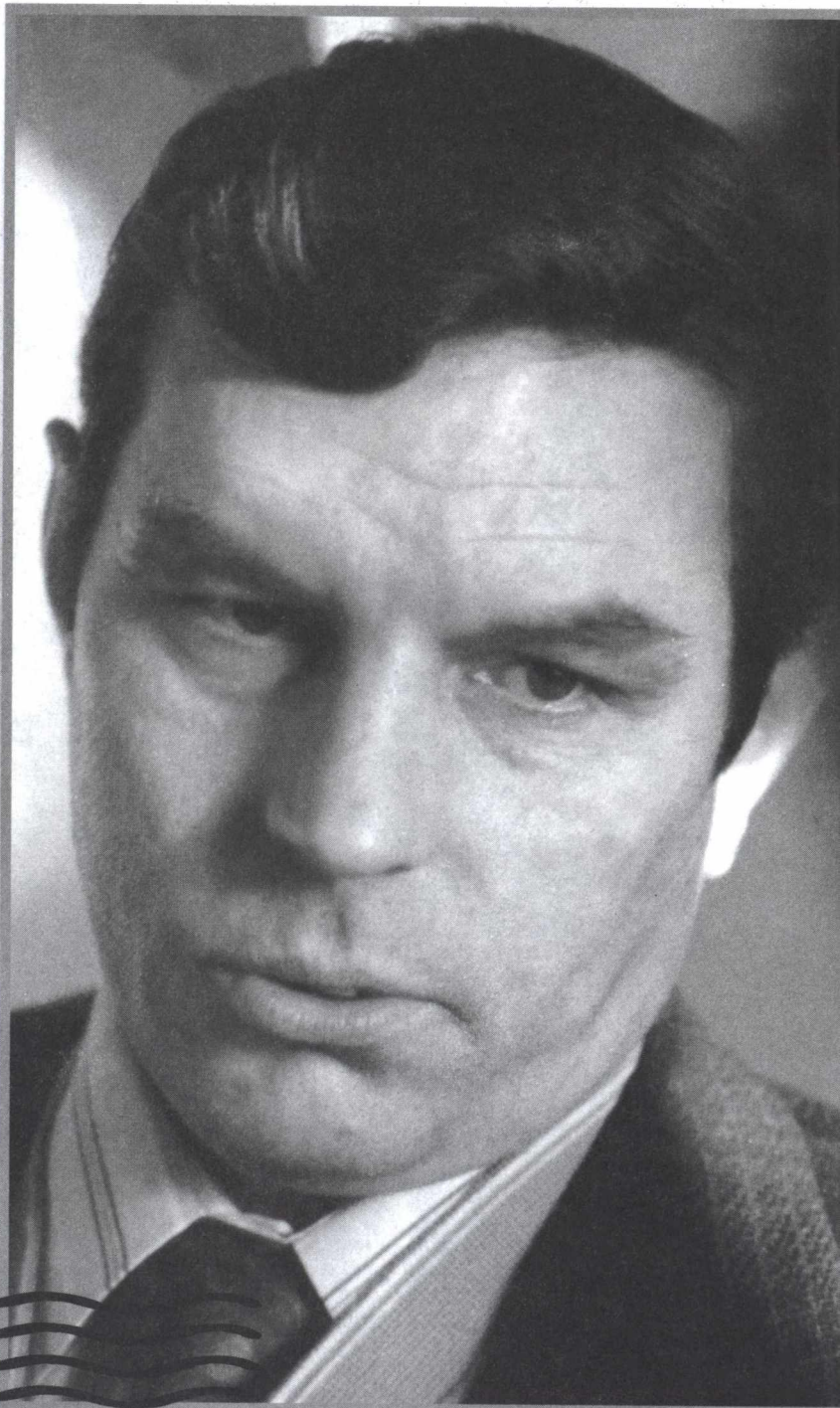

В. И. Хвостин

Б. Н. Пастухов

И. М. СОСНОВСКИЙ

В гостях у оленеводов

H.C. Cepreab

Р.И. Кузоваткин, С.Д. Великопольский, А.С. Парасюк

С.А. Велукопольский, Н.А. Москаленко

В.А. Абазаров, А.К. Протозанов, С.Д. Великопольский

В.И. Долгих, В.Г. Чурсков, Е.Ф. Козлов

Световой день в этот период — самый короткий. Большую часть пути пришлось ехать с включенными фарами. Выехав из Нижневартовска в шесть утра, добрались до Агана только за полночь. Естественно, в дороге говорили обо всем: о делах, о проблемах, да и просто о жизни, лучше понимая и становясь ближе друг другу. Антонина Георгиевна предложила поехать в школу-интернат и там переночевать. Зашли в школу, где нас никто не ждал. Испуганная заведующая сказала, что на ужин ничего не может нам предложить кроме мороженой рыбы и хлеба. Решение проблемы ужина взяла на себя Антонина Георгиевна. Разбив обухом топора замороженную щуку, велела принести из машины «аварийную» бутылку водки, соль и перец и пригласила всех к столу.

Вспоминая этот эпизод, не могу не вспомнить о другой дороге. И сколько их было!.. Мы с Владимиром Дмитриевичем выехали в Сургут, но теперь уже на горкомовской «Волге», для подписания в райисполкоме окончательных документов о передаче части территории нашему району. Туда доехали без приключений, а вот обратно погода испортилась, на зимнике настиг страшный буран и под слова песни «...Такого снегопада, такого снегопада давно не знали здешние места...» мы пробивались через стену снега. Большую часть пути до Нижневартовска нас ташили попутные машины. С того времени эта песня стала нашей любимой.

* * *

В.Д. Салмин возродил в районе забытые традиции: слеты рыбаков и охотников, съезды женщин, агитрейсы, поездки врачей по району на оборудованном катере. Особенно ждали жители национальных поселков ежегодных праздников рыбака и охотника. Мы с Владимиром Дмитриевичем не пропускали ни одного из них. Причем выполняли разные функции. Известно, что ханты и манси любители спиртного. Так вот, Владимир Дмитриевич выезжал в поселок на два-три дня раньше, чтобы подготовить все к празднику, и на это время запрещал продажу водки. Продажа возобновлялась только после окончания официальной части праздника, и разрешение уже давал я.

Я всегда был уверен в председателе райисполкома, в его способностях и способностях его работников решать самые труд-

ные задачи. Владимир Дмитриевич лично показывал аппарату, как надо работать в новых условиях. Ему приходилось много ездить по селам, проводить выездные исполкомы, сессии, рассматривать вместе с шефами возникающие вопросы, оказывать практическую помощь геологическим экспедициям и особенно нефтяникам и строителям, работающим на обустройстве двадцати трех месторождений. В стиле его работы эти поездки не носили форму «накачки», а были направлены, главным образом, на оказание практической помощи и передачи опыта в форме советов. Была и здоровая критика недостатков.

В исполкоме и горкоме партии главным было то, что мы тесно общались, знали членов семей друг друга, а от этого «климат» взаимоотношений становился теплее и чище. Я ему оказывал всяческую поддержку. И было одно неукоснительное правило: быть откровенными и честными по отношению друг к другу. Мы по первому зову собирались, обсуждали и определяли пути решения возникающих проблем. У нас не было никаких склок и разборок. Мы очень добросовестно исполняли свои обязанности. С утра шли на работу с хорошим настроением и желанием сделать как можно больше для людей. Именно этим нравился мне Владимир Дмитриевич. И сейчас, думая о том, что отличало именно его стиль работы, я понимаю, что это стремление действовать через человека, понимая его, уважая его достоинство и прощая слабости. И в этом кроется искусство управления. Владимир Дмитриевич никогда не помышлял о собственной выгоде, в быту был скромнен.

...Вот и закончен рассказ о Владимире Дмитриевиче, поставлена последняя точка, но осталось чувство, что не все сказал, не все моменты подчеркнул, не все нюансы оттенил. А потом успокоил себя тем, что любой человек — это своего рода вселенная, никакой, даже самый полный рассказ, не может раскрыть всю глубину его сущности. И рука потянулась к написанным им книгам. Я еще раз перелистываю и перечитываю «Нас собрал Самотлор», «Гордость Югры» и «Город на заре». Как живые, встают передо мной его герои... И каждому из них он отдал частицу своего сердца, частицу своей жизни. И я желаю ему от всей души новых героев, новых написанных книг.

Крылья

Когда я слышу песню «...обнимая небо крепкими руками, летчик набирает высоту...», передо мною возникает образ красивого, мужественного, смелого, отзывчивого, душевного человека, Героя Социалистического Труда Юрия Александровича Редькина, летчика от Бога, нижевартовского аса.

В задуманной книге воспоминаний он обязательно должен был стать одним из ее героев.

Я встретился с Редькиным, когда вернулся в Тюмень после учебы в Москве. До этого мы много лет отдали Нижневартовску. И вот я узнал, что он остался без работы (на то была причина) и без квартиры. Посоветовался с Георгием Константиновичем Язовым, директором Тюменского моторного завода, где я теперь трудился, и мы решили помочь летчику: его приняли на должность командира летного звена (на заводе было несколько самолетов Омского оборонного объединения, поставлявших нам важные комплектующие к изделиям), выделили квартиру. Позже наши жизненные пути разошлись: Юрий Александрович с семьей уехал в Ленинградскую область.

Спустя какое-то время мне понадобилось его личное дело. В отделе кадров завода сообщили, что Ю.А. Редькина уже нет в живых. Я был потрясен рассказом о его смерти. Он ушел из жизни в неизвестности и нищете. Целую неделю в жаркий июль тело его находилось в морге районной больницы, так как не было средств на похороны. Жена Александра Степановна в это время тяжело болела. Авиаторы моторного завода «сбросились» и, собрав все необходимое, вылетели в Ленинградскую область хоронить своего товарища. Трагическая судьба Юрия Александровича осталась незамеченной пилотами как Нижневартовска, так и крупнейшего отряда тюменских авиаторов, в котором он верно служил более 35 лет.

Как могло такое произойти? Не верится, что судьба летчика стала безразличной. Очевидно, причина в беспамятстве

новой сумасшедшей российской жизни — времени разброда и шатаний.

Нахлынули воспоминания о его кипучей деятельности в Нижневартовске. Я воочию видел его живой облик.

Природе, наверное, было известно, что он станет летчиком, и она окрасила его глаза в цвет неба — голубые, всегда сосредоточенные, иногда искрящиеся смешинкой. Юрий был выше среднего роста, всегда подтянутый, в отглаженном костюме, черноволосый, с короткой стрижкой и аккуратно уложенным чубчиком. Только поблескивающая на висках седина выдавала, что в жизни ему ничего легко не давалось. Речь быстрая, движения резкие.

Таким он был на земле, а в воздухе совершенно другим, ибо работа летчика обстоятельная, размеренная, не терпящая суеты и поспешных решений.

Юрий Александрович обладал сильной волей, уверенностью в себе. Он хорошо танцевал, неплохо играл на гитаре и прекрасно пел. Особенно любил песню Александры Пахмутовой «Знаете, каким он парнем был».

Друзей у Редькиных было много, но он гордился дружбой с семьей летчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора авиации Павла Романовича Поповича. А жена Марина Попович училась в одной авиашколе с Александрой Редькиной, дружили, бегали на танцы, мечтали о будущих мужьях и считали, что они должны быть летчиками. Договорились, что если первыми родятся девочки, то назовут Наташами, если мальчики — Сережами. Родились девочки...

Марина Попович стала военным летчиком-испытателем, осваивала реактивные самолеты, а Александра Редькина летала на Ан-2. У обеих было все: и полеты, и радость встречи с землей, и нештатные ситуации, требующие собранности, мужества и веры в свои силы.

Вот только один эпизод. Самолет качнуло. Александра Степановна почувствовала, как резко заложило уши и в ту же минуту уловила перебои в двигателе. Самолет начал терять высоту. Земля с каждой секундой приближалась. Ладони сжимали штурвал, а в голове одна мысль: дотянуть до аэродрома, дотянуть... ведь в самолете люди... Вот он, Кондинск. А земля уже совсем рядом... Молодцы! Быстро приготовились: посадочный

знак выложен так, как полагается в таких случаях, — против ветра. Техники и пилоты устремились к приземлившемуся самолету, из которого выходили ничего не подозревающие пассажиры. Последней вышла высокая стройная женщина в синей, хорошо сидящей форме пилота. О только что пережитом можно было догадаться по необычной бледности лица...

Александра Степановна не любила рассказывать о подобных ситуациях, считала их издержками профессии. В Тюменском управлении авиации был один женский экипаж — А.С. Редькина и второй пилот Татьяна Макарова.

Часто бывая в Москве у Поповичей, Редькины пригласили их в Западную Сибирь посмотреть «русское чудо». Это была неофициальная поездка семьи космонавта в Нижневартовск. То, что они увидели, ошеломило их. Поповичей поразило активное участие авиации в освоении нефтегазового комплекса. На семейный ужин пригласили и меня с женой. Мы увидели, насколько были теплыми, искренними и дружными отношения этих семей. Впоследствии вместе с Редькиным мне удалось побывать в Звездном городке в гостях у Поповичей.

А.С. Редькина была членом обкома партии и депутатом областного Совета народных депутатов. Закончив летать, стала пилотом-инструктором, обучала начинающих летчиков, прививала им любовь к небу, к рискованной и ответственной профессии летчика.

В период бурного освоения нефтяных месторождений в Нижневартовском районе фамилия Редькина не сходила со страниц газет, звучала по радио и телевидению. В Нижневартовске сформировали летный отряд, в его состав входили в основном Ан-2 и вертолеты Ми-4 и Ми-8, потребовался командир. Начальник Тюменского управления гражданской авиации, Герой Социалистического Труда И.Т. Хохлов сделал свой выбор: рекомендовал на эту должность Редькина.

Иван Тихонович хорошо знал Редькина. Будучи инструктором-наставником в Тюмени Редькин готовил экипажи для работы на вертолетах Ми-8. Начальник управления учитывал и другие обстоятельства. Самоотлор приковал к себе всеобщее внимание, стал местом паломничества высоких руководителей из ЦК, правительства, министерств, ведомств и т.д. Для ознакомления гостей с Самоотлором вертолет был единствен-

ным транспортом. И тут Юрий Александрович, как пилот, был незаменим.

В летном подразделении Нижневартовска работали опытные и заслуженные пилоты: Г.И. Мешеряков, А.И. Синьков, В.Н. Киселев, Г.Е. Смолькин, Е.М. Шабалин, А.Н. Соколов, И.А. Нигматуллин, В.А. Смирнов, А.Е. Пупочкин. С ними я много раз летал не только на Самотлор, но и на другие месторождения и в населенные пункты.

В настоящее время издано много буклетов, посвященных Нижневартовску, но очень мало в них говорится о тех людях, которые трудились в 70—80-е годы в этом районе. Держу в руках прекрасно изданный, иллюстрированный цветными фотографиями буклет, посвященный 35-летию Нижневартовского авиапредприятия, и удивляюсь: из 49 страниц текста об истории авиапредприятия только две посвящены тем, кто строил новый аэропорт, кто осваивал новую авиатехнику, и ни слова не сказано о роли партийных и советских органов города и района, на чьи плечи легли все проблемы, связанные с развитием авиапредприятия. Да и рассказ о ветеранах и бывших руководителях ограничился только перечислением фамилий.

Я думаю, нельзя быть «Иванами, не помнящими родства», так как без прошлого нет не только настоящего, но и будущего. Многие из тех, кто принес славу этому коллективу и является его гордостью, могли бы, по моему убеждению, и должны занять достойное место в этом буклете. Они заслужили это право преданностью профессии, своим талантом и мастерством, они пережили все тяготы и лишения, выпавшие на долю «первых»...

Хочу напомнить читателям, как все начиналось...

В 1962 году благодаря воле и настойчивости первого секретаря Ларьякского райкома партии Нифонта Трофимовича Вокуюева заброшенный поселок Нижневартовский стал центром района. В поселке Мегион обосновалась Мегионская нефтеразведочная экспедиция. Геологи открывали все новые и новые нефтяные месторождения. На смену геологам пришли нефтяники, строители, транспортники. Через два года Нижневартовск получил статус рабочего поселка.

Нижневартовск имел несколько очевидных преимуществ перед Ларьяком. Здесь была лучшая транспортная схема. В летний период здесь было надежное речное сообщение по Оби.

Во-вторых, приблизились к Сургуту, в котором находилась неплохая взлетно-посадочная полоса для самолетов Ли-2, Ан-2. В третьих, рядом с Нижневартовском находился поселок геологов Мегион, и в распоряжении экспедиции имелись вертолеты Ми-6 и Ми-4, их можно было использовать для перевозки людей зимой. Таким образом, имеющиеся транспортные средства позволяли доставлять с «Большой земли» продукты, почту и т.д.

На окраине Нижневартовска в труднейших условиях построили простую грунтовую площадку для приема Ан-2, а летом прямо на Обь приводнялись гидросамолеты.

В 1965 году с участием расположенных в Нижневартовске предприятий удалось удлинить полосу, построить здание аэропорта, обеспечить телефонной связью, установить необходимое инженерное оборудование для приема самолетов. Полеты выполняли только при хорошей видимости и в светлое время суток. Затем появились радиосвязь, радионавигация, радиолокация. Штат предприятия состоял из трех человек: начальник И. Кучкульдинов, диспетчер Р. Ишметов и телеграфист Т. Гайдабуря. Управление осуществляли из Сургутского аэропорта.

Через четыре года на базе авиазвена образовалось самостоятельное предприятие «Нижневартовская объединенная авиаэскадрилья», командиром назначили Константина Романовича Каминского. Это был хороший летчик, но у него был очень «крутой» характер. Подчиненным он частенько говорил: «Делай только так, как я сказал». Его упрямство, склонность к самоуправству не отвечали тем требованиям, какие необходимы были в современных условиях, а с увеличением количества самолетов и вертолетов он оказался неподготовленным к руководству. Участились случаи аварийных ситуаций, падали вертолеты, была низкой производственная и трудовая дисциплина летного состава.

Расскажу о таком эпизоде. В Нижневартовск прилетал Б.Е. Шербина. На вертолете он должен был вылететь на Саяногорск в бригады Г.М. Левина и В.В. Китаева, а затем вернуться на автомашине в Нижневартовск.

Шербина прилетел на Ли-2, который пилотировал начальник Тюменского авиапредприятия Владимир Михайлович Кулешов. Его встретили секретарь райкома В.В. Бахилев и К.Р. Каминский. Командир вертолета Ми-4 доложил о готовности экипажа к вы-

лему. Шербина, подходя к вертолету, обратил внимание, что вертолет забрызган маслом, краска на нем облезла, и вообще, Ми-4 был похож на старую изношенную машину. На вопрос: «Почему вертолет в таком состоянии?», — командир, потупив глаза, ответил: «Борт подготовлен для отправки на завод для ремонта. Машина выработала положенный ресурс». Шербина был крайне удивлен и, ничего не сказав, сел в вертолет, который с трудом оторвался от земли и взял курс на Самотлор. С высоты Шербина увидел «Волгу», едущую по дороге, соединяющей Нижневартовск с Самотлором, он попросил совершить посадку прямо на дорогу. Бахиллов понял его беспокойство. Вертолет произвел посадку.

Этот «непредсказуемый полет» обсуждали в райкоме партии. Бахиллов, обращаясь к Каминскому, сказал: «Вы представляете, какой опасности подвергали первого секретаря обкома? Вы предложили нам, по сути, списанный вертолет! Неужели из имеющегося вертолетного парка не нашлось исправной машины?». Но ситуация в то время была непростая, потому что большинство вертолетов были прикомандированы предприятиям, и ими распорядились руководители по своему усмотрению, хотя это не оправдывало Каминского.

Назначили нового командира авиаэкскадрильи — Алексея Михайловича Романчука, работавшего замполитом в ханты-мансийском авиаотряде. Это был совершенно другой человек. Хозяйская сметка и деловая хватка сочетались с человеческими качествами — вниманием и заботой к людям. На его долю выпало строительство нового аэропорта. Необходимо было успевать за возрастающими потребностями нефтяников, строителей, геологов в услугах авиации, за быстрым ростом объема работ. Это было нелегкое время.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 декабря 1969 года «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» предусматривалось в 1971 году строительство аэропорта в Нижневартовске. Объем работ по строительству был распределен следующим образом. СУ-909 (начальник Ю.Г. Шереметьев) предстояло построить взлетно-посадочную полосу с двумя поворотными шайбами, перрон с дорожкой для выруливания на полосу, подъездную дорогу до аэропорта с мостом через реку Зырянку и площадку перед аэровокзалом. Тресту «Мегионгазстрой» (управляющий Г.И. Пикман) построить двухэтажное кирпичное здание аэровок-

зала с залом ожидания и помещениями для персонала, башню для службы полетов. Начальнику НГДУ «Мегионнефть» Р.И. Кузоваткину поручалось оперативно подготовить проекты, «озадачив» соответствующие институты.

Было предложено несколько вариантов здания аэропорта. За основу взяли аэропорт города Ленинграда и избежали «типовых» проектов, по которым построили аэропорты в Урае, Сургуте, Тюмени.

Работники ОКСа НГДУ провели большую подготовительную работу, а затем контролировали строительно-монтажные работы. Действовал штаб стройки, который возглавил второй секретарь райкома Николай Яковлевич Токарев.

Панорама строящегося аэропорта ошеломляла. На огромной площадке было сосредоточено большое количество техники: бульдозеры, грейдеры, катки, автокраны. Они трамбовали грунт, разгружали грузы и укладывали железобетонные плиты. К взлетной полосе непрерывным потоком тяжелые самосвалы возили из карьеров песок. Сплошным потоком «Уралы» подвозили плиты для взлетной полосы, перрона и площадки перед аэровокзалом. И так каждый день без выходных и праздников.

Руководители многих предприятий предлагали свою помощь строителям аэропорта, так как у всех было одно желание — быстрее ввести его в эксплуатацию. Этого требовали высокие темпы обустройства Саяногорска и строительства города. Хочу особо подчеркнуть роль председателей райгорисполкомов Н.Я. Устьянцева, Н.Ф. Фоменко, Н.Г. Салихова и особенно Н.А. Москаленко и С.И. Денисова, много сделавших для строительства нового предприятия и формирования коллектива. Несмотря на трудности с жильем, работников авиапредприятия обеспечивали квартирами, детскими дошкольными учреждениями.

Первый этап строительства завершился 23 сентября 1971 года. В этот день бригада монтажников СУ-909 Ивана Васильевича Толмачева уложила последнюю бетонную плиту на посадочную полосу, комсомольско-молодежный участок Владимира Григорьевича Лейтланда закончил на концах разворотные шайбы, были готовы к эксплуатации две площадки при аэровокзале. Строители треста «Мегионгазстрой» досрочно сдали в эксплуатацию здание аэровокзала. С этого момента началось обслуживание аэропорта. Теперь авиаторам предстоял монтаж оборудования.

2 ноября 1971 года в аэропорту Нижневартовска приземлился первый самолет Ан-12 из Тюмени, управлял которым И.Т. Хохлов. Это было большим праздником для всех. Секретарь райкома В.В. Бахилев на состоявшемся митинге сердечно поздравил Хохлова с успешным полетом и вручил ему подарок — большую колбу с нефтью, символ совместной работы нефтяников и авиаторов по освоению Самотлора. А с 17 декабря начались регулярные рейсы пассажирских и грузовых самолетов. Через год аэропорт стал принимать современные авиалайнеры типа «Ту», требующие дополнительного технического оснащения.

С 9 августа 1972 года стали выполняться регулярные рейсы в Москву, а также во многие города страны: Тюмень, Свердловск, Омск, Ханты-Мансийск, Сургут, Нефтеюганск, Тобольск, Колпашево, Стрежевой. С каждым годом их число увеличивалось, увеличивался и объем работы аэропорта.

Например, за 24 июня 1972 года в аэропорту приняли, обслужили и отправили в рейсы 23 самолета Ан-24, Ан-12 — два, Ли-2 — три, Ан-2 — 12, два вертолета Ми-6, Ми-8 — пять, Ми-4 — 28, Ми-1 — пять, Ми-2 — два. Перевезли за этот день 1150 пассажиров, 74 тонны грузов. Вертолеты сделали 285 вылетов к геологам, нефтяникам, строителям, лесозаготовителям. С каждым годом объем перевозок возрастал и достиг своего максимума в 1980 году.

Без авиации освоение нефтяных месторождений практически было невозможным. От летчиков зависели все, так как на вертолетах доставляли и сейсмические станции, и необходимые грузы для буровых, и вахтовиков, и продукты питания, и многое-многое другое. В условиях бездорожья летчики на Ан-12, Ми-10 и Ми-6 доставляли строителям трубопроводов Сургут—Нижневартовск, Нижневартовск—Уфа—Альметьевск трубы большого диаметра, строительные материалы, технику. Опять же с помощью вертолетов прокладывали высоковольтные линии, строили железнодорожную магистраль Тюмень—Сургут—Нижневартовск и мост через Обь.

На Тюменском Севере важную роль сыграл самолет Ан-22 — «Антей». Четыре самолета Ан-22 сделали за зиму 1974 года более 105 рейсов. Они перевезли большое количество тяжелой техники: это трубоукладчики, экскаваторы, блоки кустовых станций, крупногабаритные и тяжеловесные грузы общим объемом более трех тысяч тонн.

Помню, зимой 1972 года для НГДУ «Нижневартовскнефть» срочно потребовался «буллит» — стокубовая толстостенная емкость для подготовки нефти. Перевозка этого груза потребовала специального приспособления, которое изготовили на тюменском заводе. И со своей задачей военные летчики справились.

В столь необычной работе авиаторов большая заслуга принадлежит бывшим начальникам Тюменского управления гражданской авиации И.Т. Хохлову, Г.П. Ласкину, первому заместителю начальника управления В.Н. Полякову, заместителю начальника управления по летной работе В.С. Краснову, командиру аэропорта Рошино В.Г. Джугашвили, руководителю грузовых перевозок В.К. Шахову.

В связи с 50-летием Аэрофлота указом Верховного Совета СССР от 18 августа 1972 года «За большие успехи в развитии воздушного транспорта, значительный вклад в развитие планов народного хозяйства страны и освоения новой авиационной техники» тюменских авиаторов наградили орденами и медалями. Звания Героя Социалистического Труда был удостоен руководитель летного подразделения Нижневартовского авиапредприятия Ю.А. Редькин. Он был первым летчиком в области, получившим такую высокую и заслуженную награду. Благодаря его организаторским способностям коллектив быстро набрался опыта, был способен выполнить любое летное задание.

Однажды мне позвонил А.М. Романчук и сказал, что управление планирует направить в Нижневартовск новый самолет Ил-76; на подготовку для приема этого самолета дают месяц. Такая весть для многих была неожиданной, хотя было очень приятно, что к нам прилетит такой большой самолет, но и беспокойство одолевало. Я попросил Романчука пригласить руководителей технических служб и командный состав на совещание. Меня волновал вопрос: выдержит ли полоса большую нагрузку? Да и время было выбрано неудачное — наступил апрель, только что сошел снег, и во многих местах полоса подтапливалась водой. Аэропорт функционировал третий год, обочины полосы не закрепились, были слабыми, грунт давал осадку.

На совещании присутствовал Рафаил Гаязович Ишметов. В авиации он уже шестнадцать лет, имел безупречную характеристику и опыт руководства полетами. Я попросил его высказать свое мнение. Он сказал: «Конечно, есть обес-

покоенность, но я уверен в своей службе. Состояние полосы, технические средства позволяют успешно произвести посадку Ил-76. Да и время у нас еще есть для основательной подготовки».

Накануне вылета Ил-76 из Тюмени мне позвонил Хохлов и сказал: «Борт будет пилотировать генерал-майор, заслуженный летчик-испытатель СССР, дважды Герой Советского Союза В.К. Коккинаки. Несмотря на солидный возраст (он отметил семидесятилетие), Владимир Константинович находится в хорошей форме. Прошу проявить к нему внимание».

На следующий день все были в тревожном ожидании. В аэропорту все было организовано для встречи огромного лайнера, на борту которого находилось более тридцати тонн апельсинов — весенний подарок нижевартовцам. Встречал самолет заместитель начальника Главтюменнефтегаза по капитальному строительству Александр Степанович Парасюк, находившийся у нас в командировке.

Ил-76 пролетел вдоль полосы и, сделав разворот в районе Самотлора, начал снижение. Огромная машина мягко прикоснулась к полосе, пробежала 250—300 метров, погасила посадочную скорость и вырулила на перрон. Дверь открылась, по легкой лестнице первым сошел на землю В.К. Коккинаки. Высокий, худощавый с бледным лицом, седой головой. Подняв победно руки вверх, с доброжелательной улыбкой ступил на перрон. За ним спустился командир, заслуженный летчик-испытатель СССР Александр Михайлович Тюрин, невысокого роста, плотного телосложения, с загорелым лицом, в летной куртке и берете голубого цвета. Экипаж, состоявший из пяти человек, встретили хлебом и солью. Гостя увезли в гостиницу «Самотлор» и угостили по русскому обычаю. А через четыре часа я вылетел этим самолетом в Тюмень на областной партийно-хозяйственный актив.

Безусловно, А.М. Романчук вложил много труда для развития коллектива нижевартовского авиаотряда. Он заочно закончил Ленинградский институт гражданской авиации. Но жизнь предъявляла все более высокие требования. И на эту должность нужен был человек, имеющий опыт работы руководителя областного уровня. Ее занял Роман Федорович Марченко. Он смело взялся за работу. Марченко был ростом ниже среднего, симпатичный, добрый, обладал огромной работоспособностью и

организаторским талантом. Приходил на работу в семь и работал допоздна, без выходных. И в повседневной работе, и в острых ситуациях вел себя одинаково: решительно и собранно, умел спокойно доказывать свою правоту, был технически грамотным, любил внедрять новинки в авиапроизводство. Он был настоящим хозяином. «Крутой мужик», — говорили одни. «Настырный», — говорили другие. «Упрямый», — поддакивали третьи. И все они были правы. Сибирский крепыш имел столько силы, что ее хватало на все: на укрепление материально-технической базы, на подготовку высококлассных специалистов, на быстрое освоение новых типов вертолетов, на решение социально-бытовых нужд коллектива. Это позволило работать на опережение, на увеличение объема пассажирских и грузовых перевозок. Авиаотряд при нем считался лучшим в управлении. На мой вопрос, что позвало его на Самотлор из теплого кабинета, он ответил: «Моя судьба и характер не позволяют засиживаться в начальственном кресле. Для себя я давно установил высокие планки, учился видеть далеко и мыслить на опережение, ибо знаю: если застоялся на одном месте, стал довольствоваться достигнутым, тебя тут же опередят и отбросят назад».

С Романом Федоровичем Марченко всем работалось легко — и хозяйственным, и партийно-советским руководителям. И как мы ни сопротивлялись, обком партии направил Марченко командиром Сургутского авиапредприятия, а его заместитель Владимир Михайлович Калюжнюк стал командиром Ханты-Мансийского авиапредприятия.

В гости к нам неоднократно приезжали летчики-космонавты. Посетил нас и Валентин Витальевич Лебедев, дважды побывавший в космосе. В вертолете, которым управлял Редькин, мы отправились на Самотлор. С нами летели секретарь обкома ВЛКСМ В. Горчаков и комсомольский вожак города В. Швецов. На небольшой высоте, сделав два круга, показали панораму строящегося города, а затем взяли курс на Самотлор. Погода выдалась теплая, на небе ни облачка. Программа пребывания В.В. Лебедева была составлена по его желанию, и был изменен «заезженный» маршрут. Неожиданно для нас Лебедев ушел в кабину пилота и взял управление вертолетом на себя, заняв кресло второго пилота. (Оказывается, еще в аэропорту Лебедев просил Редькина об этом, а Юрий Александрович попросил

его предъявить документ на право управления вертолетом). Сначала вертолет как бы «просел» на несколько метров, но затем все стало в норму. Вернувшись в салон, Лебедев сказал: «Из космоса хорошо видны факелы Самотлора. Еще там, во Вселенной, поставил перед собой задачу — вернуться на Землю и обязательно побываю здесь. Мне очень хотелось увидеть увлеченных молодых людей, работающих на Всесоюзной ударной стройке. Для меня это незабываемая поездка».

Редькин плавно произвел посадку на бетонную дорогу, разрезающую озеро на две части. Интересная беседа состоялась между героем космоса и героями Самотлора. Задавали много вопросов. На прощание Виктор Васильевич Китаев подарил Лебедеву сувенир — колбу с нефтью. Потом мы поехали в бригаду Г.М. Левина. Геннадий Михайлович подробно рассказал о своей работе, а Лебедев постоял за штурвалом бурильщика. Пригласили пообедать сибирскими пельменями. Затем гостю показали промысловую ДНС, где состоялась встреча с молодыми операторами. Возвращаясь в город, посетили головную нефтеперекачивающую станцию, откуда «черное золото» Самотлора отправляется в долгий путь к потребителям. В городе встретились с учениками средней школы № 4. Лебедев сделал запись в книге почетных гостей, подарил фотографию летчиков-космонавтов. Прощались по трем жилым микрорайонам города, встретились с бригадой девушек, работающей на отделке девятиэтажного дома. В заключение предложили гостю прокатиться на катере и посмотреть город с реки. А на ужин предложили ему «сибирское серебро» — нельму, муксуна, стерлядь. Таким насыщенным был первый день космонавта Лебедева на нижневартовской земле.

Я подружился с Валентином Витальевичем, поддерживаю связь и по сей день. Перед его вторым полетом в космос я встретился с ним в Москве и по просьбе директора научно-исследовательского института ЗапСибНИГНИ И.И. Нестерова передал геологические карты Среднего Приобья для изучения этого района из космоса. По оценке Ивана Ивановича, полученные результаты оказались весьма полезными как для геологической науки, так и для нефтяников.

За время моей работы в Нижневартовске здесь побывало семь героев космоса. И вполне логично, что решением горисполкома одна из центральных улиц города названа проспектом

Космонавтов. И не могу согласиться с решением тех руководителей, которые переименовали данный проспект, тем самым как бы зачеркнули одну из исторических страниц жизни города.

Летчиков всегда отличала способность в любой ситуации найти единственно верное решение. Кто знает, чем это продиктовано: или характером, или стремлением доказать себе и другим свое лидерство, или постоянным преодолением объективных трудностей. Летчики никогда не пасовали перед непредсказуемой северной погодой.

Вспоминаю случай. В Нижневартовске находился заместитель министра Минпромстроя СССР Н.Г. Островский, но его срочно вызвали в Москву. Двое суток была нелетная погода, и командир аэропорта Р.Ф. Марченко решил отправить Н.Г. Островского и замначальника Главтюменнефтегаза А.С. Парасюка до Тюмени на Ан-2. Перед опытным экипажем поставили нелегкую задачу. Более четырех часов продолжался этот полет. Приземлились в аэропорту Плеханово, и Николай Григорьевич поблагодарил экипаж, высказал свое восхищение мастерством пилотирования в сложных метеорологических условиях, а затем спросил, в чем они нуждаются. Командир ответил, что у него нет квартиры в Тюмени. Эту просьбу Островский передал Г.И. Голтвянскому, начальнику Главтюменьпромстроя. Знаю, что последний поручение выполнил.

Хорошее все же тогда было время, есть о чем вспомнить. Были годы напряженной работы, поиска оригинальных, а порой неожиданных и ответственных решений и действий. Каждый был причастен к общему делу, в том числе и авиаторы. Тогда не принято было говорить, что, мол, обстановка неблагоприятная, невозможно выполнить задание. Верно сказал Ю.А. Редькин: «Нас, летчиков, всегда ждали. Мы были необходимы, так как имели прямое отношение к решению многих производственных и социальных задач, осознавали, что именно здесь и сейчас ты нужен, только ты можешь это сделать...».

Вспоминаю полет в Нефтеюганск. Погода была ужасной: валил снег, видимость — нулевая. Редькин принял решение лететь и сказал мне: «Сергей Дмитриевич, полет будет продолжительным, придется лететь на небольшой высоте. Если вы согласны, то я готов выполнить эту задачу». Честно скажу: с другим командиром я бы, наверное, лететь не согласился. Но я хорошо

знал способности Юрия Александровича и всегда был уверен в безопасности полета с ним. А сколько их было, неотложных командировок вопреки погоде! Этот полет длился три с половиной часа. Метель бушевала и на следующий день. Обратного полета не решились, а терпеливо ждали летной погоды.

Жизнь Юрия Александровича — это прерванный полет, в котором было все: и крутые виражи, и взлеты, и падения, и радость полета, и счастье возвращения...

В честь 35-летия Нижневартковского авиапредприятия открыта аллея Почета авиационной техники. Здесь в почетном строю замерли вертолеты-труженики, и за каждым стоят авиаторы, те, кто помогал покорять Саяны, строить Нижневартовск, создавал нефтегазовый комплекс. В их числе и герой моего рассказа Юрий Александрович Редькин.

Мы часто думаем о смысле жизни, задавая себе один и тот же вопрос: для чего? Во имя чего? И только когда поймем, для чего мы пришли в этот мир, когда осмыслим свою роль на земле, пусть незаметную, пусть самую скромную, только тогда мы будем счастливы, только тогда мы можем жить, а затем и умирать спокойно. Я уверен, что в последние минуты своей жизни Юрий Александрович Редькин был спокоен, ибо уходил из этой жизни с чувством исполненного долга. Вечная ему память и вечное успокоение...

Вкус хлеба

19 февраля 2000 года в Ханты-Мансийске отмечалось эпохальное событие — была добыта семимиллиардная тонна югорской нефти. Выступая на торжестве, губернатор округа А.В. Филипенко, обращаясь к ветеранам, сказал: «...страна присылала вас осваивать нефтяную целину, вас, самых лучших, самых достойных, самых сильных, самых преданных делу, и каждое имя золотом вписано в летопись мощнейшего нефтяного комплекса, в славную биографию Ханты-Мансийского автономного округа!».

Затем он вручил «Памятные свидетельства» коллективам, которые приблизили этот исторический день, причем не только непосредственным виновникам торжества — геологам, нефтяникам, строителям, транспортникам, но и коллективам учителей, врачей, работников торговли и бытового обслуживания, культуры, правоохранительных органов, подчеркивая и их огромную заслугу в этой трудовой победе.

Экономисты подсчитали, что одного нефтяника обслуживает до десяти представителей смежных и вспомогательных профессий. Александр Васильевич называл коллективы, а в моей памяти возникали фамилии нижевартовских руководителей: отдела рабочего снабжения НГДУ «Мегионнефть» И.А. Харина, Г.Г. Токаревой, Т.В. Бахаревой, Т.В. Ханнановой, Н.Н. Рыкуна, Г.Г. Петелиной, В.И. Ульянова, Ф.Г. Кривенко, А.В. Стрелько, П.Г. Дунского, Г.В. Соловьева; совхозов «Мегионский» и «Нижевартовский» М.М. Полишука, В.А. Проклова, Я.М. Мармышева, А.Ф. Пальянова, В.А. Назаретяна; Нижевартовского рыбозавода Г.Н. Кожевникова, В.С. Игнатов, Г.А. Медведева; Нижевартовского райрыбкоопа Ф.А. Тверита, А.С. Титова, Ф.Ф. Кожедуба, А.Н. Булаховой; Нижевартовского комбината бытового обслуживания В.М. Хайненова, В.И. Госперчука.

Именно их коллективы в труднейшие годы начала освоения и развития Нижевартовского нефтяного района порой в экст-

ремальных условиях делали все, чтобы кормить, лечить, одевать, учить, обеспечивать правопорядок и нормы общежития. Среди них и герой моего рассказа, директор Нижневартовского хлебозавода Василий Никитович Киселев. Он олицетворяет тех, кто прикипел к Сибири всем сердцем.

Василий Никитович, как и многие другие, обслуживающие нефтяников, был как бы «во втором эшелоне» борьбы за большую нефть. Перед ним стояла задача обустроить быт и жизнь людей, создать нормальные условия для отдыха. И он ее решал. Без «тыловиков» не было бы громких производственных побед.

Мое знакомство с В.Н. Киселевым состоялось во время выездного окружного семинара секретарей по идеологии городских и районных комитетов партии в Урае в 1970 году. Семинар состоялся по инициативе секретаря окружкома КПСС Леонида Георгиевича Тайлашева, прирожденного идеолога. Семинар был интересен как по форме, так и по содержанию. После Урая подобные семинары прошли во всех городах и районах округа, дважды в Нижневартовске.

Для меня, начинающего партработника, этот семинар представлял особый интерес. Появилась возможность познакомиться с коллегами, с основами идеологической работы, с Ураем, первым нефтяным районом области, который уже прошел период становления, и где был накоплен большой опыт, который можно было перенять. Именно здесь начиналась первая промышленная добыча нефти Шаима, отсюда баржами по воде отправляли нефть на Омский НПЗ. В этом районе отрабатывались высокие технологии в бурении, добыче нефти, новые подходы обустройства месторождений в суровых северных условиях.

После Шаима фронт борьбы за большую нефть переместился в Сургутский и Нижневартовский районы. Для нас опыт урайцев был чрезвычайно важен. Мне очень хотелось познакомиться с системой воспитательной работы в трудовых коллективах. Я был наслышан об интересных делах в урайской городской парторганизации под руководством секретаря по идеологии Зои Ивановны Меньшиковой. И действительно, горком внедрял интересные, перспективные формы идеологической работы, направляя ее на развитие наставничества, организацию социальное соревнования, создание хорошего морально-психологического климата в коллективах, на повышение роли руководителей в

воспитании людей. В этих конкретных делах просматривалась единая «цепочка» тесного сотрудничества и взаимодействия горкома партии, горисполкома, профсоюза, комсомола, хозяйственных руководителей, что позволяло городу решать экономические и социальные проблемы комплексно и эффективно.

Три дня семинара были насыщены массовыми мероприятиями и интересными встречами. Побывали мы на первой скважине Шаимского месторождения, познакомились с работой и бытом прославленного бурового мастера, Героя Социалистического Труда А.Д. Шакшина, осмотрели просторные цеха первого в округе домостроительного комбината, мощности которого полностью отвечали потребностям урайцев в строительстве жилья и объектов соцкультбыта. Огромное впечатление произвела выставка товаров, выпускаемых в городе, в частности, продукция комбината бытового обслуживания, хлебокомбината, пивзавода, совхоза и тепличного комбината.

С продукцией хлебокомбината знакомил директор В.Н. Киселев. Нас поразили ассортимент хлеба и хлебобулочных изделий. У многих закралось сомнение, и я даже задал вопрос: «Василий Никитович, неужели это все свое, не привозное?» — «Свое, конечно же, свое, — улыбаясь, ответил Киселев. — Не верите? Готов после выставки и концерта нашего коллектива пригласить желающих на комбинат. Покажу и расскажу, как мы этого достигли». Был удивлен вдвойне, когда начался концерт. И здесь главной фигурой являлся директор! Он участвовал в хоре, в других номерах, вел программу концерта. Вот уж поистине мастер на все руки.

На хлебозавод поехали я и секретарь Сургутского горкома Евгения Ивановна Калентьева, так как в наших городах существовала проблема снабжения населения хлебом. Здесь мы задержались надолго. Хотелось все узнать, все выяснить. Василий Никитович водил нас по цехам, знакомил с производством, со специалистами, отвечал на вопросы. Когда он начинал работать в Урае, выпекали только один сорт хлеба. Но постепенно расширяли ассортимент и довели до пятидесяти наименований, освоили выпуск пряников, печенья, сладких напитков.

В кабинете он продолжал рассказывать, а я всматривался в него. Молодой симпатичный мужчина, держался спокойно, сдержанно, с чувством собственного достоинства, говорил уверенно

но. Чувствовалось — это хозяин. Его знали в городе как уважаемого руководителя, человека дела. Из-под прямых бровей на нас смотрели глаза, светившиеся то иронией, то смешинкой. Он производил впечатление человека, критически оценивающего сегодняшний день и видящего перспективу. Мне подумалось: «Вот бы нам заполнить такого руководителя!».

Беседовали о многом. Я попросил Василия Никитовича рассказать о себе. Родился 8 февраля 1942 года в деревне Верхняя Матренка Добринского района Липецкой области. Односельчане свою деревеньку любовно называли «дворики», в ней было всего двадцать домиков. Родители — потомственные крестьяне. Отец Никита Петрович работал рядовым колхозником. Слыл среди односельчан отменным мастером: столярничал, шорничал, мог починить любую домашнюю утварь, но особенно незаменим был в хлеборобском деле. Мать Пелагея Петровна — домохозяйка, имела звание «Мать-героиня». Детей было семеро: двое парней, остальные девчонки. Он — самый младший. Подытожил Василий Никитович свой рассказ так: «Мы все родом из крестьян, крестьянские дети. А в деревне детей сызмальства приучали трудиться. Уже в семь лет я умел косить, в восемь корову доил, стога вершил, пек хлеб... Так что крестьянские заботы, крестьянская боль мне известны. Считаю себя родом из хлеборобов и горжусь этим».

В шестилетнем возрасте он пошел в школу, находилась она в селе Приозерное. Ежедневно, осенью и зимой, от дома до школы и обратно приходилось пешком проходить более шести километров. «Дети войны» пережили голод и холод. Тогда всем было нелегко. Василий не был беспризорником, родительский дом для него был крепостью. Он вырослел, учился и мечтал непременно стать руководителем, избрал профессию хлебороба. Это решение к нему пришло не сразу, а созрело тогда, когда он остался в семье за старшего. Рассказывал о том времени так: «Я должен был кормить семью, помогать матери, сестрам. После окончания школы передо мной стояла нелегкая задача: быстрее получить специальность и начать помогать родным. На вуз не рассчитывал, а поступил в Воронежский строительно-монтажный техникум, хотя в семье этот мой шаг не вызвал энтузиазма...».

Ему нравилась профессия строителя. В жизни постоянно приходилось что-то строить: ремонтировать дом, помещения для ско-

тины. Часто помогал соседям, даже предлагал свои «проекты». Он гордился тем, что мог собственными руками изготовить сруб, смастерить мебель. Эти знания пригодились ему в будущем, а любовь к строительству он сохранил до настоящего времени.

В техникуме Василий быстро стал лидером: староста, комсорг, руководитель художественной самодеятельности. Ребята ему доверяли. Особенно любил Василий сцену. Неудивительно, что и в Урае, и в Нижневартовске, несмотря на занятость, у него хватало времени на художественную самодеятельность. Он понимал: ничто так не сплачивает коллектив, как общее большое дело и совместное творчество.

После окончания техникума в 1961 году Василий Никитович был прорабом в одном из трестов Воронежа. Работа устраивала. Нравилось смотреть, как этаж за этажом растет дом, как вселяются счастливые новоселы. И все же полного удовлетворения не было. Крестьянские корни давали знать. Тянуло к потомственной профессии хлебороба. И Василий Никитович поступил в Воронежский технологический институт на специальность «Технология хлебопекарного, макаронного и кондитерского производства». Учился успешно, занимался общественной работой. КВН, художественная самодеятельность, спорт — вот сферы его интересов. Материально жилось трудно, поэтому приходилось подрабатывать в свободное время. Но особой усталости не чувствовал: много было у парня внутренней энергии.

Находясь в Москве на смотре художественной самодеятельности вузов страны, случайно познакомился с молоденькой учительницей Валентиной Павловной Копыловой. Более года переписывались, затем приехал к ее родителям, потом показал невесту своим и на четвертом курсе женился. Молодожены были счастливы, думали о будущем. Время шло к распределению. Однажды увидел на доске объявлений приглашение на работу в Тюмень. Сердце дрогнуло. Тюмень в то время у всех была на слуху. Решил сразу: только туда!

И вот Тюмень, небольшой провинциальный город. Василий попал на прием к начальнику управления пищевой промышленности Тюменского облисполкома Ю.Э. Сидоровой, красивой, энергичной женщине. Поговорив с новоиспеченным технологом, прочитав его отличную характеристику, Юся Эммануиловна пред-

ложила Василию Никитовичу поехать в город нефтяников Урай на должность директора строящегося хлебокомбината. Разглядев в молодом специалисте задатки умного и способного человека, на прощание она сказала: «Все зависит только от тебя. Участвуя в большом деле в новом нефтяном районе, можно показать себя и стать настоящим руководителем. Обещаю помогать. Желаю удачи». Так Василий Никитович оказался на Севере.

Его рассказ еще больше убедил меня в том, что именно такой человек нужен в Нижневартовске, и я предложил ему встретиться еще раз. Встретились... Теперь говорил я, а он слушал. Естественно, речь шла о трудностях, о позорных очередях за хлебом, об отсутствии предприятий торговли и общественного питания в Нижневартовске, об отсутствии парикмахерской, бани, очистных сооружений и чистой питьевой воды.

Неожиданно Василий Никитович прервал меня: «Сергей Дмитриевич, я это знаю. В 1968 году я был в Нижневартовске в составе комиссии облисполкома, проверял работу вашего хлебозавода, если, конечно, можно назвать его «заводом». При этом я собственноручно записал около десятка замечаний, сформулировал предложения по изменению ситуации. Предлагаю, какая у вас сложная обстановка с учетом большого притока населения». Я стал убеждать его переехать в Нижневартовск, помочь изменить положение с выпечкой хлеба. Аргументы приводил разные. Говорил о Саяногорске, о перспективах города, но главное, что ему нельзя останавливаться на достигнутом, что его потенциал как специалиста и руководителя требует больших масштабов. Я говорил и чувствовал, что Василий Никитович склоняется к тому, чтобы принять мое предложение.

«Вы представляете, Сергей Дмитриевич, как это важно, жить с хлебом? — спросил он меня. И, не дождавшись ответа, продолжил: — В хлебопеки многие стремятся, да не каждому это дело по плечу. Слишком это хлопотное и рискованное дело. Пробуют многие, но выходит лишь у единиц. Чтобы получить настоящий хлеб, надо быть фанатиком. И не просто заниматься хлебопечением, а сердцем любить эту древнюю крестьянскую профессию. А значит, полностью отдавать себя этому делу, забыть, что такое свободное время, развлечения, отдых... Я готов к такой работе!».

Потом мы поговорили о том, что можно и необходимо сделать в городе, с чего начать. Василий Никитович изложил свои мысли четко и обоснованно. А на прощание сказал: «Я занимаюсь производством хлеба, нашего главного пищевого продукта, на профессиональной основе. Поэтому без специалистов не обойтись. Хлеб пекут люди, имеющие соответствующее образование и практический опыт. Если дам согласие, то возьму с собой двух-трех своих работников. Вам следует их обеспечить жильем, и здесь нужна твердая гарантия. К тому же мне нужна будет поддержка райкома, райисполкома и нефтяников в приобретении специального оборудования, которое я «выбью» в областном управлении, а также реконструкция хлебозавода и строительство нового предприятия».

Василий Никитович принял мое предложение, но в глазах и в голосе была все же тревога. Я хорошо его понимал. В Урае он прекрасно себя зарекомендовал, обустроил быт, пользовался уважением, а теперь все нужно было начинать сначала, с нуля.

В Нижневартовск я возвращался с хорошим настроением: удалось решить сложную задачу. Сразу рассказал первому секретарю райкома В.В. Бахилу и председателю райисполкома Н.Ф. Фоменко об увиденном на урайском хлебокомбинате, о беседе с В.Н. Киселевым, который согласился на переезд в Нижневартовск, но поставил ряд условий. Во-первых, обеспечить семью благоустроенной квартирой, устроить его жену на работу в школу, а двух детей в детский сад. Во-вторых, решить аналогичные проблемы двух специалистов: главного механика и технолога, которых он приглашает с собой. Я охарактеризовал Василия Никитовича, исходя из увиденного на хлебокомбинате, личных впечатлений от бесед и мнения о нем тех, с кем мне удалось поговорить. Я убеждал Бахилова и Фоменко в том, что он знаком с ситуацией в Нижневартовске, а главное, имеет внутренний настрой изменить положение и знает, как это можно сделать.

Правда, Василий Никитович высказал свое опасение, что местные власти вряд ли отпустят его. И Бахилу взял на себя решение этого вопроса. Он убедил первого секретаря Урайского горкома КПСС Владимира Сергеевича Петрова и председателя горисполкома Роберта Мурадовича Мкртычева в необходимости переезда В.Н. Киселева в Нижневартовск. Остальные вопросы, зависящие только от нас, тоже были решены.

Я знал, что Ю.Э. Сидорова поддерживала наше решение. Это и понятно: ведь не было ни одного пленума, актива, собрания в области, где бы ее не критиковали за неудовлетворительное состояние подведомственного учреждения в Нижневартовске. Она была уверена, что с приходом Киселева сдвиг в городе произойдет незамедлительно.

В начале 1972 года Василий Никитович принял хлебозавод, дышавший на ладан, еле-еле сводивший концы с концами. Хлеба жителям не хватало. Очереди за ним занимали с раннего утра. Привозили его отовсюду, зачастую уже черствый, но и такой буквально сметали с прилавков. Картина была подобна той, которую наблюдал Киселев когда-то в Урае. Он не привык, чтобы его подталкивали, и сразу включился в работу, развил бурную деятельность. И к концу года нижневартовцы увидели на прилавках магазинов в избытке не только хлеб, но и сдобные булочки, которым так радовались дети. На реконструированном заводе за сутки выпекали семь-десять тонн хлеба и восемьсот килограммов сдобы, а через два года на тех же площадях при научной организации труда, дополнительных линиях и высокой дисциплине выпуск хлебных изделий увеличился в шесть раз, ассортимент достиг тридцати наименований. Отстающий ранее хлебозавод стал рентабельным предприятием. Здесь установили высокопроизводительное оборудование, расширили производственные площади, сформировался надежный коллектив. Но это требовало от нового директора больших усилий и предприимчивости.

Быстро растущий город был надежно обеспечен главным продуктом — хлебом. Энергия нового директора была через край. Чтобы сэкономить время, Василий Никитович отказывался от услуг специализированного проектного института, чертежи и расчеты готовили на месте, оперативно. Необходимое оборудование собирал во всех городах, на складах, в общем, везде, где «плохо лежало». В Урае у своих бывших коллег выпросил одну печь и бутыломоечную машину, в Тобольске — линию по розливу ликеро-водочных изделий, в Тюмени — разливочную линию для прохладительных напитков, в Ишиме — полуавтоматическую линию для изготовления кваса.

Киселева поддерживали работники управления пищевой промышленности, помогала Юся Эммануиловна, с благослове-

ния которой началась его успешная карьера. Правда, некоторые выражали неудовольствие: мол, он занимается кустарщиной. Директор спорил, опровергал домыслы, доказывал оппонентам, что есть резервные площади, которые можно и нужно использовать при наличии высокотехнологичного оборудования. «Я сам против кустарщины, и человек, делающий что-либо временно, сам чувствует себя временщиком. Я же в Нижневартовске всерьез и надолго...» — говорил Киселев.

Василий Никитович упорно продолжал начатое. Строил, демонтировал устаревшее оборудование, ставил новое, тщательно подбирал рабочих и специалистов, учил их. Загрузку и выгрузку хлеба в хранилище перевел на лоточную систему, что экономило время для машин, развозящих готовую продукцию в торговую сеть города. Организовал бригадный метод работы, обучение смежным профессиям — это до минимума снизило внутрисменные простои, повысило на 10—15 процентов производительность труда, увеличило объем и качество выпускаемой продукции. Если в 1972 году выработка на одного человека составила 14000 рублей, то в 1973-м в пять раз больше.

Безусловно, большую роль в достигнутых результатах сыграла заинтересованность основного заказчика — начальника НГДУ «Мегионнефть» Р.И. Кузоваткина. На этот объект он направил главного инженера Б.К. Золина с напутствием: «Борис, отныне твой рабочий день начинается и заканчивается на хлебозаводе. Персонально отвечаешь за выполнение всех работ. Помогай решать вопросы, который ставит неугомонный Киселев. Такую задачу поставил передо мной Муравленко».

С пониманием отнесся к возведению нового объекта начальник объединения «Запсибнефтьстрой» Г.Н. Малкин, обязав управляющего трестом «Нижневартовскнефтьстрой» М.К. Михайлова быстро и качественно выполнить все работы на хлебозаводе, где постоянно находились главный инженер треста И.А. Волков и заместитель управляющего Ш.И. Ибрагимов, а работами руководили начальник СМУ-5 Шевченко и начальник СМУ-9 Коротченко. Они, как истинные патриоты своего города, понимали важность решаемой не только социальной, но и политической задачи.

Лучшие бригады каменщиков, монтажников, плотников, штукатуров и маляров, которыми руководили Г. Удавенко, В. Сергеев, П. Васильев и Т. Иноземцева в течение года превратили ста-

рый завод в современный, отвечающий всем техническим и санитарным нормам. Этот объект лично курировали председатели горисполкома Н.Ф. Фоменко, Н.А. Салихов и Н.А. Москаленко.

Однажды ко мне в кабинет зашел Н.А. Москаленко и пригласил посмотреть завод после реконструкции. В то время я занимал должность первого секретаря горкома партии и соби-рался побывать там, поэтому с удовольствием принял пригла-шение.

Василий Никитович встретил нас, здесь же находился началь-ник ОРСа нефтяников Н.Н. Рыкун. Он предложил, как положе-но, белые халаты и повел показывать свое любимое детище — хлебные цеха. Я увидел светлое, просторное, выложенное кафе-лем помещение, напоминающее больницу. Ровный гул грушевид-ных тестомешалок перемежался с монотонными шлепками тес-тоделительной машины. Из ее зева, как по мановению волшеб-ной палочки, ровными долями выдавливалось в движущиеся фор-мочки упругое тесто. Очередной шлепок — булка хлеба готова. В цехе — четыре печи, это позволяло производить за сутки до 60 тонн хлебобулочных изделий, что вполне хватало для обеспе-чения потребностей города и района. В хранилище Василий Ники-тович показал нам изделия, пользующиеся повышенным спро-сом: булки «Московская», «Приобская», сдоба «Выборгская», «Фигурная», пряники. На вопрос: «Почему же в магазинах эта продукция бывает черствой?» — ответил прямо: «Причина в не-удовлетворительной работе автотранспорта, подчиняющегося ОРСу нефтяников. Постоянно срывается график выделения транспорта, а своих машин нет. Мои неоднократные запросы в управление не дали положительных результатов».

Пока Киселев объяснял причину, я видел, как неловко чув-ствовал себя Н.Н. Рыкун. Посоветовавшись, решили: надо обя-зать первую автотранспортную контору и ее начальника Б.В. Зарицкого создать специальную колонну таких машин и снять проблему. Затем зашли в цех безалкогольных напитков и лике-ро-водочных изделий. Встретил он нас веселым перезвоном бу-тылок, ровной шеренгой двигающихся по узкой ленте конвейе-ра. Люминесцентное освещение, блестящий кафель, идеальная чистота. Только два человека обслуживали эту автоматическую линию. Не верилось, что когда-то здесь был склад для хранения муки. Увидев мое изумление, Василий Никитович довольно

улыбнулся: ведь все сделанное стоило ему огромного труда. Были и бессонные ночи, и работа без выходных и праздников... Но делал это не по приказу, а по личной инициативе, исходя из потребностей горожан. За сутки в продажу поступало 900 декалитров лимонада и прохладительных напитков семи наименований. Затем подошли к участку, где шло приготовление кваса. Поскольку одна машина напоить город была не в силах, сделали из металлоконструкций пристрой и приступили к монтажу еще одной линии производительностью шесть тысяч бутылок в час, что позволит ежедневно поставлять городу до двух тысяч декалитров кваса.

В душе я гордился не только тем, что увидел, но и государственным подходом руководителя к делу. Совсем недавно по воде летом, а зимой по воздуху везли за тысячу километров воду в бутылках. Теперь ее производили на месте. «Василий Никитович, — обратился я, — а где производится продукция, которая удивляет наших и зарубежных гостей — нижевартовская «Столичная», «Московская» и даже «Посольская?». Он повел нас в цех розлива алкогольных напитков и на ходу говорил: «Скоро получим новое оборудование, тогда начнем выпускать и вина — «Красное крепкое» и шипучие.

Находясь на заводе, я захотел услышать мнение работников об условиях труда, о нерешенных проблемах, о директоре и поэтому поговорил с некоторыми. Старейший работник завода, мастер Алевтина Дмитриевна Федорова ответила так: «Да, наш директор часто на нас ворчит за то, что мы порой задерживаемся допоздна. Учитесь, говорит, все успевать в течение рабочего дня, а если не успеваете, значит плохо распоряжаетесь временем. Это уже не энтузиазм, а неорганизованность. Уж очень он любит чистоту, порядок, дисциплину...». Я тут же спросил Киселева: «Почему вы находитесь на заводе с раннего утра и почти до конца второй смены?». А он ответил: «Мой бюджет времени предлагаю не обсуждать, он — мой, и я распоряжаюсь им по своему усмотрению».

Встретился я и с главным механиком И.Н. Кузнецовым, который приехал вместе с Киселевым. Поинтересовался, как ему живется и трудится. Иван Николаевич, улыбнувшись, сказал: «Трудно работать с таким неугомонным директором. Здесь, конечно, все сложнее. Пришлось латать старое, действовать по принципу: кажется невозможным, а попробуем и осилим. Это уже не только

технология, но и человеческие отношения, морально-психологический климат, который так важен в коллективе. Люди поверили в руководителя и сделали то, что вам сегодня показали».

После осмотра Василий Никитович предложил зайти в комнату отдыха — небольшое помещение, со вкусом и по-домашнему обставленное. Здесь можно отдохнуть, послушать музыку, почитать свежие газеты и журналы, посмотреть телевизор. Рядом — небольшая столовая, в которой обеды и ужины стоят значительно дешевле, чем в других столовых города. После смены работники развозят по домам на автобусе, так как производственный процесс непрерывный, и смены заканчиваются и вечером, и ночью. Несмотря на сложные условия работы, в коллективе нет текучести кадров, приличная зарплата, нет нарушений трудовой дисциплины.

Обзор завода завершен. Мы поблагодарили коллектив и его руководителя за работу. Я еще раз убедился в справедливости лозунга, над которым сегодня некоторые иронизируют: кадры решают все.

Василий Никитович пользовался уважением среди хозяйственных руководителей города и района, многие помогали ему в добрых начинаниях. Так, начальник УБР-2 Авзалетдин Гизятуллович Исянгулов изготовил металлические формы для выпечки хлеба, директор первой центральной базы производственного оборудования Александр Анатольевич Шварев выполнил заказы на изготовление нестандартного оборудования, начальник УБР-1 Валентин Иванович Хлюпин пробурил скважину для воды, начальник вышкомонтажного управления Аркадий Акимович Бабларьян помог в монтаже линии по розливу безалкогольных напитков, а начальник цеха по ремонту промышленного оборудования Леонид Прокопьевич Поляков был в «подсобных» у Киселева по монтажу и наладке всего оборудования. Вот уж действительно: хлебозавод доводили «до ума» всем миром.

В чем же секрет успеха Василия Никитовича? Наверное, в том, что занимался он любимым делом, понимал его важность и значимость. В том, что отдавался этому делу сполна, верил в себя и тех, кто был рядом, а успехи и неудачи делил с ними поровну. В том, что рядом была все понимающая и верная жена.

Киселев был не просто исполнителем, а организатором, «генератором идей», но не прожектором. У него всегда был чет-

кий, экономически обоснованный план действий на день, месяц, квартал, год. Он оперировал ими, отстаивал свою позицию на любом уровне. Мне кажется, смысл его жизни сводился к тому, чтобы созидать, строить новые объекты, благодаря которым повышался уровень и качество жизни людей.

Василий Никитович дает себе такую оценку: «Действовал в Нижневартовске порой жестко. Взял себе за правило: не распыляться по мелочам, не делать ничего за подчиненных, ценить каждую рабочую минуту, считать каждую копейку».

Я уважаю этого человека. Мне довелось слышать о нем немало суждений. Одни говорили, что очень строг, даже крут с подчиненными, другие — не дает покоя никому, в том числе и себе, много экспериментирует. Но знаю точно, и в этом сходилось большинство, — с Василием Никитовичем работать очень интересно.

Киселев, конечно же, думал о перспективе. В Нижневартовске при нем начали сооружать проектные объекты — крупный хлебокомбинат и пивзавод. Окончательно вводили их в строй уже без него: Василий Никитович стал главным инженером областного управления пищевой промышленности. Но и работая в Тюмени, он постоянно курировал строительство, стараясь помочь важному делу. Можно уверенно сказать: он сполна выполнил свой долг перед горожанами Нижневартовска.

Сегодня Василий Никитович Киселев известен в Тюмени по ЗАО «Мальвинка». Это предприятие он передал, как семейную эстафету, своим детям.

Мой мудрый учитель

Для меня Василий Васильевич Бахиллов был и навсегда останется учителем. При упоминании его фамилии в моей душе рождается светлое и доброе чувство.

Думаю, Василий Васильевич был благодарен своей нелегкой судьбе военных и послевоенных лет, своим родителям, заложившим в его гены и натуру высокую работоспособность, умение чутко реагировать на добро и зло, сопереживать, любить и слушать людей. Вот об этом мой рассказ.

Главная его черта — это порядочность, надежность в работе и жизни. Было за что его уважать, брать пример, по-настоящему гордиться его поколением. Он бережно относился к людям труда, знал их нужды, был готов прийти им на помощь.

Из родного города Ишима в девятнадцать лет он ушел в Советскую Армию, на войну... Командир огневого взвода зенитной батареи. Для его поколения Великая Отечественная — не только молодость, опаленная горем и бедами, но и «точка отсчета» для оценки людей, их поступков, их нравственной ценности. Они вольно или невольно сравниваются с теми, кто не вернулся, потому что шансов оказаться среди них на той страшной войне было больше, чем остаться в живых.

Более двенадцати лет я имел возможность видеть его, работать с ним рядом. Василий Васильевич резко выделялся среди иных чванливых партработников, не терпел имитаторов работы, лжесов и подхалимов, к подчиненным относился, как к родным детям. У него было любимое изречение: «В мое отсутствие, уверен, мои помощники работают гораздо лучше меня. Значит, недаром им во всем доверяю».

Василий Васильевич шел к этому долго. Не хватало знаний. Пришлось уже в солидном возрасте учиться наверстывать упущенное, ибо шесть военных лет отняли у него эту возможность.

После окончания партийных курсов Василию Васильевичу была предложена работа заведующего орготделом Сургутского

райкома партии. Подобная практика в партийных органах была повсеместной. В тюменской организации она диктовалась несколькими обстоятельствами. Во-первых, область в 1944 году обрела самостоятельность, выделившись из состава Омской области. Во-вторых, в двух национальных округах был дефицит кадров в партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органах. В-третьих, в 50-е годы в округах начались работы геодезистов и геофизиков, геологоразведчиков и буровиков, открывших нефтяные и газовые месторождения. Для их освоения нужны были «привозные» кадры монтажников и строителей, авиаторов и речников, врачей и учителей, снабженцев и торговых работников, так как коренное население не могло решить этих задач.

Не случайно первый секретарь обкома партии В.В. Косов, выступая на одном из областных активов, сказал: «Нарастающую экономику области тащат назад два округа, которые, как две гири на ногах, сковывают ее дальнейшее развитие». Но вскоре страна, мир узнают «об открытии двадцатого века» и назовут «русским чудом» создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Поистине пророческими окажутся слова великого Ломоносова о том, что могущество Российского государства прирастать будет Сибирью.

После трех лет работы Василия Васильевича избирают секретарем райкома партии. Но перспективы дальнейшего роста не было — надо было иметь высшее образование. И он в 1956 году становится слушателем Омской высшей партийной школы. После ее окончания в 1959 году обком партии направляет его заведующим сельхозотделом Ханты-Мансийского окружкома, а спустя год его избирают первым секретарем Сургутского райкома партии, где он бессменно проработает одиннадцать лет.

Сколько километров было по бездорожью им исхожено, сколько самолетов и вертолетов «освоено», сколько нервов и здоровья отдано для формирования дружного и работоспособного сургутского партийного штаба, под руководством которого осваивалась и обустроивалась югорская земля!

Волею судьбы его имя, его дела стали яркой страницей в истории сургутской нефти, а начали ее писать геологи. Седьмая пятилетка была именно пятилеткой геологоразведчиков. Сургут стал центром сосредоточия геологических предприятий, которые возглавили деловые, напористые, умные руководители: И.Г.

Шаповалов, В.А. Абазаров, Я.И. Галян, Ф.К. Салманов, С.В. Синюткин. Они, открывшие нефтяные месторождения — Шаимское (1960), Усть-Балыкское и Мегионское (1961), Западно-Сургутское (1962), Правдинское и Южно-Балыкское (1964), Самотлорское и Мамонтовское (1965), — до прихода массового отряда нефтяников экстренно и без промедления сумели в 1964 году организовать с геологических скважин отправку первой тюменской нефти водным путем — баржами — на Омский НПЗ. И тем самым начать отсчет промышленного освоения недр.

Василий Васильевич был среди них равным, своим человеком. Он их любил. Хотя и было геологам нелегко, ибо первый секретарь райкома партии не был добреньким и покладистым. Он был резок, держал их в напряжении, не давал расслабиться, настойчиво требовал выполнения порой невыполнимых решений, мобилизации имеющихся у них ресурсов, укрепления дисциплины и порядка, настоящего обустройства быта людей. Именно в эти годы отработывалась система партийного управления всеми производственными и социальными процессами, происходящими в Сургутском районе.

А коль это было так, то именно геологи на пленуме Сургутского горкома партии настояли на представлении В.В. Бахилова к званию Героя Социалистического Труда за большие заслуги в развитии города и района. Поводом послужило решение обкома КПСС о направлении Василия Васильевича в Нижневартовск. Принятое постановление пленума Сургутского ГК КПСС поставило обком, окружком, да и ЦК в нестандартное положение. В то время отсутствовала практика награждения низовых партработников столь высокой наградой. Решение сургутских коммунистов перечеркнуло эту традицию. В.В. Бахилов, секретарь горкома, оказался в числе первых в областной партийной организации, удостоившихся этого высокого звания.

* * *

Чем же руководствовался обком партии, направляя Василия Васильевича в Нижневартовскую парторганизацию? Во-первых, после открытия крупнейшего месторождения — Самотлорского — на первый план по добыче нефти уже вышел Нижневартовский район. Восьмая и девятая пятилетки были в руках

тюменских нефтяников. Нефтяная перспектива требовала резкого увеличения объемов строительных работ, борьбы за высокие показатели в бурении, вышкостроении, максимального увеличения прокладки трубопроводов, совершенствования кустового метода монтажа скважин, развития блочного строительства объектов добычи нефти. Для этого нужен был партийный боец, прошедший школу Сургута. Им был Бахиллов.

Во-вторых, началось с нулевой отметки строительство города Нижневартовска с невиданными темпами и объемами капиталовложений. В этой ситуации потребовался вожак, имеющий опыт и много сделавший для строительства Сургута. Им был Бахиллов.

В-третьих, нижневартовская «кадровая чехарда» с частой сменой первых секретарей райкома партии и председателей райисполкома приводила к негативным последствиям. Здесь был необходим Бахиллов, которому на деле предстояло организовать подбор, расстановку и воспитание кадров всех уровней. Именно он, волевой и решительный, имеющий непререкаемый авторитет среди руководителей, должен был и здесь стабилизировать обстановку.

В-четвертых, избранные секретарями райкома партии Николай Яковлевич Токарев и я нуждались в руководителе с большим жизненным и партийным опытом. Безусловно, им был Бахиллов.

И, наконец, большой по территории Нижневартовский район требовал комплексного развития, с продуманной системой работы с местным национальным населением — ханты и манси. Такой опыт уже складывался в соседнем Сургутском районе. Поэтому здесь был необходим Бахиллов.

Прибывших на суровый Тюменский Север многих молодых людей, в том числе и меня, ожидали непредсказуемые подчас ситуации, насыщенная проблемами работа. Многие дни и ночи без полноценного сна и отдыха, безусловно, изнуряли, но молодость, упорство и слово «надо» заставляли выполнять поставленные задачи.

Этот период, как мне представляется, до сих пор по-настоящему не смогли оценить, и еще должны пройти годы и годы, пока до конца удастся понять его истинную ценность и неповторимость для страны, поразившей мир, особенно в годы «застоя», когда освоение Тюменского Севера получило огромный размах.

Есть на этот счет замечательные слова у русского поэта: «...история не ведает кабы, историю интересуется то, что было...».

От этой правды никуда не уйти. А роль КПСС в развитии нефтегазового комплекса Западной Сибири никому не удастся очернить и принизить. Практически все ведущие специалисты и руководители разных направлений, приезжающие в нефтяные районы области, уже были коммунистами и комсомольцами. Партия отбирала сюда лучших из лучших добровольцев из всех республик и областей. Время требовало от руководителей всех рангов неимоверного напряжения сил, воли, большой самоотдачи и мужества, они были патриотами, созидателями. Центральный Комитет держал на контроле практически все действия геологов, нефтяников, строителей, осваивающих сибирскую нефтяную целину. «Мне как руководителю городской организации хочется, чтобы каждый работник аппарата, секретарь парткома, первичной парторганизации работал с огоньком, — говорил Василий Васильевич, — чтобы они чувствовали себя хозяевами города, предприятия, были горды за свою работу». Бахилев по натуре был оптимистом. Хотя трудностей было через край... В такие моменты он брался за дужку роговых очков, приспускал их и какое-то время молчал. Но по глазам чувствовалось: он о многом успеваешь передумать. Потом вскидывал густые брови и начинал «бахилевский» стиль работы. Он ценил дружбу друзей и коллективов. Эти качества не пришли сами собой, он тоже учился, перенимал опыт и знания у других.

Есть в нефтяной промышленности специфическая черта — общий успех здесь, как в эстафете, зависит от каждого. Отсюда характерное для нефтяников чувство большой семьи, коллективизма, общей ответственности, и не только за себя. Отсюда и уважительное отношение к делам прошлого, к людям, которые трудились до тебя, осваивали месторождения и все, что входит в комплекс нефтедобычи.

Новость о переезде Василия Васильевича в Нижневартовск мы с Николаем Яковлевичем горячо обсуждали, обменивались мнениями, строили планы работы с Бахилевым. Я рад был вдвойне: он едет на замену М.П. Страхову, с которым у нас были натянутые отношения. Исходили они от Марата Павловича и сводились к одному — против его воли обком партии рекомендовал меня секретарем райкома по идеологии. Он же на эту

должность предлагал своего человека, работающего заведующим отделом пропаганды и агитации райкома.

Неприятнь ко мне М.П. Страхов не скрывал и подчеркивал всюду. Вопросы, относящиеся к моей компетенции, он решал, минуя меня.

Николай Яковлевич Токарев, работая в должности инструктора обкома КПСС, хорошо знал В.В. Бахилова. Они неоднократно встречались в Сургуте по делам городской организации.

Работая в комсомоле в Тюмени, я дважды видел Василия Васильевича на собраниях партийно-хозяйственного актива области. Мне по душе были его горячие, довольно простые по содержанию выступления, но с адресными и критическими выводами.

Со стороны я наблюдал за ним, когда он общался с друзьями, коллегами, хозяйственными руководителями. Василий Васильевич выделялся своей простотой и доступностью. Конечно, я тогда не мог предположить, что доведется с ним работать и многому у него научиться.

Первая моя официальная встреча с ним произошла на бюро райкома партии за час до заседания внеочередного пленума Нижневартовского РК КПСС, на котором нам предстояло избрать его членом бюро и первым секретарем. Его представлял первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома Лев Иванович Кудрявцев. Он ознакомил нас с биографией, дал исчерпывающую характеристику. Василий Васильевич внешне выглядел усталым. Однако волновался — выдавали его руки. Он часто снимал и надевал очки. Вопросов к нему не было.

Избрали единогласно. Многие члены райкома партии знали Василия Васильевича, так как головные организации и предприятия находились в Сургуте: леспромхоз, аэропорт, речники, нефтепроводное управление. Знали его по делам в Сургутском районе. Тепло поблагодарив за оказанное доверие, он сказал следующее: «Для меня большая честь работать в районе, где сегодня решаются грандиозные государственные дела, где создается крупнейший нефтяной регион. Даю себе отчет о высокой ответственности. Мой настрой — на созидание и совместный успех».

Проводив Л.И. Кудрявцева в аэропорт, Василий Васильевич вернулся в райком. Вначале он пригласил к себе на беседу Н.Я. Токарева, а затем меня. Интересовало его буквально все. Я по-

ведал ему о себе, о семье. На следующий день он продолжал знакомиться с работниками аппарата. Потом перешел к конкретике. Нам с Токаревым поручил подготовку к пленуму райкома, где ему впервые предстояло выступать с докладом. Сам же начал знакомство с коллективами, руководителями, с районом.

На пленуме РК КПСС ставили вопрос о мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири, о задачах районной парторганизации. Принятое постановление ЦК КПСС на эту тему обсудили пленумы обкома и окружкома. Теперь следовало обсудить на пленуме райкома, а затем в первичных организациях. Мы должны были определить конкретную программу действий, дойти до каждого человека, до каждого трудового коллектива с определением задач совету, профсоюзу, комсомолу.

* * *

В тот период районная парторганизация насчитывала 2200 коммунистов, которые были расставлены на решающих участках производства. Более половины численного состава — рабочие. Структура способствовала четкой деловой работе бюро, аппарата райкома, совершенствованию форм и методов руководства первичками, цеховыми организациями и партгруппами. Все это позволяло усиливать влияние на деятельность предприятий. С первого дня прихода Василия Васильевича в аппарат райкома мы почувствовали его индивидуальный стиль, дающий нам инициативу в принимаемых решениях и действиях. Его большой жизненный и профессиональный опыт для нас, молодых, был очень важен.

Как-то рано звонит и спрашивает: «Сергей, слушаешь ли ты утренние передачи из Тюмени и Ханты-Мансийска?». Ответил, что слушаю, но не регулярно. Он тут же мне: «Как секретарь по идеологии ты обязан слушать последние известия и должен знать о происходящих событиях в области и округе. Прошу к этому же приучать работников аппарата и находить время обсуждать новости, обмениваться мнениями».

Потом последовал второй вопрос: «Скажи мне, как ты получаешь периодическую печать? Вот мне ее приносят с опозданием на два-три дня — целыми пачками». Отвечаю: «Газеты, на-

верное, получаю, как и все жители поселка». Василий Васильевич попросил навести в этом вопросе порядок и поправил меня, сказал, что слово «наверное» негоже для секретаря райкома партии, который курирует районный узел связи. «Советую тебе потребовать от начальника Пospelова изменить порядок доставки корреспонденции на дом. Ты должен получать ее в тот же день, желательнее в первой половине. А с работника отдела, отвечающего за этот важнейший участок идеологической работы, спрашивай попрямее». Эти замечания и предложения Василия Васильевича я принял к неуклонному исполнению и должен сказать, что по данным вопросам больше проблем не возникало.

Однажды, как бы мимоходом, он мне подсказал, как нужно отличать и изучать качества руководителей. Как сейчас помню, делил руководителей на четыре вида и советовал мне: «Не ново, что каждый руководитель строит работу в коллективе по своей методе, которая не всегда хороша. Иной надеется на свою нахрапистость и нередко по первости достигает неплохих результатов. Другой пытается заигрывать с подчиненными — этому сядут на шею. Третий вроде бы и справедлив, но неоправданно строг, даже жесток, от него люди бегут. Ну а четвертый... Словом, искусственное и наносное — ненадежная опора, а поэтому недолговечная». И тут же, как бы рассуждая, давал мне рекомендацию: «Надо быть самим собой, и в первую очередь видеть в человеке Человека». А далее предостерег: «Есть опасная категория руководителей, которые лезут в друзья ввиду занимаемой тобой должности. Они, как правило, легко могут предать в связи с изменившимися обстоятельствами».

Василий Васильевич стремился объединить работников аппарата одной идеей: на работе — только работа. Второе правило: работу строить на честности и добросовестности. Он неоднократно подчеркивал на аппаратных совещаниях, что вранье одного работника может обернуться неприятностями и недоверием к делам и устремлениям парторгана, принизить его роль среди населения. Василий Васильевич предложил Н.Я. Токареву и мне подобрать в аппарат работников из числа лучших представителей основных производств: нефтяной промышленности, строительства и транспорта. Исходя из такой установки, нам удалось довольно быстро подобрать молодых, деловых и уважаемых людей из трудовых коллективов. Наша задача состояла в том, что-

бы помочь им овладеть искусством работать с людьми, жить их интересами, заботиться о их быте, учебе, культуре и отдыхе.

Безусловно, любое выдвижение на работу в аппарат райкома, на должности секретарей парткомов, первичных парторганизаций, а также райисполкома, райкома комсомола и председателей профсоюзных организаций требовало от орготдела скрупулезного, всестороннего изучения всех качеств выдвиженца. В первую очередь учитывалось его желание, а затем нравственные и профессиональные качества. Василий Васильевич требовал от орготдела системного подхода к работе с кадрами, заботы о профессиональном и политическом росте каждого, с кем нам приходилось работать в те годы.

На одном примере хочу показать, как это происходило. В связи с уходом на пенсию и по состоянию здоровья председателя райкома профсоюза рабочих нефтяной и химической промышленности Ф.С. Удовенко надо было найти достойную замену. Федор Сергеевич зарекомендовал себя положительно, по праву считался лидером профсоюзных организаций района и округа, обладал качествами, которые были так необходимы в работе с рабочими, интеллигенцией. Это был руководитель, болеющий и бьющийся за социальные блага, охрану здоровья, создание нормальных условий в труде. Поэтому найти равнозначную кандидатуру было нелегко.

Я предложил Василию Васильевичу кандидатуру И.М. Сосновских, которого знал уже более года. К нему у меня было особое отношение. Игорь Михайлович работал помбуром в знаменитой бригаде мастера Г.М. Левина. Именно с этой бригадой неоднократно приходилось знакомить приезжающих гостей разного уровня: ответственных работников ЦК КПСС и правительства, ученых, писателей, артистов, журналистов, военных, иностранцев. Все тогда мечтали «отметиться» на Самолоре, посмотреть известного на всю страну Героя Социалистического Труда бригадира Геннадий Михайловича Левина.

В моей «экскурсионной» работе я часто прибегал к помощи Игоря Михайловича. Он был красив, умен, обаятелен, а главное — мог доступно рассказать о специальности буровика, об особенностях бурового производства.

Василий Васильевич два раза встречался и беседовал с Игорем Михайловичем о переходе на профсоюзную работу, но по-

лучал категорический отказ Сосновских не устраивала заработная плата — он действительно много терял материально. Конечно же, на его решение влияла и женская логика. Я предложил Василию Васильевичу сделать некоторую паузу в переговорном процессе и сам более подробно ознакомился с его личным делом. Сосновских приехал в Тюмень из Красноуральска Свердловской области. После службы на Северном флоте он работал заместителем директора по воспитательной работе профтехучилища, вторым секретарем горкома комсомола и инструктором горкома партии. Пришлось связаться с горкомом, который прислал положительную характеристику. Игорь Михайлович уехал из Красноуральска в связи с поступлением на очное отделение индустриального института, созданного в 1964 году в Тюмени. Он был в числе первых его выпускников. Руководителем дипломной работы был Виктор Иванович Муравленко. В 1969 году, после окончания института, Игорь Михайлович изъявил желание работать на севере Тюменской области и был распределен в Нижневартовское управление буровых работ № 1, где и попал в буровую бригаду Г.М. Левина.

Тот, кто знаком с бурением на нефть или газ, знает, что строительство скважины — процесс непрерывный от забурки под кондуктор до сдачи ее испытанием. Нарушение технологического цикла грозит потерей ствола, а это, в свою очередь, потерянные огромные деньги в виде материальных ценностей. Мастер или помощник мастера обязаны быть постоянно на буровой. Поэтому мне приходилось беседовать с Игорем Михайловичем во время его вахты даже в ночное время, убеждая его принять наше предложение, сделать выбор, а вернуться в бригаду, говорил я, никогда не поздно, если не сложится работа в райкоме профсоюза. Василий Васильевич был удивлен, что мне удалось склонить Игоря Михайловича на нашу сторону. И мы в нем не ошиблись. Он показал себя хорошим организатором. Поэтому при создании промышленно-транспортного отдела горкома партии мы предложили И.М. Сосновских возглавить отдел и подобрать себе двух инструкторов. После избрания в 1973 году меня первым секретарем горкома партии Игорь стал вторым. Помню его откровенные и показательные слова: «Я прошел хорошую партийную школу. В буровой бригаде так бы и остался помбуром». После горкома партии он много лет рабо-

тал заместителем генерального директора производственного объединения «Нижневартовскнефтегаз» по кадрам и быту. Очень жаль, что он рано ушел из жизни.

Умение убеждать — отличительная черта партработника. За два года совместной работы с Василием Васильевичем и в последующем постоянно приходилось обновлять и комплектовать новыми кадрами советские, партийные, комсомольские комитеты. Продолжая практику Василия Васильевича, никаких «насильственных» приемов, вплоть до сдачи партбилета, в своей практике не применяли. Работник, добросовестно изъявивший желание работать, как правило, более добросовестно и честно относится к своим обязанностям, а значит, исключается возможность попадания «случайных», конъюнктурных людей.

После прихода И.М. Сосновских в нашу команду Василий Васильевич стал больше мне доверять и прислушиваться к моему мнению. Делал он это, как я потом понял, с определенным прицелом, ибо тоже изучал меня, готовил себе замену.

На первый взгляд скучноватая организационно-партийная работа на самом деле была важным звеном в общей кадровой политике и требовала к себе повышенного внимания, продуманного и систематического анализа. В горкоме партии по предложению В.В. Бахилова был подобран состав резерва кадров на выдвижение. Эту работу возглавил заведующий орготделом Виталий Александрович Илькин. Прекрасный организатор, талантливый и умный работник, которого мы все глубоко уважали и непременно прислушивались к его советам и предложениям. Василий Васильевич о нем образно говорил: «Это мои глаза и уши».

В разное время партийную школу успешно прошли В.Д. Пилусов, Э.Д. Бушмакин, С.И. Денисов, Б.Г. Антонов, К.С. Замалетдинов, В.Д. Филатов, А.А. Рыбалов, В.В. Романенко, И.А. Яшенко, В.С. Смирнов.

Именно они решали сложные производственные задачи, опираясь на трудовые коллективы, именно они видели свой партийный долг в достижении конкретных результатов, получали от работы прежде всего моральное удовлетворение, а потом уже материальное. Партийные работники всех уровней всегда пытались детально разобраться во всех вопросах нефтедобычи, бурения, строительства. Они были не из легких, и решить их нужно было с высокой эффективностью и качеством.

И тогда, и сейчас, по истечении времени, можно констатировать, что первичные партийные организации города и района сыграли решающую роль в создании крупнейшего Нижневартковского нефтяного региона. Однако это не значит, что мы не допускали ошибок. Были ошибки и у Василия Васильевича. Одна из них — это безоглядная вера в тех, с кем он учился, с кем ранее работал. К сожалению, не все из них и не всегда были теми специалистами, какими он их помнил или представлял. Предлагая им высокую должность, он был в них уверен, как в себе. Но они его, бывало, подводили. И, конечно, Василий Васильевич это тяжело переживал.

Уже работая в Нижневартовске, Василий Васильевич ждал исторического момента в строительстве участка железной дороги, идущей от Тобольска до Сургута. И этот день пришел, на 575-м километре был забит «серебряный костыль». И рабочие поезда пошли дальше, до станции Юганская Обь.

Он с нетерпением ожидал на митинге по этому поводу встречи со своими друзьями: писателем, главным редактором журнала «Юность», который взял шефство над стройкой Севсиба, Героем Социалистического Труда Борисом Полевым, главным проектировщиком магистрали Али Алиджановым, писателем, редактором телепередачи «Поиск» Сергеем Смирновым. Василий Васильевич на этом мероприятии был желанным, почетным гостем. Ему вручили дорогой сувенир — «серебряный костыль».

Мужская дружба с С. Смирновым возникла, когда готовилась телепередача «Поиск» на Центральном телевидении. В этих передачах Сергей Сергеевич знакомил телезрителей страны с интереснейшими людьми — героями нашего времени. Мне посчастливилось участвовать в работе творческой группы программы «Поиск», которая несколько дней провела в Нижневартовске. Собирали материал, снимали беседы и встречи с людьми, знавшими Василия Васильевича. Конечно, основные моменты из жизни Бахилова группа снимала в Ишиме и Сургуте. О дне выхода телепередачи в эфир нижевартовцы были оповещены и с большим интересом посмотрели ее.

С.С. Смирнов пригласил на передачу Василия Васильевича и его жену Людмилу Семеновну. Лично встретил в аэропорту, организовал экскурсию по Останкино, познакомил со своим

творческим коллективом. Вернувшись домой, Бахиллов обо всем подробно рассказал. Он был тронут и не ожидал такого внимания к своей «персоне» со стороны писателя Сергея Смирнова.

С приходом Василия Васильевича значительно оживилась работа райкома партии. Наступило время конкретных действий для каждой парторганизации, для каждого руководителя.

Райком располагался в деревянном восьмиквартирном доме, занимал только второй этаж, условия были весьма стесненные. Решили покончить с долгостроем. Четыре года трест «Мегионгазстрой» под руководством Григория Ильича Пикмана не мог осилить строительство трехэтажного кирпичного здания по типовому проекту сельского райкома партии. Василий Васильевич решительно потребовал от Г.И. Пикмана за полгода сдать этот объект, который наглядно показывал бессилие местных властей. Курировать стройку поручили второму секретарю райкома Н.Я. Токареву. Председателю райисполкома Н.Ф. Фоменко была поставлена труднейшая задача — очистить территорию, прилегающую к зданию нового райкома партии, от балков. А на их месте разбить будущий парк отдыха. И дело сдвинулось с мертвой точки.

1972 год встречали в новом административном здании. Здесь разместились, кроме райкома партии, райисполком и райком комсомола.

На месте балков возвели ледяной сказочный городок: установили новогоднюю елку, украсили разноцветными гирляндами, построили горки и фигурки зверей из снега и льда. Такое было впервые. Дети и взрослые радовались этому новшеству. Когда Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин в январе 1972 года был в Нижневартовске, он прошел по этому городку и был приятно удивлен увиденным. Не обошлось и без переполоха. Как-то, проходя мимо сказочных персонажей и зверей, Василий Васильевич заметил, что у зайца разбита голова. Он тут же дал задание начальнику райотдела милиции Д.И. Суетину найти виновных, а чтобы такое не повторилось, организовать дежурство милиции, чем вызвал у гостей всеобщий смех и одобрение.

При Василии Васильевиче произошли многие позитивные изменения. В частности, была снята напряженность в обеспечении трудящихся Нижневартовска продуктами питания. Ему удалось эту, надо сказать, непростую ситуацию взять в руки и заставить

руководителей немедленно приступить к разрешению проблемы. В поселке не было хлебозавода. Хлеб завозили со всей округи: из Сургута, Стрежевого, Мегиона. Ведомственные пекарни не могли накормить растущий поселок. В.В. Бахиллов настоял на немедленном строительстве хлебозавода и молокозавода.

Благодаря инициативе вновь прибывшего из Урая Василия Никитовича Киселева, назначенного на должность директора будущего хлебозавода, управляющего трестом «Нижевартовскнефтьстрой» Михаила Корнеевича Михайлова, главного инженера этого треста Игоря Алексеевича Волкова, заместителя начальника НГДУ «Мегионнефть» по капитальному строительству Григория Михайловича Кукуевицкого в рекордные сроки был построен хлебозавод, а через год молокозавод.

Уместно вспомнить и такое начинание горкома, как строительство тепличного хозяйства и свинокомплекса. Тогда мы столкнулись с явным нежеланием некоторых руководителей заниматься этим. Вынуждены были, кроме убеждений, прибегнуть и к насильственным мерам. Прошло время, и все убедились, насколько своевременно и принципиально ставилась эта проблема.

Василий Васильевич серьезно взялся за благоустройство жилых микрорайонов. Строго требовал, чтобы на закрепленных за коллективами территориях вовремя убирали мусор, строили пешеходные дорожки и тротуары, освещали улицы и подъезды, высаживали деревья и цветы.

Не обошлось, естественно, без противодействия и столкновений. Многих руководителей это привело буквально в ярость: мол, что там еще надумал этот «чужак». Ведь ежедневно решалось множество производственных, технических проблем, связанных с обустройством месторождений, а он не дает покоя, лезет в душу с бытом, порядком, чистотой. Их поражало то обстоятельство, что В.В. Бахиллов успевает быть в курсе и этих, на первый взгляд, побочных проблем. Мы, работники райкома партии и райисполкома, ежедневно обходя неприглядные места, информировали его о беспорядках, а он уже суммировал наши впечатления.

Интересный был момент. Встречая в 1972 году праздник Октября, собрались на торжественный вечер, и Василий Васильевич сказал: «Товарищи! У нас сегодня необычный день. Мы с вами впервые пришли в этот зал без сапог. Мы сделали боль-

шое дело для всех жителей — благоустроили наш поселок, он стал чище и уютней».

Открытые месторождения и уникальный Самотлор требовали транспортировки и переработки нефти. Это было сложно. Месторождения оказались разбросанными в труднодоступных местах: в непроходимых болотах, среди глухомани и вечной мерзлоты. В этих условиях нужен был новый вид транспорта — трубопроводный. Он пришел на смену речному — нефтеналивным баржам. Начало было положено: построили 410-километровый нефтепровод Шаим—Тюмень, затем самый мощный в то время нефтепровод Усть-Балык—Омск протяженностью в тысячу километров. В навигацию 1967 года по Оби, Иртышу и Тоболу шли последние нефтяные караваны.

Но сибирская нефть нужна была европейской части страны. Началось строительство мощного магистрального нефтепровода Самотлор—Усть-Балык—Тюмень—Курган—Уфа—Альметьевск. И в 1973 году тюменская нефть вошла в единое русло нефтепровода «Дружба». Строительство данного объекта было разбито на несколько технологических циклов. Штаб возглавлял второй секретарь окружкома партии Юрий Павлович Старцев. Головной участок протяженностью в 127 километров находился под контролем нашего райкома партии, и мне пришлось им заниматься. Работа на трассе очень напоминала боевые сводки с полей сражений. Условия строительства были поистине экстремальными: полное отсутствие дорог, болотные хляби, пятидесятиградусные морозы. Зато каждый проложенный километр нефтепровода, сдача в эксплуатацию перекачивающих станций были радостными минутами нашей общей победы.

Василий Васильевич мне, второму секретарю райкома, полностью доверил эту стройку. Помню его слова напутствия: «Сергея, эта великая стройка — испытание и проверка твоих деловых и организаторских способностей. Сумеешь выдержать и выполнить это задание, будешь человеком, руководителем». Не вмешиваясь в мою работу, он помогал в решении принципиальных вопросов, в частности, в налаживании деловых контактов со строительными подразделениями на сургутском участке. Мое место работы было в полевых условиях вместе с бригадами монтажников, механизаторами, автомобилистами. Это была серь-

езная школа. И я благодарен Василию Васильевичу за то, что он дал мне ее пройти.

Много хлопот доставило строительство и пуск в эксплуатацию нижневартовской головной нефтеперекачивающей станции. Не случайно много времени находился рядом со мной второй секретарь обкома партии Геннадий Павлович Богомяков. Стройка была завершена досрочно. Труд участников данного строительства был отмечен высокими наградами Родины. При получении мною ордена Трудового Красного Знамени Василий Васильевич улыбнулся и сказал: «Помнишь мой наказ? Ты с честью оправдал доверие. Ты, Сергей, сможешь теперь возглавить городскую парторганизацию. У меня есть преемник, и я горжусь тобой». Для меня такая оценка Василия Васильевича была выше полученной награды. Через четыре месяца так и произошло — меня избрали первым секретарем Нижневартовского горкома партии.

* * *

В 1973 году в областной партийной организации произошли большие кадровые перестановки. Президиум Верховного Совета СССР, а затем и сессия Верховного Совета СССР назначили Б.Е. Шербину министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, а Политбюро ЦК КПСС освободило его от обязанностей первого секретаря обкома КПСС.

18 декабря 1973 года на внеочередном пленуме обкома партии первым секретарем был избран Г.П. Богомяков, вторым секретарем — Г.И. Шмаль.

Несколько раньше этого события первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии П.М. Телепнев был избран секретарем обкома, и Василия Васильевича рекомендовали вместо него.

Прилетевший к нам на внеочередной пленум Нижневартовского горкома второй секретарь обкома Г.П. Богомяков должен был решить кадровые перестановки в связи с уходом В.В. Бахилова.

В зале установилась абсолютная тишина. Геннадий Павлович поблагодарил Василия Васильевича за работу и предложил членам горкома освободить его от обязанностей члена бюро и первого секретаря. Проголосовали единогласно. Затем Геннадий Павлович обратился к присутствующим: «А теперь, това-

риши, нам надо избрать первого секретаря. Мы имеем свое мнение, но я бы хотел услышать предложения членов горкома партии». Возникшую паузу прервал начальник НГДУ «Нижневартовскнефть» Р.И. Кузоваткин: «Нам, Геннадий Павлович, нечего думать. Нам никого со стороны не надо. У нас есть свой человек, которого мы хорошо знаем на протяжении четырех лет совместной работы. Это Сергей Дмитриевич Великопольский. На наших глазах шло его становление как профессионального партийного работника. Вот и предлагаю его избрать первым секретарем». Выступившие затем начальник Нижневартовского УБР-1 В.И. Хлюпин и управляющий трестом «Нижневартовскжилстрой» Я.М. Малинский поддержали это предложение. «Ну что же, я рад, что наши мнения совпадают», — произнес Г.П. Богомяков. Скажу откровенно: для меня это было неожиданно, ибо предварительного разговора со мной не было. Я поблагодарил за доверие и посчитал необходимым более подробно сказать о личном вкладе В.В. Бахилова в дела городской партийной организации. Я и сейчас, хотя Василия Васильевича уже много лет нет в живых, часто его вспоминаю и очень ему благодарен и признателен за его вклад в мое воспитание...

Но вернусь к пленуму обкома партии, на котором освободили Б.Е. Шербину. До начала заседания я видел, что Василий Васильевич чем-то встревожен и очень волнуется. Председательствующий секретарь обкома Дмитрий Алексеевич Смородинсков внес предложение об освобождении Б.Е. Шербины от обязанностей первого секретаря и члена обкома и обратился к залу: «Какие есть вопросы?». И тут встает Бахилов и просит слово для выступления. Привожу его выступление дословно: «Товарищи! Все мы знаем об Указе Президиума Верховного Совета СССР о назначении нашего первого секретаря обкома партии Бориса Евдокимовича Шербины министром строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР.

Спасибо вам, Борис Евдокимович, от всего сердца, от всей души за учебу. Мы вас будем помнить. И мы считаем, что на посту министра вы сделаете большое дело, ибо развитие нефтяной и газовой промышленности во многом зависит от работы этого министерства.

Товарищи, я лично вношу предложение и знаю, что это мнение многих секретарей, просить ЦК партии и Президиум Вер-

ховного Совета СССР за дела, которые свершились в области, присвоить нашему первому секретарю обкома Борису Евдокимовичу Шербине звание Героя Социалистического Труда».

Свое выступление Василий Васильевич произнес на одном дыхании, слова произносил громко, горячо и искренне. И все же внешне было видно, что он очень волновался. Заволновались и сидящие товарищи в президиуме. Я бы сказал, что в их рядах произошло некое замешательство. Спонтанная речь, а главное — предложение Василия Васильевича, мне показалось, были полной неожиданностью для президиума и для самого Б.Е. Шербины.

Д.А. Смородинков должен был согласно протоколу предложить присутствующим обсудить или проголосовать за внесенное членом обкома предложение. Но этого не произошло. Более того, о нем постарались как бы умолчать, не заметить. Добиться решения по аналогии с тем, что произошло с В.В. Бахиловым на пленуме Сургутского горкома три года назад, не удалось. Председательствующий свел организационный вопрос до минимума и поставил вопрос об освобождении Шербины на голосование, тем самым перечеркнув выступление Бахилова. Заслуженное звание Героя Социалистического Труда Б.Е. Шербина получил спустя одиннадцать лет — 6 октября 1984 года, будучи министром строительства нефтяной и газовой промышленности, за большие заслуги перед советским государством в области строительства нефтяной и газовой промышленности и в связи с досрочным вводом в эксплуатацию магистрального газопровода Уренгой—Помары—Ужгород на установленную мощность.

* * *

Как я уже отмечал, при В.В. Бахилове райком партии проводил большую организаторскую работу с кадрами всех уровней. Нам удалось многое сделать в этом важнейшем звене управления производством. Безусловно, были недостатки и упущения. Бюро обкома решило обсудить вопрос о работе Нижневартовского горкома партии с кадрами по отчету В.В. Бахилова.

Для изучения данного вопроса комиссию возглавил заведующий орготделом обкома Виктор Иванович Ерофеев. Но за

месяц до заседания бюро произошли кадровые перестановки. Василий Васильевич был переведен в окружком. Следовательно, мне предстояло делать отчет. В сложившейся практике за вопросы кадровой политики отвечали первые секретари и орготделы. Учитывая это обстоятельство, я обратился к В.И. Ерофееву с просьбой снять этот вопрос и перенести на более поздний срок. Виктор Иванович мне ответил: «Вопрос подготовлен и стоит в повестке заседания бюро и будет обсужден в сентябре. Лучше готовься к отчету, ты же был вторым». Я ему высказал свое недовольство тем, что горком партии не проинформирован об итогах проверки и не располагает справкой, с которой должны быть ознакомлены и члены бюро.

Теперь могу точно сказать, что данную справку от нас утаивали. Виктор Иванович постарался меня успокоить: «Тебе, Сергей Дмитриевич, нечего бояться, ведь работаешь «первым» всего месяц, члены обкома об этом знают и будут к тебе снисходительны. Прилетишь в Тюмень накануне бюро, ознакомлю со справкой». На мой вопрос, будет ли присутствовать на заседании Бахиллов, он ответил: «Бахиллов находится в командировке в Нефтеюганске, знакомится с работой горкома. Руководством принято решение его не приглашать». При Б.Е. Шербине на бюро всегда приглашали секретарей окружкомов партии в зависимости от рассматриваемого вопроса и распределения обязанностей между ними. На сей раз этого не было. Меня это обстоятельство еще более насторожило. Но пришлось подчиниться партийной дисциплине. Собрав необходимый справочный материал, аппарат горкома в спешном порядке готовил отчет.

Прилетев в Тюмень, из аэропорта направился к В.И. Ерофееву. Встретил он меня радушно, даже предложил чашку чая, что тогда было не принято. Я отказался и попросил справку. Ознакомившись с ее содержанием, указал ему на ряд положений, которые не соответствовали действительности, и о тех несправедливых выводах комиссии, которые касались Василия Васильевича. Ерофеев успокоил меня, сказав, что так надо. Откровенного разговора у нас не получилось. Перед тем как покинуть обком, я позвонил Бахиллову, который действительно находился в Нефтеюганске. Выслушав меня, Василий Васильевич сказал: «Сергей, тебе не раз придется встречаться с подоб-

ным подходом, успокойся. Я уверен, ты доложишь о нашей работе объективно. Прошу позвонить сразу же после заседания бюро, буду ждать твоего звонка». Мне предстояла бессонная ночь: необходимо срочно перекраивать свой отчет и быть готовым ко всему.

На следующий день в десять часов утра меня пригласили в зал заседаний бюро обкома партии. Согласно регламенту отводилось для отчета семь минут. Доложил. После меня выступил В.И. Ерофеев. Он значительно расширил официальную справку негативными примерами, критическими замечаниями, а главное — выводами о серьезных недостатках в работе бюро горкома партии и его первого секретаря В.В. Бахилова в вопросах подбора, расстановки и воспитания кадров в городской партийной организации. Я был буквально ошеломлен. Ведь В.В. Бахилов пошел на повышение, а при такой постановке вопроса надо было снимать его с работы.

На меня посыпались вопросы. Скажу откровенно: досталось. Оценка бюро обкома нашей деятельности была неудовлетворительной. Выходя из зала заседаний, В.И. Ерофеев попросил зайти к нему. Я ответил: «Улетаю через час. От вас, Виктор Иванович, я этого не ожидал. Спасибо за науку». Как и обещал, позвонил Бахилову. Он ждал моего звонка. «Василий Васильевич, — сказал я, — должен сегодня встретиться с вами и переговорить о моей дальнейшей работе. Вылетаю в Нижневартовск, а оттуда в Нефтеюганск». Так и решили. Затем позвонил И.М. Сосновских и попросил подготовить вертолет для вылета в Нефтеюганск и сообщить жене о моем решении.

Прилетел в Нижневартовск. Погода была ужасной — белой стеной шел первый снег. В таких метеоусловиях через три с половиной часа полета вертолет приземлился в Нефтеюганске. День был на исходе. Из аэропорта отправился в гостиницу, где остановился Бахилов. Я рассказал ему о ходе заседания бюро обкома, о выводах и странном поведении В.И. Ерофеева. И сказал, что дальше работать не буду. Выслушав меня, Василий Васильевич сказал: «По собственному опыту знаю: тебе нелегко. Знаю: трудно и больно выслушивать критику, чаще всего незаслуженную. Но горячиться не надо. О нашем разговоре и о твоих намерениях уйти с работы не говори больше никому. Что касается выводов в мой адрес, то я их в очередной раз стерп-

лю, выдержу. Теперь ты «первый», ты в ответе за все, что делается в районе и городе, за тобой люди, вот о них больше думай, проявляй заботу и внимание. Это главное, понял? А теперь, — улыбнулся он, — пойдём на ужин». Так по-отцовски мог поступить только Василий Васильевич, и я ему благодарен и за науку, и за поддержку в трудную минуту. Погода свирепствовала ещё два дня. Я был счастлив, что в течение этих дней мне о многом удалось с ним поговорить по душам, выслушать его советы, ещё раз оценить его мудрость и человечность.

Говоря о свойствах его беспокойной натуры, хочу подчеркнуть, что он был смел и решителен. Я это видел и в экстремальных ситуациях. Так было, когда произошёл мощнейший газовый взрыв на центральном товарном парке — на входной линии газопроводов первого газоперерабатывающего завода, и погибли люди. Он взял на себя координацию действий всех, кто в этом участвовал.

А однажды он совершил настоящий подвиг. Произошло это летом. Василий Васильевич находился на Самотлоре. Сюда вертолетом Ми-8 доставляли конструкции ЛЭП-500 для строящейся линии электропередачи к Белозерному товарному парку и нефтеперерабатывающему заводу. Так уж случилось, что на его глазах вертолет начал терять высоту из-за сильно раскачивающегося подвесного груза. В таких ситуациях, как правило, командиром принимается решение о сбросе аварийного груза. Вертолет упал в болото на расстоянии 300—400 метров от дороги.

Василий Васильевич с шофером, утопая по пояс в болотной топи, бросились спасать экипаж. У командира вертолета была сломана нога. Они вынесли его на руках и доставили в городскую больницу. На одном из совещаний в обкоме начальник управления гражданской авиации, Герой Социалистического Труда Иван Тихонович Хохлов вручил Василию Васильевичу именные часы за этот подвиг. Таким был Бахиров.

В окружкоме партии Василий Васильевич стал внедрять свое видение проблем по руководству районными и городскими партийными организациями округа. До этого окружком как вышестоящий руководящий орган в ряде случаев формально выполнял свои функции, находясь на вторых ролях. Все на себя брал обком. В.В. Бахиров сразу же приступил к его реформированию, стремился поднять авторитет и значимость окружкома

в решении хозяйственных и политических задач. Работники аппарата вспоминают: «Василий Васильевич вдохнул новый ритм, обеспечил новую, беспокойную жизнь. Мы стали регулярно выезжать в партийные комитеты для изучения дел на месте. По итогам командировок на аппаратных совещаниях шли горячие дебаты, как улучшить дела, а главное — мы видели как результаты своей работы, так и свои недостатки». Пришлось освободиться от некоторых «засидевшихся» работников, влить свежие молодые кадры, имеющие опыт работы в райкомах и горкомах, парткомах и первичных парторганизациях.

Василий Васильевич довольно хорошо знал Сургутский и Нижневартовский районы, поэтому спешил познакомиться с хозяйствами и коллективами других районов, вникал в их особенности. Таков был стиль его работы. Но изменить положение «с налета» было не так-то легко, и, конечно, некоторым это не нравилось.

Приходя к выводу, что следует повысить и укрепить роль окрисполкома, он решил заменить его председателя Антонину Георгиевну Григорьеву. На эту должность он рекомендовал Леонида Георгиевича Тайлашева, более молодого, энергичного, хорошо знающего жизнь местного населения. В обкоме партии данное предложение вначале было одобрено. Но вмешался ЦК, и кадровая перестановка не состоялась. Для Василия Васильевича же этот вопрос был принципиальным. Не найдя поддержки в обкоме партии, он поставил вопрос о своем уходе, хотя и проработал только два года в должности первого секретаря окружкома партии. Но куда? Обком партии срочно вводит дополнительную должность секретаря облсофпрофа и предлагает ее Василию Васильевичу.

Интересно была обставлена процедура его освобождения на внеочередном пленуме окружкома партии. В Ханты-Мансийск прибыл секретарь обкома П.М. Телепнев, ранее здесь работавший, а теперь ведающий кадровыми вопросами. Сценарий был таков. В назначенный день планировалось в 11 часов провести пленум окружкома, а в 14 часов в Тюмени должен был состояться пленум облсофпрофа.

Перед заседанием Петр Максимович собрал первых секретарей горкомов и райкомов и держал с ними совет. Присутствующие задали ему правомерный вопрос: «Почему нет Василия Васильевича? Мы должны узнать истинную причину его ухода и

по-человечески поблагодарить за двадцатипятилетнюю работу в окружной партийной организации». Петр Максимович, конечно, ожидал этих вопросов. Но выслушать столько замечаний и критики в свой адрес и адрес обкома ему пришлось впервые. Он объяснил собравшимся, что Бахиллов просит освободить его по состоянию здоровья, да и жене рекомендовали врачи сменить место жительства. Но это была полуправда. Истинная причина была в другом: его надо было убрать с партийной сцены. Пленум облсофпрофа утвердил Василия Васильевича секретарем. В этой должности он добросовестно проработал последние восемь лет жизни и также оставил о себе прекрасное впечатление.

* * *

Можно, конечно, по-разному относиться к периоду работы парторганов. Но в том, что районный и городской комитеты партии были связующим звеном и сыграли существенную роль в экономическом и социальном развитии района, в строительстве Нижневартовска, нет никакого сомнения. Сейчас, по прошествии времени, можно смело сказать, что любая партийная работа была не просто должностью, а профессия времени. Хозяйственным руководителям различного ранга, партийным комитетам, всему выборному партийному, комсомольскому, профсоюзному активам, Советам народных депутатов надо отдать должное в создании крепких, дружных рабочих коллективов, которые обеспечивали решение сложнейших и уникальных задач своего времени.

Теперь материалы о жизни партийных комитетов и их руководителей находятся в архивах. Для тех же, кто жил, творил и сделал многое для Родины, — это целая жизнь. И надо отдать должное тем, кто ушел из жизни, вечная им память.

Судьба Людмилы Семеновны Бахиловой, жены партийного работника, во многом схожа с судьбами других женщин, по воле сердца выбравших мужей, которые посвятили себя без остатка интересной, беспокойной и нужной профессии партийного вожака. И когда на их пути оказывались препятствия, трудности, жены всегда были готовы разделить их.

Людмила Семеновна покорно переезжала с Василием Васильевичем туда, куда ему указывала партия и требовал долг. Толь-

ко вздох тяжелый выдавал ее тревогу за мужа. И таких, как она, было большинство: верных, понимающих, любящих. Место работы Василия Васильевича менялось часто: Ишим, Сургут, Ханты-Мансийск, снова Сургут, Нижневартовск, снова Ханты-Мансийск и, наконец, Тюмень, где он обрел вечный покой. С первого дня их совместной жизни и до конца они остались верными друг другу. Прожили счастливую жизнь. Вырастили двух сыновей и дочь, всегда были вместе: на отдыхе, митингах, демонстрациях, в кругу друзей и соратников. С ними было приятно и интересно.

Диву даешься, как эта удивительная, скромная женщина всюду успевала? Она делала все, что от нее требовалось, чтобы облегчить тяжелую партийную ношу своего мужа. Жили они скромно, без привилегий, ибо жили и работали для людей, а те сполна отдавали им свое уважение и признательность.

Да, время неумолимо и стремительно. Из жизни уходят прекрасные люди, стоявшие у истоков экономического подъема округа. Среди них и Василий Васильевич Бахилев, который с энтузиазмом и большой ответственностью работал над созданием могущества страны — становлением Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Его именем названы нефтяное месторождение и одна из улиц в Сургуте. Так была увековечена память о В.В. Бахилеве.

Отчизне — верны!

Нашей стране повезло с Тюменской областью, с ее уникальными запасами нефти, газа, леса, рыбы и других природных богатств. Если говорить об экономике, то держится она на сибирской нефти, сибирском газе, сибирской энергетике. Убери этот фундамент, эту опору — и оскудеет державная казна, остановятся многие из еще работающих заводов, замрут турбины тепловых электростанций, расколется на части сама страна, лишенная возможности защитить свои границы.

К сожалению, это не преувеличение и не фантастика: именно по такому сценарию могли бы развиваться события в России, если бы не был создан в 60—70-е годы ушедшего недавно столетия Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс — энергетическое сердце державы.

И все же главным богатством нашего края были и остаются люди. Создатели комплекса, люди высокого гражданского долга, словно предчувствуя тяжкие для своей страны испытания, торопились. И успели! Новый промышленный район, ставший «палочкой-выручалочкой», вырос на безлюдных просторах Тюменского Севера в невиданно короткие для мировой практики сроки.

У истоков рождения, становления и развития комплекса стояла целая плеяда талантливых людей, подлинных гигантов ума, энергичных, преданных делу, умелых организаторов и воспитателей, людей с сильным характером, профессионалов, прекрасно знающих свое дело. Не хочу обременять читателя обилием фамилий, но не назвать некоторых было бы неправильным, ибо каждый из них — личность, легенда, гордость земли тюменской.

Ю.Г. Эрвье, Ф.К. Салманов, В.А. Абазаров, В.Т. Подшибякин, С.Г. Белкина, Л.И. Равнин, А.Г. Быстрицкий и сотни других геологов первыми доказали перспективность поисков нефти и газа в Западной Сибири, и в первую очередь в Тюменской области.

А.С. Барсуков, Ю.П. Баталин, В.Г. Чирсков, Г.И. Шмаль, М.В. Чижевский, В.П. Курамин, И.П. Варшавский, Д.И. Коротчаев,

И.А. Киртбая, Г.И. Голтвянский и многочисленные их соратники сумели создать мощные, мобильные строительные подразделения, внедрили новые технологии и организацию работ, что позволило в кратчайшие сроки построить комплекс.

В.И. Муравленко, Ю.В. Филановский, В.Г. Аржанов, Р.Т. Булгаков, Р.И. Кузоваткин, В.И. Грайфер, М.М. Крол, А.С. Парасюк, П.П. Коровин, М.Н. Сафиуллин, Ю.Б. Фаин и тысячи работников и специалистов нефтяной отрасли обеспечили невиданными темпами, в сложнейших природно-климатических условиях Севера рождение нового нефтяного района в стране.

Хочется верить, что мы преодолеем «смутное время» и благодарная страна поставит памятник создателям Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса, на постаменте которого будут высечены имена самых достойных. Они были разными по характеру, темпераменту, поведению, взглядам на жизнь и многим другим человеческим качествам. Но их объединяли вера, надежда, готовность без остатка отдать себя любимому делу — служению своей Родине, России.

Безусловно, организующей силой, штабом «стройки века» был Тюменский обком КПСС, возглавляемый на начальном этапе освоения сибирской нефтегазовой целины Борисом Евдокимовичем Шербиной и Александром Константиновичем Протозановым, а затем, в период развития и становления, Геннадием Павловичем Богомяковым. Роль обкома, партийных комитетов, Советов, комсомола и профсоюзов разных уровней была весьма велика. Думаю, историкам нужно время, чтобы все это непредвзято оценить. Но факт остается фактом — все, что свершилось на Тюменщине, сохранится в памяти благодарных потомков, останется яркой страницей в летописи великих свершений двадцатого столетия!

Мои комсомольские годы в Тюмени, партийные в Нижневартовске — самые запоминающиеся и интересные в жизни. Среди Всесоюзных ударных комсомольскихстроек особое место занимали освоение Самотлора и строительство города Нижневартовска.

* * *

Самотлор — загадочное слово древних ханты. Многие пытались дойти до истины, чтобы расшифровать его. Не получилось. Самотлор — необычное явление.

Самотлор — чудо России, о нем узнал весь мир как об уникальном месторождении нефти по размерам и объемам добычи.

Самотлор — дьявол, ибо загадал загадку всем: ученым, нефтяникам, строителям, транспортникам. Всем, кто, находясь в труднейших условиях, приступил к его освоению.

Самотлор — характер. Это крепкий «орешек», на котором можно было сломаться, ибо он проверял на стойкость тех, кто его покорял.

Самотлор — молодость, ибо освоение его было под силу молодым, перед которыми нельзя было устоять.

Самотлор — дружба народов. Более шестидесяти национальностей и народностей СССР непосредственно участвовали в его обустройстве.

И все же наиболее точное определение Самотлора и Нижневартовска, где сошлось сразу четыре ударных стройки комсомола, — это кузница кадров. Самотлор определял породу людей, ковал их характеры. Мне пришлось видеть, как в процессе освоения нефтяных месторождений района, строительства города Нижневартовска растут молодые люди, как они быстро взрослеют, берут на себя ответственность, становятся крупными руководителями.

Именно на Самотлоре парням и девушкам приходилось принимать огонь на себя, вести наступление на стереотипы, отказываясь от устоявшихся представлений в большом походе за нефтью. Это были люди, не боявшиеся неожиданных, порою фантастических решений. Люди особого склада, незаурядного мужества: трудолюбивые, понимающие, что стране нужна нефть, много нефти... Люди, наделенные высокой гражданственностью, инициативные, упорные. Вот о них и будет мой рассказ...

Заки Ахмадишин, Владимир: Лейтланд, Машков, Швецов, Глебов, Повх и Макар; Виктор: Китаев, Филатов, Тимофеев и Третьяков; Алексей: Рыбалов и Соловьев, Сергей: Пикман, Муравленко и Гутов, Нина Захарова, Валентин Таран, Кайман Замалетдинов, Александр Стюф, Василий Сондыков, Галина Шустова, Иван Джумеля, Геннадий Чернышов, Ирина Гималендинова, Николай Чернов, Раиса Литвинова, Павел Плюхин, Валентина Ширяева и многие другие.

По долгу службы мне часто приходилось встречаться с молодыми руководителями, комсомольскими вожаками молодежных

коллективов. Горком партии, общественные организации города и района никогда не стояли в стороне от молодежных проблем, ведь средний возраст жителей города и района был 24—25 лет. Они привлекали комсомольцев к своим делам, поддерживали их начинания, оказывали необходимую практическую помощь...

Признанным лидером был Владимир Лейтланд, с которым до конца его жизни я поддерживал дружеские отношения. Встретился с ним на Самотлоре, он был начальником участка СУ-909. Восемнадцатилетним пареньком приехал в Нижневартовск в год начала «большого похода» на Самотлорское месторождение, попал в прославленное строительное управление, где руководителем был замечательный человек, большой специалист дорожного строительства Юрий Григорьевич Шереметьев. Владимир прошел все стадии производства: вначале прорабом, затем старшим мастером, главным инженером и начальником, поднялся до уровня заместителя министра Миндорстроя СССР. Владимир был заметной личностью. Став начальником участка, приложил немало сил, чтобы подобрать надежный коллектив. Он первым в управлении создал комсомольско-молодежный участок. Являясь комсоргом, убедил Ю.Г. Шереметьева и секретаря парторганизации Е.В. Попову в необходимости его создания. Помню время, когда райком, а затем горком комсомола под руководством первых секретарей Виктора Тимофеева и Владимира Швецова стремились создавать комсомольско-молодежные участки, бригады, смены, строительные управления и тресты, которые становились маяком, показывая высокую производительность и передовые методы труда. Найденная форма активно поддерживалась партийными и профсоюзными организациями.

Владимир Лейтланд со своими ребятами доказали руководству управления, что на них можно положиться и доверить ответственное задание — строительство дорог с твердым покрытием на Самотлоре. «Большое самотлорское кольцо», взлетно-посадочная полоса аэропорта, объездная дорога вокруг города, дороги на Мегион и Радужный — вот далеко не весь перечень конкретных дел коллектива участка.

Владимир заочно окончил Тюменский строительный институт, через пять лет защитил кандидатскую и, уже работая в Москве, докторскую диссертацию. Дипломная работа была посвящена строительству дорог на торфяном основании Само-

тлора. Вместе с ним в Тюмень на защиту дипломного проекта прилетел весь его участок. Эта необычная коллективная защита была сенсацией для вуза. Государственной комиссии был показан видеофильм, отснятый Тюменским телевидением. С высоты птичьего полета раскрывался Самотлор, весь изрезанный зигзагами белесых молний — дорог. Каждое ответвление заканчивалось островком — «кустом», на котором стояли буровые вышки. По дорогам, словно божьи коровки, сновали разноцветные «Татры», МАЗы, «Камацу», «Магирусы». Это и была сеть озерных дорог, построенных без выемки грунтов, на торфе руками молодых. Оценка дипломной работы — «отлично».

Мне многократно приходилось бывать у Владимира Лейтланда. Видел, как он работает, как его уважают ребята и как им гордятся. Мне очень хотелось втянуть Владимира Григорьевича в большую комсомольскую, а затем и на партийную работу. Но как только наш разговор доходил до этой темы, Владимир тут же мне в ответ: «Сергей Дмитриевич, я — на месте. Я был и остаюсь активным членом партии в комсомоле». Ничего не скажешь, убедительно. Да и сам потом подумал: зачем трогать влюбленного в свое дело труженика, будущего руководителя?

После Самотлора Владимир Григорьевич стал самым молодым управляющим крупным дорожным трестом «Нижевартовскдорстрой». Сколько было им создано опытно-экспериментальных участков по строительству дорог на отдаленных месторождениях района! Трест стал подвижной лабораторией технического и социального поиска.

Затем Тюмень. В.Г. Лейтланд, верный своей профессии, ведет строительство новой взлетно-посадочной полосы в аэропорту Рошино. Был я на этой стройке, вспомнил Самотлор и видел, как он вдохновенно, задорно, по-юношески рассказывал о новинках в дорожном строительстве, о трудностях. Но по-прежнему в делах почерк самотлорский: та же напористость, тот же дух оптимизма и твердая уверенность в силе доверенного ему коллектива.

Владимир Машков. Первым в районе возглавил молодежную бригаду газозлектросварщиков в тресте «Самотлортрубопроводстрой». Большинство трубопроводов, сваренных и уложенных на Самотлоре, — это дело их умелых рук. Управляющий трестом Ю. Буйников рассказывал мне об одном эпизоде. Ребята из бри-

гады Машкова в позднюю осень, когда на воде затягивалась шуга, испытывали трубу. Она оказалась затопленной из-за непроваренного шва. Так вот, смастерив плот, установив на нем подъемное устройство (лебедку с блоком), ребята прошли по всему озеру, проверяя каждый стык. Найдя брак и устранив его, сдали участок трубы нефтяникам в установленный срок.

Бригада Владимира Машкова была инициатором создания комплексного технологического потока на строительстве трубопровода. Она производила земляные работы, сваривала, изолировала плеть и укладывала в траншею с последующей засыпкой. Этот метод был подхвачен многими, ибо давал возможность значительно уменьшить стоимость трубопроводов, значительно сократить сроки их ввода в эксплуатацию. Владимир многие годы возглавлял эту комплексную бригаду, стал лауреатом премии Ленинского комсомола, делегатом съезда ВЛКСМ, а коллектив бригады занесен в летопись Всесоюзных ударных комсомольских строек.

* * *

Находясь в Москве, я узнал от Г.И. Шмаля о смерти Сергея Пикмана. Весть потрясла меня до глубины души. Ушел из жизни один из моих близких друзей. Сергей был значительно младше меня, на моих глазах рос, учился, начинал работать в Нижневартовске. Его отец, Григорий Ильич, привез сына с собой, когда Сергею исполнилось всего лишь одиннадцать лет.

Я помог Сергею найти себя в жизни. Часто привлекал к делам города и Самотлора, брал с собой в служебные командировки по району. Когда началось строительство нефтепровода Самотлор—Тюмень—Альметьевск, предложил горкому комсомола утвердить Сергея Пикмана комсоргом на головном участке. Это был надежный, настойчивый и прекрасный организатор молодежи. Когда строительство было закончено, а Сергей награжден медалью «За трудовую доблесть», он мне передал свой рабочий дневник, который вел с самого начала строительства. Обыкновенная ученическая тетрадка в клеточку. Я бережно храню эту уже пожелтевшую тетрадь. Считаю излишне говорить о нем: дневник лучше раскроет душу этого паренька, честно выполнившего свой долг перед страной и народом.

Из дневника С. Пикмана, комсорга Нижневартовского горкома ВЛКСМ на строительстве нефтепровода Самотлор—Тюмень—Альметьевск.

1 октября 1972 года. Сегодня бюро горкома ВЛКСМ утвердило меня комсоргом нижневартовского участка стройки — главного участка нефтепровода Самотлор—Тюмень—Альметьевск. Работа молодежных коллективов — на моих плечах. Вспомнились слова Ю.П. Баталина, заместителя министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности: «На новой магистрали мы рассчитываем на помощь комсомольцев тех районов, где проходит трасса. Стройка объявлена комсомольской, и мы ждем активного участия в ней всей молодежи».

Набрасываю для себя план действий в первый период, пока морозы не откроют дорогу на трассу. Молодежь... Надо собрать ее в ударные группы, бригады. Тогда она почувствует себя силой, проникнется ответственностью.

12 декабря. Редко выпадает, чтобы в одном городе было несколько Всесоюзных комсомольскихстроек. У нас их четыре.

Вчера на заседании штаба возник острый вопрос: задерживается прокладка дороги. Необходимы гусеничные тяжелые тягачи (ГТТ), которых наши управления пока не имеют. Вопрос так и остался открытым...

15 декабря. По решению бюро городского комитета ВЛКСМ два ГТТ из комсомольско-молодежной колонны Нижневартовской тракторной конторы двинулись на помощь строителям нефтепровода. Ответственное задание поручено опытным водителям, бывшим танкистам, комсомольцам Вячеславу Грисиюку и Джамилю Гиндуллину. Довелось и мне быть участником этого рейса. Нашим проводником оказался очень спокойный жизнерадостный парень, машинист трубоукладчика изолировочной колонны Виктор Елисеев. Дорогу пробивали днем и ночью, спали по три-четыре часа. Если сомневались, пройдет ли машина, Виктор по пояс в снегу шел впереди и указывал дорогу.

«В пути у одной из машин полетела муфта сцепления. Случается такое в снегах, на жестоком морозе, что не выдерживает и железо. Но не растерялись, помогли друг другу, помогли машине и дошли до цели парни с сибирским характером», — так описывала этот тяжелый рейс газета «Советский спорт».

С тех пор зимник так и зовут — Комсомольская дорога.

28 декабря. Всесоюзное комсомольское собрание. Впервые встретились молодежь всех строительных подразделений участка от «нуля» до 123-го километра. «Считать сооружение трубопровода своим личным делом», — единодушно проголосовали сварщики, изолировщики, землеройщики, водители плетевозов. И добавили: объявить каждый день, остающийся до пуска трубы, ударным. Для этого потребуется суточное задание выполнить не менее чем на 150 процентов. Вот комсомольская норма. А потом ребята проголосовали за завершение комплекса работ к 22 апреля.

26 января 1973 года. Областной слет молодых передовиков нефтяной, газовой промышленности, геологии и строительства. Сегодня здесь прозвучал наш лозунг, он стал общим для всех, кто работает на стальной трубе: «Каждый день — ударный, день наивысшей производительности труда».

25 февраля. Четыре часа ночи. Последнее воскресенье зимы по календарю. По Комсомольской дороге отправился в дальний путь, за сотни километров, комсомольский автопоезд из шестнадцати «Уралов» и трех бензовозов Нижневартовской автотранспортной конторы.

Воскресник. Комсомольский вожак АТК Людмила Бекмурзаева с лучшими водителями решила вывезти битум для изоляционно-укладочной колонны и снабдить горючим механизмы на отдельном участке трассы. Ребята вывезли в этот день более ста тонн битума, обеспечив этим бесперебойную работу. Неоднократно с концертами и лекциями выезжали на нефтепровод молодежные самостоятельные коллективы городских клубов и промышленных предприятий нашего города.

Большая комсомольская дружба двух ударных способствовала ускоренному ходу директивной стройки решающего года пятилетки.

30 марта. Пишу редко, в основном в конце какого-то этапа. Сегодня, например, мы подводим итоги ударного труда наших молодежных коллективов, даем оценку работе комсомольской организации, говорим о высоком сознании и высокой производительности труда в нелегких здешних условиях.

И первое слово — о бригаде И.К. Малахова. С начала строительства вел монтаж трубопровода этот комсомольско-молодежный коллектив. На его счету 28 километров нефтепровода.

Ребятам поручаются самые отдаленные и сложные участки. А они неутомимы, хотя давно уже работают без выходных.

Свои обязательства бригада выполнила досрочно и перешла на помощь отстающим участкам. Самое ценное в коллективе — специалисты своего дела, комсомольцы: дизелист Владимир За-месин, бульдозерист Герман Чайников, всегда веселый и приветливый слесарь Сергей Трофимов. Наставниками бригады являются сварщики-ветераны, приехавшие к нам из Альметьевска: Иван Михайлович Дубовиков и Иван Парамонович Зиновьев.

1 апреля. Близок «красный стык», и бригада И. Малахова работает день и ночь.

3 апреля. «Красный стык» доверили трем сварщикам. Почетный участник этого события — комсорг бригады Владимир Машков. И — улыбка случая — как раз в этот особенный для всех строителей день Володе исполнилось 25 лет. Забыл дописать: за достигнутые в соцсоревновании успехи комсомольско-молодежной бригаде уже в третий раз вручен почетный вымпел. Она трижды становилась лучшим коллективом на трассе...

...Последние две недели смешались день и ночь. Поэтому пишу без дат.

Интересный факт: почти половину трассы нижевартовского участка заизолировала комсомольско-молодежная колонна Александра Фролова. Пятьдесят восемь километров! Сам Фролов на трассах работает с шестьдесят пятого года, опынейший руководитель. И с помощниками ему повезло.

Саша Максимов. Комсорг участка изолировщиков. Сам машинист трубоукладчика. Его дружина лучшая на нашей «трубе» по комсомольской работе.

Саша Усанов. Машинист автогидронатора, но может делать практически все. Вечно улыбается. Великолепный характер у парня.

Володя Ивашенко, Ваня Яценко, Саша Рудаков. Пограничники, прямо со службы — на Север, на самый горячий участок ударной стройки.

Галя Федосеенко. Член комсомольского бюро участка, лаборант полевой исследовательской лаборатории. Это от нее зависит качество изоляции. Парни ею гордятся: еще бы, в их колонне, пожалуй, единственная на всю трассу девушка, работающая наравне с мужчинами.

Или вот... Да всех не перечислишь, хотя очень хочется взять ведомость и просто переписать все фамилии в блокнот. Но главное, пожалуй, вот что: молодежная колонна дважды удостоена вымпела обкома комсомола за первое место в соревновании среди строителей нефтепровода.

21 апреля. Финал. Митинг. Из всех слов, сказанных сегодня, лично мне дороже всего те, что произнес начальник управления строительства Н.А. Воробьев. Он сказал, что одним из важнейших факторов успешного завершения стройки явились 38 комсомольско-молодежных коллективов...

Так заканчивается дневник Сергея, замечательного парня, память о котором я сохраню до конца жизни.

* * *

Владимир Глебов был вторым после Владимира Китаева буровым мастером с высшим образованием, возглавившим комсомольско-молодежную бригаду в 1972 году. Он окончил Тюменский индустриальный институт. Первую производственную практику проходил на одном из месторождений под Полтавой, на третьем курсе — в Урае, в знаменитой бригаде Героя Социалистического Труда Анатолия Дмитриевича Шакшина. Глебовский «звездный час» состоялся уже в Нижневартовске, в управлении буровых работ № 2, которое к тому времени передислоцировалось из Урая. Этот коллектив бессменно возглавлял А.Г. Исянгулов. Секретарем парткома был П.М. Самаркин.

В прославленном коллективе Владимиру Глебову работалось легко и трудно, но невозможно было работать плохо. Легко потому, что в начинаниях всегда находил поддержку и понимание руководителей, а тяжело потому, что за промахи взыскивали и критиковали, не давая расслабиться. Таков был уклад жизни в управлении для всех без исключения, несмотря ни на какие заслуги: будь ты Герой труда или простой работник. Жили по принципу: кому больше доверялось, с того больше и спрашивали.

В управлении было три комсомольско-молодежных коллектива: буровые бригады Владимира Глебова и Владимира Кузнецова, бригада освоения скважин Владимира Фадеева. О них писали в прессе: «Три Владимира из УБР №2». Комитетом комсомола, который возглавлял Валентин Таран, было организова-

но соревнование между бригадами. Через штаб стройки и горком комсомола Владимир Глебов был втянут в соревнование с комсомольско-молодежным коллективом бурового мастера Виктора Китаева из УБР № 1, где секретарем комитета комсомола был Владимир Кононов. И началось.

Соревнование было «живым», неформальным. Тщательно сверялись ежедневные сводки по проходке скважин. О ходе соперничества этих бригад хорошо знали как в горкоме партии, райкоме профсоюзов, так и в обкоме комсомола и ЦК ВЛКСМ. Радость по поводу достигнутых высоких показателей испытывала то одна, то другая бригада. Более опытный коллектив Виктора Китаева чаще одерживал верх над глебовцами, но это не обижало молодых буровиков, а усиливало стремление в следующий раз обязательно победить. Секретари комитета комсомола Валентин Таран и Владимир Кононов стремились организовать обмен опытом молодежных бригад, встречаться, беседовать, проводить совместные мероприятия. Соревнующиеся бригады часто были на рабочих местах друг у друга, что сказывалось на показателях их работы, позволяло достигать ежегодно более высоких результатов.

В феврале 1976 года проходил XXV съезд КПСС. Решением бюро обкома ВЛКСМ было определено: на базе одной из комсомольско-молодежных буровых бригад организовать бурение скважины «Дружба» и пригласить для участия молодых бурильщиков из нефтяных районов Татарии, Башкирии, Азербайджана, Украины, Белоруссии, Чечено-Ингушской АССР. Готовились к этому событию в городе и районе, но особенно волновались начальник УБР № 2 А.Г. Исянгулов и главный инженер В.Д. Радионов, партийная и комсомольская организации управления. Выбор пал на бригаду Глебова, которому и предстояло принять посланцев комсомола союзных и автономных республик. Начало бурение скважины совпало с началом работы съезда, а закончилось за день до его закрытия. Вся организация труда в бригаде Глебова была продумана до мелочей, что позволило провести бурение скважины с высоким качеством. Молодые буровики на Самотлорской ударной комсомольской стройке показали свое мастерство, сплоченность и волю к победе, доложив съезду партии о своем трудовом достижении.

Руководители района и города сделали все, чтобы участники этого события надолго запомнили бурение скважины «Друж-

ба» на знаменитом Самотлоре. Хотя современная жизнь отделила бывшие союзные республики от России, я уверен, что ребята надолго сохранят и передадут своим детям память об этом интересном деле, которое они свершили в нефтяной отрасли. На торжественном прощальном ужине в единственном тогда в городе ресторане «Огни Сибири» у многих его участников я видел на глазах слезы радости.

В этом же году 25 февраля Владимиру Глебову была предоставлена трибуна XVII съезда ВЛКСМ, где он рассказывал о работе комсомольско-молодежных коллективов, делился своим опытом в вопросах трудового воспитания и организации молодежного соревнования. Весной 1978 года Владимир Глебов избирается делегатом XVIII съезда ВЛКСМ и вновь держит речь, говоря уже о проблемах молодежи. Закончился съезд, организационный пленум вновь избранного ЦК ВЛКСМ избирает Владимира членом Центрального Комитета. Такая честь впервые была оказана комсомольской организации Нижневартовска и Тюменской области.

В мае 1982 года Владимир Глебов был уже делегатом XIX съезда ВЛКСМ, и ему было предоставлено право вручить памятное знамя ЦК комсомола Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина на Красной площади 19 мая, где состоялся пионерский парад. Мне дважды пришлось подписывать наградные документы на В.С. Глебова. Он стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Мы и сейчас с ним часто встречаемся в здании Главтюменнефтегаза, где Владимир Сергеевич работает главным технологом Тюменской нефтяной компании.

* * *

Интересным человеком был Валентин Николаевич Таран, которого характеризуют строки песни из кинофильма «Добровольцы»: «Мы юности нашей, как прежде, верны». Привожу его слова, обращенные ко мне: «Сквозь прошедшие годы мы сумели сохранить нашу дружбу. Ежегодно 29 октября, в день рождения комсомола, мы неизменно встречаемся все вместе. По-разному сложились судьбы у каждого из нас, не всех мы можем увидеть, и многих нет в живых, но мы всегда помним прекрасные дни нашей юности и, пожалуй, счастливы от понимания того, что нам несказанно повезло быть здесь, на Самотлоре, в самые

«жаркие» дни. В то время мы как-то не так оценивали происходящее. Казалось, были просто трудовые будни, и ничего такого особенного мы не делали. Просто старались выполнять свои обязанности добросовестно и не думали о каких-то наградах. Точно написал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии...». Сейчас, оглядываясь на то время, ощущаем чувство гордости и свою сопричастность ко всему тому, что здесь сделано нами и нашими старшими товарищами. Может, кому-то со стороны и не понять, почему мы замираем, когда видим красное знамя своей Нижневартовской городской комсомольской организации и Всесоюзной ударной комсомольской стройки, которое мы сохранили и бережем, как свою реликвию, как память о нашей юности, которой мы остались верны. Мы и сегодня, не стесняясь своих должностей, чинов и возрастов, выходим на комсомольский субботник, сажаем деревья, и пусть они растут и украшают наш любимый город».

Родился Валентин в селе Сухая Гомольша на Харьковщине. Бабушка Екатерина Семеновна как-то сказала ему: «Ты, Валентин, в жнива родился» (т.е. в период жатвы хлеба). Эти слова он запомнил навсегда. Отец Николай Васильевич — участник Великой Отечественной войны. Мать Татьяна Александровна — узник фашистской неволи. Валентин в детстве был шаловливым. Родители часто ругали и наказывали его за непослушание. В семье любили песню. У матери был великолепный голос, а отец играл на гармошке. Это перешло и к нему. Несмотря на большие материальные трудности (в семье было трое парней) Валентину купили баян и оплачивали учебу в музыкальной школе.

Так уж сложилась его судьба, что после восьмилетки пошел работать на «почтовый ящик» (Харьковский авиационный завод) учеником слесаря в механосборочный цех. Переступил порог заводской проходной и с него в одночасье словно ветром сдуло всю наносную шелуху, всякому баловству пришел конец. Высокоорганизованное авиационное производство, строгая технологическая и трудовая дисциплина, слаженный многотысячный трудовой коллектив сделали свое дело. Валентин вступил в комсомол, через год стал комсоргом цеха, закончил десять классов вечерней школы. Ветераны труда, старейшие коммунисты Н.С. Витриченко и И.В. Кавчик, заводская комсомольская организация дали ему рекомендации для вступления

кандидатом в члены партии. В девятнадцать лет был призван в Военно-Морской флот, служил на Балтике на эсминце «Неустрашимый». После демобилизации вернулся на родной завод, вновь комсорг, член комитета комсомола завода, но уже мастер комсомольско-молодежного участка.

Призыв — «Молодежь — на ударные стройки!». Услышал по радио о Саяногорске, о тюменской нефти и газе. После долгих раздумий пришел в комитет комсомола завода просить путевку на ударную стройку — Саяногорск. Валентину долго пришлось убеждать секретаря, но в парткоме завода поняли правильно, дали «добро». В июле 1972 года Валентин Таран прилетел в Нижневартовск, и уже 29 лет в нем живет и работает. В горкоме партии при постановке на учет, в беседе со мной он как-то раскрылся, сразу пришелся мне по душе. Мы подружились. Был направлен в коллектив Нижневартовской тракторной конторы, где показал, на что он гош. Избрали секретарем комитета комсомола, через год стал заместителем начальника штаба на Всесоюзной ударной комсомольской стройке по освоению Саяногорского месторождения. В апреле 1974 года был переведен в нижневартовское УБР-2, где тоже стал комсоргом.

С Валентином я встретился затем на трассе нефтепровода Нижневартовск—Уфа—Альметьевск. Мне был поручен головной участок протяженностью в 127 километров. Штаб комсомольской стройки возглавлял Сергей Пикман. Не хватало машин. Для пробивки трассы нужны были дополнительные силы, и Сергей обратился за помощью к Валентину Тарану. Директор Петр Иванович Дорохов и секретарь партбюро Николай Илларионович Мирюгин поддержали Валентина. Петр Иванович всегда с большим пониманием относился к молодежи, к делам комсомольцев, поддерживал их начинания и помогал. У него было крылатое выражение: «Лучше мы это сделаем добровольно, чем нас заставят. Надо действовать на опережение». По конторе был издан приказ: направить на трассу два вездехода-тягача под управлением комсомольцев Вячеслава Грисюка и Джамиля Гиндуллина. Они досрочно выполнили задание, но когда возвращались на базу в Нижневартовск, на переправе через речку один из тягачей провалился под лед. В сорокаградусный мороз Вячеслав и Джамиль сумели-таки вытащить тяжелую машину. Вокруг развели костры, чтобы отогреть ее и высушить. Рядом с ними более суток работали Валентин Таран и Сергей Пикман. На базе их

встретили с почетом. За выполнение особого задания Петр Иванович вручил ребятам радиоприемники «Океан».

Строился город, на пустырях-болотах возникали новые предприятия, организации, в их благоустройстве особое место отводилось комсомольцам и молодежи. В разные годы первые секретари горкома комсомола Виктор Тимофеев, Виктор Филатов, Владимир Швецов, Алексей Рыбалов постоянно проявляли заботу о городских делах, особенно в вопросах благоустройства. Происходило это довольно просто. После короткого собрания шли на субботник. Сажали, в основном, березки и рябины, которые сегодня украшают город. Идешь по парку, по проспекту Победы, по улицам Пионерской, Омской и другим, любишься и невольно вспоминаешь, с каким неподдельным энтузиазмом, юношеским задором и огоньком в глазах проводили молодые эти субботники.

Валентин Таран стал известным и уважаемым в комсомольском активе. Помню его активную работу в штабе стройки. Одним из острейших вопросов была подготовка к приему и размещению прибывающей молодежи, формированию комсомольско-молодежных коллективов, организации среди них соревнования. На Самотлор ехали уже не только одиночки, но и целые организованные отряды, ведь ЦК ВЛКСМ назвал стройку Все-союзной ударной номер один.

Председатель штаба Александр Штюф поручает Валентину поехать в Хабаровский погранокруг для организации «переброски» в Нижневартовск группы демобилизованных пограничников в количестве ста восьмидесяти человек. Этот отряд предполагалось направить на строительство жилья в поселке Молодежный для строителей Нижневартовского ГПЗ. Валентин встречался с воинами и моряками на погранзаставах. В сформированном отряде по дороге до Нижневартовска одна треть решила изменить маршрут и ехать не на стройку, а домой. Согласились поехать только потому, что на полтора месяца раньше была демобилизация для тех, кто едет на Самотлор. Руководители погранокруга поспешили отрапортовать о выполнении задания. Валентину с большим трудом удалось сохранить количественный состав до Нижневартовска, помочь ребятам найти работу, большинство из них осталось в городе. Подобных отрядов приезжало немало, многие из их состава наши свою судьбу и поныне живут и работают в Нижневартовске.

Валентина пригласил А.Г. Исянгулов на работу с молодежью. Согласие дал при одном условии: вначале поработать на буровой, познать нелегкий труд буровика, а уж потом комсомол. К такому предложению начальник и секретарь парткома отнеслись с пониманием, направив Валентина Николаевича в буровую бригаду С.Ф. Ягофарова. Валентин был упрям, настойчив и через два месяца смог среди буровиков стать «своим». Он быстро сумел подобрать актив, и жизнь молодежи в коллективе закипела. Совет молодых специалистов, художественная самодеятельность, спорт, работа в общежитиях, строительство спортивных сооружений, благоустройство производственной территории, создание условий для учебы молодежи — вот неполный перечень забот комсорга Валентина Тарана.

Встречались мы с ним и на сенокосе, где заготавливали корма для совхоза «Ниженевартовский». Эта была пора особой заботы руководителей города и предприятий. Стан Валентина Тарана был оборудован лучше других, работали дружно, вечернее время проводили весело. В таком состоянии с баяном в кругу своих ребят, которые пели душевные песни, я и застал Валентина. Он пригласил к себе на уху и жареную рыбу, выловленную сенокосниками в пору дождя. Вот таким он был и в работе, и в жизни.

* * *

В круговороте больших дел незаметно вровень с ветеранами-первопроходцами вставали молодые, завоевавшие это право высоким гражданским самосознанием и профессиональным мастерством. Помогали им стать таковыми, безусловно, ветераны, наставники. Сколько, например, интересных дел было на счету молодой бригады Владимира Макара из Мегионской нефтеразведочной экспедиции! Учрежденный приз обкома ВЛКСМ имени Семена Никитовича Урусова неоднократно находился в данной бригаде. Так уж совпало, что наставником Владимира Макара был Семен Лукич Малыгин, буровой мастер, Герой Социалистического Труда, один из тех, кто открывал Самотлор. Сам же Семен Лукич воспитывался у С.Н. Урусова, первооткрывателя шаимской нефти. Так что у Макара был двойной «урусово-малыгинский» почерк в бурении скважин. И это стало уже традицией: передачи молодежи опыта мастеров, прошедших

школу не одного месторождения. Коллектив Макара усваивал все лучшее, чем обладал Семен Лукич.

Помню свою радость и радость бригады, когда у многих на груди засверкали первые правительственные награды, а Владимир Макар получил новоучрежденный орден Трудовой Славы третьей степени. В последующем Владимир зарекомендовал себя как руководитель, проявив высокие организаторские способности. Вначале возглавил партком, затем стал начальником экспедиции, позднее был избран председателем Высоковского Совета народных депутатов, где по настоящее время возглавляет муниципальное образование.

Я с благодарностью вспоминаю, а бывая в Нижневартовске, радуюсь коротким встречам с Р.В. Литвиновой. До работы в горкоме КПСС Раиса Васильевна прошла через комсомол. Я знал ее деловые качества, она тоже занималась идеологией. Центральное место в деятельности горкома ВЛКСМ занимало формирование у молодежи устойчивого мировоззрения. У нас в районе было с кого брать пример: много передовиков производства, правофланговых бригад, управлений. Горкому комсомола приходилось искать новые формы в работе с различными категориями молодежи, в налаживании здорового быта, правил общежития в вахтовых поселках. Раю часто можно было встретить вдали от Нижневартовска: в Радужном, Северном, Варьегане, Урьевске, Лангепасе. Она систематически выезжала в национальные поселения. Молодая, решительная, с сильным характером, она не боялась таких командировок, бывала на рабочих местах, встречалась и разговаривала с молодежью.

Раиса постоянно участвовала в идеологических семинарах, в работе научно-практических конференций, в школах политинформаторов и агитаторов, лекторских групп общества «Знание». Не оставляла она без внимания творческую молодежь, заботилась о развитии спорта, художественной самодеятельности. Много проблем создавали летающие вахтовики управлений буровых работ из Ивано-Франковска, Бугульмы. Как построить с ними работу? Это не давало покоя и хозяйственным руководителям. Требовали внимания молодежные проблемы. Общежития были перенаселены, не было элементарных бытовых удобств, не хватало телевизоров, холодильников, радиоприемников.

Раису эти трудности не пугали, а усиливали желание добиться своего, поправить ситуацию. Ее деловые качества весьма

пригодились, когда Раиса Васильевна возглавила общий отдел горкома партии. У нее всегда был порядок как в документах, так и в условиях работы для аппарата. Она была активна на еженедельных аппаратных совещаниях, которые проводились мной, а в мое отсутствие вторым секретарем. На них она выступала так, что многим на стуле сидеть было неудобно, говорила о недостатках, о допущенных недочетах, о недисциплинированности отдельных работников.

Раиса Васильевна уже много лет работает директором школы № 20. Вырастила двоих детей: дочь бухгалтер, а сын хирург.

Однажды, зайдя в кабинет первого секретаря горкома партии В.В. Бахилова, увидел Виктора Тимофеева и незнакомую мне, маленькую ростиком, довольно хрупкую с виду девушку с кудрявыми черными волосами и большими глазами. Как выяснилось, это была Нина Захарова, инструктор окружкома комсомола, которая докладывала о проведенной проверке и делилась мыслями о работе горкома комсомола и первичных организаций. Обратил внимание на ее взволнованность. Еще бы — против нее сидел, внимательно слушал и старательно что-то записывал известнейший человек, единственный Герой Социалистического Труда среди партийных работников округа, абсолютный авторитет нашего города и района Василий Васильевич Бахилов.

Присоединившись к разговору, тоже стал задавать ей вопросы: о формах работы с молодежью, об имеющемся опыте в других комсомольских организациях округа. Под конец беседы Василий Васильевич неожиданно ее спросил: «А не хотели бы вы у нас поработать? Я готов с таким предложением обратиться в окружком комсомола и партии». Нина растерялась, но дала понять, что готова к такой перемене. Через два месяца она переехала к нам и стала заведующей орготделом горкома комсомола. Формулировка ее перевода была такова: «На укрепление городской комсомольской организации». Через девять месяцев, 17 октября 1973 года, Нину избирают вторым секретарем горкома ВЛКСМ. В том же году у Нины Павловны в личной жизни произошло важное событие — состоялась комсомольско-молодежная свадьба. Она выбрала в мужа Александра Ганжолу, помощника бурильщика из бригады В.В. Китаева. Через год у них родилась дочь Татьяна, которая выросла вместе с Са-

мотлором, окончила в городе школу № 6, затем Тюменскую медицинскую академию, в настоящее время Татьяна трудится в одной из поликлиник областного центра, но в Нижневартовске ею оставлена память: растет в парке Победы березка, посаженная родителями в день ее рождения.

Согласно статистике 1972 года, средний возраст жителя города составлял двадцать три года. Вполне естественно, что молодые люди встречались, влюблялись, женились. В комсомольских организациях стало доброй традицией проводить комсомольские свадьбы. От обыкновенных они отличались тем, что организацию их проведения брали на себя комитеты ВЛКСМ. Стало традицией вручать молодоженам ключи от квартир. Такие свадьбы в небольшом еще тогда городе были заметным событием. Они отличались одна от другой, ибо комсомол каждый раз в сценарий проведения добавлял что-то новое. Однако было и нечто общее: все в обязательном порядке выезжали на Само-тлор, на скважину № 200, вблизи которой горел мощный газовый факел, там возлагали цветы. Так продолжалось до тех пор, пока не был воздвигнут памятник «Покорителям Самотлора».

Одну из таких свадеб, соединившую судьбу секретаря комитета ВЛКСМ УРСа «Нижневартовскнефть» Татьяны Поповой и комсорга управления технологического транспорта №1 Виктора Мягчилова, запомнили надолго в горкоме партии и в горисполкоме. Организацию взяли на себя горком ВЛКСМ и штаб ударной стройки. Участвовал весь городской комсомольский актив. Председатель горисполкома Н.А. Москаленко в торжественной обстановке вручил молодоженам ключи от новой квартиры, в которой они живут и по сей день. В мире и согласии чета Мягчиловых недавно отметила свой серебряный юбилей, родители вырастили сына и дочь, бережно хранят память о своей комсомольской юности.

* * *

Нина Захарова родилась в Ханты-Мансийске, там окончила школу, затем Тобольский педагогический институт. Вернулась в родной город и три года работала в аппарате окружкома комсомола. О том времени она вспоминает так: «Для меня Само-тлор — начало трудовой биографии, моей судьбы. Я прошла

там свои первые «университеты» работы с людьми и за то, что я сегодня имею, чего достигла, я обязана добрым людям, руководителям, которые помогли мне твердо стать на ноги. Я искренне старалась быть полезной делу, идеям, всю себя отдавала работе в комсомоле и в партии». Ее отношение к этим годам она выразила в своих стихах:

*Ты приехал сюда по-мальчишески розов...
Но какие года пролетели с тех пор!
Не тебя ль столько зим на трескучих морозах
И в работе, и в жизни учил Самотлор?
И морщинки уже положили узоры.
Год здесь за два — недаром порядок такой.
Но судьба твоя стала судьбой Самотлора,
А судьба Самотлора — твоею судьбой.*

Работая в комсомоле, Нина стала настоящим лидером молодежи. Мною было внесено предложение взять ее на работу в горком партии инструктором отдела пропаганды и агитации. Новая должность заставила ее вдумчиво работать над повышением своего уровня. Нина Павловна проводила большую работу с пропагандистами и агитаторами в трудовых коллективах. Она много сил и энергии отдала созданию Дома политпросвещения. Тогда многие считали ее идею почти безумной: кто же даст право открыть Дом политпроса при горкоме партии? Они тогда были только при обкомах. Нина Павловна использовала каждую возможность, чтобы говорить об этом, выступать на семинарах, писать в прессе. И ее настойчивость победила. 15 июня 1982 года она была утверждена заведующей Домом политпросвещения Нижневартовского горкома КПСС.

Много душевных сил и энергии вложила она в организацию и проведение фестиваля искусств «Самотлорские ночи». И безгранично была благодарна молодежи за счастливую возможность участвовать в праздниках музыки, видеть знаменитых людей, известных артистов — участников фестиваля. Эти фестивали живут и по сей день. Нина Павловна с большим энтузиазмом поддержала идею о проведении ежегодно накануне праздника 8 Марта районных слетов женщин. Это тоже стало традицией. Я всегда удивлялся ее работоспособности, у нее хватало времени на все.

При создании горкома партии в новом городе Лангепасе секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии В.В. Китаев

рекомендовал Нину Павловну на должность второго секретаря городского комитета. И она стала хорошим помощником первому секретарю Ю.К. Шафранику. Знания и опыт, приобретенные в Нижневартовске, стали фундаментом для ее дальнейшего роста. В настоящее время она работает в администрации Ханты-Мансийского автономного округа.

Интересен и поучителен опыт многих парторганизаций района. Как правило, где их активность была наивысшей, там действовал сплоченный трудовой коллектив, которому по силам было решение производственных и воспитательных задач. Там непременно жизнь была содержательной, интересной, там рождалось много новых начинаний, и, как правило, шел рост кадров.

На примере старейшего коллектива строителей треста «Мегионгазстрой», который многие годы возглавлял Григорий Ильич Пикман, а секретарем парткома был Владимир Давыдович Пилюсов, мне хотелось бы это подтвердить. Трест стал первым комсомольско-молодежным коллективом такого масштаба. Возглавили эту работу два молодых энергичных инженера Виталий Афанасьевич Зайченко и Иван Иванович Мазур, прошедшие школу молодежного коллектива в Уренгое на строительстве газопроводов. Первый стал управляющим, второй — главным инженером. Трест выполнял одну из директивныхстроек — строительство Нижневартовского и Варьеганского газоперерабатывающих заводов. Новые руководители перешли на бесцеховую структуру. Строительные управления треста были ликвидированы. Коллектив перешел на работу укрупненными комплексными бригадами. Бригады были комсомольско-молодежными. Это дало возможность сократить сроки строительства, снизить себестоимость работ, улучшить качество сдаваемых объектов. Комплексные хозрасчетные бригады стали главным звеном в строительстве ГПЗ, где рабочие владели двумя-тремя специальностями и выполняли весь комплекс строительно-монтажных работ.

Новшество позволило тресту почти ежегодно вводить отдельными очередями ГПЗ. Позже И.И. Мазур стал управляющим в связи с переводом В.А. Зайченко в Миннефтегазстрой генеральным директором объединения «Союзнефтетранссервис». Раскрылся талант Ивана Ивановича как организатора и воспитателя. За досрочное выполнение заданий десятой пятилетки по строительству газоперерабатывающих заводов ком-

сомольско-молодежный трест был награжден Почетной грамотой ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а И.И. Мазур удостоен ордена «Знак Почета».

Более 28 лет Иван Иванович руководил строительными организациями. Он один из инициаторов внедрения поточно-скоростного сооружения систем нефтегазопроводов. В 1981–1985 гг. И.И. Мазур был начальником главка Центртрубопроводстрой, а в 1985–1990 гг. — заместителем министра Миннефтегазстроя СССР. В настоящее время он по-прежнему находится на капитанском мостике, являясь президентом и председателем совета директоров концерна «Нефтегазстрой» и РАО «Роснефтегазстрой». Он доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный строитель Российской Федерации, почетный строитель города Москвы. Его жена Елена Васильевна работала в Нижневартовске учителем математики и физики, теперь же она доктор физико-математических наук, профессор, а два их сына, Александр и Иван, стали кандидатами технических наук, закончили академию нефти и газа.

Ударные комсомольские отряды, их штабы на местах, удачно вписавшись в трудовые коллективы, показали свою жизнеспособность на стройках города и района. Это была хорошая школа воспитания молодежи. Именно у нас родилось содружество с комсомолом Уралмашзавода. Молодежный отряд УЗТМ участвовал в освоении новых нефтяных месторождений. Комитет комсомола взял под контроль изготовление буровых станков для Главтюменнефтегаза и их работу в УБР на тюменской земле.

Не забыть созданный штаб по работе сквозных комсомольско-молодежных коллективов по обустройству и эксплуатации Самотлорского месторождения, в который входили представители НГДУ «Нижневартовскнефть», треста «Нижневартовскнефтьстрой», институтов Гипротюменнефтегаза и СибНИИНП. Основной задачей штаба было ускорение сроков проектирования, комплектации, строительства и надежной эксплуатации вводимых на Самотлоре объектов. Комитеты ВЛКСМ прослеживали всю цепочку работ, а собранную информацию предоставляли руководителям для принятия конкретных мер по хозяйственной линии. Много интересного внесли секретари комитетов комсомола Сергей Гутов и Валентина Ширяева. Горячо поддержал это начинание молодежи начальник НГДУ Р.И.

Кузоваткин. Он своим приказом определил первоочередные и перспективные объекты строительства, обязав начальников отделов содействовать штабу в выдаче исходных данных. Секретарь парткома Борис Григорьевич Антонов предложил горкому КПСС принять решение о возможности организационной перестройки в работе парторганизаций предприятий, занятых обустройством Самотлора. Это начинание было поддержано, бюро горкома обязало парторганизации оказывать всяческую поддержку комитетам комсомола в создании сквозных комсомольско-молодежных коллективов. Борис Григорьевич хорошо дополнял Р.И. Кузоваткина. Они вместе сумели организовать коллектив на выполнение государственной задачи. Секретарь парткома был хорошим организатором, прекрасным инженером, обладал замечательными качествами: заботливый, душевный, спокойный. Его в коллективе уважали и ценили.

* * *

Подводя итог сказанному об участии комсомола и молодежи в делах городской парторганизации, должен констатировать: в 70—80-е годы сложился замечательный боевой комсомольский актив. Проводилось много интересной и содержательной работы с юношами и девушками, складывались и множились хорошие дела в обустройстве нефтяных месторождений района и строительстве города Нижневартовска. Секретари горкома комсомола и «первичек» пользовались заслуженным авторитетом, это были подлинные вожаки. Горком КПСС черпал из их рядов кадры, достойных рекомендовал на партийную, советскую, профсоюзную и хозяйственную работу. Мы их знали в лицо, по-отцовски помогали им расти, они были нашими надежными помощниками и друзьями.

Я часто вспоминаю замечательную плеяду первых секретарей обкома ВЛКСМ, у которых многому научился, которые помогали нам в Нижневартовске, жили нашими заботами и делами. Назову их поименно: Анатолий Всеволодович Старцев, Владимир Демьянович Пульников, Геннадий Иосифович Шмаль, Валерий Павлович Горчаков, Михаил Михайлович Чазов, Геннадий Николаевич Чеботарев, Юрий Васильевич Неелов. Каждый из них — личность, а их дела — прекрасная страница на-

шей истории. Об этом шел разговор, когда многие собрались в областном центре на празднование 80-летия тюменского комсомола. Это была незабываемая встреча друзей и соратников.

В Нижневартовской городской партийной организации подбор, расстановка и воспитание кадров, а уже через них повседневная забота о становлении жизнедеятельных производственных коллективов были основными задачами. Именно от них напрямую зависело выполнение высоких заданий и напряженных планов в ежегодном наращивании добычи нефти, выполнении планов строительно-монтажных работ.

Секретари парткомов и первичных парторганизаций были подлинными политкомиссарами мирного времени, вдохновляли и организовывали, настраивали и объединяли тех, кто разведывал и строил, добывал и прокладывал, учил и лечил, кормил и духовно воспитывал. Они умели убеждать, ибо сами были убежденными в правоте своего дела, они знали, что все в жизни — великое и малое — зависит от конкретного человека, от его идейного стержня, политической закалки и трудового настроения.

Секретари парткомов Б.Г. Антонов, В.А. Артюхин, Э.Д. Бушмакин, В.Е. Ванин, И.Я. Высочинский, Е.И. Горбатов, В.Я. Джафаров, В.С. Смирнов, Н.Н. Соснина, П.М. Самаркин, М.Т. Парфенюк, В.Д. Пилусов, Е.В. Попова, Н.И. Мирюгин, И.А. Яшенко составляли ядро, команду единомышленников, где органически сочетались высокая квалификация и компетентность. Их глубокие знания жизни, желание работать, нацеленность на успех своих коллективов — залог комплексного развития района и застройки Нижневартовска. Они представляли лицо городской партийной организации.

Большая роль в жизнеобеспечении района и города ложилась на плечи исполнительных комитетов — районного и городского, поселковых и сельских Советов. Мне пришлось работать с замечательными, талантливыми организаторами местной власти: председателями райисполкома Н.Я. Устьянцевым и В.Д. Салминым, горисполкома Н.Ф. Фоменко, Н.Г. Салиховым и Н.А. Москаленко, которые внесли большой личный вклад в развитие и становление района и города.

Важнейшую роль в жизни коллективов предприятий и организаций играли профсоюзные организации. Им приходилось заниматься всем, особое внимание проявляя к людям труда, их

быту, условиям досуга, охране здоровья. Заслуженным авторитетом у населения пользовались председатели райкома профсоюзов Ф.С. Удовенко, И.М. Сосновских, Н.В. Прохоров, В.А. Ширяева, председатели профсоюзного комитета нефтяников М.Г. Атаян и А.П. Пинчук.

Задумываясь о судьбе сегодняшнего поколения молодежи, я вспоминаю: известный философ Л. Карсавин высказывал мысль о том, что если у русского человека пропадает идея, то он легко превращается в крайнее «скотоподобие» или становится безразличным ко всему. В настоящее время мы являемся свидетелями проявления массового «скотоподобия» во всех без исключения социальных группах, в том числе и у молодежи. Да, общество разочаровалось в коммунистических утопиях. Но что предлагается взамен? «Я выиграл миллион», «Райское наслаждение», «Оттянись со вкусом», порнография, «Поле чудес» из страны дураков и тому подобное. Нужна единая национальная духовная идея, отвечающая на вопрос: «Во имя чего?». Смысл жизни всегда был, есть и будет в том, чтобы посвятить себя служению своему народу. В противном случае все мелко, суетно и, в конечном счете, безразлично.

Ставя точку в своих воспоминаниях, вновь осознаю, что я счастливый человек, и вновь благодарю судьбу за возможность работать в известнейшем нефтяном районе, быть в гуще событий, понимать свою личную причастность к большому делу. Здесь были мои жизненные университеты, здесь я встретил замечательных людей, своих товарищей, у которых черпал знания, набирался опыта, получал поддержку и понимание. Многие уже нет в живых, но я бережно храню о них светлую память. Со многими продолжаю дружить и по сей день. Именно им, героям своей книги, я мысленно дал слово рассказать о них и о времени, и я счастлив, что выполнил это обещание.

И пусть простят меня, если что-то сказал не так, может быть, неполно, в чем-то был субъективен, пристрастен, но все эти люди мне безмерно дороги. Пусть простят и те, о ком еще не сказал. Но всех нижевартовцев, которые встретились на моем пути, я люблю, и буду помнить до конца своих дней.

Автобиография

Я, Сергей Дмитриевич Великопольский, родился 27 января 1938 г. в рабочем поселке Любино Любинского района Омской области.

С 1946 по 1950 г. учился в школе в п. Любино, в связи с переводом отца в Тюмень продолжил учебу в средней школе № 25, которую окончил в 1956 году. В 1952 году вступил в ряды ВЛКСМ. С 1956 по 1959 гг. учился в Тюменском машиностроительном техникуме на механическом отделении, окончил в 1959 г. по специальности техник-технолог по холодной обработке металлов.

С марта по май 1959 г. работал сверловщиком, мастером, сменным мастером цеха № 2 завода «Строймашин» г. Тюмени.

С 1959 по 1962 г. служил в армии в войсках ПВО Дальневосточного военного округа, где в 1962 году вступил в ряды КПСС.

С 1962 по 1965 г. работал мастером цеха № 8, инженером-конструктором СКБ и секретарем комитета комсомола Тюменского судостроительного завода. С 1965 по 1969 г. работал первым секретарем Тюменского горкома комсомола, более семи лет избирался членом бюро обкома ВЛКСМ, депутатом горисполкома. В 1966 году был делегатом XV съезда ВЛКСМ, в 1968 году участвовал в составе молодежной делегации СССР в работе IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Болгарии.

С 1970 по 1978 г. избирался секретарем, вторым и первым секретарем Нижневартовского горкома КПСС, в эти годы был членом обкома, окружкома КПСС, депутатом горрайисполкома, окрисполкома Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области.

В 1970 году закончил Тюменский индустриальный институт (вечернее отделение), инженер-механик машиностроения.

С 1978 по 1980 г. являлся слушателем Академии общественных наук при ЦК КПСС, которую окончил в 1980 году. С 1980 по 1983 г. работал секретарем парткома Тюменского моторно-

го завода имени 50-летия СССР. С 1983 года по настоящее время работаю в системе Министерства нефтяной промышленности, ныне в Минтопэнерго РФ, нефтяной компании «ЮКОС». С 1983 по 1986 г. работал заместителем начальника Главтюменнефтегаза, с 1986 по ноябрь 1995 г. — в должности заместителя генерального директора АООТ «Запсибнефтьстрой», а с ноября 1995 г. работал в должности генерального директора «ЮКОС-Тюмень».

Награжден орденом Трудового Красного Знамени, тремя медалями.

Присвоены звания «Почетный нефтяник СССР», «Почетный нефтяник Тюменской области», «Заслуженный работник Минтопэнерго РФ», «Заслуженный работник Нижневартовскнефтегаза».

С.Д. Великопольский.

21 ноября 1995 г.

Эффект участия

Сергей Дмитриевич Великопольский буквально выстрадал книгу, которой он дал название «Русское чудо». Самотлор — действительно чудо, невероятно богатое нефтяное месторождение, сыгравшее огромную роль в развитии экономики страны. Открытие этого громадного хранилища подземных богатств среди непроходимых болот, топей и целой системы озер стало причиной рождения в глухих прежде местах замечательного северного города Нижневартовска. Об освоении Самотлора, о строительстве Нижневартовска, а главное — о людях, которые все это делали, и рассказал в своей книге С.Д. Великопольский.

Говоря об удивительном времени, о ярких судьбах причастных к «русскому чуду» геологов, строителей, нефтяников, специалистов других отраслей, Сергей Дмитриевич невольно, косвенным образом показал в книге и свою роль в делах и событиях сравнительно недавнего прошлого.

Вне всяких сомнений, нижневартовский период — самый «звездный», самый ответственный, самый трудный и, наверное, самый счастливый в биографии С.Д. Великопольского. Особенно те годы, когда он возглавлял горком партии. Да, неоспоримы заслуги нефтяников и строителей. Однако нельзя забывать, что это было время, когда при решении любого принципиального вопроса решающее слово оставалось за партийным лидером.

Через болотные хляби прокладывались лежневые и бетонные дороги, буровые бригады увеличивали скорость проходки скважин, росли объемы добычи нефти, новый город становился все более благоустроенным, разительные перемены к лучшему происходили в других населенных пунктах района... И каждое большое дело осуществлялось по воле первого секретаря, с его прямым или опосредованным участием. Это не преувеличение, это истина. Закономерность и обыденная практика той бурной эпохи.

Мы с Великопольским познакомились в конце шестидесятых, когда я работал в редакции газеты «Тюменский комсомо-

лец», а он был первым секретарем Тюменского горкома ВЛКСМ. Надо признаться, беседовали нечасто, хотя нас систематически сводили в общих залах и аудиториях многочисленные общегородские молодежные мероприятия. В середине семидесятых наш «статус» поднялся: я стал заведовать отделом нефти, газа и геологии в «Тюменской правде», а его избрали первым секретарем Нижневартовского горкома КПСС. В книге «Русское чудо» Сергей Дмитриевич пишет о том, что многие руководители в Нижневартовске носили неофициальные, рожденные в людских массах «титулы». Так, Р.И. Кузоваткина звали «начальником Самотлора», Г.М. Кукуевицкого «главным строителем», В.И. Хлюпина «буровым генералом». О себе умалчивает. Хотя ему наверняка известно, что за глаза его именовали не секретарем горкома, а «главным коммунистом Самотлора» либо «самотлорским коммунистом № 1». Такие определения нередко встречались в печати — в местной, центральной и зарубежной.

В связи с этим, хочу здесь привести интересный, на мой взгляд, эпизод.

Стремительное освоение нефтяных и газовых богатств Западной Сибири, небывалые темпы строительства, разительные преобразования в тайге и тундре привлекли пристальное внимание средств массовой информации всех стран мира. Делегации зарубежных журналистов в Тюменскую область стали обычным явлением. Однако передвижение их было строго ограничено, а предоставление сведений тщательно дозировано. Корреспондентов встречал и опекал редактор «Тюменской правды» Н.Я. Лагунов, являвшийся по положению членом бюро обкома партии. Если журналисты выезжали из областного центра на периферию, к ним обязательно прикреплялся сопровождающий, чаще всего газетчик. Много раз такую незавидную обязанность приходилось выполнять мне. Почему незавидную? Да потому что все были помешаны на секретности. Сопровождающий обязан был, с одной стороны, выполнять желания и просьбы уважаемых господ из западных СМИ, а с другой — ни в коем случае не допускать, чтоб они узнали, увидели или услышали что-либо, не предусмотренное программой пребывания.

Однажды в Тюмень прибыло 14 журналистов. Один из Японии, один из Западной Германии и двенадцать — из США, представляя крупнейшие газеты, журналы, агентства. Все в голос

просились на Саяны: мол, их читатели, телезрители и радиослушатели хотят как можно больше узнать об этом чуде природы и о работающих там людях. Однако под каким-то надуманным предлогом обком запретил такой вояж и отправил журналистов в Сургут. Сопровождающим был я.

В общем и целом поездка прошла благополучно, хотя «проколы», конечно, были. На встрече заокеанских гостей с коллективом сургутской районной газеты «КПК» («К победе коммунизма») ее редактор Владимир Васильевич Киселев проявлял чудеса изобретательности, чтобы ответить на каверзные вопросы ушлых корреспондентов. Когда их возили по городу, некоторые увидели стройку, затянутую колючей проволокой со сторожевыми будками по углам. «Вы здесь используете труд заключенных?» — прозвучал вопрос. Конечно, это так и было, кое-где действительно работали зэки. Но иностранцам знать такое категорически воспрещалось! «Нет, — твердо отвечал Киселев. — Просто вы видели очень важный объект». — «Но зачем колючая проволока, часовые?» — «Для охраны ценного оборудования...». Журналисты улыбались. Они словно принимали игру. Они знали, что «очень важным объектом» был молокозавод, и его оборудование вряд ли требовало охраны автоматчиков.

Сургут бурно застраивался, и мы подвозили иностранцев к границе старого и нового города, предлагая снимать недавно появившиеся блочные пятиэтажки — предмет гордости северян. Однако теле- и фотокамеры даже не поворачивались в сторону стандартных железобетонных коробок. Объективы, напротив, пристально вглядывались в полузанесенные снегом деревянные приземистые домишки с покосившимися туалетами во дворе, с веревками, на которых топоршилось застывшее разноцветное белье, включая необъятные байковые кальсоны с запатами между штанин...

Впрочем, все это еще можно было перенести. Неправильное произошло позже. Группа прилетела в Тюмень и в ожидании рейса на Москву расположилась в депутатской комнате аэропорта Рошино. Персонал был предупрежден, и девушки-дежурные радушно снабжали гостей напитками и бутербродами, в душе с нетерпением ожидая, когда эти пассажиры отправятся по назначению. Вдруг в депутатской мелькнула короткая коричневая дубленка Великопольского. «Сергей Дмитриевич!

— воскликнула одна из девчат. — Здравствуйте! Вы прилетели или улетаете?»

Корреспонденты на слова «Сергей Дмитриевич» среагировали мгновенно. Прекратив жевать, они тесным кольцом окружили человека в дубленке. «Вы — Великопольский?» — «Да», — ответил ничего не подозревающий секретарь Нижневартовского горкома. С журналистами, в том числе иностранными, он беседовал много раз. Вот и сейчас стал спокойно отвечать на град вопросов, сыпавшихся со всех сторон, не обращая внимания на вспышки блицев и стрекотание телекамер.

Я бросился на первый этаж к нужному официальному лицу. Этот человек быстро поднялся в депутатскую, извинившись, раздвинул толпу журналистов, сказал Великопольскому, что его срочно вызывают к телефону из Нижневартовска, и они оба ушли. Конечно же, Сергей Дмитриевич больше в депутатской не появился. В общей сложности корреспонденты успели поговорить с «самотлорским коммунистом № 1» минуты две-три.

Каково же было потом мое изумление, когда выяснилось, что радио «Голос Америки» выдал в эфир целую серию репортажей о Самотлоре с участием тамошнего «главного коммуниста» С.Д. Великопольского! И я, имевший задание пресекать нежелательные контакты, и Великопольский, допустивший «утечку информации», имели потом не очень приятные беседы с сотрудниками КГБ. Хотя Сергей Дмитриевич за те две-три минуты сказал лишь самые обычные вещи: об уникальности месторождения, о трудностях его обустройства. Эти данные уже не раз печатались в различных изданиях, были общедоступными.

Надо отдать должное корреспонденту «Голоса Америки» за находчивость. В цикле репортажей он сообщал сведения, взятые из своего досье по Самотлору, и время от времени вставлял туда «живые» слова Великопольского. Суммарно они в каждом репортаже звучали не больше минуты, но создавалось впечатление, что репортажи велись непосредственно из Нижневартовского района, а первый секретарь обстоятельно рассказывал о проблемах освоения. Авторитет С.Д. Великопольского, масштаб его личности придавал репортажам убедительность и значимость...

Вообще говоря, он всегда был на виду, всегда в лидерах, начиная с пионерских лет. А уж комсомольская юность — это период множества интересных дел и ярких достижений. На

партийной работе тоже зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. А затем еще была хозяйственно-предпринимательская деятельность, когда он возглавлял ООО «ЮКОС-Тюмень», дочернее предприятие нефтяной компании ЮКОС. Потом напряженная общественная работа в должности вице-президента фонда им. В.И. Муравленко...

Быть первым! Вряд ли он осознанно ставил перед собой подобную цель, но так уж получалось. Впрочем, в спорте он всегда рвался к победе, как это и положено. Имел первый разряд по лыжам. Первый разряд и звание чемпиона Тюмени среди юношей по шахматам. Первый разряд и командное лидерство в городе и области по баскетболу. Прекрасно выступал, став разрядником, в волейболе, других видах спорта.

Армейскую службу проходил на Курилах. В составе сборной войск ПВО участвовал в соревнованиях по баскетболу между Дальневосточным военным округом и Народной армией Монголии, в связи с чем бывал в этой стране. Не раз приезжал на сборы в Хабаровск, с которым связано немало воспоминаний. Годы службы в армии были заполнены незабываемыми событиями. Так, он помогал спасти четверых солдат, унесенных на барже в океан. (Тогда о них говорила вся страна. Фамилию Поплавского или Зиганшина знал каждый школьник. 49 суток на утлом суденышке носило их по волнам. Парни чуть не умерли от жажды и голода, съели гармонь, ремни, но сохранили чувство товарищества и взаимовыручки, не изменили солдатскому долгу, оставаясь людьми в нечеловеческих условиях). Позже, когда после чествований в столице они возвращались к месту службы на Курилы, их как лучший комсорг части встречал и приветствовал Сергей Великопольский...

Он имел счастье ощутить на себе все формы поощрений, имевшиеся в армии. Получал почетные грамоты и благодарности. Был сфотографирован у развернутого знамени части. Дослужился до «четырёхзвездного солдата» — это когда на груди четыре (полный набор!) знака отличия: значки комсомольский, БГТО, отличника Советской Армии и специалиста первого класса (он был оператором радиолокационной станции).

Неудивительно, что после демобилизации он уверенно пошел по ступеням комсомольской карьеры — от комсорга судостроительного завода до первого секретаря Тюменского гор-

кома ВЛКСМ. Признанный вожак молодежи, руководитель крупнейшей в области комсомольской организации. Вроде бы все славненько и гладко? Вовсе нет.

— Я вообще-то человек заводной, рисковый, — говорил мне Сергей Дмитриевич. — Никогда ни перед чем не отступал, своего обязательно добивался. Поэтому в жизни бывало всякое...

Это уж точно. Чего стоит выговор, который «вкатил» ему любимый и уважаемый Сергеем секретарь обкома ВЛКСМ Геннадий Шмаль. За то, что не по назначению были использованы привлеченные финансовые средства. Хотя справедливости ради надо сказать: Геннадий Иосифович формально вынужден был объявить секретарю горкома выговор за недисциплинированность, а по-человечески полностью оставался на стороне Великопольского. Ведь деньги ушли не куда-нибудь, а на сооружение мемориала памяти солдатам, умершим в госпиталях от ран — того самого, расположенного возле Дворца культуры геологов, где по сей день проходят торжественные мероприятия, куда благодарные тюменцы приносят живые цветы.

На смену дерзкой юности пришли годы серьезной и ответственной партийной работы. В биографию Великопольского властно вторглись Самотлор и Нижневартовск. Нет нужды подробно говорить здесь об этом периоде — о нем, по существу, вся книга «Русское чудо». Когда Сергею Дмитриевичу исполнилось 60, его супруга Татьяна Анатольевна Трофимова сделала мужу подарок: альбом фотографий и повествование в стихах обо всем 60-летнем жизненном пути юбиляра. В разделе «Нижневартовск» там сказано:

*Ты для меня — моя столица,
Я здесь работал, здесь я жил.
Я знаю: я — твоя частица,
Тебе я в меру сил служил.*

И чуть дальше, через несколько страниц:

*Какие люди были там со мною!
Герои! Нефтяные короли!
И если было трудно мне порою —
Они мне помогали, чем могли...*

Рядом фотография: группа нижневартовцев возле памятника «Покорителям Самотлора». Сергея окружают знатные буровики, нефтяники, строители, у некоторых на груди Золо-

тые Звезды. Тут же такие видные руководители, как Ю.И.Тимошков, В.А. Абазаров, Н.А. Москаленко, Н.Г. Салихов, В.О. Палий, Р.И. Кузоваткин... Добрая память о славном и героическом времени.

После того, как завершился северный этап в жизни С.Д. Великопольского, он переехал в Тюмень, затем оформился на пенсию, однако его энергичная натура по-прежнему требовала напряженной деятельности. А кто ищет, тот всегда найдет.

Летом 1996 года было заключено соглашение между администрацией Тюменской области и открытым акционерным обществом «Нефтяная компания ЮКОС». В соглашении говорилось о том, что стороны «совместно участвуют в разработке программ развития нефтедобычи, нефтепродуктообеспечения, переработки углеводородов, поиске и разведке месторождений...», а также о том, что администрация «будет содействовать в создании дочерних предприятий компании на территории области и в предоставлении земельных участков по льготным ценам для развития сети автозаправочных станций, в том числе и в областном центре».

Одним из первых конкретных шагов реализации договоренностей стало создание 30 сентября 1996 года дочернего предприятия «ЮКОС-Тюмень». Его-то и возглавил С.Д. Великопольский.

Когда мы встретились, у меня, естественно, возник вопрос: если родной и благодатной землей, где начала расти имеющая теперь множество ответвлений компания ЮКОС, была и остается Тюменская область, то почему только сейчас здесь появилось дочернее предприятие?

— Это не так, — услышал я в ответ. — Подразделения другого профиля — скажем, по геологоразведке — уже были. В Омске создано предприятие «ЮКОС-Сибирь», в Тюмени имелось его представительство. Проанализировав ситуацию, руководство компании пришло к выводу, что следует создавать самостоятельные предприятия в целом ряде городов: Новосибирске, Екатеринбурге, Кургане... А в первую очередь — в Тюмени. Так возникло наше ДП. Мы, естественно, должны работать с прибылью, и главные задачи для нас — завоевание в регионе рынка сбыта и реализации нефти и нефтепродуктов, развитие производственной базы, создание перерабатывающих производств, продажа сельхозпродукции специализированных совхо-

зов и агрофирм. Конечно же, мы будем активно сотрудничать со всеми другими структурами НК ЮКОС.

— Реализация нефтепродуктов... Каким это образом?

— Мы уже приступили к сооружению автозаправочных станций. Наши АЗС появятся в южных районах, в областном центре, на трассе Тюмень — Тобольск — Ханты-Мансийск и на других дорогах. Готово технико-экономическое обоснование этих работ.

— В ваших планах еще и сельскохозяйственная кооперация?

— Не только в планах. Давно и успешно действуют партнерские связи «Юганскнефтегаза» с агрофирмой «Туринская». В Чикче про ЮКОС знают стар и мал. Село получает от нефтяников средства на строительство, приобретение новейших аграрных технологий, а на Север идут первоклассные продукты. Есть и еще много проектов. Хочу подчеркнуть, что наши действия, начатые или планируемые, принесут пользу не только компании ЮКОС, но и всем жителям Тюменской области. Потому что даже сам характер деятельности ДП «ЮКОС-Тюмень» исключает факт развала сложившегося социально-экономического единства родного нам региона. На щедрой земле Тюменской области всем достаточно и места, и работы, и богатства. Чего же делить?..

Великопольский многое успел сделать в своей новой должности. Позже компания ЮКОС несколько скорректировала стратегию и тактику, произвела структурные преобразования, а Сергей Дмитриевич был избран вице-президентом созданного в Тюмени областного общественного фонда им. В.И. Муравленко. Важной частью его работы стало сохранение памяти о тех, кто закладывал основы, создавал и укреплял мощный топливно-энергетический комплекс Западной Сибири. С.Д. Великопольский участвовал в создании четырех книг воспоминаний: «Высота» (о В.И. Муравленко), «В пламени жизни» (о Б.Е. Щербине), «Сибирский самородок» (о В.В. Бахилове) и «Легенда Самотлора» (о Р.И. Кузоваткине) — за что, кстати, был удостоен звания лауреата премии Муравленко в области публицистики.

Собственно говоря, книга «Русское чудо» как бы продолжает этот перечень. Но я все же спросил Сергея Дмитриевича: был ли какой-то конкретный повод, толчок, заставивший автора взяться за написание книги?

— Да, был, — ответил мне Великопольский. — Когда Нижневартовску исполнилось 25 лет, состоялись торжества, в которых довелось принимать участие и мне. Хозяева старались, чтобы нам, почетным гостям, было интересно и приятно. Все у них получилось. Но мне подарили юбилейное издание, посвященное Нижневартовску, и я с горечью и досадой увидел, что там почти ничего не сказано о самых первых, о тех людях, благодаря которым и вырос прекрасный город на берегу Оби. Я тогда сказал мэру Юрию Ивановичу Тимошкову: если только буду жив-здоров, если хватит сил — обязательно к 30-летию Нижневартовска напишу книгу о его основателях! Я, конечно, не журналист, не писатель, но постарался максимально полно и достоверно изложить все, как было. Потребовалось встретиться и переговорить со множеством ветеранов, отыскать и проанализировать огромное количество архивных материалов, отдать этой сложной для меня работе четыре долгих года... Но вот мой труд почти завершен: книга уже готовится к печати.

...Наш разговор состоялся осенью 2001 года. И вот теперь книга увидела свет, пришла к своему читателю. Надеюсь, что он, читатель, не без интереса познакомится не только с героями «Русского чуда», но и с автором, С.Д. Великопольским, активным участником всех событий, о которых рассказывается в книге. Именно с такой целью и были написаны мной эти строки.

Юрий ПЕРЕПЛЕТКИН.

Стоит на распутье Алеша...

В год двадцатипятилетия города Нижневартовска, право же, не грех вспомнить о первопроходцах «нефтяной целины». Да, ушла безвозвратно та эпоха. Но жизнь основана на том, что каждое новое поколение живет «на плечах» предшествующего, и без преемственности она невозможна. И сегодня любое свидетельство о той эпохе становится историческим документом. А наша история тем и отличается от школы, что в российских условиях она, кажется, ничему и никогда не учит. Может быть, поэтому в России некоторые представители молодежи, «как слепые кутята», натываются на «углы», которые можно обойти? А если кто-то не уважает своих родителей, родительское поколение, то разве он уважает себя?

Мой собеседник — генеральный директор фирмы «ЮКОС-Тюмень» **Сергей Великопольский**.

— **Сергей Дмитриевич, насколько я понимаю ситуацию, вскоре после открытия Самотлорского месторождения начал решаться вопрос о базе его освоения. Как это было?**

— Месторождение было открыто Мегионской нефтеразведочной экспедицией, которую возглавлял В. Абазаров, а если еще конкретнее — буровой бригадой Г. Норкина в 1964 году. Через пять лет, когда я приехал в Нижневартовск, он находился на территории Ларьякского района. Ларьяк где-то в 150 километрах от Нижневартовска. Организовать разработку Самотлора оттуда было очень сложно. Приток буровых бригад, необходимость создания инфраструктуры, создание специализированных подразделений требовали оперативного руководства. Автором идеи о переводе райцентра из Ларьяка в Нижневартовск был тогдашний председатель Ларьякского райисполкома Н. Вокуев. Жители Ларьяка были категорически против. Но Вокуев настоял на своем.

— **То есть, как я понимаю, если говорить не о поселке, а о городе Нижневартовске, то его «родоначальником» является Н. Вокуев?**

— Да. Он отстаивал свою позицию перед областным руководством. А после перевода райцентра в Нижневартовск начали формироваться соответствующие структуры управления, транспортные коммуникации и так далее.

— **Но можно было создать базу освоения Самотлора и в Мегионе, и в Верхневартовске. Почему все-таки был выбран Нижневартовск?**

— В то время единственным «транспортным средством», которое могло в полном объеме обеспечить поставку материалов и оборудования, была Обь. Поэтому город удобнее было создавать на берегу Оби и в непосредственной близости от Самотлора. Может быть, с меньшими затратами его можно было «посадить» в Мегионе. Тем более что и строительная площадка Нижневартовска от Мегиона отличалась в худшую сторону. Дело в том, что Нижневартовск по геофизическим отметкам находится ниже Самотлора. Поэтому все весенние потоки воды в основном шли через него. И когда началось бурное строительство Нижневартовска, нам пришлось не только отсыпать огромное количество грунта, но и создавать мощную дренажную систему.

— **Плюс к этому загазованность территории города от нефтеразработок?**

— Да, экологическая обстановка в Нижневартовске крайне неприятна.

— **А вы как там оказались?**

— Трудился в Тюмени на комсомольской работе. А потом Б. Шербина, бывший первый секретарь обкома, и Г. Богомяков — второй, пригласили и предложили поехать в Нижневартовский райком партии секретарем по идеологии. Мне в то время было 29 лет, возраст комсомольского руководителя уже перерос. Поэтому сказал, что согласен. Хотя в Тюмени я имел все необходимое, только что родился сын, и моя семья переезд в Нижневартовск восприняла не очень хорошо. Отец сказал, что это дело моего выбора, а прочие родственники, прежде всего жена, были не очень рады.

— **Но вашу жену можно понять — ей «воевать» с бытом...**

— Да, но Нижневартовск для меня и сегодня большая школа работы в экстремальных условиях. Тогда мы с утра до вечера отдавали себя делу, за которое боролась вся страна.

— **В сфере вашего руководства была только идеология?**

— Формально в начале преимущественно идеология. Но воспитывают не столько слова, сколько дела. А я человек конкретных действий и, начиная любое мероприятие, прежде всего смотрел на то, какая от него будет отдача.

— **А что тогда было важнее: идеология как услуга экономических потребностей страны или, наоборот, экономическое освоение Севера, которое спасло страну от краха, обслуживало сохранение идеологии?**

— Я должен сказать, что эти две стороны нельзя разорвать. Потому что любое большое дело, которое делалось в стране, обеспечивалось идеологической, социальной и психологической подготовкой. И многие из тех, кто тогда приехал в нефтяное Приобье, ехал не за «длинным рублем» и не за «запахом тайги», а по зову сердца. У нас слова «жила бы страна родная» были не пустой фразой.

Поэтому моя идеологическая работа прежде всего заключалась в воспитании любви к этому краю, к своему труду, к профессии. Вот эта связка идеологии и экономики меня всегда «подтягивала». В любом коллективе необходимо было называть цифры, задачи, объяснять, почему вот это «не идет», что нужно сделать и как это скажется на людях.

— **В 60—70-е годы в Нижневартовск устремился многотысячный поток людей, их необходимо было принять, обустроить, создать достойные условия жизни и работы.**

— Конечно. Но я должен сказать, что сейчас существует мнение, будто наше поколение руководителей меньше всего заботилось о простом человеке. Это не так. На первых порах в Нижневартовске, разумеется, не хватало жилья, не была развита социальная сфера. Но областные руководители, руководители нефтяной отрасли в регионе понимали необходимость решения этих проблем и решали их. Здесь я должен назвать В. Муравленко, А. Парасюка, Г. Богомякова, Н. Чернухина, Н. Никитина, Ю. Рогачева, В. Степанова, да всех не перечислить. Они делали все необходимое для того, чтобы рабочий поселок Нижневартовск получил необходимую строительную базу. Много было сделано для того, чтобы Нижневартовск имел свое «лицо», отличное от других городов.

— **И всегда все было хорошо?**

— Разумеется, не всегда. Но приведу такой пример. Когда резко возросли объемы бурения на Самотлоре, было принято

решение о передислокации в Нижневартовск бурового управления из Урая. Его возглавлял А. Исянгулов. На первых порах им были выделены вагончики на открытом месте, как в боевом сражении, а постепенно при вводе жилья мы всех работников этого управления квартирами обеспечили.

— **Но вы в Нижневартовске отвечали не только за состояние идеологической работы?**

— Да, позднее я стал секретарем райкома по промышленности, а потом и первым секретарем. В это время Нижневартовск стал городом, и я возглавлял Нижневартовский горком партии.

— **А как увеличилась численность населения Нижневартовска за время вашей работы в этом городе?**

— Когда приехал, было около 22 тысяч, когда уезжал в Москву учиться в академию, город был со 100 тысячами населения, добыча нефти возросла с одного до 100 млн. тонн в год.

— **Сегодня нефти в районе Нижневартовска добывается минимум в четыре раза меньше, а численность его населения в три раза больше. Цифры, которые наводят нас на нерадушные размышления. А как строился Нижневартовск?**

— Город первоначально был застроен «деревяшками». Тюменских мощностей по строительству было недостаточно. Поэтому приняли решение о привлечении к строительству Нижневартовска специалистов из Омска, Татарии, Перми, Уфы, Красноярска. Они высаживали свои десанты, рекой доставляли строительные конструкции.

В то время Главтюменнефтегаз в Куйбышеве закупил пять комплектов крупнопанельных домов. Их надо было «тащить» с железной дороги на автомобилях, а с автомобилем в речной порт, затем на баржу, с баржи — на берег Оби, в Нижневартовск. А там в то время не было пирсов, сгружали на песок. В результате из пяти домов с трудом собрали полтора. Строительство вел трест «Мегионгазстрой» во главе с легендарным в Приобье Г. Пикманом. Ему сейчас 86 лет, и я рад возможности пожелать ему крепкого здоровья.

В январе 1970 года сдавался первый в Нижневартовске пятиэтажный дом. В него поселили не начальников, а тех, кто первым приехал на освоение Самотлора. А на следующий год из оставшихся деталей пятиэтажки собрали четырехэтажный дом. Его

назвали «недоноском Пикмана». Поставляемые дома, особенно омские, не всегда отвечали природно-климатическим условиям Приобья. Поэтому их приходилось дополнительно утеплять.

— **А своя строительная база?**

— Параллельно строился Нижневартовский домостроительный комбинат. Ко времени моего отъезда из Нижневартовска была пушена его вторая очередь.

— **Жилье, детсады, школы?**

— Все это строилось в кирпичном исполнении. Тут были свои трудности. И что еще существенно в строительстве Нижневартовска, так это то, что оно определялось не столько градостроительными проектами, сколько темпами добычи нефти и привлечением для этого людей. Самое страшное было в том, что в проектную документацию закладывались одни инженерные коммуникации, а фактически приходилось строить другие. Эта нестыковка дорого обходилась городу.

— **В финансировании?**

— Оно решалось легче. Труднее было обеспечить теплоснабжение, правильно спроектировать местными силами транспортные коммуникации. Дело дошло до того, что мы с Р. Кузоваткиным, другими товарищами однажды приехали в институт «Новосибирскгражданпроект», собрали всех его работников — от копировальщиков до руководителей — и попросили за два-три месяца обеспечить нас проектной документацией. Р. Кузоваткин обещал каждого занятого на этой работе поощрить и позднее выполнил свое обещание. Это нам дало возможность работать с опережением в подготовке проектной документации.

— **Некоторые граждане считают, что все, что находится на территории Ханты-Мансийского округа, принадлежит окружающим начальникам.**

— Эту территорию осваивала вся страна. В том числе и Москва. Нижневартовск создавали как интернациональный город. Там никогда не было межнациональных конфликтов.

Я вспоминаю о том, как было принято решение о строительстве железной дороги от Сургута до Нижневартовска. Оно не планировалось. При мне А. Косыгиным при участии Г. Богомякова, Д. Коротчаева и других руководителей было принято это смелое решение. А что бы сейчас представлял собой Нижневартовск без этой дороги? А после этого Моск-

ва подключилась к строительству жилья в Нижневартовске, в результате чего архитектурный облик города существенно изменился. Причем москвичи застраивали Нижневартовск и после того, как к руководству московским горкомом партии пришел Б. Ельцин.

А сколько сил было затрачено на укрепление берега Оби! В первые годы строительства Нижневартовска Обь ежегодно подмывала 50—60 метров берега, она «шла» на Нижневартовск. Вспоминаю, как была забита первая шпунтовая стенка речпорта, и срочно понадобилось отсыпать огромное количество грунта до весны, чтобы ее не «срезало». Сколько было разговоров о том, зачем это нужно, что нам, тайги не хватает? А сегодня берег Оби украшает город.

— **Но развитие социальной сферы, видимо, все же отставало от производственной?**

— Безусловно.

— **Своеобразным символом Нижневартовска является памятник, именуемый в народе «Алешей». Несколько слов о том, как он появился.**

— Он создавался накануне празднования столетия со дня рождения В.И. Ленина. Мы в Нижневартовске решили создать памятник не ему, а простому рабочему. Кстати, меня в этом деле не очень поддерживали областные руководители. А нам хотелось создать собирательный образ эпохи, оставить память о тех, кто отдал годы своей жизни для будущего. Чтобы памятник олицетворял и геолога, и нефтяника, и строителя, и транспортника. Группе ленинградских архитекторов и скульпторов мы выслали пакет фотографий наших передовиков, и они создали собирательный образ рабочего нашего поколения.

Причем Алешу мы поставили не в центре Нижневартовска, а на стыке дорог, ведущих на Самотлор и в Мегион. Отдавая память всем, кто занимался обустройством Самотлора и Нижневартовска. А вот чтобы отсыпать под него площадку, Ю. Шереметьев, он у нас СУ-909 возглавлял, без всяких официальных указаний попросил водителей, когда они возвращались в город, сыпать на место будущего памятника по кузову грунта. Там стоял бульдозер, он формировал холм под памятник.

— **То есть, по существу, это была народная стройка?**

— Да, и Ю. Шереметьев, и водители это делали от души, их никто не заставлял. И сейчас все молодежны по традиции при-

езжают возложить к этому памятнику цветы. При всем том, что он не доделан до конца (по проекту там должны быть стелы с информацией о памятных датах и людях), он будет вечно стоять и говорить о том, что здесь когда-то было.

— **Но сегодня район Нижневартовска находится не в очень хорошем положении.**

— Да, я тоже переживаю за будущее этого города. Не секрет, что Самотлор эксплуатировался хищнически, и сегодня, вместо того, чтобы быть своеобразной палочкой-выручалочкой России, Нижневартовск требует огромных капиталовложений.

— **И диверсификации производства?**

— Разумеется. Нефтяная промышленность на одном месте развивается веками. И в старых районах, взять тот же Баку, Башкирию или Татарию, нефть добывается. Раньше с Самотлора брали «сливки», сегодня требуется другой подход. Думаю, что Нижневартовск готов для создания деревообрабатывающей промышленности, в том числе мебельной. Здесь непочатый край для развития рыбопереработки. Есть возможности для развития ремонтных операций, создания мелкосерийного производства и так далее. Создают же такие производства в Нефтеюганске. Можно по примеру Сургута наладить и более глубокую переработку углеводородного сырья. Думаю, что надо работать над этими проблемами. Тем более что в Нижневартовске сегодня нет проблем с квалифицированными кадрами.

— **Спасибо за интервью.**

Геннадий Золотухин.

Тюменская правда. 14 марта 1997 г.

Как молоды мы были

— Мы ведь знакомы целую вечность, Сергей Дмитриевич. Помните, как три десятка лет назад справляли новоселье в одном и том же доме в квартале судостроителей на Жигулевской?

— Как не помнить! В нашей семье я первым получил пусть однокомнатную, но благоустроенную квартиру. Выделил ее нам с женой судостроительный завод, где я тогда был секретарем комитета комсомола. Радости, конечно, было много, тем более что с жильем в те времена в Тюмени было трудно.

— Понимаю, сам тогда впервые в жизни получил свою крышу над головой, по сей день мы с женой благодарны за это тогдашнему председателю горисполкома Виталию Витальевичу Зайченко.

— А я — тогдашнему директору завода Петру Петровичу Потапову, он сыграл очень большую роль в моей жизни.

— В комитет комсомола «определил» вас он?

— В определенной степени. Так уж получилось, что меня всегда выбирали комсоргом: школьным в 25-й школе, в армии...

— Служить где довелось?

— На Курилах, в войсках ПВО — был оператором радиолокационной станции. Служба эта достаточно тяжелая и сложная, к тому же еще и комсомольская работа. Но как лучший комсорг отдельной армии ПВО страны я получил льготу — без вступительных экзаменов мог стать курсантом Львовского военно-политического училища, причем знаете по какой специальности?

— Какой?

— По специальности «военный журналист». Честно сказать, перспектива привлекала, но у меня уже родился сын, поэтому от карьеры журналиста пришлось отказаться. Вернулся в Тюмень, пошел работать на судостроительный завод инженером-инструктором — я имел уже к тому времени диплом нашего машиностроительного техникума, учился заочно в Уральском политехническом институте на машиностроительном факуль-

тете. Профессия нравилась, намерения были самые серьезные, но, видать, уже крепко «отметился» в комсомоле — нашли меня и на судостроительном.

— **Кто нашел?**

— Бывшие тогда секретари обкома комсомола Анатолий Старцев и Владимир Пульников. Комсомольская организация на судостроительном была самой крупной в Тюмени — более тысячи человек, искали секретаря комитета, видимо, подняли документы — вот он, Сергей Великопольский, недавний секретарь одной из лучших комсомольских организаций Дальневосточного военного округа, мы себе на Курилы переходящее Красное знамя тогда увели. Вызывают в кабинет к Потапову, там Старцев сидит. Давай, говорят, Сергей, берись за заводской комсомол. По предложению Петра Петровича меня и избрали секретарем комитета комсомола завода.

— **Ну, и как дело пошло?**

— Знаете, сначала никакого восторга не испытывал, другие планы были, планировал твердо освоить надежную профессию, ходить у кого-то в подручных не хотелось. Но Петр Петрович Потапов был очень хорошим руководителем, ему нужны были не мальчишки на побегушках, а работники, умеющие самостоятельно решать определенный круг заводских проблем. Вот и комсомолу заводскому этот круг был определен. Например, под нашу полную опеку были переданы заводские общежития, мы решали вопросы, кого куда заселять, мы отвечали за порядок, за обеспечение общежитий всем необходимым.

Когда надо было в срочном порядке изготовить для перевозки первой тюменской нефти 50 барж, комитету комсомола было дано право сформировать две бригады. Мы сами с благословения директора отбирали туда тех, кого считали нужным. Понятно, ребята молодые, поэтому брались за самую тяжелую работу. В числе таких была очистка трюмов уже сваренных барж от ржавчины изнутри. И вот надевали мы на себя определенные принадлежности...

— **Грубо говоря, «намордники»?**

— В том числе и их, и обыкновенными терками ржавчину эту обдирали.

— **Комсомольский секретарь тоже?**

— И комсомольский секретарь в том числе, комитет тогда у нас был закрыт на ключ, всем миром выполняли срочный

заказ государства. И, как помните, выполнили, комсомол был отмечен,

— Ну, а потом — горком?

— Да, система тогда была четкая, если, что называется, «попал в обойму», хорошо работаешь и «проколов» существенных нет, то так и двигаешься по ступеням вверх. Я исключением не был, но опять-таки, говорю честно, предложение возглавить городскую комсомольскую организацию принял с очень двойственным чувством. Что называется сильно «прикипел» к судостроительному, учился в институте, получил от завода квартиру, чувствовал себя морально ответственным, да и Петр Петрович на сей раз сильно отговаривал. Но в те времена колебания подобного рода решались очень просто: ты коммунист, вот тебе партийное задание, будь любезен выполняй!

— Ну а что, комсомол в те годы был боевым, не случайно именно из того поколения комсомольских вожakov столько толковых руководителей вышло, Север, считай, во многом они поднимали. Да и в Тюмени работа была видна.

— Да, без похвальбы могу сказать, что делали много. Тогда к руководству областной комсомольской организации пришел Геннадий Шмаль, Борис Евдокимович Шербина его присмотрел за пределами области, уговорил к нам приехать. При нем как-то по-новому все закрутилось. Тогда ведь ни в обкоме, ни в горкоме комсомола окна не гасли ни после семи, ни после восьми вечера, шли ребята, разворачивалось освоение Севера, осваивался он прежде всего руками молодых, очень многое шло через комсомол, в том числе и через Тюменский горком ВЛКСМ. Это становилось главным, но и наши внутренние, городские дела мы, конечно, не забывали.

Помнится, только что построенная областная филармония каждый понедельник отдавалась в наше распоряжение без всякой оплаты. Мы там проводили городские молодежные вечера, КВН, всевозможные встречи. В частности, Шербина после завершения каждого пленума, съезда, других крупных мероприятий встречался здесь с молодежью, информацию мы имели из первых рук.

Благоустройство комсомол поднимал. Скверы разбивали, очень много сажали деревьев, в частности, по дорогам на выезде из Тюмени. Сейчас деревья стали большими, приятно смот-

реть на плоды работы наших рук. Создавали и следили за порядком на простейших спортивных сооружениях города. Только в центре, начиная от 25-й школы, я могу назвать десяток волейбольных, баскетбольных, городошных площадок, были даже беговые дорожки. Сколько людей приходило погонять мяч в Пионерский сквер, городской сад!

Много комсомол тогда делал. Памятник погибшим в войну в госпиталях при нашем активном участии был сооружен на средства, собранные комсомольцами. Как и памятник Николаю Кузнецову у нынешней сельхозакадемии.

— Тюменские комсомольцы 60-х годов оставили добрый след в истории города. Понятно и то, что по существующим тогда и уже упомянутым традициям энергичному секретарю горкома комсомола был наверняка уготован путь в партийные структуры. Непонятно одно, как вы, прошедший всю жизнь в Тюмени, машиностроитель по профессии, вдруг оказались в нефтяном Нижневартовске и к тому же на посту секретаря райкома партии по идеологии?

— Сам не знаю, знаю только, что решение принимал Борис Евдокимович Шербина, а он такие вопросы, что называется, «с кондачка» не решал. Видимо, были у него какие-то резоны, что-то такое во мне увидел.

Я же, признаться, был ошарашен, особенно когда приехал в Нижневартовск, поездил по глубинке. Район огромный, многое для меня было в новинку, точнее в диковинку. Да и встретили меня северяне поначалу, признаться, настороженно. Помню, на первом пленуме райкома партии меня спросила Лидия Ивановна Каморкина, учительница: «Сергей Дмитриевич, а вы к нам надолго?». Оказывается, в те времена многие руководители приезжали на Север без семей, как на пересадочную площадку.

— Это ведь был конец 1969 года, начало освоения Само-тлора. Как это происходило, почему, на ваш взгляд, был укорочен век крупнейшего нефтяного месторождения страны?

— Была задача — дать стране нефть. Это было главным, на это мы все работали и работали, не жалея сил. Но то, что освоение Самотлора шло, как бы это сказать, рваческими методами, тоже видели. Говорили об этом геологи, тот же Роман Иванович Кузоваткин, специалисты главка, в том числе и Виктор Иванович Муравленко это видел и осознал. Но давление было

мошное из ЦК, министерства, да и из обкома тоже. Были энтузиазм, жажда революционных решений. Чего стоит хотя бы тот факт, что Самотлор начали разбуривать, еще не оконтурив границ месторождения.

Да, через какое-то время стало ясно, что с уникальным месторождением поступили не по-государственному, преждевременно истощив его форсированной добычей. И ни с кого, в том числе с себя, вины за это снимать не хочу. Но легко мнить себя стратегом, видя бой со стороны. Мы все работали с полной отдачей, с надеждой и уверенностью, что приносим благо своей родине. И особо винить в чем-то тех, кто осваивал Самотлор, от бурильщика до секретаря парткома, я бы не стал. Кто, например, даже сейчас бросит камень в Василия Васильевича Бахилова, моего учителя, которого я через несколько лет работы в Нижневартовске сменил на посту первого секретаря горкома партии? Думаю, никто. Он был светлым человеком, который все отдавал людям.

— А как получилось, что вы, секретарь по идеологии, стали первым?

— Да так и пошло. Сначала как просто секретарь занимался бытом, здравоохранением, народным образованием. Все это в строящемся городе, в районе надо было поднимать. Понятно, присматривался к производству: как инженеру мне это было интересно. Стал вторым секретарем. А когда Василий Васильевич Бахилов возглавил парторганизацию округа и встал вопрос о первом секретаре горкома у нас, в Нижневартовске, то меня на эту работу рекомендовали такие люди, как Геннадий Павлович Богомяков, Роман Иванович Кузоваткин, Григорий Ильич Пикман, Ян Михайлович Малинский. Этим горжусь и сегодня.

Ну, а первый секретарь горкома отвечал за все, и дел хватало. Ведь Самотлор — это не только добыча нефти, это огромный разворот строительства: промышленных объектов, дорог, мостов, жилья, соцкультбыта. Ну и самое главное — это, конечно, люди. Приезжал на Север народ, понятно, разный, но в своем большинстве, особенно на первых порах, отборный, я бы сказал, одержимый. Иначе бы за считанные годы нельзя было создать того, что было создано в необжитом, болотистом, суровом крае.

А ведь как трудно все давалось! Строили много, но от балков, как и все, не ушли. Тоже проблема большая. Построить

город за считанные годы, причем построить в низине, на заболоченной излучине Оби, на тяжелых грунтах, только за это тем, кто осваивал Самотлор, надо памятник ставить.

— **Да он ведь и поставлен на въезде в Нижневартовск. Сколько вы там проработали?**

— В общей сложности почти десять лет. Это самые насыщенные, самые значительные годы моей жизни.

— **А затем?**

— А затем был направлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК, закончил ее с отличием и с выговором с занесением в учетную карточку. История давняя, не стоит к ней возвращаться, в партии начались новые веяния, которые привели к перестройке, я преждевременно радикализм проявил. Вернулся в Тюмень, был направлен руководителем парткома моторного завода. Тоже интересный период в жизни — крупный завод, строительство большое шло. А потом начальником Главтюменнефтегаза приехал в 1983 году в Тюмень Роман Иванович Кузоваткин. И на том моя партийная карьера закончилась. Работал заместителем начальника главка, затем, перед самой ликвидацией Главтюменнефтегаза, перешел в объединение «Запсибнефестрой». И это тоже интересный для меня период, я хорошо знал только Нижневартовск, а тут объездил весь нефтяной Север. Здесь я окончательно осознал масштаб той битвы, которая шла за большую нефть Сибири.

— **Ну, и как вы стали в конечном счете предпринимателем — руководителем ООО «ЮКОС-Тюмень»?**

— Стать вроде бы стал, но предприниматель из меня не очень получается. А было вот что: я служил на Курилах, работал на Севере, это дало мне право досрочно выйти на пенсию. Ну, а силы, навыки организаторской работы есть, поэтому решил доработать до полного пенсионного возраста в нефтяной отрасли. Тем более что работавший тогда генеральным директором «Юганскнефтегаза», затем он стал президентом НК «ЮКОС», Сергей Муравленко предложил поработать в представительстве объединения в Тюмени. До меня представительство занималось, главным образом, поставкой сельхозпродукции в Нефтеюганск, нефтяники заключили договоры с пятью хозяйствами под Тюменью, одно время сотрудничали неплохо. А моя задача заключалась в реализации нефтепродуктов компании на территории

юга области. Это привело к созданию структуры «ЮКОС-Тюмень». Команда у меня была — ребята из «Запсибнефестроя», занялись строительством автозаправок, заканчиваем сейчас вторую, будем строить еще. Работа тоже непростая, но работаем...

— Сергей Дмитриевич, вы счастливый человек в том плане, что вам привелось работать, тесно сотрудничать со многими замечательными, интересными людьми, особенно в нижевартовский период вашей биографии. Не этим ли объясняется тот факт, что вы стали одним из инициаторов и самым, наверное, заинтересованным организатором мероприятий, прошедших в прошлом году и связанных с 20-летием со дня смерти и 85-летием со дня рождения Виктора Ивановича Муравленко?

— Я преклоняюсь перед этим человеком, бесконечно уважаю его соратников, людей, отдавших свой ум, талант, все, что у них было, служению своей стране, своему народу. Считаю, что память о них должна сохраниться, их имена должны знать последующие поколения тюменцев. И очень рад тому, что в этом своем убеждении оказался не одинок. Оргкомитет по празднованию 85-летия со дня рождения Виктора Ивановича возглавил губернатор области Леонид Юлианович Рокецкий, облдума поддержала, очень существенную материальную помощь оказали нефтяные компании «Сургутнефтегаз», «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС», Тюменская и Сибирская НК, ОАО «Сибнефтепровод», РАО «Газпром», ООО «Волынь» из Нижневартовска и многие другие. Огромное им спасибо.

— Полагаю, что персональное спасибо надо сказать Вячеславу Федоровичу Медведеву, управляющему делами администрации, и вам, Сергей Дмитриевич, непосредственно вся подготовка легла на вас.

— Вячеслав Федорович сделал очень много. И я как член оргкомитета работал над подготовкой муравленковских дней три месяца. Эта работа не была в тягость, она была в радость. Как и любая работа на хорошее, благое дело. Ведь сколько радости эти торжества доставили ветеранам освоения Севера! Сами знаете, какие замечательные люди собрались, многие не виделись лет по пять-десять. Еще бы созданный в праздничные дни Тюменский областной общественный фонд имени Виктора Ивановича Муравленко заработал, мы с вами там члены прав-

ления, чтобы были средства как-то помочь и ветеранам, и молодым талантам, чтобы организовывать встречи и впредь.

— **Тем более что поводы для этого имеются самые основательные.**

— Конечно. В следующем году Борису Евдокимовичу Шербине исполнилось бы 80 лет, Юрию Георгиевичу Эрвье — 90. А сколько еще других имен: Коротчаев, Барсуков, Протозанов — Александр Константинович, слава Богу, пока жив-здоров, живет в Москве, сколько ведь тоже сделал для области! Провели опрос среди молодежи. Даже многие студенты индустриального института не знают имен тех, благодаря которым в Тюмени был организован их вуз. Неужели они сделали для России меньше, чем звезды эстрады, о юбилеях которых только и рассказывает телевидение?

— **Согласен, и не только в отношении известных организаторов великого дела освоения нефтегазового Тюменского Севера, но и в отношении многих и многих людей, кто был рядом с ними. Наград у них, может, немного, но свой весомый вклад в общее дело они внесли. Кстати, какие у вас правительственные награды?**

— Ордена Трудового Красного Знамени, три медали, самая дорогая из которых — за освоение недр Западной Сибири. Есть почетные звания: «Отличник нефтяной промышленности», «Почетный нефтяник Тюменской области», «Заслуженный работник Минтопэнерго России», отличник образования, здравоохранения, внутренних войск МВД и т.д. Вроде набралось за минувшие годы, но не в наградах дело, дело в том, что осталось от многих лет работы что-то в Тюмени, что-то в Нижневартовске, друзья остались, которые придут на юбилей, и нам будет приятно выпить по рюмочке. Будут товарищи по работе на Севере, друзья комсомольской юности, те, с которыми пришлось держаться вместе и взлеты, и падения.

— **Как там нынче говорят: люди из застойных времен?**

— Правильно еще раз сказали на приеме у губернатора области в муравленковские дни и Геннадий Иосифович Шмаль, и Фарман Курбанович Салманов: в Тюмени застойных времен не было. Какой застой, когда от работы кости хрустели! Не надо идеализировать прошлое, всякое было, но черной краской все мазать тоже нельзя. На том, что было создано у нас в те «зас-

тойные» годы, держится сегодня Россия. И я счастлив, что мне довелось быть участником этих событий, вложить в большое дело частицу своего труда. Нашему поколению тюменцев есть что вспомнить, есть чем гордиться.

— Спасибо за интервью, с днем рождения, Сергей Дмитриевич. Здоровья вам и успехов.

— Спасибо.

Виктор Горбачев.

Тюменская правда. 27 января 1998 г.

Волнуюсь за внуков

С.Д. Великопольский пришел в редакцию «Нашего времени» к девяти часам утра, поднялся пешком на девятый этаж. Пояснил: «Я еще не старый в 61 год».

Пожалуй, почти полувековая работа с молодежью на самом деле действует на организм омолаживающе. А начиналось все так.

В школе № 25 он был комсоргом класса, секретарем комитета школы, в машиностроительном техникуме — заместителем секретаря комсомольской организации, в армии — вожаком роты. На военной службе вступил в партию. Отслужив три с половиной года, пришел работать на судостроительный завод. Решил заняться производством, поступил в Уральский политехнический институт на вечернее отделение. Но скрыть причастность к общественной работе не удалось.

— Однажды вызывает меня директор завода Потапов, — вспоминает Сергей Дмитриевич. — Захожу к нему, а там уже сидит первый секретарь Тюменского обкома комсомола А.В. Старцев, приехал по поводу проведения комсомольской конференции. Здесь же, в кабинете, они и решили, что я возглавлю комсомольскую организацию судостроительного завода. Я пытался отказаться, мол, учеба, семья, работа (недавно стал старшим мастером механического цеха). Но Потапов и Старцев мыслили по-своему и предложили мою кандидатуру на пост комсомольского лидера. Причем вместо того, чтобы ввести меня в комитет комсомола, а потом избрать секретарем, сделали все наоборот. На общем собрании завода представили меня как кандидата и устроили открытое голосование. Так я стал секретарем комитета комсомола одной из самых крупных в Тюмени комсомольских организаций.

Годы работы С.Д. Великопольского совпали с развитием на севере Тюменской области нефтяной и газовой промышленности. Тогда предприятию было дано правительственное задание:

перевезти первую шаимскую нефть рекой на Омский нефтеперерабатывающий завод. Для этого было решено 50 барж для перевозки леса переделать в танкеры. Нашлось дело и комсоргу. Пятьдесят комсомольцев круглосуточно обрабатывали трюмы барж, покрытые ржавчиной, металлическими терками, а затем красили. Так, не без помощи комсомола, завод справился с заданием досрочно.

— Молодежная организация судостроительного насчитывала в середине 60-х около 1100 человек. Мы первыми в городе получили права райкома комсомола, — продолжает Сергей Дмитриевич. — На нашей базе проходили и городские, и областные комсомольские семинары. Мы задавали тон во всех мероприятиях: и в соревнованиях, и в посадке деревьев, и в сооружении спортплощадок.

А в это время дела в городском комитете комсомола шли неважно, часто менялись первые секретари. Городской комитет партии во главе с Ю.К. Меркуловым решил укрепить кадры. Выбор пал на Великопольского. Сформировалась и команда: Евгений Безруков, Борис Бердинский — «тройка нападающих», как их называли.

— Те годы были расцветом КВНа. Филармония бесплатно предоставляла помещение. Военно-патриотические мероприятия, маевки, «Зарницы» собирали всю тюменскую молодежь. Тогда был разбит сквер «Комсомольский», посажены деревья вдоль дороги, ведущей в Рошино, появились памятники, возведенные на средства членов ВЛКСМ. А какой лагерь для трудновоспитуемых детей создали в Сазоново силами комсомола, ТВВИКУ и управления гражданской авиации!

Шло время, в области начинались три ударные стройки: Самотлор, Нижневартовск и нефтепровод Самотлор—Тюмень—Альметьевск. Когда поднялся кадровый вопрос в Нижневартовском райкоме партии, С.Д. Великопольский уехал туда секретарем по идеологии. И задержался на девять лет. Работал вторым секретарем партии, первым и все время следил за деятельностью комсомола.

— Я считаю, — говорит Сергей Дмитриевич, — что освоение Тюменского Севера может быть приравнено к таким великим стройкам, как Днепрогэс, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре. И сегодня, в праздник 80-летия ВЛКСМ, нельзя не вспом-

нить об этих замечательных страницах комсомольской летописи. В моей памяти Кайман Замалетдинов, Сергей Пикман, Виктор Тимофеев, Владимир Швецов. Комсомолец В. Филатов, приглашенный мною начальником штаба Всесоюзной ударной стройки по освоению Самотлора, доработал до председателя Надымского горисполкома. А. Рыбалов от первого секретаря горкома комсомола вырос до первого секретаря Радужнинского горкома партии.

С благодарностью вспоминает ветеран комсомола имена А. Старцева, В. Пульникова, Г. Шмаля, М. Чазова, Г. Чеботарева, Ю. Неелова, первых секретарей тюменского комсомола, которых знала вся страна.

— Может быть, что-то мы делали не так, — рассказывает Великопольский, — но определенный след в истории мы оставили. Наша комсомольская дружба крепка и по сей день. А сегодняшнее время? Есть в нем своя прелесть. Только вот за внуков боязно. На кого им равняться, за кем идти, чье дело продолжать?

Елена Чижова.

Наше время. 29 октября 1998 г.

ДИПЛОМ

лауреата премии имени В.И. Муравленко

Тюменской областной Думой
Губернатором Тюменской области
Тюменским областным общественным фондом
имени В.И. Муравленко

ПРИСУЖДЕНА

областная премия имени Виктора Ивановича Муравленко за 2000 год в области журналистики и публицистики за серию книг-воспоминаний «Высота», «В пламени жизни», «Сибирский самородок», «Легенда Самотлора», изданных в 1998–2000 гг., Великопольскому Сергею Дмитриевичу, Горбачеву Виктору Семеновичу, Мандрике Юрию Лукичу, Переплеткину Юрию Ивановичу

Председатель Тюменской областной Думы **С.Е. Корепанов.**
Губернатор Тюменской области **А.Ю. Рокецкий.**

Президент Тюменского областного общественного фонда им. В.И. Муравленко **А.С. Парасюк.**

ПРИГЛАШЕНИЯ

* * *

Уважаемый Сергей Дмитриевич! 5 октября 1999 года исполняется 80 лет со дня рождения Бориса Евдокимовича Шербины, выдающегося государственного деятеля, одного из создателей топливно-энергетического комплекса страны. Приглашаем Вас принять участие в Дне памяти, посвященном этому удивительному человеку – Герою Социалистического Труда, отдавшему всю жизнь служению Родине.

Оргкомитет и РАО «Роснефтегазстрой».

* * *

Уважаемый Сергей Дмитриевич! Имею честь пригласить Вас на торжественный вечер, посвященный добыче 7 миллиардов тонн нефти в Ханты-Мансийском автономном округе. Торжество состоится 19 февраля 2000 г. в 16 часов. Город Ханты-Мансийск. Окружной Центр искусств.

Губернатор Ханты-Мансийского округа **А.В. Филипенко**.

* * *

Уважаемый Сергей Дмитриевич! 25 февраля 2000 года коллектив нашего акционерного общества «Славнефть-Мегионнефтегаз» отметит знаменательное событие: будет добыта 500-миллионная тонна мегионской нефти. Сердечно поздравляем вас с юбилеем и приглашаем принять участие в торжестве, которое состоится 25 февраля в 20 часов в спортивно-оздоровительном комплексе «Жемчужина».

Администрация ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз».

ЮБИЛЕЙНАЯ ГРАМОТА

За большой личный вклад в социально-экономическое развитие города Нижневартовска и в связи с 70-летием Ханты-Мансийского автономного округа наградить юбилейной грамотой **Великопольского Сергея Дмитриевича**

Глава г. Нижневартовска **Ю.И. Тимошков**.

10 декабря 2000 г.

Оглавление

Ю. Тимошков. Из жизни ничего нельзя вычеркнуть...	3
В сказочном краю	6
Личность!	21
Низко поклонимся	34
Эх, дороги!	42
Лесной богатырь	55
Секрет долголетия	74
Легенда Самоглора	99
Команда Хлюпина	130
Главный строитель	168
Все для города	180
Дело жизни	199
Сказ о настоящем человеке	210
Крылья	227
Вкус хлеба	241
Мой мудрый учитель	254
Отчизне — верны!	278
Об авторе этой книги	
Автобиография	303
Ю. Переплеткин. Эффект участия	305
Г. Золотухин. Стоит на распутье Алеша... ..	314
В. Горбачев. Как молоды мы были	321
Е. Чижова. Волнуюсь за внуков	330
Документы времени	333

ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ Сергей Дмитриевич

ЧУДО XX ВЕКА

Книга воспоминаний

(Книга издана по заказу
муниципального образования г. Нижневартовск;
мэр Ю.И. Тимошков)

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина
Корректор М. Кремлева

Предприниматель Мандрика Ю. Л.
Лицензия ЛР № 065834 от 23.04.98 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.

Тел. (3452) 25-12-84.

e-mail: mandrika@sbtх.tmn.ru

<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Сдано в набор 10.05.2001.

Подписано в печать 17.09.2001 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Optima».

Печать офсетная. Бумага офсетная №1.

Усл.-печ. 21. Тираж 2000. Заказ №3007.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

8001

060137001

*Сергей Дмитриевич
ВЕЛИКОПОЛЬСКИЙ
долгое время возглавлял
Нижевартровский
ГК КПСС.*

*Эта книга —
воспоминания автора
о становлении города,
одного из центров
нефтяного края.*

ISBN 5-93020-102-1

9 785930 201024